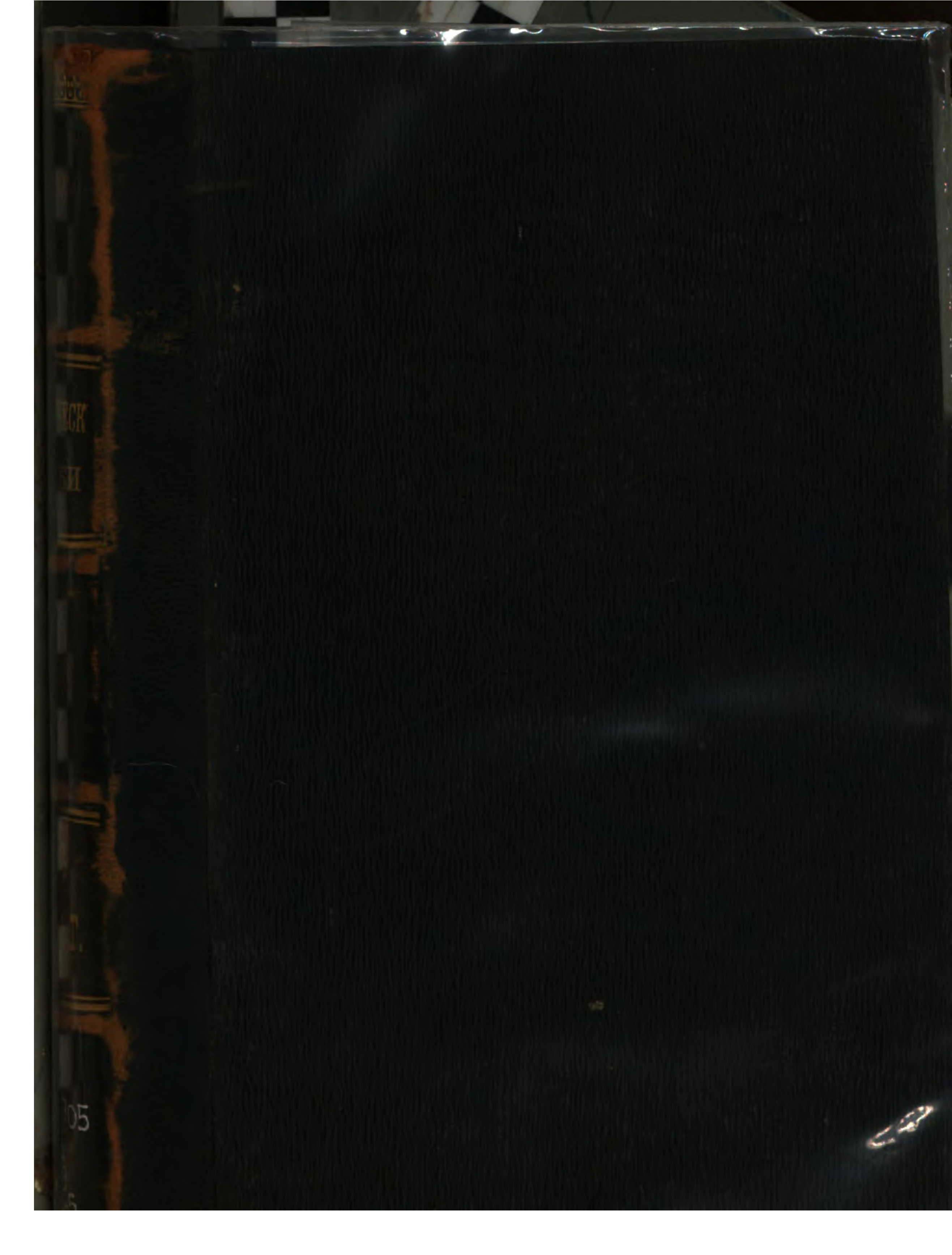
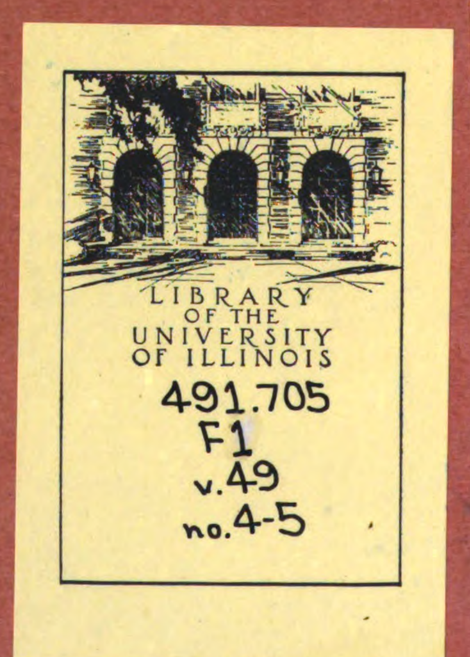
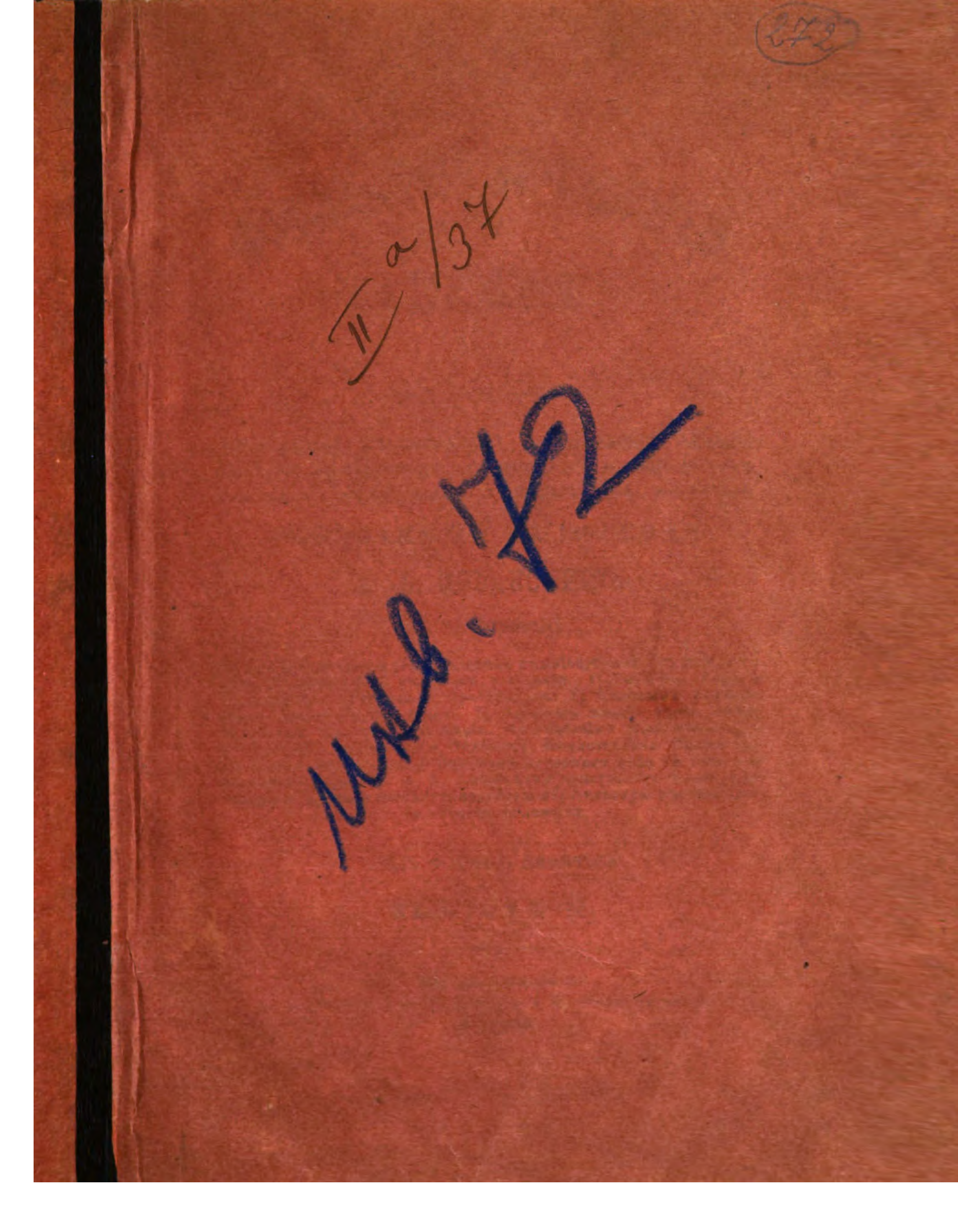

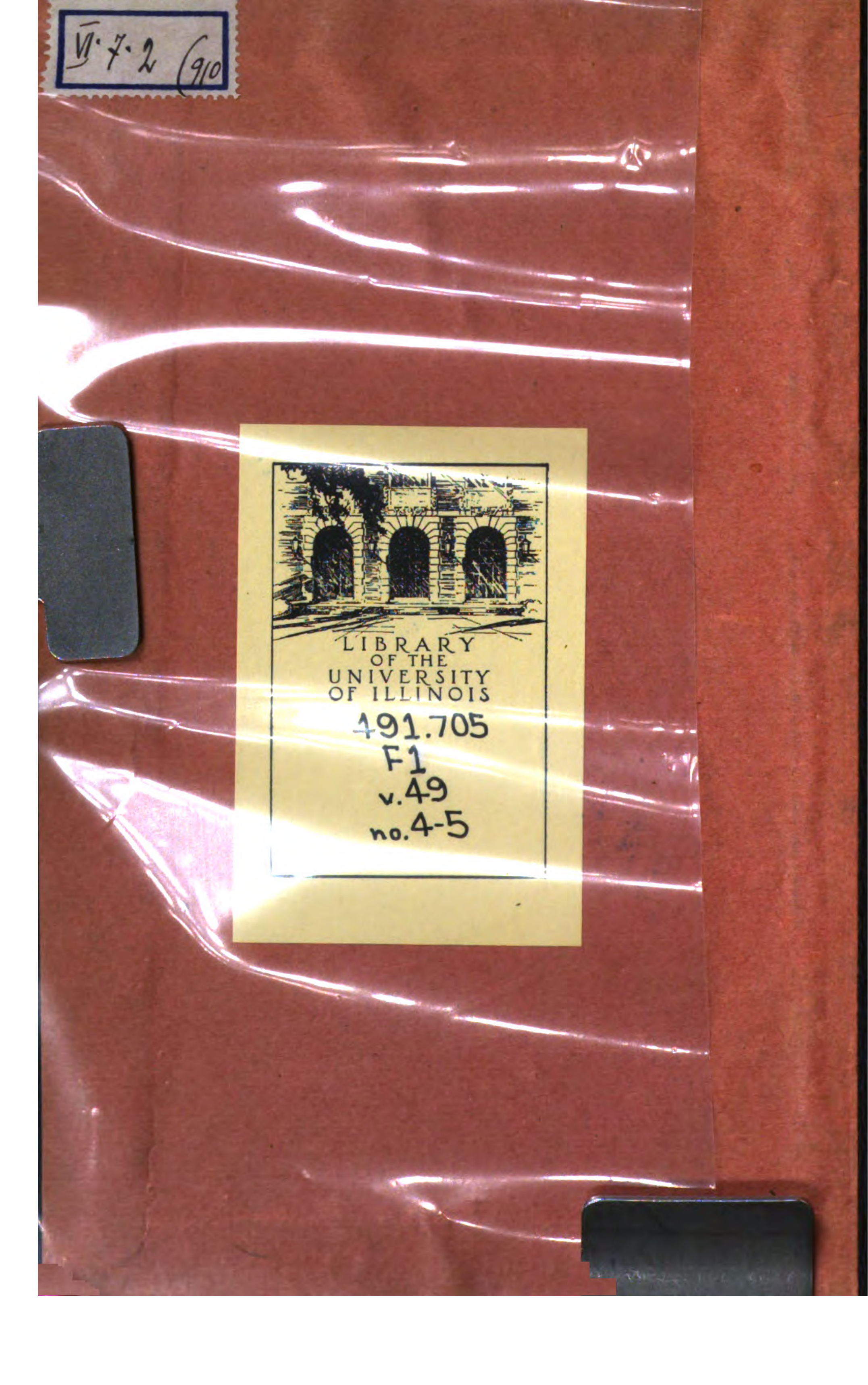

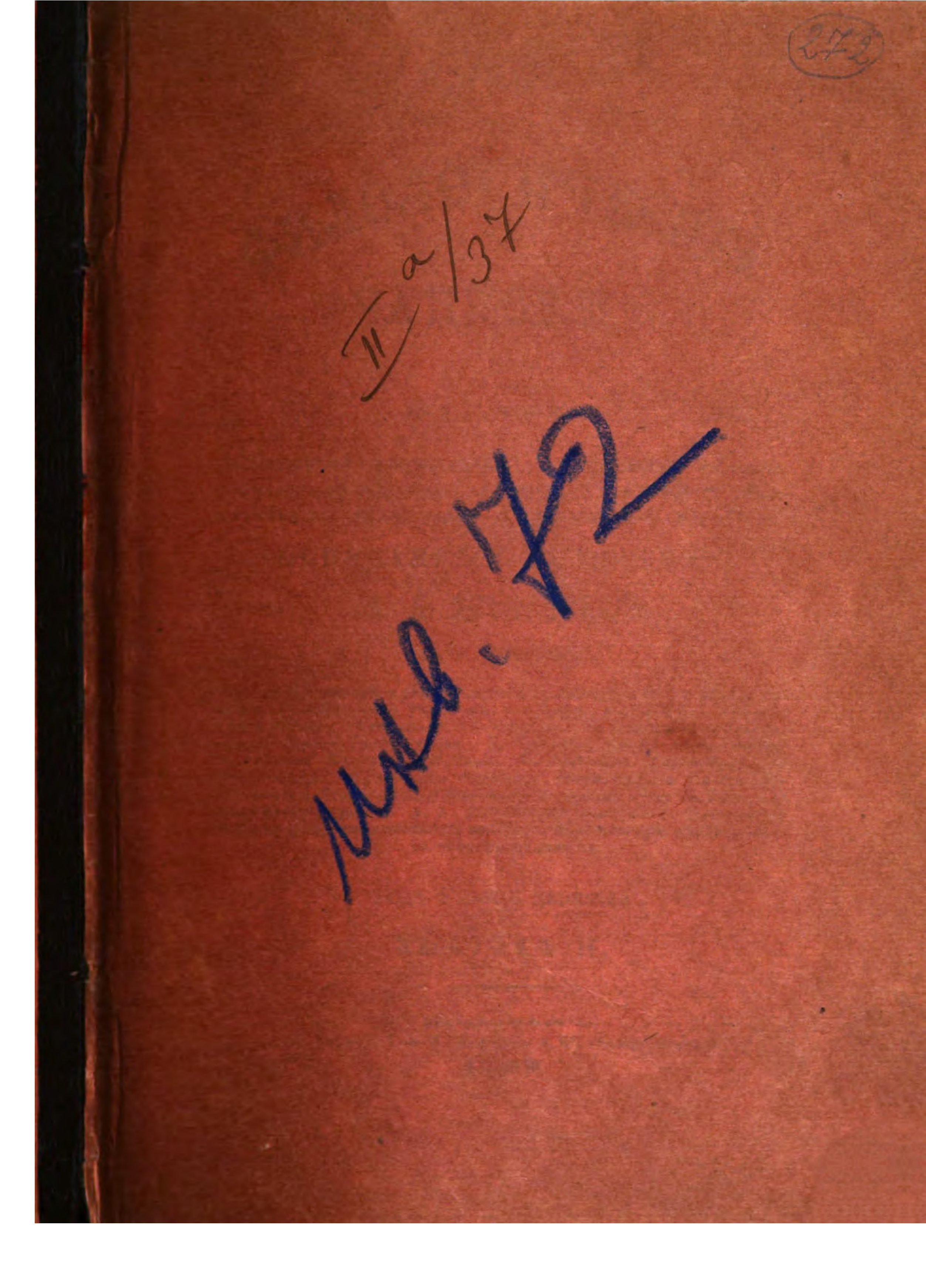
VI·7·2 (910

LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS
491.705
F1
v.49
no.4-5

272
II a/37
Инв. 72

VI·7·2 (910
LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS
491.705
F1
v.49
no.4-5

272
II a/37
Инв. 72

Инв № 72

ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ

ЖУРНАЛЪ,

ПОСВЯЩЕННЫЙ ИЗСЛѢДОВАНІЯМЪ И РАЗРАБОТКѢ РАЗНЫХЪ ВОПРОСОВЪ ПО РУС. ЯЗЫКУ, ЛИТЕРАТУРѢ И ВООБЩЕ ПО СРАВНИТЕЛЬНОМУ ЯЗЫКОЗНАНІЮ И СЛАВЯНСКИМЪ НАРѢЧІЯМЪ,

ОСНОВАННЫЙ ВЪ 1860 ГОДУ

А. А. ХОВАНСКИМЪ

въ г. Воронежѣ.

Журналъ одобренъ и рекомендованъ къ пріобрѣтенію въ фундаментальныя библіотеки учебныхъ заведеній: 1) Ученымъ Комитетомъ Минист. Народнаго Просвѣщенія, 2) Главнымъ Управленіемъ Военно-Учебн. завед., 3) Совѣтомъ женск. учебн. завед. Вѣдомства Императрицы Маріи, 4) Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ, 5) Учебнымъ Отдѣломъ Министерства Финансовъ. На первой Всероссійской Выставкѣ печатнаго дѣла въ 1895 году Редактору-Издателю А. А. Хованскому присужденъ похвальный отзывъ за продолжительную полезную издательскую дѣятельность въ области филологіи.

ГОДЪ СОРОКЪ ДЕВЯТЫЙ.

ВЫПУСКЪ IV.

Воронежъ.
Типографія Т-ва Н. Кравцовъ и К°. (бывш. Исаева).
1909.

Содержаніе IV в. „Филологическихъ Записокъ“.

Столѣтіе Гоголя.

(1809—1909).

I.

Художественные образы сложной личности Гоголя, наиболѣе выдающихся моментовъ жизни и дѣятельности великаго сатирика юмориста проходятъ длинной свѣтлой цѣпью въ исторіи нашей литературы. Этотъ русскій Іеремія, открывшій, по прекрасному выраженію Тургенева, намъ насъ самихъ (письмо къ Віардо 21 февр. 1852 г.), этотъ, по Тургеневу, продолжатель Петра Великаго, творецъ русской Одиссеи, написанной въ духѣ траги-комедіи (Вогюэ), пережилъ такъ же много въ своей короткой, но многострадальной жизни, какъ и его родина въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ. Выступившій на литературное поприще въ моментъ расцвѣта художественно-національнаго романтизма, заставлявшаго Бѣлинскаго умалять значеніе послѣднихъ произведеній Пушкина (сказки и повѣсти), открывавшихъ иныя широкія перспективы изученія народности, Гоголь, можно сказать, самобытно нашелъ свою дорогу, ставшую источникомъ національнаго возрожденія, того здороваго натурализма, который наложилъ свой отчечатокъ на весь ходъ послѣдующей нашей литературы. Блескъ и обаяніе романтизма, не западно-европейскаго байроническаго, какъ у Лермонтова въ кавказскихъ поэмахъ и „Бояринѣ Оршѣ", а чисто художественнаго, свѣтлаго, красочнаго и глубоко-захватывающаго прошедшее (въ „Тарасѣ Бульбѣ"), идетъ у Гоголя рука объ руку съ идиллическимъ изображеніемъ жизни въ „Старосвѣтскихъ помѣщикахъ", юморомъ личности и быта Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича, Шпоньки, кіевскихъ бурсаковъ и мало-

россійскаго простонародья въ „Віѣ“, проблесками реализма въ изображеніи Малороссіи—и все это завершается на пятомъ году творчества такимъ колоссальнымъ созданіемъ какъ „Ревизоръ“, составившимъ эпоху въ исторіи русской комедіи. Гоголь выростаетъ въ огромную художественную и общественную силу, заслоняетъ на время собой Пушкина, являясь въ глазахъ проницательнаго Бѣлинскаго залогомъ дальнѣйнаго развитія русской литературы. Уже въ „Литературныхъ мечтаніяхъ“ есть намекъ на свѣтлое художественное будущее автора „Вечеровъ“. Ярче и глубже опредѣляетъ значеніе Гоголя Бѣлинскій въ своей статьѣ 1835 года. Гоголь является для него новымъ свѣточемъ русской литературы послѣ Пушкина и Лермонтова. Появленіе „Мертвыхъ душъ“ оправдало взгляды великаго критика. Гоголь сталъ для Бѣлинскаго, какъ выражался критикъ въ своемъ письмѣ 1847 г., своего рода пророкомъ національности въ ея общественномъ развитіи, какъ Пушкинъ и Лермонтовъ были выразителями ея quand même, въ общихъ ея очертаніяхъ (терминъ Ап. Григорьева). Бѣлинскій видѣлъ въ Гоголѣ „надежду, честь, славу“ родной страны, „одного изъ великихъ вождей ея на пути сознанія, развитія и прогресса“. Высоко и звучно натянутыя струны критики Бѣлинскаго дали тонъ всей послѣдующей литературѣ о Гоголѣ; наиболѣе авторитетные труды о немъ Чернышевскаго, Пыпина, Шенрока, Тихонравова и Д. Н. Овсянико-Куликовскаго расширили и углубили тѣ изученія, начало которымъ такъ блистательно было положено статьей Бѣлинскаго о русской повѣсти и повѣстяхъ Гоголя. Многое раскрыто въ весьма существенныхъ деталяхъ, освѣщено Анненковымъ, Ал. Н. Веселовскимъ, С. А. Венгеровымъ и Н. А. Котляревскимъ. Общій фонъ той огромной картины, на которой ярко сіяютъ „Ревизоръ“ и „Мертвыя души“, обрисованъ въ „Характеристикахъ литературныхъ мнѣній“, біографіи Бѣлинскаго (1876 г.) и нѣсколь-

ко блѣднѣе, хотя также цѣнно, въ послѣднемъ томѣ „Исторіи русской литературы“ Пыпина, не говоря о его спеціальной біографической статьѣ въ Энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза и Ефрона. Пыпинъ первый поставилъ изученіе Гоголя на общественно-историческую почву, расширивъ точку зрѣнія Бѣлинскаго, воззрѣнія и эпоху котораго онъ блестяще изобразилъ въ своемъ извѣстномъ трудѣ. Въ произведеніяхъ Гоголя Пыпинъ отмѣтилъ „актъ сознанія, одинъ изъ самыхъ важныхъ, какіе были въ новѣйшей исторіи нашего общества“ (Характеристики, 2 изд. стр. 357). „Для нашей литературы, говоритъ тамъ же Пыпинъ, Гоголь открывалъ новую область идей, полагалъ основаніе ея дальнѣйшаго развитія, впервые сообщалъ ей глубокій общественный смыслъ“. Чернышевскій видѣлъ въ произведеніяхъ Гоголя „рѣшительное стремленіе къ содержанію“, критическое направленіе, „высокую самобытность“. Этотъ „отецъ русской прозы“, по выраженію Чернышевскаго, является звеномъ, соединяющимъ Пушкина и Лермонтова съ тѣми корифеями родной литературы, которые придали ей міровую извѣстность. Современникъ Чернышевскаго, Ап. Григорьевъ высоко ставитъ Гоголя, какъ юмориста (выше Диккенса). Въ его глазахъ „многодумный“ Гоголь не только ревностный каратель неправды, не только глубокій умъ, но и родоначальникъ всего, „что есть живого въ произведеніяхъ современной словесности“ (Соч. т. I, стр. 50). Критикъ отмѣчаетъ у Гоголя „горькій смѣхъ, карающій, какъ Немезида, потому что въ немъ слышится стонъ по идеалѣ, смѣхъ, полный любви и симпатіи, смѣхъ, возвышающій моральное существо человѣка“ (Соч. т. I, стр. 417).

Этотъ синтезъ творчества великаго юмориста въ устахъ критика-почвенника, сроднаго по духу съ Достоевскимъ, весьма знаменателенъ; онъ лишній разъ подчеркиваетъ то огромное значеніе, которое имѣетъ для второй половины

XIX вѣка у насъ Гоголь. Не даромъ Достоевскій опредѣлилъ значеніе Гоголя въ формулѣ, ставящей высоко такое произведеніе, какъ „Шинель". Эту формулу призналъ и Брандесъ, а Дюрингъ считалъ Гоголя наиболѣе оригинальнымъ писателемъ XIX вѣка.

Чернышевскій и Пыпинъ, отчасти Григорьевъ, представляютъ средній фазисъ въ изученіи Гоголя. Анненковъ и Дружининъ примыкаютъ къ нимъ, первый своими воспоминаніями и близостью къ личности творца „Мертвыхъ душъ", послѣдній общими взглядами на значеніе критики гоголевскаго періода. Для Анненкова Гоголь такъ же цѣненъ, какъ и для Бѣлинскаго. Авторъ „Замѣчательнаго десятилѣтія", монографіи, въ которой затронута и личность Гоголя, въ своихъ воспоминаніяхъ полагаетъ, что „безъ Гоголя пришлось бы, можетъ быть, ждать еще цѣлое поколѣніе нынѣшняго литературнаго движенія" (Воспоминанія и критическіе очерки II, 232). Гоголю удалось „выстроить на нашей почвѣ то великолѣпное зданіе, оконченное во всѣхъ частяхъ своихъ, блестящее всѣми своими сторонами, ясное и спокойное, которое останется его памятникомъ" (ib. стр. 231). Дружининъ отмѣчаетъ противоположность гоголевскаго и пушкинскаго направленія въ литературѣ, ратуетъ противъ односторонностей гоголевскаго направленія, отразившихся особенно въ критикѣ пятидесятыхъ годовъ. Онъ дѣлаетъ исключеніе для Бѣлинскаго, чрезвычайно высоко ставя его оцѣнку творчества Гоголя, которая „достойна того, чтобы составить эпоху въ исторіи литературы и болѣе зрѣлой, чѣмъ наша" (Соч. т. VII, стр. 620). Конечно, для Дружинина, какъ чистаго эстетика, важнѣе пушкинское направленіе, вліяніе котораго онъ отмѣчаетъ и у наиболѣе видныхъ представителей послѣдующей литературы. Для него Гоголь поэтъ „Ревизора" и „Майской ночи", „Шинели" и „Старосвѣтскихъ помѣщиковъ", „Жениховъ"

и „Тараса Бульбы“. Полемизируя съ критикою гоголевскаго періода, Дружининъ упускаетъ изъ виду главные моменты въ развитіи гоголевскаго творчества. Послѣднее было детально раскрыто въ Характеристикахъ“ Пыпина, а потомъ получило дальнѣйшее развитіе въ трудахъ, Котляревскаго и Овсянико-Куликовскаго.

Шенрокъ своими классическими „Матеріалами для біографіи Гоголя“, и Тихонравовъ такимъ же изданіемъ сочиненій великаго юмориста положили поочную основу для дальнѣйшихъ изученій Гоголя, которыя, конечно, будутъ расширяться и углубляться вмѣстѣ съ ростомъ нашего общественнаго сознанія.

Изслѣдованія А. Н. Веселовскаго, С. А. Венгерова, Н. А. Котляревскаго и Д. Н. Овсянико-Куликовскаго завершаютъ циклъ работъ, въ которыхъ по преимуществу даны опыты синтеза гоголевскаго творчества въ отношеніи его историческаго развитія общественнаго значенія и психологическаго характера. Все ярче выступаетъ на фонѣ этихъ изслѣдованій творецъ „Ревизора“ и „Мертвыхъ душъ“. „Осложненная геніальностью натура Гоголя, говоритъ Д. Н Овсянико-Куликовскій, сама по себѣ противорѣчивая и загадочная, являетъ картину особливо-сложной, причудливо своеобразной душевной жизни.... Гоголь все еще не поддается сжатой характеристикѣ: такъ много въ немъ страннаго, загадочнаго, противорѣчиваго,—и всякая попытка подвести эту натуру и этотъ геній подъ исчерпывающую формулу по необходимости останется односторонней“ (Д. Н. Овсянико-Куликовскій. Гоголь, 2 изд. стр. 220 и 230). Этотъ „удивительный самородокъ, выставленный народной русской средой (А. Н. Веселовскій. Этюды и характеристики 2 изд. стр. 560), этотъ „общеруссъ“, по опредѣленію Д. Н. Овсянико-Куликовскаго, является прямымъ преемникомъ Пушкина въ изученіи русской жизни, постепенно

переходя, какъ и Пушкинъ, отъ романтизма „Вечеровъ“ и „Тараса Бульбы“ къ реализму „Ревизора“ и „Мертвыхъ душъ“. Перенесенный чистою случайностью съ русскаго юга на дальній сѣверъ, потомокъ коренныхъ малороссовъ, удивительно сроднившійся съ русской жизнью, сдѣлавшій изъ нея культъ своего творчества, изъ своего прекраснаго далека болѣвшій душою за Манилова и Плюшкина, Тѣнтѣтникова и Хлобуева, сохранившій полную самобытность и своеобразную оригинальность средняго русскаго человѣка, въ противоположность Пушкину, чуждый вліянія и обаянія европейской мысли и культуры, Гоголь наложилъ отпечатокъ своей оригинальной личности и своего самобытнаго творчества на всю послѣдующую нашу литературу. Онъ внесъ въ нее совершенно новые элементы, по достоинству оцѣненные такимъ критикомъ, какъ Бѣлинскій.

II

Поучительны и интересны первые его шаги на литературномъ поприщѣ. Они поражаютъ своей оригинальностью; въ нихъ замѣтна удивительная способность угадать сущность переживаемаго момента, стать близко къ окружающей дѣйствительности, охватить на небольшомъ полотнѣ массу живого, обыденнаго, характернаго для данной эпохи. Это качество глубоко поражаетъ Пушкина, котораго вмѣстѣ съ Бѣлинскимъ слѣдуетъ признать однимъ изъ наиболѣе прозорливыхъ цѣнителей таланта Гоголя. Эту духовную близость къ великому національному поэту всегда чувствовалъ творецъ „Вечеровъ“ и прекрасно выразилъ ихъ въ своей статьѣ 1832 г. о сочиненіяхъ Пушкина, а равнымъ образомъ позднѣе въ своихъ письмахъ по поводу его смерти. Статья Гоголя о Пушкинѣ настолько вѣрна по тону, богата содержаніемъ и отличается свѣжестью образовъ, что черезъ

13 лѣтъ ее перепечатываетъ Бѣлинскій въ своемъ крупномъ трудѣ о сочиненіяхъ Пушкина. Благотворное вліяніе Пушкина на первые шаги творчества Гоголя отмѣтилъ Гончаровъ, въ наше время Овсянико-Куликовскій. Называя Пушкина „отличнымъ ученикомъ европейской цивилизаціи", Овсянико-Куликовскій говоритъ, что, при условіи большаго долголѣтія Пушкина, Гололь „научился бы у Пушкина понимать и цѣнить великія культурныя и интеллектуальныя блага, пріобрѣтенныя передовыми народами Европы цѣною многовѣкового труда и борьбы.... разсѣялась бы добрая доля той темноты которой былъ объятъ великій умъ Гоголя (Гоголь, 2 изд. стр. 95). Гоголь, благодаря, быть можетъ, этой „темнотѣ ума", нуждался въ нѣкоторомъ авторитетномъ руководствѣ, которое могло сдерживать порывы его романтизма, уравновѣшивать лиризмъ и этическій элементъ его натуры, вводить въ должныя границы „исканіе Бога и правды" (Н. Котляревскій), ослаблять его самомнѣніе и порывы къ созданію великаго, желаніе „быть учителемъ жизни и морали" (Овсянико-Куликовскій). Въ этомъ отношеніи Пушкинъ являлся направляющею и уравновѣшивающею силой, и со смертью его для Гоголя настало иное время, менѣе благопріятное для развитія его творчества. Ни Аксаковы, ни Жуковскій, ни ближайшіе члены пушкинскаго кружка въ родѣ Плетнева, Віельгорскихъ, не могли замѣнить ему того, подъ чьимъ вліяніемъ создался „Ревизоръ" и были задуманы „Мертвыя души". Пыпинъ въ „Характеристикахъ" указалъ на отрицательныя стороны этихъ вліяній кружка друзей, которыя довели Гоголя до изданія „Переписки съ друзьями", этой „проповѣди мистическаго аскетизма, общественнаго застоя и приниженія" (Характеристики, 2 изд. стр. 371). Гоголь всю жизнь томился исканіемъ этой сердечной отзывчивой души, бросаясь то къ Смирновой, то къ Матвѣю Александровскому, то къ художнику

Иванову. А. Веселовскій въ своихъ „Этюдахъ и характеристикахъ“ посвящаетъ нѣсколько прочувствованныхъ строкъ (ст. „На могилѣ Гоголя“) этимъ тяжелымъ и болѣзненнымъ исканіямъ Гоголя, томившагося синтезомъ религіи, этики и художественности, не нашедшаго необходимаго равновѣсія жизни и творчества, благодаря ненормальнымъ условіяхъ захолустнаго воспитанія, болѣзненности, и своеобразнымъ свойствамъ психики, дѣлающихъ его предметомъ психіатрическихъ изслѣдованій (Ломброзо, Чижъ и др.).

III.

Конечно, выводило на дорогу, разгоняло тягостныя думы творчество, которое въ первыя пять лѣтъ дало такъ много осязательно полезнаго и новаго, художественнаго и глубокаго, укрѣпило устои русской литературы. Оно подняло Гоголя на значительную высоту, поставивъ его въ совершенно независимыя отношенія къ другому крупному таланту, Лермонтову, усердному и отличному ученику европейской культуры, успѣвшему оставить глубокій слѣдъ въ изученіи народности; оно сдѣлало Гоголя прямымъ преемникомъ Пушкина, главою нашей литературы.

Обвѣянные благоуханіемъ юга „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки“, эти полуромантическіе, полуреальные разсказы съ ихъ оригинальнымъ колоритомъ, обаяніемъ природы, повѣрьями, думами и отголосками далекой старины впервые раскрыли, какія художественныя силы таятся въ невзрачномъ малороссѣ, пріѣхавшемъ въ негостепріимную сѣверную столицу искать счастья. Мало смущенный неудачею своего перваго литературнаго опыта („Гонцы Кюхельгартены“), Гоголь умѣлъ приспособиться къ обстоятельствамъ, счастливо найти свою дорогу писателя, сдѣлать цѣнныя литературныя знакомства, стать, наконецъ, близкимъ человѣкомъ къ Пушки-

ну. Все благопріятствовало этому выходцу юга; жизнь давала ему и уваженіе современниковъ, и славу писателя, и сознаніе огромныхъ таившихся въ немъ силъ; вмѣстѣ съ тѣмъ она обнажала эту загадочную и сложную душу, раскрывала тѣ ея стороны, которыми Гоголь вошелъ въ исторію русскаго художественнаго самосознанія.—Гоголь, подобно вѣщему Бояну Слова о Полку Игоревѣ, растекался мыслью, вносилъ въ строгія антично-европейскія формы литературы струю романтическаго лиризма, сроднаго народной поэзіи. „Вечера"—„эти дивные пейзажи, выкованные въ метафоры, стояли на распутьи двухъ литературныхъ теченій, стараго—романтическаго и новаго—реальнаго, и скорѣе принадлежали прошлому, чѣмъ открывали дорогу новому" (Н. Котляревскій, Гоголь, стр. 107). Въ этомъ ихъ существенное отличіе отъ „Записокъ охотника" и „Губернскихъ очерковъ", съ которыми они представляютъ аналогію почина, перваго аккорда творчества великаго писателя. За то вторая серія повѣствованій Гоголя Миргородъ представляетъ шагъ впередъ. Романтическій налетъ мало-по-малу спадаетъ, выдвигается элементъ реализма, описанія становятся строже и пластичнѣе, бытовыя сцены господствуютъ, подчиняя себѣ лиризмъ Шпоньки, Довгочхуна, бурсака, сотникова казака—все это живые люди современной Гоголю Малороссіи. „Старосвѣтскіе помѣщики" даютъ уже трезвую картину жизни.

Отмѣченное Н. А. Котляревскимъ впечатлѣніе какой-то грустной романтической грезы можетъ быть разсматриваемо, какъ свойство, присущее не одному Гоголю въ пору его ранняго творчества; достаточно вспомнить лирическія отступленія у Гончарова, предшествующія его знаменитому описанію Обломовки или его же параллель русскихъ и англичанъ въ „Фрегатѣ Паллада". Ту же манеру мы увидимъ и въ „Мертвыхъ душахъ" (изображеніе Плюшкина), ею проникнуты многіе разсказы Чехова („Степь"). „Та-

раса Бульбу" можно считать первымъ поистинѣ цѣннымъ вкладомъ въ исторію русской повѣсти. Для Бѣлинскаго это „дивная эпопея", своего рода „огромная картина въ тѣсныхъ рамкахъ, достойная Гомера"; подъ аналитическимъ ножомъ Н. Л. Котляревскаго „Т. Бульба" „остается романтической грезой, а не живой повѣстью о быломъ" (Гоголь, стр. 209). Правда, позднѣйшій критикъ высоко ставитъ художественность этого произведенія, но видитъ въ немъ „погрѣшности противъ правды", отсутствіе „исторически вѣрнаго представленія о жизни казачества". Эту поэму Котляревскій считаетъ „романтической по замыслу, стилю и тону" *). Изображеніе той же эпохи у Сенкевича или французскаго прошлаго у В. Гюго страдаетъ еще большими недостатками романтической идеализаціи, не уравновѣшиваемой той правдой реализма, тѣми глубокими и яркими проблесками общечеловѣческой психологіи, которыми такъ богата эта историческая поэма казачества. Можно сказать, что только Л. Толстому, и то въ зрѣлую пору его творчества, удалось въ „Войнѣ и мирѣ" дать вполнѣ объективную картину прошлаго, но уже на другихъ, болѣе широкихъ началахъ синтеза. Любопытна параллель между Т. Бульбой и „Пѣсней о купцѣ Калашниковѣ" Лермонтова; для оцѣнки обоихъ произведеній Бѣлинскій употребляетъ одинъ и тотъ же пріемъ и въ окончательномъ выводѣ одинаково высоко ставитъ ихъ какъ художественное выраженіе народности въ ея прошедшемъ.

Въ „Т. Бульбѣ" есть романтизмъ и лиризмъ, перемежающійся яркими полосами художественнаго реализма. Котляревскій удачно называетъ это произведеніе „повѣстью о герояхъ и ихъ подвигахъ"; по его взгляду, Гоголь здѣсь

---

*) Тотъ же взглядъ въ болѣе рѣзкой формѣ проводилъ раньше Н. А. Котляревскаго Кулишъ.

„не историкъ, а слагатель новой былины, у которой онъ иногда заимствуетъ обороты рѣчи“ (Гоголь, стр. 199). Въ этой обширной эпопеѣ казачества, сохранившей до нашихъ дней удивительную, присущую только Гоголю, яркость красокъ и блескъ образовъ, привлекаетъ скрытая сила чувства, актъ претворенія грубой первобытной жизни въ высокую поэзію. Т. Бульба указываетъ на широкій размахъ кисти Гоголя, на способность поэта рисовать большія полотна; здѣсь захваченъ, можно сказать, весь XVI вѣкъ на юго-западѣ Россіи. Эта повѣсть—поэма въ творчествѣ Гоголя представляетъ рубежъ, за которымъ раскрывается міръ „общихъ знакомцевъ“, Сквозниковъ-Дмухановскихъ, Ляпкиныхъ-Тяпкиныхъ, Маниловыхъ, Собакевичей, Коробочекъ, Ковалевыхъ и Поприщиныхъ. Лиризмъ и юморъ, паѳосъ и трезвая, бьющая въ глаза реальность переплетаются между собою въ чудныхъ картинахъ, сценахъ, описаніяхъ, живыхъ бытовыхъ образахъ русской, польской и еврейской жизни. Отъ поэмы вѣетъ чувствомъ примиренія, вѣрою въ духовное содержаніе человѣка, въ непреложность и силу неуловимыхъ народныхъ стремленій. Умѣнье сохранить историческое безпристрастіе, соблюсти строгую мѣру въ художественой идеализаціи народности дѣлаетъ Т. Бульбу жизненнымъ произведеніемъ даже въ наше время. Въ этой поэмѣ Гоголь обнаружилъ удивительное мастерство вдвигать вполнѣ законченныя картины въ общее полотно, расширять рамки, углублять содержаніе. Казацкій хуторъ, степи, Запорожье, Волынь, Варшава, берега Днѣстра, заброшенный домъ Янкеля—все это говоритъ намъ о будущемъ творцѣ „Мертвыхъ душъ“, въ которыхъ развернулась во всей своей широтѣ эта способность Гоголя создавать широкія, самостоятельныя картины, унаслѣдованныя отъ него Гончаровымъ. Тарасъ Бульба—послѣдній провинціальный аккордъ въ симфоніи гоголевскаго творчества.

За нимъ, послѣ „Ревизора“ и повѣстей изъ русскаго быта, польются уже другія рѣчи, выступятъ на сцену „Мертвыя души“, петербургскіе департаменты, захолустные губернскіе города, раскроется міръ помѣщичьихъ усадебъ, послышатся хвалебные гимны Руси, могучему и мѣткому русскому слову, рядомъ съ горькимъ смѣхомъ, достойнымъ стать на ряду съ высокимъ лирическимъ движеніемъ, выступитъ стремленіе Гоголя—оживить эти мертвыя души соотечественниковъ, это сонное царство; здѣсь, по прекрасному выраженію Овсянико-Куликовскаго, Гоголь разсыпаетъ такъ много мысли, проявляетъ удивительную глубину созерцанія, огромную широту художественнаго кругозора, могучій размахъ и подъемъ творчества.

IV.

„Тарасъ Бульба“ прокладываетъ дорогу такъ называемымъ петербургскимъ повѣстямъ Гоголя, этимъ живымъ, красивымъ хотя, можетъ быть, и неравноцѣннымъ эскизомъ великой картины, созданіе которой стало для Гоголя задачею жизни. Эта группа произведеній Гоголя начинается „Невскимъ проспектомъ“ и кончается „Шинелью“. Въ повѣстяхъ виденъ тотъ мастеръ, который потомъ создалъ „Мертвыя души“. Тутъ и улица—красавица нашей столицы, гувернеры и фланеры, чиновники и простой народъ, художники и офицеры—та обыденная, будничная столица, которую изображали потомъ Григоровичъ и Некрасовъ. Тутъ и комическія сцены у нѣмца сапожника, у цирюльника, майора Ковалева, тутъ военные и чиновники, обрисованные съ присущимъ Гоголю реализмомъ и юморомъ; тутъ на ряду съ веселымъ, беззаботнымъ смѣхомъ глубокая скорбь о томъ, что „человѣкъ святотатственно подавлялъ и посмѣялся надъ всѣмъ чистымъ и святымъ, украшающимъ жизнь“. Тутъ уди-

вительное сплетеніе романтизма и юмора, реализма и высокой лирики; тутъ грубая заурядная обыденщина сталкивается съ тѣми порывами, которые составили потомъ видную стихію въ творчествѣ Гоголя и наложили свой отпечатокъ на нашу литературу вплоть до сказокъ Салтыкова, стихотвореній въ прозѣ Тургенева и художественныхъ этюдовъ Чехова. Этими противоположными элементами проникнута его лучшая повѣсть „Шинель", источникъ, откуда вышли „Бѣдные люди" и другія художественныя полотна Достоевскаго. Анализъ этого періода творчества Гоголя въ монографіи Н. А. Котляревскаго, по авторитетному указанію Д. Н. Овсянико-Куликовскаго, удачно освѣщаетъ и генезисъ литературныхъ элементовъ у Гоголя и постепенный ростъ самаго творчества. На ряду съ „Мертвыми душами" Шинель самое реальное произведеніе великаго юмориста. Въ ней глубже, и опредѣленнѣе, чѣмъ въ другихъ повѣстяхъ Гоголя, обнаруживается отмѣченная Бѣлинскимъ „совершенная истина жизни", „ея настоящій портретъ, въ которомъ все схвачено съ удивительнымъ сходствомъ".

Расширяя рамки эпоса, внося въ послѣдній наиболѣе цѣнные элементы лиризма и драмы, („Портретъ", „Шинель"), Гоголь постепенно приближался къ кульминаціонной точкѣ своего творчества „Мертвымъ душамъ". Послѣ „Онѣгина" и „Героя нашего времени", въ которыхъ типы и картины русской жизни впервые нашли свое широкое объективное выраженіе, художественная эволюція и жизнь выдвигали новыя требованія; чувствовалась необходимость выяснить значеніе этихъ скрытыхъ отъ глазъ наблюдателя элементовъ и жизненныхъ началъ, заглянуть въ самые заброшенные захолустные уголки этой жизни, извлечь изъ нея не отдѣльные, хотя бы и наиболѣе живые типы, а постигнуть въ цѣломъ эту сѣрую, однообразную жизнь, въ которой, по словамъ Тютчева, нѣчто высшее „сквозитъ и только

свѣтитъ“ сквозь ея наготу, нужно было добраться до здороваго зерна этой жизни, проложить дорогу Тургеневу и Гончарову, этимъ первымъ продолжателямъ Гоголя, творцамъ „Записокъ охотника“ и „Обломова“. Впечатлительную, алкавшую Бога и правды душу Гоголя утолилъ этотъ вѣчный „разладъ мечты и жизни“ (Н. А. Котляревскій), съ такой силой воспроизведенный имъ въ „Портретѣ“, „Запискахъ сумасшедшаго“ и „Шинели“; его потянуло на широкій просторъ той Руси, которая свободно и широко развернулась въ его лучшемъ и геніальномъ по замыслу произведеніи. Этотъ художественный замыселъ, оцѣненный по достоинству Пушкинымъ, нашелъ себѣ воплощеніе въ началѣ новой эпохи—сороковыхъ годовъ и совпалъ съ духовнымъ пробужденіемъ русскаго общества, однимъ изъ наиболѣе глубокихъ и интенсивныхъ моментовъ его духовной жизни.

V.

Центральнымъ произведеніемъ кисти Гоголя, завѣтнымъ его дѣтищемъ, трудомъ всей его жизни является поэма „Мертвыя души“. Это, по удачному выраженію А. Н. Веселовскаго, торсъ великаго произведенія, въ которомъ Гоголь думалъ обнять всю родную землю, запечатлѣть ея природу, бытъ и типы, доведя ее до той высоты и ясности творчества, на которую сталъ испанскій эпосъ въ лицѣ Сервантеса. Исторія созданія „Мертвыхъ душъ“ есть одинъ изъ знаменательныхъ фактовъ въ развитіи новѣйшей русской литературы“, говоритъ Пыпинъ (Ист. рус. литературы, т. IV, стр. 507). И дѣйствительно, великая эпопея Гоголя, обнимавшая современную писателю Русь, „всю страшную, потрясающую тину мелочей, опутавшихъ нашу жизнь, всю глубину холодныхъ, раздробленныхъ повседневныхъ характеровъ“, озиравшая „всю громадно несущуюся жизнь сквозь

видимый міру смѣхъ и незримыя, невѣдомыя ему слезы" является прочнымъ камнемъ для послѣдующаго широкаго и свободнаго развитія русскаго романа, понимаемаго не только какъ художественное зеркало жизни, но и какъ откровеніе народности, извѣстный фазисъ общественности. Для Бѣлинскаго это нѣчто болѣе глубокое, чѣмъ „Онѣгинъ", эта, по его же словамъ, энциклопедія русской жизни; великій критикъ видитъ въ „Мертвыхъ душахъ" „твореніе необъятно художественное по концепціи и выполненію... и въ то же время глубокое по мысли... общественное и историческое"; оно „выхвачено изъ тайника народной жизни"; оно дышитъ „страстною... кровной любовью къ плодовитому зерну русской жизни". По опредѣленію Анненкова, это „великолѣпное зданіе, оконченное во всѣхъ частяхъ своихъ, блестящее всѣми своими сторонами, ясное спокойное" (Воспоминанія и критическіе очерки II, 231). Н. А. Котляревскій видитъ въ этой шестнадцатилѣтней работѣ Гоголя источникъ великой радости и великой печали для писателя, своего рода исторію писательской агоніи. Короткая стихотворная формула удачно выражаетъ смыслъ этого художественнаго творенія,

В которомъ улыбка скрываетъ печаль,
И смѣхъ заглушаетъ рыданья.

Для нашихъ дней вполнѣ ясенъ художественно-историческій генезисъ „Обломова", „Губернскихъ очерковъ", „Господъ Головлевыхъ", „Пошехонской старины" и многихъ другихъ крупныхъ произведеній отечественной литературы до огромныхъ эпопей Льва Толстого, до „Братьевъ Карамазовыхъ" Достоевскаго. Въ 60—70 лѣтнемъ отдаленіи, какъ вѣчно ясная звѣздная туманность, сіяютъ эти „Мертвыя души", въ которыхъ сливается и простота гоголевской задачи, и высота его цѣлей, очищающая сила смѣха и, на ряду съ высокими лирическими движеніями, шутливая веселость и

угрюмое раздумье, разливъ стихійнаго чувства въ апоѳеозѣ Руси, и трезвый реализмъ типовъ, жизни, быта и природы. Одинъ изъ послѣднихъ по времени синтетиковъ Гоголевскаго творчества находитъ въ поэмѣ много мысли, удивительную глубину созерцанія, огромную широту художественнаго кругозора, могучій размахъ и подъемъ творчества (Д. Н. Овсянико-Куликовскій. Гоголь, стр. 74). Тотъ же изслѣдователь видитъ въ нихъ „одинъ изъ крупнѣйшихъ вкладовъ въ сокровищницу міровой литературы". Прежнія аналогіи и сближеніе „Мертвыхъ душъ", по концепціи и цѣлямъ, съ твореніями Данта и Сервантеса получаютъ свое оправданіе въ новѣйшихъ выводахъ, какъ бы мы ни смотрѣли на степень сознательности творчества самого Гоголя въ этомъ отношеніи. „Бодрящій, освѣщающій лиризмъ" Мертвыхъ душъ (выраженіе Герцена) долженъ быть разсматриваемъ, какъ необходимый спутникъ реализма Гоголя. Тутъ могли имѣть мѣсто и пережитки и видоизмѣненіе романтизма, проходящаго, на основаніи изслѣдованій Н. А. Котляревскаго, широкой волной по произведеніямъ перваго періода творчества великаго юмориста, и своеобразный комизмъ, и элементъ сатиръ, и глубокое нравственное чувство, своего рода художественный дидактизмъ, проявившійся съ такой силой, въ тонѣ и персонажахъ второй части „Мертвыхъ душъ". Несмотря на то, что самое заглавіе поэмы „носитъ въ себѣ что-то наводящее ужасъ", жизнь сохранена во всей полнотѣ" (Герценъ)—и эта-то полнота жизни, бьющая ключомъ изъ живыхъ характеристикъ, „полныхъ крѣпости, здоровья и силы" сцены (Мицкевичъ), описаній и лирическихъ мѣстъ, упрочила за „Мертвыми душами" почетное мѣсто въ русской литературѣ. Говоря словами Гоголя, эта поэма стоитъ впереди крупныхъ произведеній нашихъ послѣдующихъ литературныхъ школъ, какъ вступленіе впереди книги; она поистинѣ есть художественное и

идейное откровеніерусскаго реализма. Вогюэ удачно опредѣлилъ сущность „Мертвыхъ душъ“, назвавши ихъ Одиссей, написанной въ духѣ трагикомедіи, и сблизивъ съ Донъ-Кихотомъ. Не удивительно, поэтому, что этотъ міръ, изображенный въ „Мертвыхъ душахъ“, продолжаетъ жить и въ наши дни тою же нетлѣнною жизнью, какъ и во времена своего творца. Въ этомъ взглядѣ сходятся и Гончаровъ и А Н. Веселовскій (Этюдъ и характеристика, стр. 607).

VI.

Переходимъ къ послѣднему крупному произведенію Гоголя, предшествовавшему „Мертвымъ душамъ“. „Ревизоръ“ представляетъ одинъ изъ поворотныхъ моментовъ въ исторіи творчества Гоголя. Въ немъ Гоголь достигаетъ значенія первокласснаго таланта; за годъ до постановки этой комедіи Бѣлинскій въ своей статьѣ о русской повѣсти и повѣстяхъ Гоголя съ свойственною ему проницательностью и широтою раскрылъ отличительныя свойства этого новаго дарованія, нашедшія себѣ блестящее выраженіе въ этой вѣчно-юной, безсмертной комедіи. И въ обрисовкѣ типовъ, и въ неуловимыхъ переливахъ своеобразнаго гоголевскаго настроенія, и въ общемъ тонѣ произведенія чувствовался „необыкновенный, сильный и высокій талантъ“ (Бѣлинскій). Повидимому, обособленный, захолустный мірокъ медвѣжьяго угла становится всероссійской ареной художественнаго смѣха, гражданской скорби, общественнаго суда. Тутъ во всей наготѣ всплываетъ отмѣченная великимъ критикомъ совершенная истина жизни, оригинальность и комическое одушевленіе. Эти типы всеобщихъ знакомцевъ, мало напоминающіе персонажи „Недоросля“ и „Горя отъ ума“, пролагаютъ дорогу дальнѣйшимъ драматургамъ съ Островскимъ во главѣ.

Вполнѣ понятно глубокое негодованіе, недоумѣніе и растерянность, которыя обнаружились въ обществѣ послѣ этого всероссійскаго позорища, понятны и глубокіе художественные и національные мотивы, ярко и правдиво раскрытые Гоголемъ въ „Театральномъ разъѣздѣ“. Авторъ „Арабесокъ“ возвышается въ этомъ художественномъ этюдѣ до мыслителя-эстетика въ широкомъ смыслѣ слова; онъ затрогиваетъ не только поэтическія, но и общественныя темы. Въ калейдоскопѣ живыхъ смѣняющихся впечатлѣній, въ патетическихъ словахъ автора о всемірномъ значеніи смѣха, въ глубокомъ раздумьѣ, проникающемъ всѣ части этого этюда, нельзя не видѣть дальнѣйшаго развитія мыслей о сущности комедіи, какъ общественной силы, раскрытыхъ впервые Грибоѣдовымъ. Гоголь объективнѣе Грибоѣдова; онъ ближе стоитъ въ „Ревизорѣ“ и „Театральномъ разъѣздѣ“ къ плодотворному зерну русской жизни; онъ идетъ своей дорогой, не считаясь ни съ Мольеромъ, которому не мало обязаны Грибоѣдовъ, ни съ другими явленіями западно-европейскаго театра. Это вполнѣ русская комедія, по достоинству оцѣненная Бѣлинскимъ. Глубокая жизненность этихъ Сквозниковъ-Дмухановскихъ, Ляпкиныхъ-Тяпкиныхъ, Добчинскихъ и Бобчинскихъ до любезнаго Щепкину Держиморды запечатлѣна въ пластическихъ образахъ, провозвѣстникахъ „общихъ знакомцевъ“ въ „Мертвыхъ душахъ“. Ревизоръ не могъ не облегчить Гоголю созданіе его великой общерусской эпопеи, перваго огромнаго полотна, на которомъ такъ живо отразилась вся Русь. Писатель, говоря его же словами, „входитъ глубже и глубже въ безконечный рай своей души“. „Зрѣя невидимо въ красѣ душевныхъ помысловъ“, онъ „дерзнулъ вызвать наружу все, что ежеминутно передъ очами и чего не зрятъ равнодушныя очи“. Положеніе Гоголя, что „высокій восторженный смѣхъ достоинъ стать рядомъ съ высокимъ лирическимъ движеніемъ“, находитъ свое

оправданіе не только въ „Мертвыхъ душахъ“, но и въ „Ревизорѣ“. „Смѣхъ свѣтелъ“, говоритъ авторъ въ концѣ „Театральнаго разъѣзда“. Вынеся эти художественные блестки высокой цѣнности, согрѣвающей теплоты, обновляющей силы изъ тайниковъ своего духа, Гоголь совершилъ великій актъ возрожденія самыхъ низшихъ слоевъ нашего общества, оживилъ спавшія долгимъ, вѣковымъ сномъ мертвыя души своихъ соотечественниковъ. По концепціи и значенію Ревизоръ стоитъ между повѣстями Гоголя и его великой эпопеей. Онъ представляетъ симфонію первой половины литературной дѣятельности Гоголя и интродукцію второй, болѣе глубокой, сложной, трагически роковой для самого писателя.

„Гоголь, говоря словами Страхова, есть представитель истиннаго комизма“. „Ревизоръ, справедливо замѣчаетъ Дудышкинъ, есть цѣлый міръ, развившійся изъ одной идеи, міръ оконченный, котораго всѣ части составляютъ одно органическое цѣлое“. Въ этой короткой формулѣ указана наиболѣе важная сторона драматическаго таланта Гоголя, особенно цѣнная для русской литературы. Гоголь внесъ въ свое произведеніе новую, неуловимую струю народности, создалъ вполнѣ оригинальные, живые типы, закрѣпилъ ихъ міровоззрѣніе и психику не только пластичностью образа, но и внутренней силою живого, чисто русскаго слова. Этотъ малороссъ предвосхитилъ тайны языка Островскаго, природнаго москвича. Языкъ „Женитьбы“, „Игроковъ“, отрывковъ задуманной большой комедіи „Владиміръ 3 степени“ блещетъ оригинальностью, отражаетъ тотъ реализмъ жизни, который удалось уловить Гоголю уже на первыхъ порахъ своего творчества. И теперь намъ любезны эти Кочкаревы и Подколесины, Ихаревы и Жевакины, какъ прототипы вѣчно живыхъ персонажей Островскаго.

VII.

„Переписка съ друзьями“ яснѣе всего показываетъ, насколько выросло русское общественное сознаніе въ теченіе одного десятилѣтія послѣ смерти Пушкина. Рѣзкія по своей односторонности, грубо парадоксальныя, оскорбительныя для образованнаго, мыслящаго общества сужденія Гоголя встрѣтили страстный и дружный отпоръ въ людяхъ самыхъ разнообразныхъ направленій. И Бѣлинскій, и Аксаковы, особенно Сергѣй Тимоѳеевичъ, и Боткинъ, и Щепкинъ, даже архіеп. Иннокентій вооружились противъ этой злополучной книги. Бѣлинскій справедливо видѣлъ въ ней неудачную попытку воскресить „времена наивнаго благочестія“, отмѣчалъ непониманіе „духа и формы христіанства нашего времени“; самая книга для него была „неопрятная и надутая шумиха словъ и фразъ“. Аксаковы видѣли въ ней „неимовѣрную гордость, много лжи, скрытой гордости и самолюбія“. Письма Н. Ф. Павлова о книгѣ Гоголя, вызвавшія страшную злобу Смирновой, поражали Боткина остроуміемъ сарказмомъ и ловкостью полемики. Неудачная попытка кн. Вяземскаго, повторенная потомъ Дружининымъ, найти въ „Перепискѣ“ оправданіе ея общественнаго значенія, шла въ разрѣзъ со всѣми лучшими стремленіями русскаго общественнаго сознанія. Послѣдующіе біографы и ученые, писавшіе о Гоголѣ, сняли одно несправедливое обвиненіе въ неискренности, которое раздѣлялось въ моментъ появленія книги лучшими умами и вызвало страстный памфлетъ Бѣлинскаго, эту широкую общественную программу послѣ Гоголевской Россіи, эпохи великихъ реформъ. Гоголь, при отмѣченныхъ выше сторонахъ своего таланта, „пламенѣвшій, по его собственному выраженію, (въ одномъ изъ писемъ 1827 года), неугасимою ревностью сдѣлать жизнь свою нужною для блага государства“, долженъ былъ воочію

видѣть односторонность своихъ скороспѣлыхъ теорій, долженъ былъ сознать, что старыя, отжившія общественныя формы не могутъ вмѣстить въ себя новое, жизненное содержаніе. Въ письмѣ Бѣлинскаго съ обычной прозорливостью была указана основная нота этого запоздалаго и неудачнаго аккорда творчества Гоголя „болѣзненная боязнь смерти“. П. В. Анненковъ въ своей статьѣ „Замѣчательное десятилѣтіе“ выяснилъ общественное направленіе, созданное совмѣстными трудами и стремленіями лучшихъ западниковъ Бѣлинскаго, Грановскаго и Герцена, которое сдѣлало невозможнымъ возвращеніе къ старинѣ, какими бы романтическими и моральными тенденціями ни прикрывались попытки подновить ее. И своей книгой Гоголь несомнѣнно оказалъ немалую, правда, отрицательную услугу, вызвавъ выраженіе новыхъ общественныхъ идей во всей ихъ внутренней глубинѣ, жизненной правдѣ, яркости образовъ и свѣжести чувствъ.

Среди всѣхъ печальныхъ и темныхъ страницъ этой скорбной и тяжелой для самого Гоголя книги съ ея неудачными перспективами будущаго, съ подмѣной „Мертвыхъ душъ“ и „Ревизора“ глава о существѣ русской поэзіи показала намъ Гоголя съ той его стороны, которой Бѣлинскій, обыкновенно сурово относившійся къ „ученымъ“ статьямъ Гоголя, отдавалъ полную справедливость. Прежній, тонкій цѣнитель Пушкина, предвосхитившій славу „Литературныхъ мечтаній“ Бѣлинскаго, воскресаетъ въ этой красивой, благоуханной главѣ своего труда. Горячая, беззавѣтная любовь къ художественному русскому слову роднитъ здѣсь Гоголя съ его талантливымъ почитателемъ и страстнымъ антагонистомъ. Живая волна народнаго творчества, начинающійся разсвѣтъ русской поэзіи въ Ломоносовѣ и Державинѣ, сброшенный съ неба огонь поэзіи Пушкина, dii minores русскаго слова до яркаго новаго таланта Лермонтова, котораго

Гоголь ставитъ высоко, все показываетъ, что Гоголь какъ художественная сила, не умеръ для русской литературы. Объ этомъ же свидѣтельствуютъ и многія мѣста, даже утраченныя, второго тома „Мертвыхъ духъ“, въ которомъ Гоголь приближается къ новымъ теченіямъ литературы у Тургенева, Гончарова и другихъ геніальныхъ эпигоновъ Пушкинской школы. Въ русской критикѣ до извѣстной статьи Гончарова „Лучше поздно, чѣмъ никогда“ нельзя указать ни одного явленія, которое могло бы стать въ уровень съ этимъ историко-эстетическимъ обзоромъ прошедшихъ судебъ нашего художественнаго слова. Лучшія статьи Добролюбова и Дружинина, при всей ихъ талантливости, не достигаютъ той ясности и широты пониманія, какой отличается эта заключительная глава „Переписки съ друзьями“. Гоголь три раза сжигалъ эту главу, пока она не достигла въ его изложеніи той степени законченности, на которой мы ее видимъ. Эта свѣтлая заключительная глава безнадежнаго и мрачнаго психологическаго и общественнаго этюда является для насъ источниковъ примиренія съ памятью Гоголя, омраченной этимъ скорбнымъ шагомъ малодушія и слабости. Изнемогшій въ борьбѣ съ самимъ собою писатель не могъ окончательно погасить въ своей душѣ того свѣточа, который ярко горѣлъ въ первые годы его литературной дѣятельности, не могъ отвести въ сторону этотъ могучій потокъ чистаго лиризма, дающаго намъ живые образы, въ одно и тоже время яркіе и пластичные, и согрѣтые неподдѣльною любовью къ родному, художественному слову. Это то же исканіе чистаго откровенія народности, которое присуще всѣмъ остальнымъ произведеніямъ Гоголя.

VIII.

Не въ одномъ горькомъ смѣхѣ, не въ лирическомъ паѳосѣ, изрѣдка прорѣзывающемъ волны этого смѣха, не въ

глубокомъ пониманіи сущности реализма жизни заключенъ весь Гоголь. Онъ, какъ и другіе русскіе и славянскіе поэты, скорбникъ, скорбникъ не въ талантѣ, подобно Лермонтову или Байрону, а въ глубинѣ своей натуры, религіозной до болѣзненности, сосредоточенной и чуткой ко всѣмъ диссонансамъ дѣйствительности, жадно алкавшей нравственнаго обновленія. Четыре тома его писемъ заключаютъ въ себѣ поучительную исторію этой медленной и мучительной душевной эволюціи, которой Гоголю не удалось связать съ развитіемъ своего могучаго таланта, и которая стала для писателя долголѣтнимъ недугомъ, подтачивавшимъ его физическія и нравственныя силы и ускорившимъ роковую развязку жизни.

Нельзя сказать, чтобы Гоголь не боролся съ этимъ недугомъ, но борьба происходила незримо для наиболѣе преданныхъ Гоголю людей, готовыхъ всѣмъ пожертвовать для любимаго писателя, видѣвшихъ въ немъ гордость и надежду Россіи. У источника этой борьбы, у сочившагося кровью больного сердца стали другіе люди—Смирнова, Віельгорскіе, Толстой, о. Матвѣй, имъ не было дано разумѣніе этой великой страдальческой души. Ни пламенный Бѣлинскій, ни правдивый Аксаковъ, ни полный любви Жуковскій не могли остановить этого рокового процесса, не могли прійти на помощь страдальцу словомъ утѣшенія и надежды. Жившій въ одиночку Гоголь безропотно несъ свой крестъ, терпѣливо переносилъ душевныя муки, страдалъ молчаливо и гордо.

Въ этомъ страданіи онъ такъ близокъ нашему больному, неустойчивому вѣку. Въ мартирологѣ скорби великой творческой души скрыто такъ много видимаго нами теперь, пережитого и перечувствованнаго не однимъ изъ насъ. И страданіе это, которому были не чужды такіе современники Гоголя такія романтическія натуры, какъ Мицкевичъ и

Лермонтовъ, Байронъ и Фосколо, знаменіе времени. Для Гоголя это было цѣлой громадной проблемой, связанной съ его талантомъ; подобно героямъ Достоевскаго съ ихъ великимъ гнѣвомъ, Гоголь съ его великою если не мировою, то національною скорбью могъ совершить дѣло своей жизни, могъ питать современниковъ кровью своего сердца и сокомъ своихъ нервовъ.

Куда же шелъ путь этого великаго писателя? Чего искала его творческая душа, одиноко послѣ смерти Пушкина стремившаяся обнять жизнь и постигнуть великое, по его собственнымъ словамъ?

Отъ слова къ человѣку, отъ смѣха и юмора къ теплому чувству и горячей любви, отъ романтизма къ народности, отъ Малороссіи и казачества къ широкимъ мірамъ общерусской жизни стремился авторъ „Ревизора“ и „Мертвыхъ душъ“. Онъ бодро шелъ по этому пути: каждый его шагъ былъ непрестанною борьбою, добрымъ подвигомъ, славною побѣдою надъ косностью жизни. Все ширилась передъ нимъ необъятная Русь, все захватывая и унося съ собою, рисовались отдаленныя, полуфантастическія, по взгляду Бѣлинскаго, перспективы будущаго, въ которыхъ, однако, такъ много трезваго и реальнаго, выхваченнаго изъ той же жизни и возведеннаго въ перлы гоголевскаго созданія. Эта блестящая эпопея, этотъ торсъ огромнаго національнаго изваянія, тронутый рѣзцомъ геніальнаго художника, до сихъ поръ высится мощно и красиво, не заслоняемый ни грандіозными созданіями Достоевскаго, ни колоссальными картинами Льва Толстого, ни широкимъ, какъ Русь, Обломовымъ. Рядомъ съ храминой дивнаго смѣха съ ея онѣмѣвшими героями стоятъ иныя полотна, въ которыхъ эти крупицы родной жизни, ея захолустные уголки освѣщены такъ мягко, задушевно, гдѣ сказывается и совѣсть и сердце великаго творца, гдѣ видна его любовь къ Божьему образу въ чело-

вѣкѣ. Создавая великое, почерпнутое изъ обыденщины, просвѣтляя образы, очищая жизнь, возводя заурядныя явленія въ общенародные типы и картины, Гоголь, конечно, не могъ не влагать въ свои созданья частицы своего духа; отмѣченное его послѣднимъ критикомъ несоотвѣтствіе интеллекта и таланта, конечно, было одной изъ причинъ того глубокаго разлада, который такимъ роковымъ образомъ сказался въ послѣдніе годы жизни и творчества Гоголя. „Наставленія проповѣдника, таинственныя, иногда пророческія, всегда холодныя и, что всего хуже, полныя гордыни въ рубищѣ смиренія“—вотъ вѣрная характеристика послѣдней книги Гоголя. Эти слова Сергѣя Аксакова какъ нельзя лучше выясняютъ сущность того труда, въ которомъ Гоголь, по его позднѣйшему признанію, размахнулся такимъ Хлестаковымъ. Понятны горячія, дышащія глубокимъ негодованіемъ діатрибы Бѣлинскаго, остроумныя письма Павлова, общее недоумѣніе, вызванное этой странной книгой. Это былъ смѣлый и свободный голосъ общественнаго мнѣнія, поднятый въ защиту того, на что нельзя было налагать руку, не отказываясь отъ завѣтовъ просвѣщенія и гражданственности. Это сознаяъ и самъ Гоголь, увидѣвшій воочію, кто были его истинные друзья. Пусть будутъ преувеличены вырвавшіеся подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ книги отзывы Аксакова и Бѣлинскаго, пусть будутъ признаны пристрастными и несправедливыми нападки на Гоголя, но нельзя отрицать, что своей книгой Гоголь думалъ послужить отжившимъ теченіямъ русской дѣйствительности. Подмѣнъ „Ревизора“ и „Мертвыхъ душъ“, этихъ краеугольныхъ камней новой реформенной Россіи, переводомъ Одиссеи Жуковскаго свидѣтельствуетъ о безсильныхъ потугахъ ослабѣвшаго ума. Самыя задушевныя главы о родной пѣснѣ, о лиризмѣ русскихъ поэтовъ, о сущности нашего художественнаго слова, при всемъ паѳосѣ, искренности и красочности, не пред-

ставляютъ того полнаго аккорда, какимъ справедливо признается широкая и свободная критика Бѣлинскаго.

Но было же и въ этой злосчастной книгѣ что-то хорошее—есть любящее сердце писателя, его подкупающая искренность, сознаніе своей грѣховности. Онъ могъ сказать вмѣстѣ съ Саади:

Къ небу подъемлю я очи съ мольбой
Грѣхъ обливаю горячей слезой.
Въ сердце взгляну я: тамъ Божья печать.
Грѣхъ мой покрыла Творца благодать.

У отдаленнаго потомка всегда найдется теплое слово ученія и примиренія тому, кто въ насъ душу будилъ, кто съ нѣжнаго дѣтства влагалъ въ насъ чистые, свѣтлые образы кто растворялъ силою своего смѣха гнетущую тоску жизни. Всѣмъ этимъ близокъ намъ Гоголь. И теперь не умерли его образы, и теперь слышится біеніе его великаго сердца. Это сердце бьется въ широкой какъ міръ груди Достоевскаго, подъ мужицкой подоплекой Толстого, въ благоухающихъ эстетикою и чувствомъ „Стихотвореніяхъ въ прозѣ" Тургенева, въ изящныхъ, пластическихъ образахъ Гончарова. Оно поддерживаетъ въ насъ лучшія чаянія; оно даетъ силу Чеховскимъ „мужикамъ", поэмамъ Некрасова, очеркамъ Глѣба Успенскаго, сказкамъ жизни Салтыкова.

Пѣвецъ мести и печали, считавшій Гоголя однимъ изъ великихъ народныхъ заступниковъ, вѣрно выразилъ значеніе этого писателя съ его косвеннымъ призывомъ къ народной работѣ. („Нужно полюбить Россію", „Нужно проѣздиться по Россіи"), съ его вѣрою въ силу и въ мощь русскаго духа.

Спокон вѣку работа народная подъ унылыя
пѣсни кипитъ,
Вторитъ ей наша муза свободная,
Вторитъ ей, или честно молчитъ.

Гоголь научилъ своихъ современниковъ бояться гнилого слова, научилъ видѣть въ поэзіи творческую силу. „Благоухающими устами поэзіи навѣвается на души то, чего не внесешь въ нихъ никакими законами и никакою властію“, говоритъ онъ въ VII главѣ своей „Переписки съ друзьями“. Широтою, стихійностью своихъ взглядовъ онъ подходитъ къ нашему времени, которое мучительно ставитъ неразрѣшимые вопросы и такъ же страстно хватается за нихъ, какъ нѣкогда великій юмористъ стремился къ своему нравственному обновленію. Муки „Василія Ѳивейскаго“, ужасы „Краснаго смѣха“, длинный путь „Человѣка“, загадочное самодовольство Санина, широкія перспективы трилогіи Мережковскаго—развѣ это не отголоски тѣхъ рѣчей, которыя предвидѣлъ Гоголь? Оправдалось еще одно пророчество Гоголя о величавомъ громѣ другихъ рѣчей. Громъ этихъ рѣчей еще не слышенъ, а пока онъ не раздастся, живъ Гоголь и живы его творенія.

На противоположныхъ концахъ длиннаго, почти вѣкового пути, пройденнаго русскимъ обществомъ, стоятъ два крупныхъ таланта, близкихъ къ жизни, болѣвшихъ ея скорбями и недугами, стремившихся къ ея обновленію. Это Гоголь и Толстой. Въ громадныхъ полотнахъ „Войны и Мира“, „Анны Карениной“, „Воскресенія“, въ небольшомъ разсказѣ о замерзающихъ хозяинѣ и работникѣ, грѣющемъ и разжигающемъ всякое, даже каменное сердце, скрыта разгадка тѣхъ стремленій и высокихъ мыслей, которыя создали для Россіи „Мертвыя души“. Самая десница творчества и шуйца отрицанія великаго писателя земли русской не та же ли вѣковая борьба Ормузда и Аримана отъ которой страдалъ нашъ великій Гоголь.

Въ своей вдумчивой элегіи „Огни“ Короленко говоритъ, что далеки эти вѣчные свѣточи на темной зыби духовнаго одиночества и безвременья, но что нужно бодро и

стойко налегать на весла. Эту силу налегать на весла жизни далъ намъ Гоголь.

IX.

Вѣковая загадка народности, обаяніе свѣтлыхъ общечеловѣческихъ идеаловъ, широкая панорама жизни, бьющееся въ тискахъ, стѣсняющихъ вольную душу художника, чувство, болѣзненность и чуткость настроенія—вотъ тѣ условія, среди которыхъ проходила жизнь творца «Мертвыхъ Душъ», бѣдная внѣшними впечатлѣніями, но богатая духовнымъ содержаніемъ, кипѣвшая избыткомъ творческихъ силъ, но лишенная необходимой для художника гармоніи. Надъ исканіемъ этой равнодѣйствующей жизни и творчества всю жизнь мучительно бился Гоголь, то отдаваясь разуму жизни въ красочныхъ романтическихъ картинахъ родного юга, то погружаясь въ горькое раздумье «Переписки съ друзьями» и «Авторской исповѣди», то вынося лучшія сокровища своей души въ поразительно блестящемъ реализмѣ «Мертвыхъ Душъ» или въ чистомъ, излетающемъ изъ глубины души смѣхѣ «Ревизора». Примиряющій юморъ «Шинели», этого прототипа «Бѣдныхъ людей» Достоевскаго, пластичность «Арабесокъ», вдумчивость «Портрета»—все это цѣнные благоуханные цвѣты обширной гоголевской теплицы, въ которой такъ бережно заботливою рукой мыслящаго художника собрано вѣковое наслѣдіе русскаго народа, его добро и зло, его гордость и стыдъ, его широкій разгулъ и гнетущая скорбь, его вѣковыя надежды.

Этотъ «общеруссъ», по прекрасному опредѣленію Н. Д. Овсянико-Куликовскаго, представляетъ одно изъ самыхъ прочныхъ звеньевъ Новой Россіи, основной ка-

мень которой положенъ Петромъ. Въ лицѣ Пушкина и Лермонтова, Тургенева и Гончарова, Достоевскаго и Толстого идутъ эти подвижники народности на честный бой съ вѣковою неправдою, ликующимъ зломъ, невѣжествомъ и косностью. Въ срединѣ этой блестящей плеяды, какъ совершенно самобытное, до сихъ поръ еще не вполнѣ разгаданное явленіе, стоитъ Гоголь, вызвавшій къ жизни многое, что поставило русскую литературу на завидную, скажемъ даже, недосягаемую высоту. Этотъ, по опредѣленію Дюринга, наиболѣе оригинальный писатель XIX вѣка, является создателемъ не одной художественной школы въ русской литературѣ, какъ это было указано Бѣлинскимъ и Гончаровымъ. Слѣды вліянія Гоголя справедливо видятъ не только въ произведеніяхъ такого писателя, какъ Достоевскій, но и въ обширныхъ полотнахъ «Обломова», «Войны и Мира» и «Пошехонской Старины». Первый звучный аккордъ салтыковской музы «Губернскіе очерки» до тождества по тону и краскамъ, по реализму изображенія и характеру настроенія напоминаетъ наиболѣе яркое и выписанное произведеніе Гоголя, его безсмертную поэму. Русскій Іеремія и изъ могилы протягиваетъ свои подъявшія много труда руки своимъ продолжателямъ во благо той Руси, которую онъ такъ горячо любилъ и такъ страстно воспѣлъ въ своихъ «Мертвыхъ Душахъ», разгадать сущность которой онъ стремился всю жизнь, полную горечи и скорби, унынія и глубокаго трагизма. Прорывающіяся у нѣкоторыхъ излѣдователей гоголевскаго творчества (Ал. Веселовскаго) грустныя ноты при разслѣдованіи о судьбѣ этого геніальнаго неудачника не могутъ быть смягчены ни сознаніемъ величія заслугъ Гоголя передъ родиной и человѣчествомъ, ни тѣмъ уваженіемъ, которымъ окружено было его имя

въ глазахъ всѣхъ цѣнителей его таланта, всѣхъ искренникъ и правдивыхъ русскихъ людей. Загадка творчества Гоголя по прежнему остается загадкой и для нашего болѣе поздняго времени, когда казалось бы могъ наступить для творца «Ревизора» безпристрастный судъ потомства. Можетъ быть слишкомъ широкъ и глубокъ Гоголь и для нашего времени, можетъ быть, его творенія необъятное «житейское волнуемое море» (Островскій), которому суждено еще долго выбрасывать на родной берегъ цѣнные алмазы и жемчужины общечеловѣческой психики. И отдаленныя отъ Гоголя позднѣйшія свѣтила родного художественнаго слова Л. Толстой, Чеховъ, Короленко и Леонидъ Андреевъ и разныя мелькающія на художественномъ горизонтѣ туманности въ родѣ Бальмонта и др. приспѣшниковъ отечественнаго символизма, русскіе Метерлинки и Верлены, напоминаютъ задачу о свѣтящихся точкахъ, для которыхъ источникомъ свѣта все же остается неразгаданный, обширный, какъ Русь, и глубокій пѣвецъ-юмористъ. Основной тонъ его художественной лиры, такъ вѣрно и прекрасно угаданный Бѣлинскимъ, продолжаетъ звучать и въ позднѣйшихъ симфоніяхъ, поражающихъ своей правдивой звучностью и внутренней силою. Можетъ быть, Гоголю и послѣ смерти суждено незримо итти рука объ руку съ его странными героями, направлять въ широкое національное русло матущійся потокъ жизни, мучительно стремиться къ синтезу мелочныхъ, раздробленныхъ характеровъ, услаждать силой лиризма и голосомъ правды нашъ путь по грустной дорогѣ жизни. Можетъ быть, его полусвѣтлыя, зародившіяся подъ темнымъ небомъ николаевской эпохи мысли Надъ нашими темными могилами

Загорятся нѣкогда яркими свѣтилами.

Перечитывая страницы «Пошехонской Старины» или полныя свѣтлыхъ упованій главы «Братьевъ Карамазовыхъ», невольно обращаешься къ этому не разгаданному донынѣ реалисту-скорбнику, смѣявшемуся горькимъ смѣхомъ и вѣрившему, что смѣхъ, излетающій изъ глубины души, свѣтелъ и несетъ примиреніе, невольно завидуешь тому поколѣнію, для котораго слово Гоголя было живымъ и близкимъ, а вдохновенныя рѣчи его талантливаго толкователя открывали не только сущность дарованія великаго писателя, но и намѣчали образы и формы новой жизни, осуществившіяся въ эпоху великихъ реформъ Александра II. Для послѣдующихъ поколѣній, которыхъ по мѣткому выраженію поэта,

Захватило трудное время
Неготовыми къ трудной борьбѣ,

слова великаго юмориста заслонены были однозвучнымъ шумомъ жизни, академизмомъ науки, раздробленностью интеллигентныхъ силъ, пониженіемъ уровня русской мысли послѣ Бѣлинскаго и Грановскаго. Можно сказать, что послѣдующія поколѣнія больше говорили о Гоголѣ, чѣмъ понимали его, больше чтили, чѣмъ изучали. И до сихъ поръ, кромѣ трудовъ Тихонравова и Шенрока, у насъ нѣтъ ничего классическаго о великомъ юмористѣ, нѣтъ ничего, что представляло бы серіозную попытку разгадать эту громадную художественную силу, опредѣлить тѣ стороны ея дарованія, которыя особенно цѣнны для нашего времени. Черезъ сто лѣтъ послѣ его рожденія и пятьдесятъ слишкомъ лѣтъ послѣ смерти мы ставимъ ему первый всенародный памятникъ.

Это, конечно, не единственное грустное явленіе нашей жизни, но само по себѣ оно важно для выясненія тѣхъ нормъ, въ области которыхъ развивается на-

ша позднѣйшая литература. Какъ ни блестящи завоеванія русскаго художественнаго слова послѣ Гоголя какъ ни упоителенъ ѳиміамъ, выпавшій на долю нашихъ писателей, нельзя не замѣтить, что мы и теперь далеки отъ художественнаго синтеза нашей жизни, начало которому положено блестящей критикой Бѣлинскаго. Помимо другихъ причинъ немалое значеніе имѣло въ этомъ отношеніи и игнорированіе обоихъ нашихъ писателей, Пушкина и Гоголя, двухъ наиболѣе глубокихъ, оригинальныхъ и плодотворныхъ источниковъ дальнѣйшей эволюціи нашей литературы Пушкинъ умеръ въ расцвѣтѣ своихъ художественныхъ силъ; Гоголь, эта «самобытная русская художественная сила», по выраженію Гончарова, чуждая «мрачной скорби» Достоевскаго и «горячей злости» Салтыкова, явился въ періодъ перелома русской жизни, когда, по словамъ того же Гончарова, «Россія доживала вѣкъ петровскихъ реформъ и ждала новыхъ», когда еще «въ жизни не загоралось никакого ни спасительнаго, ни разрушительнаго огня», когда эти огни, сіявшіе во тьмѣ безличья, по выраженію Герцена, представлялись яркими, но одинокими точками. Дышащія жизнью полотна Гоголя были проникнуты бодрою вѣрой въ жизнь, исканіемъ ея смысла, ея синтеза; въ самыя тяжелыя минуты личной подавленности, въ рѣдкіе моменты служенія отжившимъ идеаламъ, Гоголь не терялъ бодрости, мужественно и стойко боролся съ физическимъ и духовнымъ недугомъ, не теряя ни ясности мысли, ни силъ художественнаго творчества. До сихъ поръ еще не разъяснено, въ какой мѣрѣ въ аскетическихъ и иныхъ увлеченіяхъ великаго юмориста виновенъ самъ писатель, а не его тяжелое, переходное время. Не разъяснено, какъ справедливо указалъ А. Н. Веселовскій, многое въ біографіи Гого-

ля, не изучены вліянія на него различныхъ общественныхъ теченій, тѣмъ болѣе обязательныхъ для историка литературы, что Гоголь является центральною личностью второй половины тридцатыхъ годовъ и сороковыхъ.

Что же представляетъ для насъ это богатое наслѣдство? Какими сокровищами великаго юмориста можетъ воспользоваться не литература, подчиненная въ своей эволюціи неизбѣжнымъ, нерѣдко независимымъ отъ общественнаго момента законамъ, а общественная масса? С. Аксаковъ, близкій къ Гоголю человѣкъ, мѣтко называлъ его мученикомъ высокой мысли. Вотъ эта высота стремленій, этотъ перевоплощеный въ строгія реальныя формы здоровый общественный романтизмъ можетъ послужить для общества источникомъ обновленія. Къ этому же призывали и другіе, болѣвшіе душою за народъ и общество поэты съ Некрасовымъ во главѣ. Однимъ изъ критиковъ пятидесятыхъ годовъ (А. Дружининъ), для котораго гоголевскій періодъ былъ заслоненъ свѣтлымъ творчествомъ Пушкина, указываетъ на односторонности гоголевскаго направленія, разумѣя подъ ними излишнюю склонность къ анализу явленій, убившую въ молодыхъ душахъ и не окрѣпшихъ натурахъ лучшій цвѣтъ жизни, бодрую вѣру въ чистоту и непреложность идеала. Къ тѣмъ же выводамъ приходили и другіе изслѣдователи русской жизни; они не были чужды и Добролюбову; въ художественномъ синтезѣ Добролюбова Писаревъ видѣлъ причину всѣхъ разногласій съ авторомъ «Темнаго царства».

Высота и внутренняя сила гоголевскаго идеализма, конечно, должна быть разсматриваема, какъ одно изъ наиболѣе важныхъ условій для оздоровленія общества, для укрѣпленія въ немъ вѣры въ непрелож-

ность развитія страны въ духовномъ отношеніи. Какъ живое творчество Гоголя внесло новые зиждительные элементы въ область литературы и общественной психологіи, такъ и отраженные временемъ наиболѣе цѣнныя стороны его должны принести свои плоды. И въ наше время творчество Гоголя дожно имѣть значеніе, какъ источникъ пробужденія къ новой жизни.

Адр. Круковскій.

Исторія русской словесности для женскихъ гимназій и институтовъ, съ хрестоматіей и свѣдѣніями изъ теоріи словесности, логики и психологіи *).

I курсъ. Эвристическій.

§ 31. Какъ перевились богатыри на Руси (отрывокъ).

Было такъ, на восходѣ краснаго солнышка,
Вставалъ Илья Муромецъ раньше всѣхъ,
Выходилъ онъ на Сафатъ—рѣку,
Умывался студеной водой,
Утирался тонкимъ полотномъ,
Помолился чудну образу;
Видитъ онъ—черезъ Сафатъ-рѣку
Переправляется сила басурманская:
И той силы доброму молодцу не объѣхати,
Сѣрому волку не обрыскати,
Черному ворону не облетѣти.
И кричитъ Илья зычнымъ голосомъ:
«Ой ужъ гдѣ вы, могучіе витязи,
«Удалые братья названые»?
Какъ сбѣгалися на зовъ его витязи,
Какъ садилися на добрыхъ коней,
Какъ бросалися на силу басурманскую.
Стали силу колоть—рубить.
Не столько витязи рубятъ,
Сколько добрые кони ихъ топчутъ;
Бились три часа и три минуточки,

---

*) Продолж. См. III в. 1909 г.

Изрубили силу поганую.
И стали витязи похвалятися:
«Не намахалися наши могутныя плечи,
«Не уходилися наши добрые кони,
«Не притупились мечи наши бутатные»!
И говоритъ Алеша—поповичъ младъ:
«Подай намъ силу не здѣшнюю—
«Мы и съ тою, витязи, справимся»!
Какъ промолвилъ онъ слово неразумное,
Такъ и явились двое воителей,
И крикнули они громкимъ голосомъ:
—А давайте съ нами, витязи, бой держать!
--Не глядите, что насъ двое, а васъ семеро».
Не узнали витязи воителей.
Разгорѣлся Алеша—поповичъ на ихъ слова,
Поднялъ онъ коня борзаго.
Налетѣлъ на воителей
И разрубилъ ихъ пополамъ со всего плеча—
Стало четверо—и живы всѣ.
Налетѣлъ на нихъ Добрыня молодецъ,
Разрубилъ ихъ пополамъ со всего плеча:
Стало восьмеро—и живы всѣ.
Налетѣлъ на нихъ Илья Муромецъ,
Разрубилъ ихъ пополамъ со всего плеча:
Стало вдвое болѣе—и живы всѣ.
Бросились на силу всѣ витязи,
Стали оно силу колоть—рубить:
А сила все растетъ да растетъ,
Все на витязей съ боемъ идетъ.
Бились витязи три дня,
Бились три часа, три минуточки.
Намахалися ихъ плечи могутныя,
Уходилися ихъ кони добрые,

Притупились мечи ихъ булатные;
А сила все растетъ да растетъ,
Все на витязей съ боимъ идетъ.
Испугались могучіе витязи,
Побѣжали въ каменныя горы,
Въ темныя пещеры;
Какъ подбѣжитъ витязь къ горѣ,
Такъ и окаменѣетъ;
Какъ подбѣжитъ другой,
Такъ и окаменѣетъ;
Какъ подбѣжитъ третій,
Такъ и окаменѣетъ.

Съ тѣхъ поръ и перевелись витязи на святой Руси. Стоятъ богатыри у Сафатъ-рѣки: первая дорога ведетъ къ Новгороду, вторая въ Кіевъ, третья—къ синему морю. Въ этой былинѣ говорится о событіи, когда Кіевъ утратилъ первенствующее значеніе: къ Кіеву ведетъ вторая дорога: вѣроятно разумѣется Московскій періодъ.

Физическая сила, въ лицѣ богатырей, утратила значеніе; пріобрѣли значеніе двѣ другія силы: государство и религія.

1) Прослѣдить по исторіи усиленіе власти отъ Іоанна Калиты до Грознаго.

2) Разсказать о важнѣйшихъ дѣятеляхъ изъ духовенства отъ митрополита св. Петра до Никона.

Садко богатый гость Новгородскій.

Во славномъ во Ново-градѣ
Какъ былъ Садке купецъ, богатый гость.
А прежде у Садка имущества не было:
Одни были гуселки яровчаты;

По пирамъ ходилъ—игралъ Садке.
Садка день не зовутъ на почестенъ пиръ,
Другой не зовутъ на почестенъ пиръ,
И третій не зовутъ на почестенъ пиръ.
Потомъ Садке соскучился:
Какъ пошелъ Садке къ Ильмень озеру,
Садился на бѣлъ горючъ камень
И началъ играть въ гуселки яровчаты.
Какъ тутъ-то въ озерѣ вода всколыбалася,
Показался царь морской,
Вышелъ со Ильменя со озера,
Самъ говорилъ таковы слова:
«Ай же ты, Садке Новгородскій!
Не знаю, чѣмъ тебя буде пожаловать
За твои за утѣхи за великія,
За твою-то игру нѣжную:
Аль безсчетной золотой казной?
А не то ступай во Новгородъ
И ударь о вел къ закладъ,
Заложи свою буйную голову
И выряжай съ прочилъ купцовъ
Лавки товара краснаго,
И спорь, что въ Ильмень озерѣ
Есть рыба—золотыя перья.
Какъ ударишь о великъ закладъ,
И поди—свяжи шелковый неводъ,
И пріѣзжай ловить въ Ильменьозеро:
Дамъ три рыбины—золоты перья.
Тогда ты, Садке, счастливъ будешь.
Пошелъ Садке отъ Ильмень отъ озера,
Какъ приходилъ Садке во свой во Новгородъ;
Позвали Садке на почестенъ пиръ.
Какъ тутъ Садке новгородскій

Сталъ играть въ гуселки яровчаты;
Какъ тутъ стали Садке попаивать,
Стали Садку подваживать,
Какъ тутъ-то Садке сталъ похвастывать:
«Ай же вы, купцы Новгородскіе!
«Какъ знаю чудо чудное въ Ильмень озерѣ:
«А есть рыба—золотыя перья въ Ильмень озерѣ».
Какъ тутъ-то купцы Новгородскіе
Говорятъ ему таковы слова:
«Не знаешь ты чуда чуднаго,
Не можетъ быть въ Ильмень озерѣ рыба золоты—перья.
«Ай же вы, купцы Новгородскіе!
О чемъ же бьете со мной о великъ закладъ?
Ударимъ-ка о великъ закладъ:
Я заложу свою буйную голову,
А вы залагайте лавки товару краснаго».—
Три купца повыкинулись,
Заложили по три лавки товара краснаго.
Какъ тутъ-то связали неводъ шелковый
И поѣхали ловить въ Ильмень озеро;
Закинули тоньку въ Ильмень озеро,
Добыли рыбку—золоты перья;
Закинули другую тоньку въ Ильмень озеро
Добыли другую рыбку золоты—перья;
Третью закинули тоньку въ Ильмень озеро,
Добыли третью рыбку—золоты—перья.
Тутъ купцы Новгородскіе
Отдали по три лавки товара краснаго.
Сталъ Садке поторговывать,
Сталъ получати барыши великіе.
Потомъ Садке купецъ, богатый гость,
Зазвалъ къ себѣ на почестенъ пиръ.

Всѣ на пиру наѣдалися,
Всѣ на пиру напивалися
Похвальбами всѣ похвалялися,
Говоритъ Садке купецъ, ботатый гость;
«А чѣмъ мнѣ, Садку, хвастаться,
Чѣмъ мнѣ, Садку, похвалятися?
У меня-ль золота казна не тощится,
Цвѣтно платьице не носится,
Дружина хоробра не измѣняется;
А похвастать не похвастать безсчетной золотой
казной:
На свою безсчетну золоту казну
Повыкуплю товары Новгородскіе,
Худые товары и добрые»!
Не успѣлъ онъ слова вымолвить,
Какъ настоятели Новгородскіе
Ударили о великъ закладъ,
О безсчетной золотой казны,
О денежкахъ тридцати тысячахъ:
Какъ повыкупить Садку товары Новгородскіе,
Худые товары и добрые,
Чтобъ въ Новѣ-градѣ товаровъ въ продажѣ бо-
лѣ не было.
Ставалъ Садке на другой день ранымъ-рано,
Будилъ свою дружину хоробрую,
Безъ счета давалъ золотой казны,
И распущалъ дружину по улицамъ торговыимъ,
А самъ то прямо пошелъ въ гостиный рядъ;
Какъ повыкупилъ товары Новгородскіе,
Худые товары и добрые
На свою безсчетну золоту казну.
На другой день ставалъ Садке ранымъ рано
Будилъ свою дружину хоробрую,

Безъ счета давалъ золотой казны
И распущалъ дружину по улицамъ торговымъ,
А самъ то прямо шелъ въ гостиный рядъ:
Вдвойнѣ товаровъ принавезено,
Вдвойнѣ товаровъ принаполнено
На тую на славу на великую Новогородскую.
Опять выкупалъ товары Новогородскіе,
Худые товары и добрые
На свою безсчетну золоту казну.
На третій день ставалъ Садко ранымъ рано,
Будилъ свою дружину хоробрую,
Безъ счета давалъ золотой казны,
И распущалъ дружину по улицамъ торговымъ,
А самъ-то прямо шелъ въ гостиный рядъ:
Втройнѣ товаровъ принавезено,
Подоспѣли товары Московскіе
На ту на великую на славу Новгородскую.
Какъ тутъ Садке пораздумался:
«Не выкупить товара со всего бѣла свѣта:
Еще повыкуплю товары Московскіе,
Подоспѣютъ товары заморскіе.
Не я, видно, купецъ богатъ Новогородскій,
Побогаче меня славный Новгородъ».
Построилъ Садке тридцатъ кораблей,
Тридцать кораблей, тридцать черленыихъ;
На ты на корабли на черленые
Свалилъ товары Новогородскіе,
Поѣхалъ Садке по Волхову,
Со Волхова во Лодожско,
А со Ладожска во Неву рѣку,
А со Невы рѣки во сине море.
Поѣзжалъ онъ по синю морю.
На синемъ морѣ сходилась погода сильная,

Застоялись черлены корабли на синемъ морѣ:
А волной-то бьетъ, паруса рветъ,
Ломаетъ кораблики черленые;
А корабли нейдутъ съ мѣста на синемъ морѣ.

Бросили въ море двѣ бочки золота, но корабли не двинулись и буря не утихла; тогда рѣшили, что морской царь требуетъ человѣческой жертвы. По жребію опустили Садко съ его гуслями.

Увидѣлъ Садке,—во синемъ морѣ
Стоитъ палата бѣлокаменная;
Заходилъ Садке въ палату бѣлокаменну:
Сидитъ въ палатѣ царь морской.
Голова у царя какъ куча сѣнная.
Говоритъ царь таковы слова:
Ай же ты, Садке, купецъ богатый гость!
Вѣкъ ты, Садке. по морю ѣзживалъ,
Мнѣ царю дани не плачивалъ,
А нонь весь пришелъ ко мнѣ во подарочкахъ.
Скажутъ мастеръ играть въ гуселки яровчавы;—
Поиграй-же мнѣ въ гуселки яровчаты.
Какъ началъ играть Садке въ гуселки яровчаты,
Какъ началъ плясать царь морской во синемь морѣ,
Какъ расплясался царь морской.
Игралъ Садке сутки, игралъ и другія,
Да игралъ еще и третьи,
А все пляшетъ царь морской во синемъ морѣ.
Во синемъ морѣ вода всколыбалася,
Со желтымъ пескомъ вода смутилися.
Стало разбивать много кораблей на синемъ морѣ,
Стало много гинуть имѣньицевъ,
Стало много тонуть людей праведныихъ:
Какъ сталъ народъ молиться Миколы Можайскому.

Микола Можайскій заставилъ Садко прекратить игру и помогъ ему выбраться изъ глубины морской. Садко построилъ церковь Миколѣ Можайскому.

§ 33. Разборъ былины:

1) Пріобрѣтеніе средствъ для начала торговли; сравнить: «рыба—золотыя перышки» и «У сошки золотые рожки».

2) Громадное богатство Садко: состязаніе съ Новгородомъ.

3) Причина быстраго нароста богатства въ Новгородѣ: обширность торговли.

§ 34. **Позднѣйшія былины, или «историческія пѣсни».** Въ пѣсняхъ изображаются историческія событія, сильно затронувшія народъ; имена лицъ историческія (иногда съ небольшимъ искаженіемъ).

Пѣсня о Щелканѣ Дудентьевичѣ.

А и дѣялося въ Ордѣ
Передѣялось въ Большой.
На стулѣ золотѣ,
На рытомъ бархатѣ
На червчатой камкѣ,
Сидитъ тутъ царь Азвякъ,
Азвякъ Тавруловичъ,
Суды разсуживаетъ
И ряды разряживаетъ,
Кастылемъ размахиваетъ
По бритымъ тѣмъ усамъ,
По татарскимъ тѣмъ головамъ,
По синимъ плѣшамъ.
Шурьевъ царь дарилъ,
Азвякъ Тавруловичъ,

Городами стольными:
Василья—на Плесу,
Гордѣя—къ Вологдѣ,
Ахрамея—къ Костромѣ.
Одного не пожаловалъ—
Любимаго шурина
Щелкана Дудентьевича.
За что не пожаловалъ?
И за то онъ не пожаловалъ:
Его дома не случилося,
Уѣзжалъ-то младъ Щелканъ
Въ дальнюю землю Литовскую,
За моря синія;
Бралъ онъ, младъ Щелканъ,
Дани-невыходы,
Царски невыплаты:
Съ князей бралъ по сту рублевъ,
Съ бояръ по пятидесять,
Съ крестьянъ по пяти рублевъ.
У котораго денегъ нѣтъ,
У того дитя возьметъ;
У котораго дитя нѣтъ,
У того жену возьметъ;
У котораго жены-то нѣтъ,
Того самого головой возьметъ.
Вывезъ младъ Щелканъ
Дани=выходы,
Царскія невыплаты;
Вывелъ младъ Щелканъ
Коня во сто рублевъ,
Сѣдло во тысячу,
Уѣздѣ—цѣны ей нѣтъ.
Не тѣмъ узда дорога,

Что вся узда золота:
Она тѣмъ узда дорога,—
Царское жалованье,
Государево величество;
А нельзя, дескать,
Тое узды ни продать, ни промѣнять,
И друга дарить,
Щелкана Дудентьевича.
Проговоритъ младъ Щелканъ,
Младъ Дудентьевичъ:
«Гой еси, царь Азвякъ,
«Азвякъ Тавруловичъ!
«Пожаловалъ ты молодцовъ,
Любимыхъ шуриновъ,
Двухъ удалыхъ Борисовичевъ,
«Василья на Плесу,
«Гордея къ Вологдѣ,
«Ахрамѣя къ Костромѣ:
«Пожалуй ты, царь Азвякъ,
«Пожалуй ты меня
«Тверью старою;
«Тверью богатою,
«Двумя братцами родимыми,
«Дву удалыми Борисовичи».
Проговоритъ царь Азвякъ,
Азвякъ Тавруловичъ:
—Гой еси, шуринъ мой,
—Щелканъ Дудентьевичъ!
—Заколи-тка ты сына своего,
—Сына любимаго;
—Крови ты чашу нацѣди,
—Выпей ты крови тоя,
—Крови горячія:

—И тогда я тебя пожалую
—Тверью старою,
—Тверь богатою,
—Двумя братцами родимыми,
Дву удалыми Борисовичи.—
Втапоры младъ Щелканъ
Сына своего закололъ,
Чашу крови нацѣдилъ,
Крови горячія,
Выпилъ чашу тоя крови горячія:
А втапоры царь Азвякъ
За то его пожаловалъ
Тверью старою,
Тверью богатою,
Двумя братцами родимыми
Дву удалыми Борисовичи.
И втѣпоры младъ Щелканъ
Онъ судьею насѣлъ
Въ Тверь ту старую,
Въ Тверь ту богатую.
А не много онъ судьею сидѣлъ:
Надо всѣми наругатися,
Надъ домами насмѣхатися.
Мужики-то старые,
Мужики-то богатые,
Мужики посадскіе,
Они жалобу приносили
Двумъ братцамъ родимымъ,
Двумъ удалымъ Борисовичамъ,
Отъ народа они съ поклономъ
Пошли, съ честными подарками,
И понесли они честные подарки
Злата—серебра и скатнаго жемчугу

Изошли его въ домѣ у себя,
Щелкана Дудентьевича:
Подарки принялъ отъ нихъ,
Чести не воздалъ имъ.
Втапоры младъ Щелканъ
Зачванился онъ, загординился.
И они съ нимъ раздорили:
Одинъ ухватилъ за волосы,
А другой за ноги.
И тутъ его розорвали,
Тутъ смерть ему случилася,
Ни на комъ не сыскалося.

Въ этой пѣснѣ съ нѣкоторымъ вымысломъ разсказывается о событіи, помѣщеномъ въ исторіи Карамзина подъ 1327 годомъ: Въ концѣ лѣта явился въ Тверь ханскій посолъ Шевкалъ, сынъ Дуденевъ и двоюродный братъ Узбека, со многочисленными толпами грабителей. Бѣдный народъ, уже привыкнувъ терпѣть насилія татарскія, искалъ облегченія въ однѣхъ безполезныхъ жалобахъ; но содрогнулся отъ ужаса, слыша, что Шевкалъ, ревностный чтитель алкорана, намѣренъ обратить россіянъ въ магометанскую вѣру, убить князя Александра съ братьями, сѣсть на его престолъ и всѣ города наши раздать своимъ вельможамъ. Говорили, что онъ воспользуется праздникомъ Успенія, къ коему собралось въ Тверь множество усердныхъ христіанъ, и что моголы умертвятъ ихъ всѣхъ до единаго. Сей слухъ могъ быть неоснователенъ; ибо Шевкалъ не имѣлъ достаточнаго войска для приведенія въ дѣйство намѣренія столь важнаго... Граждане—усердные, пылкіе единодушно требовали оружія; князь на разсвѣтѣ, 15-го августа, повелъ ихъ ко дворцу Михайлову, гдѣ былъ братъ Уз-

бековъ. Общее волненіе, шумъ и стукъ оружія пробудили татаръ: они успѣли собраться къ своему начальнику и выступили на площадь. Тверитяне устремились на нихъ съ воплемъ.

Сѣча была ужасна. Отъ восхода солнца до темнаго вечера рѣзались на улицахъ съ остервенѣніемъ необычайнымъ. Уступивъ превосходству силъ, моголы заключились во дворцѣ: Александръ обратилъ его въ пепелъ, и Шевкалъ сгорѣлъ тамъ съ остатками ханской дружины.

§ 35. Пѣсня объ Иванѣ Грозномъ

Въ старые годы, прежніе
При зачинѣ каменной Москвы,
Зачинался тутъ и грозный царь,
Грозный царь Иванъ, сударь, Васильевичъ.
А втапоры былъ у царя почестной столъ,
Почестной столъ, пированье великое
Про всѣхъ про князей, про бояръ,
Про гостиныхъ людей, купцовъ сибирскіихъ.
А и столъ былъ во полу-столѣ,
А и пиръ былъ во полу-пирѣ,
Гости царскіе навеселѣ;
Стали они промежду себя похвалятися:
Сильный хвалится своею силою,
Богатый хвалится своимъ богачествомъ.
Не золотая трубонька вострубливала,
Не серебрана сиполица возыгрывала:
Возговорилъ грозный царь,
Иванъ, сударь Васильевичъ:
«Ужъ какъ я ли могу похвалятися,
«Что и взялъ я Казанское царство,
«Рязань городъ, славну Астрахань;

«Ужъ и я ли вывелъ измѣну изо Пскова,
«Изо Пскова и изъ Нова-города!»
Какъ возговорилъ младой царевичъ:
—Ой ты гой еси, государь царь Иванъ Васильевичъ!
—Что и взялъ ты царство Казанское,
—Рязань городъ, еще Астрахань,
—Ужъ ты вывелъ измѣну изо Пскова,
—Изо Пскова и изъ Нова города,
—Да не вывелъ измѣны изъ каменной Москвы:
—Еще есть у насъ въ Москвѣ измѣнникъ,
—Во твоихъ ли государевыхъ палатахъ,
—Онъ и ѣстъ съ тобой съ одного блюда,
—Съ одного плеча носитъ платье цвѣтное!»
Какъ и тутъ грозный царь Иванъ Васильевичъ догадается,
Онъ гнѣвомъ великимъ воспаляется.
Закричалъ онъ своимъ громкимъ голосомъ:
«А и кто есть у меня слуги вѣрные!
«Берите царевича за бѣлы руки,
«Ведите царевича за Москву-руку,
«Ко тому-ли болоту стоячему,
«Ко той-ли лункѣ кровавой,
«Ко той ли плахѣ поганой!»
Какъ тутъ всѣ князь-бояре испужалися,
Всѣ вѣрные слуги по Москвѣ разбѣжалися;
Оставался одинъ злодѣй Малюта,
Что Малюта злодѣй Скурлатовичъ.
Онъ беретъ царевича за бѣлы руки,
И ведетъ его за Москву-рѣку,
Ко тому ли болоту стоячему,
Ко той ли лужѣ кровавой,
Ко той ли плахѣ поганой.

Распровѣдалъ про то большой бояринъ,
Что честной Никита свѣтъ Романычъ:
Онъ садится на добра коня,
На добра коня неѣзжанаго,
И онъ скачетъ за матушку за Москву-рѣку,
И онъ машетъ шапкой бархатной,
Самъ кричитъ зычнымъ голосомъ:
—Ой, народъ православный, разступися,
—Люди добрые, сторонитеся,
Давайте мнѣ, боярину, дорогу!—
Прискакалъ Никита свѣтъ Романычъ
Ко тому ли болоту стоячему,
Ко той ли лужѣ кровавой,
Ко той ли плахѣ поганой—
Вырываетъ царевича у Малюты,
У Малюты злодѣя Скурлатовича;
Онъ беретъ его за бѣлы руки,
Приводитъ его на царскій дворъ.
А тутъ грозный царь
Иванъ, сударь Васильевичъ взрадовался,
Онъ на шеюшку царевичу кидался,
И Никитѣ свѣтъ Романычу поклонялся:
«А и чѣмъ мнѣ тебя, Никита, жаловать,
«А и какъ мнѣ тебя, Романычъ, чествовать?
«Ты бери у меня, что вздумаешь,
«Со конюшни что ни лучшаго коня,
«Съ царскихъ плечъ моихъ шубу кунію,
«Золотой ли казны сколько надобно!»
Какъ возговоритъ честной бояринъ,
Что честной Никита свѣтъ Романычъ:
—Ой ты гой еси, государь, царь Иванъ Васильевичъ!
—Мнѣ не надобенъ твой добрый конь,

—Мнѣ не надобна твоя шуба кунія,
—Не хочу я твоей золотой казны:
—Дай ты мнѣ только Малюту Скурлатова,
—Повели мнѣ его, сударь, казнити!—

1) Историческія событія, упомянутыя въ пѣснѣ.
2) Какъ отразилось убіеніе сына?
3) Дѣйствительныя черты характера Грознаго.
4) Пониманіе смысла событій.

§ 36. Выраженія для освѣженія языка.

«Сила по жилочкамъ такъ живчикомъ и переливается». Щупаетъ сумочку—она не скрянется, двинетъ перстомъ ее—не сворохнется». «По колѣна Святогоръ въ землю угрязъ». «Снарядился Святогоръ во чисто поле». «Учился Волхъ обертываться туромъ—золотые рога». «Божьи церкви на дымъ пустить». «Выѣхалъ въ раздольице чисто-поле». Омѣшики по камешкамъ почеркиваютъ». Съ края въ край бороздки пометываетъ». «Ѣхалъ съ утра до па́бѣдья (закуска послѣ обѣда)». «Наѣхалъ ратая (ср. нашелъ)». «Который стоймя-стоитъ, тотъ сидьмя сидитъ; который сидьмя-сидитъ, тотъ лежьмя-лежитъ». «Поѣдемъ со мной въ товарищахъ (въ компаніи)». «Оратая кобылка грудью пошла». «Какъ величаютъ по отчеству»? «Не помысли зломъ на татарина». «Подъ Черниговымъ силушки чернымъ-черно» (вмѣсто тьма-тьмущая, масса). «Разводилъ медами стоялыми (вм. напр. старое вино)». «Полно слезить отцовъ, матерей, вдовить женъ молодыхъ, спущать сиротать (а также «сиротить») малыхъ дѣтушекъ». «Въ чистомъ полѣ увидѣлъископыть («слѣдъ»—не совсѣмъ-то)». Илья Муромецъ не удробился (не растерялся бук-

вально: не разсыпался въ дробь)». «Съ Новымъ-городомъ жилъ, не перечился». «Бери дѣвицу чернавушку (брюнетку)». «Не намахалися наши руки, не уходилися добрые кони». Особенною красотою выраженія отличаются пословицы, которыя въ то же время имѣютъ глубокій смыслъ: онѣ, будучи обобщеніемъ частностей, представляютъ законы нравственной жизни.

§ 37. Систематизація для повторенія.

1) Свѣдѣнія изъ психологіи и логики.

1) Физическій процессъ: а) Предметы производятъ впечатлѣніе на внѣшнія чувства. б) Нервы раздражаются и передаютъ впечатлѣніе головному или спинному мозгу.

2) Психо-физическій актъ (дѣйствіе): душа обращаетъ вниманіе на впечатлѣніе—получается ощущеніе.

3) Психологическіе акты: а) Въ душѣ послѣ ощущенія остается представленіе предмета. б) Душа размышляетъ объ этихъ представленіяхъ—это способность мышленія. в) Представленіями пробуждаются чувствованія: радости, печали, страха, удивленія, восторга, любви, ненависти и проч.

г) Одного душа желаетъ, отъ другого отвращается—это способность воли.

д) Душа смотритъ сама на себя, сознаетъ то, что представляетъ, о чемъ и какъ думаетъ, что чувствуетъ, чего желаетъ; эта способность называется сознаніемъ. е) Все, что уходитъ изъ сознанія, не исчезаетъ, а сохраняется въ памяти и можетъ припоминаться или безъ нашего желанія (пассивно) или по желанію (активная память). ж) Воспоминаніе возможно потому, что все содержаніе памяти располагается въ порядкѣ. Два порядка или двѣ ассоціаціи: ассоціація смеж-

ности по мѣсту и по времени, ассоціація однородности или сходства и контраста. з) Воспоминаемое обрисовывается, возстановляется представленіе въ прежней свѣжести при помощи воображенія. и) Изъ различныхъ представленій могутъ создаваться новые образы предметовъ, которыхъ мы не видѣли, образы фантастическіе или правдоподобные. Эта способность называется фантазіей.

4) Логическій актъ—образованіе изъ представленій понятій.

а) Соединяя признаки общіе многимъ предметамъ, образуемъ общее понятіе. б) Изъ постоянныхъ признаковъ предмета образуемъ единичное понятіе. в) Отвлекая какой нибудь признакъ отъ предмета, получаемъ отвлеченное понятіе.

II Теорія словесности. 1) Сочиненіе есть связное изложеніе мыслей, чувствованій и желаній.

Въ сочиненіи различается содержаніе, порядокъ и выраженіе. а) Содержаніе получается изъ внѣшняго міра посредствомъ внѣшнихъ чувствъ, а также изъ внутренняго міра—посредствомъ сознанія. б) Въ описаніи порядокъ основывается на ассоціаціи смежности по мѣсту, въ повѣствованіи—на смежности по времени.

2) Сочиненія дѣлятся на прозаическія и поэтическія. а) Въ прозаическихъ сочиненіяхъ даются только свѣдѣнія, отвлеченныя понятія. Языкъ отвлеченный. б) Въ поэтическихъ произведеніяхъ даются картины, съ вымыслами. Языкъ картинный.

3) Дѣленіе поэтическихъ произведеній.

а) Если содержаніе поэтическихъ произведеній берется изъ внѣшняго міра, сочиненія называются эпическими; сказки, былины-эпическія произведенія. б) Если содержаніе берется изъ внутренняго міра—говорится о

думахъ, чувствованіяхъ и желаніяхъ,—сочиненія называются лирическими; пѣсни подблюдныя и семейныя-лирическія произведенія.

4. Стихосложеніе. «*Ужъ какъ палъ туманъ* | *на сине море*

Ахъ кабы на цвѣты | *да не морозы.*

А и *го*ре, горе | горе*ва*ньице.

Не шу*ми* мати | зеленая дуб*ро*вушка.

Мимо мово садика.

III История литературы.

Прежде письменной литературы появляется устная литература.

1) Древнѣе всѣхъ другихъ устныхъ произведеній миѳическія сказки, или миѳическій эпосъ.

Въ миѳическихъ сказкахъ говорится о явленіяхъ природы: народъ хочетъ разгадать, кто производитъ времена года, сутокъ, кто производитъ громъ, дождь, снѣгъ. Существа, производящія явленія природы, боги; въ честь ихъ установлены праздники. Зимній праздникъ Коляда, съ нимъ совпадаютъ обычаи: колядованіе, елка, кутья, гаданья съ подблюдными пѣснями. Весенніе праздники: масляница, весенній четвергъ, красная горка. Лѣтніе праздники: семикъ и Ивана Купалы.

2) Одновременно создается животный эпосъ, или сказки о животныхъ. Въ этихъ сказкахъ говорится о характерѣ животныхъ, которыя представляются человѣкообразно.

3) Бытовый эпосъ, или бытовыя сказки представляютъ образъ жизни народа.

4) Случаями жизни вызываются лирическія пѣсни, въ которыхъ говорится о радостяхъ и горестяхъ народа. Стихотворныя произведенія поются.

5) Поются также былины, въ которыхъ говорится

о политической жизни народа, о всенародной жизни.

6) Дѣленіе былинъ. Былины дѣлятся на два цикла: кіевскій циклъ и новгородскій. Въ кіевскомъ циклѣ различаются былины о старшихъ богатыряхъ и о младшихъ богатыряхъ.

7) Въ былинахъ о старшихъ богатыряхъ представленъ переходъ народа отъ кочевой жизни къ осѣдлой, въ лицѣ Святогора, Вольги (онъ же Волхъ) и Микулы Селяниновича.

Идея: осѣдлая жизнь лучше кочевой.

8) Въ былинахъ о младшихъ богатыряхъ изображенъ періодъ осѣдлой жизни, періодъ очень древній (до монгольскаго ига). Представлена земская дѣятельность: обрабатываніе земли, проведеніе дорогъ, борьба со звѣрьми и разбойниками, представлена и политическая дѣятельность: служеніе князю, защита городовъ (Чернигова), борьба съ кочевниками (съ жидовиномъ). Въ одной былинѣ представлено появленіе государственности и христіанской религіи.

9) Въ былинахъ новгородскихъ представлена новгородская жизнь: Садко—типъ богатаго сословія, Валилій Буслаевъ—типъ вольницы новгородской.

Темы.

А. Явленія природы по народному воззрѣнію.

Планъ I. Явленія, останавливающія вниманіе народа.

2) Способъ объясненія причинъ явленій.

II 1) Осеннее состояніе природы и средство измѣнить это состояніе.

2) а) Образъ зимы. б) Различныя причины зимы в) причина вьюги. г) Приключеніе громовника (Иванъ-царевича).

3) а) Возвращеніе весны и ея образъ.

б) Принадлежности громовника.

III. Свѣтлыя и добрыя существа. Ихъ торжество-

Б) Языческіе праздники..

В) Бытъ народа по сказкамъ, лирическимъ пѣснямъ и былинамъ.

Планъ. 1) Стороны быта.

II 1) Религіозный бытъ -религіозные обряды; а) языческіе, б) христіанскіе.

2) Семейная жизнь: занятія и отношенія членовъ семьи.

3) Отношенія между различными людьми.

III. Хорошія стороны древняго быта.

Г. Исторія народа по былинамъ кіевскаго цикла.

Планъ. I. 1) Способъ изображенія жизни цѣлаго народа.

2) Главные періоды жизни народа по былинамъ.

II 1) Пероходный періодъ: а) горные кочевники; б) звѣроловы; в) встрѣча кочевниковъ съ осѣдлыми.

а) Моментъ пробужденія народа и появленія различныхъ интересовъ.

б) Земская дѣятельность.

в) Политическая дѣятельность.

п) Переломъ въ жизни народа—укрѣпленіе государственности и вліяніе религіи.

Примѣчаніе. Въ послѣднемъ пунктѣ кладется въ основаніе былина «Какъ перевелись богатыри на Руси»; по исторіи дѣлается обзоръ укрѣпленія власти (стремленіе къ единодержавію и самодержавію) и усиленія вліянія религіи (въ лицѣ ея представителей).

А. Барсовъ.

---

*) Планъ дается только для того, чтобы разобраться съ матеріаломъ, а сочиненіе должно писаться безъ плана.

Обученіе грамматикѣ.

Цѣли обученія грамматикѣ.

Каждый человѣкъ, вслѣдствіе внутренней потребности, еще съ дѣтства научается говорить на отечественномъ языкѣ. Рѣчь окружающихъ становится и его рѣчью, и если окружающіе говорятъ правильно, то и онъ говоритъ правильно. Въ своей рѣчи онъ правильно примѣняетъ всѣ формы и законы языка, хотя и не сознаетъ этого. Раскрыть передъ его умственнымъ взоромъ тѣ законы и формы языка, которыми онъ пользуется безсознательно и такимъ образомъ дать ему возможность пользоваться ими сознательно, и является одною изъ цѣлей обученія грамматикѣ.

Затѣмъ, путемъ упражненій можно, какъ было уже сказано, пріобрѣсти навыкъ къ правильному письму. Но этотъ навыкъ, безъ знанія грамматики, не можетъ считаться вполнѣ надежнымъ *). Случись сомнѣніе относительно правописанія того или другого слова, и оно не можетъ быть разрѣшено безъ знанія грамматики. Только съ помощью грамматики разрѣшаются сомнѣнія относительно правописанія словъ. Къ тому же пріобрѣтеніе навыка къ правильному письму безъ помощи грамматики потребовало бы много времени и труда и трудъ этотъ былъ бы чисто механическій. То, что усваивает-

---

*) Подобно тому, какъ не можетъ считаться вполнѣ надежнымъ въ дѣлѣ правописанія одно только знаніе грамматики безъ соотвѣтственнаго навыка Знаніе грамматики и пріобрѣтеніе навыка къ правильному письму совмѣстно ведутъ къ ороографически—правильному письму.

ся легко и скоро при помощи общихъ грамматическихъ правилъ, становится труднымъ, тяжелымъ къ пріобрѣтенію путемъ одного только навыка.

Далѣе, вслѣдствіе тѣсной, органической связи между внутренней (идейной, смысловой) и внѣшней стороной (формой) рѣчи, разнообразные оттѣнки во внутренней сторонѣ рѣчи отражаются на внѣшней сторонѣ ея. Пониманіе формы рѣчи способствуетъ болѣе глубокому и точному пониманію внутренней стороны ея, т. е. мыслей, чувствъ, выраженныхъ въ данной формѣ. Такимъ образомъ грамматика, знакомя съ формами и законами языка, тѣмъ самымъ открываетъ путь къ болѣе вѣрному, точному пониманію содержанія, смысла рѣчи. Письменная и устная рѣчь другихъ становится болѣе понятной и доступной.

Способствуя пониманію рѣчи другихъ, изученіе грамматики содѣйствуетъ развитію и собственной рѣчи учениковъ какъ устной, такъ и письменной. Знаніе грамматики даетъ возможность сознательно подбирать такія формы для выраженія мыслей, какія наиболѣе соотвѣтствуютъ послѣднимъ.

Кромѣ всего сказаннаго, обученіе грамматикѣ обогащаетъ учащихся цѣнными знаніями изъ области близкой каждому человѣку—изъ области родного языка. Самый процессъ усвоенія этихъ знаній ведетъ къ развитію умственныхъ силъ учениковъ. При изученіи грамматики приходится вникать въ рѣчь, подмѣчать и выводить законы ея, приходится выведенные общіе законы примѣнять при письменномъ или устномъ изложеніи своихъ мыслей. Все это, будучи проявленіемъ умственной дѣятельности, ведетъ къ развитію умственныхъ силъ.

Наконецъ, изученіе отечественной грамматики основываясь на наблюденіяхъ надъ собственной рѣчью, слу-

жащею выраженіемъ душевныхъ явленій, ведетъ къ развитію самонаблюденія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самосознанія, что очень важно въ дѣлѣ духовнаго развитія индивидуума. Не напрасно на древнемъ греческомъ храмѣ, посвященномъ богинѣ мудрости, написано было: «познай самого себя».

Такимъ образомъ обученіе грамматикѣ а) ведетъ къ сознательному отношенію къ собственной рѣчи, б) способствуетъ пріобрѣтенію умѣнья правильно писать, в) приближаетъ къ болѣе вѣрному пониманію устной и письменной рѣчи другихъ, г) содѣйствуетъ развитію собственной устной и письменной рѣчи, д) обогащаетъ очень важными въ образовательномъ отношеніи знаніями, е) развиваетъ мышленіе въ отвлеченной области и ж) пріучаетъ къ самонаблюденію.

Ввиду всѣхъ этихъ цѣлей, достигаемыхъ изученіемъ отечественной грамматики, изученіе ея должно входить въ кругъ общеобразовательныхъ учебныхъ предметовъ. Но для того, чтобы означенныя цѣли дѣйствительно были достигаемы, необходимо, чтобы обученіе ей ведено было правильнымъ методомъ, цѣлесообразно.

Методъ обученія отечественной грамматикѣ.

Языкъ имѣетъ извѣстные законы и формы. Грамматика является выводомъ этихъ законовъ и формъ и изложеніемъ ихъ въ извѣстной системѣ.

Такимъ образомъ предметомъ грамматики служитъ языкъ въ его законахъ и формахъ.

Изъ дидактическаго требованія: «переходи при обученіи отъ предмета къ выводу мыслей о немъ, законовъ его», вытекаетъ, что съ грамматикой отечественнаго языка ученики должны быть ознакамливаемы не иначе,

какъ путемъ наблюденія надъ родною рѣчью и вывода, посредствомъ такого наблюденія, грамматическихъ законовъ и формъ.

Но сами ученики, безъ руководства учителя, не въ состояніи подмѣтить въ языкѣ его законы и формы; они не привыкли еще вращаться въ такой отвлеченной области, какою являются законы и формы языка; они не въ состояніи даже догадываться о существованіи ихъ въ языкѣ. Является надобность въ помощи учителя, который, обращая ихъ вниманіе на требуемую сторону языка, тѣмъ самымъ подводитъ ихъ къ выводу нужной грамматической формы или грамматическаго закона.

Такой путь тѣмъ болѣе умѣстенъ, что вмѣстѣ съ языкомъ у ребенка развивается безсознательное чутье къ правильности рѣчи. Онъ засмѣется, если услышитъ: «дѣвочка гулялъ по лугъ» или: «мальчикъ поймала рыбка». Онъ чувствуетъ, что такъ сказать нельзя, а нужно сказать: «дѣвочка гуляла по лугу», «мальчикъ поймалъ рыбку», хотя и не знаетъ, почему нужно сказать такъ, а не иначе.

Пользуясь этимъ чутьемъ учениковъ, учитель своими вопросами обращаетъ вниманіе ихъ на родную рѣчь и они замѣчаютъ въ ней тѣ или другія формы, тѣ или другіе законы. Учитель такимъ образомъ освѣщаетъ имъ путь, идя по которому, они, благодаря наблюденію надъ рѣчью, ознакамливаются съ законами и формами ея.

Выводъ общихъ законовъ, правилъ изъ наблюденія надъ частными явленіями, примѣрами составляетъ такъ называемый индуктивный методъ, который, значитъ, и примѣняется при обученіи грамматикѣ. Методъ этотъ, какъ извѣстно, вообще наиболѣе умѣстенъ при начальномъ обученіи.

Но, выведши общее правило или законъ, ученики примѣняютъ его въ своей рѣчи—устной или письменной: при выраженіи мысли, при написаніи слова, при разборѣ читаемаго текста и т. п. Примѣненіе общаго правила, закона къ частнымъ случаямъ составляетъ такъ называемый дедуктивный методъ.

Ученикамъ постоянно приходится то выводить грамматическіе правила, законы, то примѣнять выведенные законы, правила къ частнымъ случаямъ, значитъ, при обученіи грамматикѣ индукція и дедукція чередуются между собою. И такое чередованіе не только ведетъ къ сознательному и твердому усвоенію грамматическихъ знаній, но и способствуетъ развитію умственныхъ силъ учащихся.

Ознакомленіе учениковъ съ грамматическими свѣдѣніями.

Ученики могутъ быть ознакамливаемы съ грамматическими свѣдѣніями или при веденія объяснительнаго чтенія, или при веденіи диктовки, или же при разборѣ предложеній и словъ. Видитъ учитель, что сообщеніемъ того или другого грамматическаго свѣдѣнія можетъ быть освѣщено въ сознаніи учениковъ пониманіе читаемаго текста, или правописаніе данныхъ словъ, или пониманіе формы данныхъ предложеній и словъ онъ и ознакамливаетъ ихъ съ этимъ грамматическимъ свѣдѣніемъ. Большей же частью ознакомленіе учениковъ съ грамматическими формами и законами ведется посредствомъ слѣдующей проработки:

Подбираются примѣры, заключающіе въ себѣ требуемые грамматическіе формы или законы. Такіе примѣры учитель, или выбираетъ изъ книги, или придумы-

ваетъ самъ, или же предлагаетъ ученикамъ такіе вопросы, отвѣты на которые служили бы требуемыми примѣрами.

Подбираемые примѣры должны быть совершенно понятны ученикамъ, такъ чтобы они не только понимали мысль примѣровъ, такъ сказать, вообще, но и чувствовали оттѣнокъ въ содержаніи, выразившійся въ данной формѣ.

Такъ какъ синтактическая роль словъ и этимологическая форма ихъ имѣютъ значеніе только въ предложеніи то понятно, что лучше подбирать примѣры въ предложеніяхъ, при чемъ, конечно, необходимо, чтобы въ подбираемыхъ предложеніяхъ требуемая грамматическая форма или требуемый законъ выдвигался на первый планъ и ничѣмъ не былъ заслоняемъ.

Кромѣ того, очень важно, чтобы примѣры, подбираемые учителемъ или учениками, были содержательны, т. е. чтобы не только заключали въ себѣ изучаемую грамматическую форму, но также имѣли опредѣленный смыслъ. Случается, что ученики говорятъ примѣры по формѣ подходящіе, но по содержанію—безсмысленные, пустые. Не слѣдуетъ допускать такихъ примѣровъ.

Подобранные примѣры записываются на классной доскѣ. Кромѣ того, ученики иногда записываютъ ихъ въ свои записныя тетради.

Придерживаясь подобранныхъ примѣровъ, учитель своими вопросами и указаніями обращаетъ вниманіе учениковъ на тотъ грамматическій законъ или на ту грамматическую форму, съ которою онъ намѣренъ познакомить ихъ. Онъ привлекаетъ ихъ, между прочимъ, къ сравненію формъ. Сравненіе вообще есть лучшее средство къ ознакомленію съ предметомъ. Ученики сравниваютъ, напр., формы настоящаго, прошедшаго и бу-

дущаго временъ, сравниваютъ формы различныхъ степеней сравненія прилагательныхъ, сравниваютъ формы чиселъ—единственнаго и множественнаго, формы падежей; сравниваютъ раньше усвоенную форму съ усваиваемой въ данный урокъ и т. п. Видя различіе въ смыслѣ даннаго слова, поставленнаго въ различныхъ формахъ, ученики постигаютъ значеніе этихъ формъ.

Подмѣченная въ примѣрахъ грамматическая форма подчеркивается для болѣе отчетливаго выдѣленія ея.

Къ выведенному грамматическому закону или къ подмѣченной грамматической формѣ подводятся новые примѣры учителемъ или учениками, при чемъ послѣдніе указываютъ въ нихъ выдѣленную форму или примѣняютъ къ нимъ выведенное грамматическое правило. Указаніе учениками въ приводимыхъ примѣрахъ данной формы или даннаго правила тѣмъ болѣе необходимо, что случается иногда, что ученики, по требованію сказать примѣры, говорятъ таковые, хотя и неясно понимаютъ то правило или ту форму, къ которой они относятся. Подбирая примѣръ, они не сообразуются съ выведеннымъ правиломъ, а стараются лишь придумать примѣръ, похожій на тотъ, который былъ разсмотрѣнъ при выводѣ правила или формы. Такъ, напр., если для вывода понятія о страдательномъ залогѣ былъ разсмотрѣнъ примѣръ: «птичка поймана мальчикомъ», то, по требованію сказать примѣры страдательнаго залога, ученики говорятъ: «мышка поймана кошкой», «заяцъ словленъ собакой» и т. п, хотя и неясно понимаютъ значеніе страдательнаго залога.

Выведенное грамматическое правило или подмѣченная грамматическая форма излагается, по требованію учителя, однимъ изъ учениковъ и повторяется другими.

Какъ изложеніе выведеннаго правила, такъ и пов-

тореніе его обыкновенно не затрудняетъ особенно учениковъ, если они уразумѣли смыслъ его. Въ противномъ же случаѣ, т. е если они неясно понимаютъ содержаніе, смыслъ проработаннаго правила, они затрудняются и путаютъ не только при первоначальномъ изложеніи, но и при повтореніи его. Въ такомъ случаѣ, несравненно цѣлесообразнѣе возвратиться назадъ и навести учениковъ на пониманіе правила, чѣмъ заставлять ихъ повторять непонятное до тѣхъ поръ, пока они не заучатъ его наизусть. Такое заучиваніе не разъяснитъ непонятное и принесетъ не пользу, а только вредъ для душевнаго развитія.

Иногда учитель, выведши съ учениками грамматическое правило, предлагаетъ имъ для письменнаго или устнаго отвѣта одинъ или нѣсколько соотвѣтственныхъ вопросовъ, или предлагаетъ имъ подобрать подходящіе къ усвоенному правилу примѣры, или же задаетъ имъ соотвѣтственную письменную работу.

Формулируя письменно или устно грамматическое правило, подбирая подходящіе къ нему примѣры и исполняя соотвѣтственную письменную работу, ученики глубже вдумываются въ выведенное правило, основательнѣе уразумѣваютъ его и тверже его усваиваютъ.

Если ученики уже пользуются учебникомъ грамматики, то, для обезпеченія полнаго пониманія изложеннаго въ немъ правила, учитель предлагаетъ имъ прочитать его по нему. Прочитавши на урокѣ соотвѣтственное мѣсто учебника, ученики съ полнымъ пониманіемъ будутъ дома повторять проработанное правило.

Учебникъ грамматики, при правильномъ пользованіи имъ, давая ученикамъ краткую, точную и правильную форму для выраженія имѣющагося уже у нихъ содержанія, вмѣстѣ съ тѣмъ помогаетъ имъ тверже за-

поминать грамматическіе термины, возобновлять въ своей памяти забытое и приводить въ систему грамматическія познанія, что очень важно въ образовательномъ отношеніи.

Было бы неосновательно полагать, что, имѣя на рукахъ учебникъ грамматики, ученики станутъ заучивать по нему грамматическія правила механически, не понимая ихъ. Ученики станутъ безсознательно заучивать по учебнику лишь тогда, когда поставлены въ необходимость это дѣлать: урокъ нужно выучить, а содержаніе его не понято. Но учитель не долженъ допускать до такого заучиванія. Онъ можетъ предложить ученикамъ обратиться къ учебнику лишь въ томъ случаѣ, когда убѣдится, что они окончательно уразумѣли то, что имъ предстоитъ прочитать по учебнику.

Пріобрѣтая грамматическія знанія, ученики должны пріучаться пользоваться ими въ своей устной и письменной рѣчи. Для этого служатъ практическія упражненія (грамматическій разборъ даннаго текста, нахожденіе въ читаемой статьѣ усвоенной формы, примѣненіе усвоенныхъ грамматическихъ знаній къ письменнымъ работамъ и т. п.). Благодаря практическимъ упражненіямъ, грамматическія свѣдѣнія становятся настолько прочною собственностью учениковъ, что при надобности сами собою возникаютъ въ сознаніи ихъ. Особенно нужно заботиться о прочномъ усвоеніи тѣхъ свѣдѣній, которыя должны обратиться въ навыкъ (напр., орѳографическія свѣдѣнія).

Расположеніе при обученіи грамматическаго матеріала.

Одни изъ грамматическихъ свѣдѣній легко выдѣляются изъ рѣчи и усваиваются учениками, другія же

труднѣе. Такъ, напр., времена глаголовъ или числа именъ (существит., прилагат. и т. п.) могутъ быть безъ труда усвоены начинающими изучать грамматику; залоги же и виды глаголовъ не могутъ быть ими усвоены съ такою же легкостью; они могутъ быть усвоены лишь учениками, подготовленными предшествовавшими грамматическими уроками къ усвоенію ихъ.

Способность къ уразумѣнію болѣе трудныхъ грамматическихъ знаній вырабатывается путемъ методическаго усвоенія болѣе легкихъ свѣдѣній. Одни грамматическія свѣдѣнія подготовляютъ учениковъ къ уразумѣнію другихъ.

Въ учебникахъ грамматики грамматическія свѣдѣнія большею частью излагаются въ научной системѣ. Такъ, сначала разсматривается составъ простого предложенія, затѣмъ, послѣ раздѣленія словъ на разряды, излагается объ имени существительномъ и всѣхъ принадлежностяхъ и формахъ его; потомъ идетъ разсмотрѣніе имени прилагательнаго со всѣми его формами и принадлежностями; далѣе идетъ изложеніе о глаголѣ, тоже со всѣми его принадлежностями и формами и т. д При этомъ болѣе трудныя къ усвоенію свѣдѣнія нерѣдко предшествуютъ болѣе легкимъ. Такъ, раздѣленіе существительныхъ по значенію предшествуетъ различенію единственнаго и множественнаго числа предметовъ, хотя уразумѣніе перваго дается несравненно труднѣе ученикамъ, чѣмъ уразумѣніе послѣдняго. Точно также раздѣленіе глаголовъ по залогамъ предшествуетъ различенію временъ въ глаголахъ, хотя усвоеніе перваго дается труднѣе ученикамъ, чѣмъ усвоеніе послѣдняго.

Очевидно, что по дидактическому требованію: «перехода при обученіи отъ легкаго въ трудному», слѣдуетъ сначала знакомить учениковъ съ болѣе легкими

грамматическими свѣдѣніями и затѣмъ уже переходить къ болѣе труднымъ свѣдѣніямъ, при томъ такъ, чтобъ первыя подготовляли учениковъ къ усвоенію вторыхъ. Такимъ образомъ при прохожденіи съ учениками начальной грамматики приходится придерживаться не научной системы, а дидактической. Изъ всего объема грамматическаго матеріала сначала сообщаются и закрѣпляются въ сознаніи учениковъ тѣ грамматическія правила и формы, которыя наиболѣе доступны имъ и наиболѣе важны или необходимы для пониманія другихъ свѣдѣній. Затѣмъ, образовавшійся такимъ образомъ кругъ знаній можно расширить, прибавляя къ нему тѣ грамматическія свѣдѣнія, усвоеніе которыхъ раньше было ученикамъ недоступно. Этотъ кругъ знаній можно пополнить такими знаніями, сообщать которыя раньше было неудобно, и, въ заключеніе, повторить весь грамматическій матеріалъ въ научной системѣ. Такимъ образомъ является такъ называемое концентрическое расположеніе учебнаго матеріала.

Расположеніе это представляетъ значительныя преимущества. При немъ сообщается ученикамъ лишь то, что доступно ихъ пониманію. Съ послѣдовательнымъ развитіемъ учениковъ сообщаются имъ и болѣе трудныя грамматическія свѣдѣнія. Затѣмъ при немъ же поддерживается связь между раньше усвоеннымъ и вновь усваиваемымъ: новыя грамматическія свѣдѣнія или примыкаютъ къ раньше пройденнымъ свѣдѣніямъ, или выводятся изъ нихъ, или же сравниваются и приводятся съ ними въ извѣстныя сочетанія. Далѣе, при этомъ же расположеніи матеріала ученики не только постепенно усваиваютъ новыя свѣдѣнія, но и повторяютъ старое, отчего послѣднее становится болѣе яснымъ, отчетливымъ въ ихъ сознаніи. Наконецъ, при немъ же ученики по-

слѣ прохожденія каждаго концентра выносятъ хотя не обширный, но законченный кругъ знаній.

Такъ какъ значеніе слова и этимологическая форма его и зависитъ весьма часто отъ синтактической его роли, а орѳографія слова часто зависитъ отъ этимологическаго состава и этимологической формы его, то понятно, что синтактическія, этимологическія и орѳографическія свѣдѣнія должны быть сообщаемы ученикамъ параллельно, попутно. При ознакомленіи, напр., съ двоякимъ окончаніемъ прилагательныхъ (полнымъ и краткимъ) указывается и синтактическое употребленіе одного и того же прилагательнаго (качественнаго) съ краткимъ и полнымъ окончаніемъ. При знакомствѣ съ предложеніями выясняется и употребленіе знаковъ препинанія. При ознакомленіи съ склоненіемъ именъ указывается и правописаніе нѣкоторыхъ падежныхъ окончаній. При спряженіи глаголовъ указывается правописаніе окончаній ихъ и т. п. Такое попутное (но не смѣшанное) ознакомленіе учениковъ и съ синтактическими, и съ этимологическими, и съ орѳографическими знаніями способствуетъ сознательности и успѣшности усвоенія учениками грамматическихъ знаній.

При ознакомленіи учениковъ съ грамматическою принадлежностью или формою, общею нѣсколькимъ разрядамъ словъ, умѣстно разсмотрѣть ее з а - р а з ъ во всѣхъ этихъ разрядахъ словъ. Такъ, напр., за-разъ можетъ быть говорено о числахъ всѣхъ именъ (существит., прилагат., мѣстоим., числительныхъ) и глаголовъ; при склоненіи существительныхъ могутъ быть по вопросамъ склоняемы и прилагательныя, и мѣстоименія, и числительныя. Одновременное разсмотрѣніе одной и той же принадлежности во всѣхъ разрядахъ словъ, въ которыхъ она различается, ускоряетъ ходъ изученія

грамматики и дѣлаетъ самое изученіе ея болѣе сознательнымъ.

Послѣ прохожденія каждаго концентра, слѣдуетъ привести всѣ синтактическія, этимологическія и ороографическія свѣдѣнія, выведенныя учениками, такъ сказать вперемежку,—въ извѣстную систему. Этого можно достигнуть, предложивъ ученикамъ для повторенія усвоенныхъ свѣдѣній систематическую программу или вопросы, или же заставляя ихъ повторить эти свѣдѣнія по элементарному систематическому учебнику.

Приведеніе въ систему грамматическихъ свѣдѣній важно не только для разумности и прочности усвоенія учениками этихъ свѣдѣній, но и для душевнаго развитія учениковъ.

Количество грамматическихъ концентровъ, равно какъ и объемъ каждаго изъ нихъ, обусловливается и количествомъ времени, которымъ могутъ пользоваться учитель и ученики для прохожденія всей грамматики, или того или другого концентра ея, и развитіемъ учениковъ, и тѣмъ объемомъ, въ которомъ положено пройти въ школѣ грамматику.

Говоря вообще, весь грамматическій матеріалъ можетъ быть распредѣленъ на три концентра: А) подготовительную ступень, Б) средній элементарный курсъ и В) систематическій курсъ.

А) Въ подготовительную ступень войдутъ тѣ упражненія, о которыхъ сказано въ главѣ «Грамматическія письменныя упражненія, п. 1-ый». Если свѣдѣнія, полученныя путемъ такихъ упражненій, будутъ пополнены посредствомъ надлежащей проработки и обозначены соотвѣтственными грамматическими терминами, то у учениковъ получатся слѣдующія знанія, составляющія первый концентръ элементарнаго курса:

Ученики умѣютъ различать одни простыя предложенія отъ другихъ такихъ-же; знаютъ, что простая мысль (простое предложенія) распадается на двѣ части: предметъ рѣчи и то, что говорится о предметѣ рѣчи (логическое подлежащее и логическое сказуемое). Затѣмъ, пріучившись различать логическое подлежащее и логическое сказуемое, ученики въ этотъ же концентръ пріучаются выдѣлять грамматическое подлежащее и грамматическое сказуемое, называя остальныя слова въ предложеніи «объяснительными». Умѣютъ ставить вопросы къ словамъ предложенія и знаютъ, какія слова къ какимъ относятся. Могутъ составлять предложенія, приписывая даннымъ предметамъ сказуемыя или подбирая къ даннымъ сказуемымъ подлежащія. Могутъ распространять по даннымъ вопросамъ нераспространенныя предложенія (что лицо или предметъ дѣлаетъ? гдѣ? когда? Что дѣлаетъ? гдѣ? когда? чѣмъ? какъ? и т. п.). Могутъ утвердительныя предложенія передѣлывать въ отрицательныя. Могутъ составлять вопросительныя предложенія.

Далѣе, они различаютъ: а) слова, обозначающія предметъ (существительное—собственное и нарицательное), качество предмета (прилагательное), дѣйствіе или состояніе (глаголъ), счетъ (числительное—количественное и порядковое), слова, служащія для замѣны именъ (мѣстоименія),—для выраженія качества дѣйствія (нарѣчія), служебные разряды словъ (предлоги и союзы) и слова, выражающія чувства (междометія). Однимъ словомъ, они могутъ различать всѣ разряды словъ, называя ихъ грамматическими терминами; б) различаютъ предметы, одушевленные и неодушевленные; в) различаютъ числа именъ и глаголовъ; г) различаютъ посредствомъ прибавленія: этотъ, а, о или: онъ, а, о; родъ именъ и глаголовъ (въ прошедшемъ времени знаютъ

также и родовыя окончанія существительныхъ и прилагательныхъ), д) различаютъ степени сравненія прилагательныхъ; е) различаютъ времена, наклоненія и лица глаголовъ; умѣютъ проспрягать глаголъ по знакомымъ имъ формамъ (три наклоненія, три времени и три лица); ж) могутъ просклонять по вопросамъ не только имя существительное, но и другія имена (при составленіи предложеній ученики познакомились уже съ необходимостью измѣненія окончаній словъ для выраженія различныхъ отношеній между ними); з) умѣютъ разлагать слова на слоги и звуки и могутъ опредѣлить этимологическій составъ болѣе легкихъ для разложенія словъ; и) знаютъ основное дѣленіе звуковъ (гласные, согласные и безгласные); к) различаютъ въ словахъ ударенія; л) знаютъ практическое употребленіе нѣкоторыхъ союзовъ (и, или, но).

Попутно съ означенными грамматическими знаніями ученики пріобрѣтаютъ тѣ орѳографическія свѣдѣнія, которыя вяжутся съ сообщаемыми имъ грамматическими правилами: употребленіе прописной буквы послѣ точки и въ именахъ существительныхъ собственныхъ; употребленіе **ъ** и **ь**—въ концѣ и срединѣ словъ; **і**—передъ гласными и въ словѣ міръ; **е**, **я**—окончаніе именительнаго падежа множественнаго числа прилагательныхъ; **аго**, **ого**—окончаніе родительнаго падежа прилагательныхъ мужеск. и средн. рода; **ѣ**—въ предложномъ и дательномъ падежѣ; **ѣе**, **е**, **ѣйшій**—въ степеняхъ сравненія; **ѣ**—въ окончаніи прошедшаго времени (**ѣлъ**) и въ неопредѣленномъ наклоненіи; **ь**—въ неопредѣленномъ наклоненіи, во второмъ лицѣ изъявительнаго наклоненія (**шь**, **шься**) и въ повелительномъ наклоненіи; знаютъ пріемъ, по которому можно опредѣлить правописаніе сомнительной буквы—гласной (по ударенію) и согласной

(по измѣненію слова, чтобы послѣ сомнительнаго звука стоялъ гласный); знаютъ общее правило переноса части слова въ другую строку. Различая простыя предложенія, ученики отдѣляютъ ихъ знакомъ препинанія (точкой или запятой). Знаютъ также употребленіе вопросительнаго и восклицательнаго знаковъ.

Б) Повторяя съ учениками свѣдѣнія, усвоенныя въ указанномъ выше концентрѣ, и расширяя кругъ знаній ихъ новыми свѣдѣніями, учитель вводитъ учениковъ въ усвоеніе второго, средняго, грамматическаго концентра. И въ этомъ концентрѣ грамматическія свѣдѣнія подбираются въ дидактической послѣдовательности и усваиваются учениками путемъ анализа подходящихъ примѣровъ. Во второй концентръ его могутъ войти слѣдующія свѣдѣнія: 1) изъ синтаксиса: а) понятіе о предложеніи неполномъ и безличномъ; б) различеніе второстепенныхъ членовъ предложенія—опредѣленія, дополненія и обстоятельства; приложеніе и обращеніе; в) понятіе о слитномъ предложеніи; г) понятіе о сочиненіи предложеній; д) понятіе о подчиненіи предложеній: предложенія главныя и придаточныя и виды послѣднихъ; полныя и сокращенныя придаточныя предложенія; рѣчь прямая и косвенная; вводныя слова и предложенія; обращеніе; е) предложенія сложныя по способу сочиненія и подчиненія; ж) понятіе о согласованіи и управленіи словъ;—2) изъ этимологіи: а) особенности въ склоненіи существительныхъ, прилагательныхъ, числительныхъ и мѣстоименій; б) существительныя, употребляющіяся только въ одномъ единственномъ или только въ одномъ множественномъ числѣ; родъ существительныхъ, употребляющихся только въ одномъ множественномъ числѣ; в) раздѣленіе прилагательныхъ и мѣстоименій; г) залоги и виды глаголовъ; д) спряженіе глаголовъ страда-

«покрыта». «Картина покрыта». Понятна рѣчь?—Значитъ, какое слово болѣе важно въ предложеніи, безъ какого изъ нихъ не выходитъ и мысли?—«Покрыта».—Къ какому слову относится слово: «пылью»?—Къ слову покрыта. («Чѣмъ покрыта?)

Замѣтьте: главное слово въ предложеніи, показывающее, что именно говорится о подлежащемъ, называется сказуемымъ.

(При дальнѣйшемъ разъясненіи на урокахъ понятіе о подлежащемъ и сказуемомъ получитъ болѣе точное опредѣленіе).

Въ предложеніи: «Примѣрный ученикъ всегда готовитъ уроки» укажите сказуемое. Къ какому слову относятся слова: «уроки» и «всегда».

На какой вопросъ отвѣчаетъ сказуемое «готовитъ»? а сказуемое «покрыта»? На какой вопросъ отвѣчаетъ сказуемое въ предложеніи: «этотъ шаръ тяжелъ»? А въ предложеніи: «Воронъ—птица» «Кіевъ—городъ». Въ данныхъ предложеніяхъ (даются примѣры) укажите сказуемыя.

Въ предложенныхъ примѣрахъ ученики указываютъ подлежащее и сказуемое, при чемъ остальныя слова (относящіяся къ подлежащему или къ сказуемому) пока называютъ «второстепенными» или «объяснительными» словами.

Предлагаются ученикамъ, для письменнаго упражненія, подлежащія, а они должны подобрать сказуемыя (съ объяснительными словами). Предлагаются сказуемыя (съ объяснительными словами), а ученики подбираютъ къ нимъ подлежащія (съ объяснительными словами). Главныя части въ письменной работѣ подчеркиваются. Усвоенное учениками грамматическое свѣдѣніе формулируется ими въ отвѣты на слѣдующіе вопросы: Какъ на-

зываются главныя части предложенія? Что показываетъ подлежащее предложенія? На какіе вопросы оно отвѣчаетъ? Что показываетъ сказуемое предложенія? На какіе вопросы оно отвѣчаетъ?

Ознакомленіе учениковъ съ знаменательными разрядами словъ: именемъ существительнымъ, прилагательнымъ, глаголомъ и числительнымъ.

Произнося знаменательныя слова отдѣльно или въ предложеніи, учитель обращаетъ вниманіе учениковъ на то, что каждое изъ произносимыхъ словъ означаетъ: или названіе предмета, или названіе качества, или названіе числа, или названіе дѣйствія. Ученикамъ не трудно уразумѣть, что напр., въ предложеніи: «косецъ коситъ сѣно», слова: косецъ (кто?) означаетъ названіе лица, коситъ (что дѣлаетъ?) означаетъ названіе дѣйствія, сѣно (что?) означаетъ названіе предмета; въ предложеніи: «Малый паровозъ тащитъ пять большихъ вагоновъ», слова: малый (какой?) означаетъ названіе качества предмета, паровозъ (что?) означаетъ названіе предмета, тащитъ (что дѣлаетъ?) означаетъ названіе дѣйствія, пять (сколько) означаетъ названіе числа, большихъ (какихъ?) означаетъ названіе качества предмета, вагоновъ (чего?) означаетъ названіе предмета.

Поупражнявши учениковъ въ различеніи словъ по ихъ значенію (предметъ, качество, дѣйствіе, счетъ), учитель раздѣляетъ доску на графы и въ каждой графѣ пишетъ слова особаго разряда.

Ученики замѣчаютъ, что всѣ слова одной графы обозначаютъ названія предметовъ, слова другой графы означаютъ названія качествъ, слова третьей графы оз-

метѣ рѣчи. О данныхъ предметахъ написать что-нибудь, чтобы вышли мысли. Данныя дѣйствія или качества приписать предметамъ, чтобы вышли мысли.

Когда ученики достаточно освоятся съ составомъ простой мысли, учитель можетъ сообщить имъ, что мысль, выраженная словами, устно или письменно, называется въ грамматикѣ предложеніемъ, потому что предлагается другимъ, чтобы тѣ узнали ее.

Научившись различать въ мысли двѣ части, ученики, естественно, безъ затрудненія станутъ различать эти части и въ предложеніи. Такимъ образомъ они ознакомятся съ общимъ составомъ каждаго предложенія: о чемъ говорится въ предложеніи (логическое подлежащее) и что говорится въ предложеніи о предметѣ рѣчи (логическое сказуемое).

Упражненіе: въ данныхъ предложеніяхъ подчеркнуть прямою линіей—о чемъ говорится въ предложенія (логическое подлежащее) и волнистою—что говорится въ предложеніи о предметѣ рѣчи (логическое сказуемое)

Выдѣленіе въ предложеніи главныхъ частей и обозначеніе ихъ грамматическими терминами: „подлежащее“ и „сказуемое“.

Пишется на доскѣ хотя такое предложеніе: «Красивая картина покрылась пылью».

Про что тутъ говорится? какой предметъ рѣчи?—Красивая картина.—Сколько словъ вы сказали? (Изъ сколькихъ словъ состоитъ предметъ рѣчи?) Какое же изъ двухъ словъ важнѣе въ рѣчи? безъ котораго изъ нихъ не можетъ выйти мысли? Зачеркнемъ слово «картина» (въ предложеніи). Остальныя читайте: что вышло?—«Красивая покрылась пылью». Понятно?—Нѣтъ.

Теперь зачеркнемъ слово «красивая». Читайте, что вышло?—«Картина покрылась пылью». Понятно?—Да, понятно.—Какое же изъ двухъ словъ, составляющихъ предметъ рѣчи, важнѣе? безъ котораго изъ нихъ не можетъ быть и мысли?.—Къ какому слову относится слово «красивая». (Какая картина?). Замѣтьте: главное слово въ предметѣ рѣчи, о чемъ собственно говорится въ предложеніи, называется въ грамматикѣ подлежащимъ. Къ нему могутъ относиться другія слова.

Назовите подлежащее въ написанномъ примѣрѣ.—Картина. На какой вопросъ отвѣчаетъ подлежащее (картина)?—На вопросъ: что? (что покрылась?) Запишемъ этотъ вопросъ.

Назовите подлежащее въ предложеніи: Прилежный ученикъ всегда готовитъ уроки».—Ученикъ.—На какой вопросъ оно отвѣчаетъ?—Кто? (Кто готовитъ?). Запишемъ и этотъ вопросъ.

На какіе, значитъ, вопросы отвѣчаетъ подлежащее въ предложеніи?—Кто? Что?

Укажите подлежащее въ предложеніяхъ (предлагаются предложенія) и скажите на какой вопросъ каждое изъ нихъ отвѣчаетъ?

Ученики, руководясь сознаніемъ (чутьемъ), вѣрно употребляютъ вопросы: кто? что? (Кто?—ученикъ.—что?—Картина).

Въ предложеніи: «Красивая картина покрыта пылью» Что сказано о подлежащемъ?—Покрыта пылью.—Сколько словъ? Какое изъ нихъ важнѣе? безъ какого не выйдетъ и мысли? Употребимъ тотъ же пріемъ зачеркиванія. Оставимъ не зачеркнутымъ слово «пылью» (Красивая картина пылью). Ясна мысль?—Нѣтъ, не ясна.—Зачеркнемъ теперь слова: «пылью» и оставимъ слово

камъ сказать что-нибудь о немъ. Ученики говорятъ. (Печка топится. Книга раскрыта и т. д.).

Я далъ вамъ названіе предмета, а вы сказали объ этомъ предметѣ то, что придумали о немъ или увидѣли въ немъ. Вышла мысль. Запишемъ ее на доскѣ. Сказанное мною подчеркну такой линіей ~~~~, а сказанное вами такой ——.

Составимъ еще мысль. Учитель даетъ названіе предмета, а ученики говорятъ что-нибудь объ этомъ предметѣ. Полученная мысль записывается на доскѣ и подчеркивается, какъ и въ предыдущемъ примѣрѣ.

Теперь вы скажите мнѣ названіе какого-нибудь предмета, а я скажу что нибудь объ этомъ предметѣ.

Ученикъ говоритъ названіе предмета, а учитель приписываетъ этому предмету какой-нибудь признакъ или дѣйствіе. Выходитъ мысль; она записывается; части подчеркиваются.

Такимъ образомъ ученики ясно видятъ, что въ составъ мысли входятъ двѣ части, или, что то же, мысль образуется изъ двухъ частей. (Одну часть въ составленныхъ примѣрахъ говорилъ учитель, а другую— ученики).

Учитель наводитъ учениковъ на отчетливое пониманіе общаго состава каждой мысли и привлекаетъ ихъ выразить понятое словами.

Приводятся примѣры, сначала простые, а потомъ и болѣе сложные, въ которыхъ ученики различаютъ: о комъ или о чемъ говорится (предметъ рѣчи) и что говорится о предметѣ рѣчи. Напр.: «Весна наступила». О чемъ сказано?—О веснѣ.—Что о ней сказано?—Она наступила.—Значитъ, что служитъ предметомъ рѣчи?—Весна.—Что сказано объ этомъ предметѣ рѣчи?—Наступила.—«Луга покрылись травою». О чемъ

сказано въ рѣчи? что покрылись травою?—Луга.—Что о лугахъ сказано?—Покрылись травою. «Крестьянинъ выѣхалъ пахать». О комъ сказано въ рѣчи? кто выѣхалъ пахать? Крестьянинъ.—Что говорится о крестьянинѣ?—Выѣхалъ пахать. «Рогатый скотъ и лошади пасутся на выгонѣ». О комъ говорится? Что сказано о рогатомъ скотѣ и лошадяхъ? «Птицы вьютъ гнѣзда». Что служитъ предметамъ рѣчи? Что сказано о предметѣ рѣчи?

Изъ сколькихъ частей состоитъ всякая мысль? Что выражается въ одной части и что въ другой?

Укажите въ данныхъ примѣрахъ (читаются по книгѣ примѣры) предметъ рѣчи и что говорится про предметъ рѣчи.

Когда ученики въ полныхъ простыхъ предложеніяхъ свободно выдѣляютъ предметъ рѣчи и то, что говорится про предметъ рѣчи, можно дать имъ примѣръ неполнаго предложенія, т. е. такого, въ которомъ одна изъ главныхъ частей пропущена, но легко подразумѣвается. Напр.: «Рѣшаю задачу». Разсматривая этотъ примѣръ, ученики приходятъ къ заключенію, что въ немъ мысль состоитъ изъ двухъ частей, хотя одна изъ нихъ, предметъ рѣчи (лицо), пропущенъ. Если бы ученики назвали въ приведенномъ примѣрѣ предметъ рѣчи «задачу», то учителю слѣдуетъ только поставить вопросъ: Развѣ задача рѣшаетъ?

Послѣ основательной проработки и достаточнаго количества упражненій ученики могутъ быть доведены до состоянія отвѣтить на слѣдующіе вопросы: Изъ сколькихъ частей состоитъ всякая мысль? Что означаетъ каждая часть мысли?

Практическія упражненія: въ данныхъ примѣрахъ обозначить предметъ рѣчи и то, что говорится о пред-

тельнаго залога; е) причастіе, дѣепричастіе; ж) дѣленіе нарѣчій; з) основное дѣленіе союзовъ и предлоговъ; 3) изъ орѳографіи: а) правописаніе падежныхъ окончаній именъ существительныхъ, прилагательныхъ, числительныхъ, мѣстоименій; б) правописаніе нѣкоторыхъ суффиксовъ именъ (еніе—ѣніе, ель—ѣль, ек—ик, к—ск, анн—енн—янн и др); в) правописаніе флексій глаголовъ и глагольныхъ примѣтъ; г) правописаніе нарѣчій, отрицательныхъ частицъ: не—ни--нѣ, союзовъ, предлоговъ и приставокъ; д) правописаніе сложныхъ словъ; е) письмо словъ, имѣющихъ въ корнѣ букву ѣ; употребленіе знаковъ препинанія.

И въ этомъ концентрѣ свѣдѣнія синтактическія, этимологическія и орѳографическія усваиваются учениками попутно, параллельно, и только по прохожденіи концентра могутъ быть сгруппированы по предмету и приведены въ систему.

В) Въ третій (систематическій) концентръ войдетъ систематическое повтореніе свѣдѣній, усвоенныхъ учениками въ предшествующіе концентры, и пополненіе ихъ тѣми свѣдѣніями, съ которыми ученики не были ознакомлены въ предшествующіе концентры. Въ этомъ же концентрѣ могутъ быть освѣщены грамматическія формы русскаго языка указаніемъ образованія ихъ (напр., образованія падежныхъ флексій прилагательныхъ полныхъ, образованія личныхъ флексій глаголовъ и т. п.) и сравненіемъ ихъ съ формами древне-славянскаго языка.

Примѣры проработки съ учениками грамматическаго матеріала изъ элементарнаго курса.

Въ приводимыхъ примѣрахъ проработки грамматическаго матеріала указанъ лишь общій ходъ классной

работы, по которому учитель, обращая вниманіе учениковъ на рѣчь, подводитъ ихъ къ уразумѣнію соотвѣтственнаго грамматическаго правила или соотвѣтственной грамматической формы. Въ дѣйствительности, при ознакомленіи учениковъ съ грамматическимъ правиломъ или грамматической формой понадобится значительно больше наводящихъ вопросовъ, сравненій, задачъ и практическихъ упражненій, чѣмъ сколько ихъ указано въ приводимыхъ примѣрахъ.

Само собою разумѣется, что приводимая проработка не имѣетъ значенія образца, отъ котораго не слѣдуетъ отступать. Учитель можетъ и другимъ путемъ доводить учениковъ до нужнаго знанія.

Между грамматическими свѣдѣніями, взятыми для примѣрной проработки, въ дѣйствительности прорабатываются другія грамматическія свѣдѣнія, входящія въ объемъ элементарнаго курса. Значитъ, порядокъ приводимыхъ примѣровъ не можетъ служить руководствомъ для распредѣленія грамматическаго матеріала.

Приведемъ сначала А) примѣры проработки матеріала, взятаго изъ перваго концентра, и затѣмъ Б) изъ второго концентра.

А.

Выясненіе общаго состава всякой мысли.

Имѣя въ виду выяснить ученикамъ, что каждая мысль состоитъ изъ двухъ частей: а) предмета и б) что говорится про предметъ,—учитель можетъ, между прочимъ, прибѣгнуть къ слѣдующему пріему:

Онъ указываетъ и называетъ какой-нибудь предметъ (печка, книга, доска и др.) и предлагаетъ учени-

Ознакомленіе съ временами глаголовъ.

Мы теперь, въ настоящее время, учимся. Когда мы учимся? Теперь, въ настоящее время. Выраженіе: настоящее время записывается на доскѣ.

Вчера мы учились. Когда мы учились? Вчера учились. Вчерашній день уже прошелъ. Значитъ слово учились показываетъ, что дѣйствіе уже прошло, означаетъ прошедшее время. Выраженіе: прошедшее время—записывается. Завтра мы будемъ учиться. Когда мы будемъ учиться?—Завтра. Завтра еще будетъ: значитъ словами: будемъ учиться означаютъ, что дѣйствіе еще будетъ совершаться, глаголъ поставленъ въ будущемъ времени. Выраженіе: будущее—записывается.

Значитъ, въ сколькихъ временахъ можетъ быть употребленъ глаголъ?—Въ трехъ: въ настоящемъ, прошедшемъ и будущемъ времени.

Солнце восходитъ, становится свѣтло. Какое время означаетъ: восходитъ? становится? Скажите тѣ-же глаголы въ прошедшемъ времени!—въ будущемъ времени!

Въ какомъ времени поставлены глаголы въ слѣдующихъ примѣрахъ: Птицы просыпаются и поютъ.—Въ настоящемъ времени. Какъ сказать въ прошедшемъ времени?—въ будущемъ времени?

Крестьяне встаютъ, одѣваются, молятся Богу, завтракаютъ и идутъ на работу. Въ какомъ времени поставлены глаголы въ приведенныхъ примѣрахъ?—Въ настоящемъ времени. Скажите то же самое въ прошедшемъ времени: что дѣлали крестьяне вчера утромъ? Скажите то же самое въ будущемъ времени: что крестьяне будутъ дѣлать завтра утромъ? Сторожъ мететъ

школьный дворъ. Глаголъ м е т е т ъ—въ какомъ времени поставленъ?—Въ настоящемъ.

Вчера сторожъ п е р е с а д и л ъ кусты. Глаголъ п е р е с а д и л ъ въ какомъ времени поставленъ?—Въ прошедшемъ.

Завтра сторожъ п о л ь е т ъ кусты. Глаголъ п о л ь е т ъ въ какомъ времени поставленъ?

Сегодня крестьянинъ р у б и т ъ дрова. Въ какомъ времени поставленъ глаголъ р у б и т ъ? Какъ сказать тотъ-же глаголъ въ прошедшемъ времени? Вчера крестьянинъ р у б и л ъ дрова.—Какъ сказать въ будущемъ времени? Завтра крестьянинъ б у д е т ъ р у б и т ь дрова.

Я с п р а ш и в а ю:. Когда? Какое время? Скажите этотъ глаголъ въ прошедшемъ времени! Скажите въ будущемъ времени!

Предлагаются примѣры, въ которыхъ ученики измѣняютъ время глаголовъ: изъ настоящаго въ прошедшее или будущее, и обратно. Напр.: Снѣгъ таетъ. Рѣки вскрываются. Новая травка показывается. Скотъ выгоняютъ въ поле. Крестьяне прячутъ сани и ладятъ телѣги. Въ какомъ времени стоятъ глаголы? Скажите ихъ въ прошедшемъ времени: что дѣлалось весной въ прошломъ году? Скажите ихъ въ будущемъ времени: что будетъ дѣлаться весной въ будущемъ году?

Скажите сами глаголъ, чтобы онъ означалъ дѣйствіе, уже прошедшее (стоялъ въ прошедшемъ времени)! Скажите глаголъ, чтобы онъ означалъ будущее дѣйствіе. (Если ученики ошибаются, говоря, напр., «я читаю», когда требуется сказать глаголъ въ прошедшемъ времени то слѣдуетъ только навести ихъ на сознаніе своей ошибки. Можно спросить хотя такъ: А развѣ можно сказать: я вчера читаю?).

Скажите одинъ и тотъ же глаголъ сначала въ на-

ученикъ. А многіе...? *(ученики)*. Одна лошадь. А многія...? *(лошади)*.

Значитъ, имена существительныя могутъ обозначать и одинъ предметъ, и многіе предметы Если имя существительное обозначаетъ одинъ предметъ, то оно стоитъ въ единственномъ числѣ, а если оно обозначаетъ многіе предметы, то стоитъ во множественномъ числѣ.

Въ предложеніяхъ: крестьянинъ коситъ, женщина сгребаетъ, рѣзвый мальчикъ бѣгаетъ, лошадь возитъ и др. измѣнить единственное во множественное число.

Только ли имена существительныя могутъ обозначать единственное и множественное число? Обратите вниманіе на измѣненные примѣры.

Какія различаются числа? Что показываетъ единственное число? Что показываетъ множественное число?

Данные примѣры передѣлать изъ множественнаго числа въ единственное, или изъ единственнаго во множественное число.

Ознакомленіе съ родомъ именъ и глаголовъ.

По требованію учителя, ученики прибавляютъ мѣстоименіе этотъ или эта къ названіямъ мужескаго или женскаго пола (мужчина и женщина, купецъ и купчиха, крестьянинъ и крестьянка, левъ и львица и др.). Ученики замѣчаютъ, что къ названіямъ мужскаго пола можно прибавить этотъ, а къ именамъ женскаго пола -эта.

Учитель сообщаетъ ученикамъ грамматическій терминъ—родъ и заставляетъ ихъ прилагать мѣстоименія: этотъ или эта къ подбираемымъ именамъ (какъ одушевленнымъ, такъ и неодушевленнымъ). Ученики

видятъ, что при однихъ именахъ можно поставить только мѣстоименіе этотъ, а при другихъ—только эта, и относятъ одни имена къ мужскому роду, а другія—къ женскому.

Затѣмъ учитель подбираетъ нѣсколько именъ средняго рода и заставляетъ учениковъ прибавлять къ этимъ именамъ мѣстоименія этотъ и эта. Ученики видятъ, что ни то, ни другое не прилагается, а можно приложить только это; кромѣ того, они подмѣчаютъ, что нельзя подвести эти слова ни къ мужескому, ни къ женскому роду. Учитель знакомитъ ихъ съ среднимъ родомъ.

Берутся примѣры съ глаголомъ въ прошедшемъ времени, напр.: ученикъ училъ уроки, ученица учила урокъ, дитя учило; орѣхъ созрѣлъ, груша созрѣла, яблоко созрѣло. Обращая, по указанію учителя, вниманіе на измѣненіе окончаній глагола съ измѣненіемъ рода существительнаго, къ которому онъ относится, ученики видятъ, что глаголъ измѣняется по родамъ.

Такимъ же пріемомъ можно познакомить учениковъ съ измѣненіемъ по родамъ прилагательныхъ и мѣстоименій.

Спустя нѣсколько времени, когда ученики достаточно освоятся съ понятіемъ о родѣ именъ и глаголовъ, учитель практически познакомитъ ихъ съ родовыми окончаніями именъ существительныхъ, прилагательныхъ, мѣстоименій и глаголовъ (въ прошедшемъ времени).

При разсмотрѣніи родовыхъ окончаній, учитель не преминетъ познакомить учениковъ и съ правописаніемъ ихъ, (*ъ*, *ь*; *ый*, *ой*, *ое*, *ѣлъ* въ окончаніяхъ прилагательныхъ множественнаго числа мужскаго рода и *я* въ окончаніяхъ женскаго рода).

въ столъ и спрашиваетъ: гдѣ она?— «Книга *въ* столѣ». Тоже записывается.—Держитъ книгу надъ столомъ. и фразу учениковъ: «Книга *надъ* столомъ»—записываетъ. Потомъ еще приводитъ книгу въ различныя положенія относительно стола и пишетъ подъ диктовку учениковъ: «книга *у* стола», «книга *подъ* столомъ» и т. п. Сравнивая всѣ написанныя фразы, ученики замѣчаютъ, что въ каждой изъ нихъ одинаковыя слова: «книга» и «столъ», различныя же: на, въ, у, надъ, подъ, за и др. Кромѣ того, при наведеніи учителя, они замѣчаютъ, что если поставить между словами: «книга» и «столъ» (измѣнивъ, конечно, надлежащимъ образомъ окончанія этихъ словъ)—*на*, получится одно отношеніе книги къ столу, если—*въ*, получается другое, если—*надъ*, получается иное и т. д.

Ученики заключаютъ, что эти слова (*на*, *въ* *надъ*, *у* и друг.) служатъ для того, чтобы показать различныя отношенія между предметами.

Учитель стираетъ въ примѣрахъ, написанныхъ на доскѣ, предлоги, оставляя остальныя слова, и заставляетъ читать Ученики убѣждаются, что безъ предлога не выходитъ понятной рѣчи

Ученики, при помощи учителя, объясняютъ, какое отношеніе показываютъ предлоги въ примѣрахъ: Старуха *на* крыльцѣ. Старуха *у* крыльца. Старуха *за* крыльцомъ. Старуха *передъ* крыльцомъ. Старуха спустилась *съ* крыльца. Старуха взошла *на* крыльцо. Старуха ходитъ *по* крыльцу.

Формулировка опредѣленія предлога на вопросъ: Для чего служатъ предлоги?

Ученики выбираютъ изъ книги или составляютъ сами предложенія съ предлогами: *у* *съ*, *за* *къ*, *подъ*, *надъ* и др.

Ознакомленіе съ союзомъ

Записываются на доскѣ хотя такія два предложенія: сѣно косятъ, волосы стригутъ. По предложенію учителя ученики связываютъ эти предложенія и записываютъ на доскѣ: сѣно косятъ, *а* волосы стригутъ. Ученики видятъ, что явилось слово *а*, которое связало данныя два предложенія. Точно также, связывая предложенія: «я читаю», «я пишу», они видятъ что *и* соединило тоже два предложенія. (Я читаю и пишу).

Предлагаются еще другіе примѣры: трава растетъ, трава зеленѣетъ; хлѣбъ ѣдятъ, воду пьютъ; камень тяжелъ, пухъ легокъ и друг.

Связывая данныя предложенія, ученики ознакамливаются съ ролью связывающихъ словъ. Учитель сообщаетъ, что такія слова называются въ грамматикѣ союзами.

Составляется опредѣленіе союза на вопросъ: Для чего служатъ союзы?

Вглядываясь подъ руководствомъ учителя, въ роль предлоговъ и союзовъ, ученики отличаютъ союзы отъ предлоговъ. (Союзы связываютъ предложенія, предлоги же соединяютъ слова въ предложеніи, выражая отношеніе одного предмета къ другому).

Упражненіе: предлагаются предложенія для связыванія ихъ соотвѣтственными союзами (и, а, но, или и друг.).

Ознакомленіе съ числами именъ и глаголовъ

Про одинъ столъ мы можемъ сказать: *столъ стоитъ.* А если нужно сказать про многіе столы, какъ нужно выразиться? Въ классѣ стоятъ... *(столы)*. Одинъ

начаютъ названія дѣйствій, слова четвертой графы означаютъ названія чиселъ. Учитель сообщаетъ, что слова, обозначающія названія предметовъ, называются въ грамматикѣ именами существительными; слова, означающія названія качествъ, относятся къ именамъ прилагательнымъ; слова, означающія названія дѣйствій, относятся къ глаголамъ, и слова, означающія число, относятся къ числительнымъ.

Надъ каждымъ рядомъ словъ, написанныхъ на доскѣ, учитель пишетъ соотвѣтственное названіе разряда словъ. Учитель предлагаетъ рядъ знаменательныхъ словъ, а ученики говорятъ, къ какому разряду каждое произносимое слово относится: или имя существительное, или прилагательное, или глаголъ, или числительное.

Учитель предлагаетъ ученикамъ сказать нѣсколько существительныхъ, прилагательныхъ, глаголовъ и т. д. Предлагаетъ также отнести слова данныхъ въ книгѣ примѣровъ къ соотвѣтственному разряду словъ.

Отвѣты на вопросы: Что называется именемъ существительнымъ? Что называется именемъ прилагательнымъ? Что называется глаголомъ? Что называется именемъ числительнымъ?

Письменная работа: написать примѣры именъ существительныхъ, прилагательныхъ, числительныхъ и глаголовъ; или: выписать данныя предложенія и надъ словами написать, къ какому разряду каждое изъ нихъ относится: им. сущ., прилаг., глаг., числит.

Ознакомленіе учениковъ съ мѣстоименіемъ.

Съ мѣстоименіемъ, какъ разрядомъ словъ, можно познакомить учениковъ посредствомъ слѣдующаго пріема:

Учитель предлагаетъ такіе вопросы, на которые ученики отвѣчаютъ мѣстоимѣніями. (Кто помнитъ заученное стихотвореніе «Сѣнокосъ»? Кто сейчасъ писалъ на доскѣ? и т. п.).

На вопросъ учителя ученикъ, конечно, отвѣчаетъ «я». Учитель спрашиваетъ отвѣтившаго, какъ его называютъ? Тотъ говоритъ свое имя.—А вѣдь ты отвѣтилъ: «я»—на мой вопросъ. Вмѣсто какого же слова ты сказалъ слово—«я»?

Такимъ образомъ учитель обращаетъ вниманіе учениковъ и на другія мѣстоименія, заступающія названія лицъ или предметовъ (ты, онъ, вы, тотъ и т. д.).

Учитель беретъ примѣръ, въ которомъ мѣстоименіе замѣняетъ имя прилагательное. Напр.: этотъ ученическій столъ черенъ, и тотъ (показываетъ на похожій столъ) такой же.

Ученики замѣчаютъ, что слово «такой же поставлено вмѣсто слова черенъ, т. е. вмѣсто имени прилагательнаго.

Составленіе опредѣленія мѣстоименія, какъ разряда словъ, употребляющихся вмѣсто названія имени.

Приведеніе примѣровъ съ мѣстоименіями и указаніе, вмѣсто какихъ именъ они употреблены.

Для чего служатъ мѣстоименія? Укажите мѣстоименія въ данной статьѣ. Выпишите изъ книги примѣры съ мѣстоименіями и подчеркните мѣстоименія.

Ознакомленіе учениковъ съ предлогомъ.

Для ознакомленія учениковъ съ предлогомъ можно воспользоваться такимъ пріемомъ.

Учитель кладетъ книгу на столъ и спрашиваетъ: на чемъ лежитъ книга? Ученики отвѣчаютъ: «Книга *на* столѣ». Отвѣтъ записывается на доскѣ.—Кладетъ книгу

стоящемъ, затѣмъ въ прошедшемъ и наконецъ—въ будущемъ времени?

Значитъ, въ сколькихъ временахъ можетъ быть употребленъ глаголъ? Въ какихъ? Что показываетъ настоящее время? Что показываетъ прошедшее время? Что показываетъ будущее время? Въ данныхъ примѣрахъ предлагаются примѣры измѣнить глаголъ сначала изъ настоящаго времени въ прошедшее, а потомъ въ будущее. Измѣнить въ данной статьѣ глаголы изъ прошедшаго въ будущее время. Выразить данные глаголы во всѣхъ трехъ временахъ.

Какъ отъ глагола в и д ѣ т ь прошедшее время? На что оканчивается? Какъ прошедшее время отъ глагола с и д ѣ т ь? отъ глагола в и с ѣ т ь? отъ глагола х о т ѣ т ь.

Если глаголъ въ прошедшемъ времени имѣетъ окончаніе *ѣлъ*, то это окончаніе нужно писать буквой *ѣ*. Исключеніе можетъ быть сообщено позже. Правило закрѣпляется диктовкой.

Учитель диктуетъ фразы съ глаголами въ настоящемъ времени, а ученики пишутъ тѣ-же фразы, передѣлывая глаголы изъ настоящаго въ прошедшее время. Онъ диктуетъ, напр., слѣдующій разсказъ и требуетъ, чтобъ ученики писали глаголы не въ настоящемъ времени, какъ диктуется, а въ прошедшемъ времени:

Плаваетъ щука въ прудѣ. Хочетъ она поймать карася. Карась прячется въ норкѣ на днѣ пруда. Щука ждетъ. Идутъ мальчики съ неводомъ и вытаскиваютъ щуку. Карась выплываетъ изъ норки и радуется, что бѣда прошла.

Продиктованное получитъ такую форму въ написанномъ учениками:

Плавала щука въ прудѣ. Она хотѣла поймать карася. Карась спрятался въ норкѣ на днѣ пруда Щука

ждала. Пришли мальчики съ неводомъ и вытащили щуку. Карась выплылъ изъ норки и радовался, что бѣда прошла.

(Послѣ ознакомленія съ лицами глаголовъ, ученики могутъ спрягать глаголы, т. е. измѣнять по временамъ и лицамъ въ единственномъ и множественномъ числѣ).

Ознакомленіе съ измѣненіемъ окончаній именъ по падежамъ.

Рыбка уплыла въ море. Кто уплыла? На какой вопросъ отвѣчаетъ слово—рыбка? На что оканчивается слово—рыбка? Запишемъ вопросъ—кто? и противъ этого вопроса напишемъ слово рыбка. Подчеркнемъ окончаніе.

Можно ли такъ сказать: Я не поймалъ рыбка. Какъ же слѣдуетъ сказать?—Я не поймалъ рыбки.—На какой вопросъ отвѣчаетъ слово—рыбки?—Кого? Запишемъ вопросъ—кого? и противъ него напишемъ слово—рыбки. Окончаніе подчеркнемъ.

Старикъ поклонился рыбка. Можно такъ сказать? Какъ нужно сказать?—Старикъ поклонился рыбкѣ. На какой вопросъ отвѣчаетъ слово—рыбкѣ?—Кому? Запишемъ вопросъ и противъ него напишемъ слово—рыбкѣ. Окончаніе подчеркнемъ.

Старикъ поймалъ... (кого?) рыбку. Запишемъ вопросъ и слово рыбку. Окончаніе подчеркнемъ. Старикъ доволенъ... (Кѣмъ? Какъ нужно сказать)?—рыбкой. Запишемъ вопросъ и слово рыбкой; окончаніе подчеркнемъ.

Старикъ разговаривалъ со старухой (о комъ?)... о рыбкѣ. Запишемъ

Посмотрите, какъ измѣнялось слово—рыбка. Ког-

да ставили вопросъ: кого?—какое окончаніе приняло слово рыбка? А когда ставили вопросъ—кому?—кѣмъ?—о комъ?

Выходила ли связь между словами, когда не измѣняли надлежащимъ образомъ окончанія въ словѣ рыбка?

Для чего измѣняется окончаніе въ имени существительномъ? Тоже слово (рыбка) по тѣмъ же вопросамъ измѣняется въ множественномъ числѣ

Измѣняется существительное неводъ. (Неводъ рыбака разорванъ. Рыбакъ не имѣлъ невода и т. д.).

Учитель обращаетъ вниманіе учениковъ, какіе вопросы ставятся къ предметамъ одушевленнымъ и какіе къ предметамъ неодушевленнымъ и отвлеченнымъ.

Затѣмъ, сообщивъ ученикамъ, что измѣненіе окончаній существительнаго по приведеннымъ вопросамъ называется склоненіемъ, учитель пишетъ на доскѣ въ порядкѣ названіе падежей, *и* рядомъ съ ними соотвѣтственные вопросы.

Ученики измѣняютъ предложенныя существительныя по падежнымъ вопросамъ въ единственномъ и во множественномъ числѣ.

Къ слову рыбка прибавляется прилагательное золотая и ученики измѣняютъ по падежнымъ вопросамъ.

(Золотая рыбка (кто?) уплыла въ море. Старикъ не поймалъ (кого?) золотой рыбки. Старикъ поклонился (кому?) золотой рыбкѣ и т. д.. Точно также къ существительному неводъ прибавляется прилагательное, напр., новый и ученики измѣняютъ «новый неводъ» и по падежнымъ вопросамъ.

Затѣмъ по тѣмъ же вопросамъ измѣняется существительное съ прилагательнымъ и числительнымъ порядковымъ Напр.: Наступилъ (что?)... первый весен-

ній теплый день. Люди долго ждали (чего?)... перваго весенняго теплаго дня. Радуются люди (чему?)... первому весеннему теплому дню. Хвалятъ люди (что?)... первый весенній теплый день. Довольны люди (чѣмъ?) первымъ весеннимъ теплымъ днемъ. Зимою люди часто думаютъ (о чемъ?) о первомъ весеннимъ тепломъ днѣ.

Тѣже примѣры измѣняются по тѣмъ же вопросамъ во множественномъ числѣ. Такимъ образомъ ученики узнаютъ, что измѣняются по падежамъ не только существительныя, но и прилагательныя, числительныя, мѣстоименія.

Кромѣ того, они видятъ, что въ рѣчи имена измѣняются по падежамъ для показанія отношенія ихъ къ другимъ словамъ. Имъ становится понятнымъ такое опредѣленіе склоненія: склоненіемъ называется измѣненіе окончаній въ именахъ, для показанія отношенія ихъ (именъ) къ другимъ словамъ въ рѣчи. Имена склоняются по падежамъ.

Названіе падежей и вопросы, на которые они отвѣчаютъ, ученики заучиваютъ наизусть.

Практическими (устными и письменными) упражненіями закрѣпляется знакомство съ склоненіемъ.

Ознакомленіе съ степенями сравненія.

Для ознакомленія учениковъ съ степенями сравненія именъ прилагательныхъ (качественныхъ) можетъ быть примѣненъ слѣдующій пріемъ:

Учитель показываетъ ученикамъ кусокъ бѣлой бумаги и спрашиваетъ: какого она цвѣта? Отвѣтъ учениковъ: бѣлая, бѣлая—записывается на классной доскѣ. Затѣмъ онъ показываетъ, рядомъ съ первымъ,

другой кусокъ бумаги, бѣлѣе перваго. Ученики, на вопросъ учителя, отвѣчаютъ: эта (вторая) бумага бѣлѣе. Прилагательное бѣлѣе пишется подъ прилагательнымъ бѣлая. Сравниваются по значенію и формѣ слова: «бѣлая» и «бѣлѣе». Учитель показываетъ, рядомъ съ первыми, третій кусокъ бумаги, бѣлѣе первыхъ двухъ. Ученики говорятъ, что эта бумага «бѣлѣйшая», «самая бѣлая». Записывается подъ первыми двумя словами. Обращается вниманіе на значеніе и форму послѣдняго прилагательнаго въ сравненіи съ предыдущими.

Сколько кусковъ бумаги сравнивалось, когда вы сказали «бѣлѣе»? Сколько кусковъ сравнивалось, когда вы сказали «самая бѣлая», «бѣлѣйшая»?

Подбираются предметы съ однороднымъ качествомъ и сравнивается степень этого качества. (Домъ высокъ, а церковь еще выше. Камень твердъ, желѣзо тверже, а алмазъ—самый твердый. Дерево легко, шерсть легче, а пухъ—наилегче). Ученики подмѣчаютъ, что при сравненіи качества двухъ предметовъ получается одна форма, а при сравненіи качества трехъ или болѣе предметовъ получается другая.

Учитель сообщаетъ ученикамъ грамматическій терминъ: степени сравненія и называетъ грамматическимъ же терминомъ каждую степень сравненія. Ученики, на основаніи проработки, говорятъ, когда употребляется положительная степень, когда сравнительная и когда превосходная, или, что то-же, что показываетъ каждая изъ этихъ степеней сравненія.

Послѣ уразумѣнія учениками степеней сравненія учитель ознакамливаетъ ихъ съ правописаніемъ сравнительной и превосходной степени.

Сообщенное ученикамъ ороографическое правило

закрѣпляется диктовкой, при чемъ ученики всякій разъ, по требованію учителя, говорятъ, въ какой степени стоитъ диктуемое прилагательное и какія буквы слѣдуетъ написать на концѣ его.

Ученики пишутъ примѣры съ положительной, сравнительной и превосходной степенью прилагательнаго. Письменно-же измѣняютъ данныя прилагательныя по степенямъ сравненія.

Ознакомленіе съ наклоненіемъ глаголовъ (повелительнымъ, изъявительнымъ и неопредѣленнымъ).

а) Ознакомленіе учениковъ съ наклоненіями можно начать съ повелительнаго наклоненія, какъ болѣе доступнаго ученикамъ.

«Положите книги въ столъ и сядьте прямо!» Что я вамъ велѣлъ? Гдѣ въ сказанномъ мною повелѣніи глаголы?—Положите, сядьте.

Такъ какъ они показываютъ повелѣніе, то и стоятъ въ повелительномъ наклоненіи

«Прочитай написанный примѣръ!» Повтори сказанное товарищемъ!» Гдѣ тутъ глаголы? Въ какомъ наклоненіи поставлены: прочитай, повтори?

Скажите теперь сами по примѣру, въ которомъ глаголъ означалъ бы повелѣніе, т. е. чтобы стоялъ въ повелительномъ наклоненіи! Ученики говорятъ.

«Пусти бѣдную птичку!» (приказалъ отецъ своему сыну). Гдѣ тутъ глаголъ? Что онъ означаетъ? Въ какомъ онъ, значитъ, наклоненіи стоитъ?

А вы обращаетесь къ своему отцу съ просьбой: «Пусти насъ, папаша, гулять». Тутъ слово «пусти» означаетъ тоже приказаніе?—Нѣтъ, оно означаетъ просьбу: мы такъ просимъ.

Слово «пусти» и въ этомъ примѣрѣ стоитъ въ повелительномъ наклоненіи. Значитъ, повелительное наклоненіе, кромѣ приказанія, что еще означаетъ?—Просьбу.

Купи мнѣ, мамаша, книжку. Гдѣ тутъ глаголъ. Что онъ выражаетъ и въ какомъ наклоненіи стоитъ. Объясни мнѣ, Вася, урокъ! (проситъ ученикъ своего товарища). Здѣсь въ какомъ наклоненіи стоитъ глаголъ и что онъ означаетъ?

Умолкните! сказалъ учитель ученикамъ. Глаголъ умолкните въ какомъ поставленъ наклоненіи?

Скажите глаголъ въ повелительномъ наклоненіи, чтобы онъ означалъ приказаніе! Ученики говорятъ.—Скажите глаголъ въ повелительномъ наклоненіи, чтобы онъ означалъ просьбу!—Говорятъ.

Что же означаетъ повелительное наклоненіе?

Спрячь! сядь! Какое тутъ наклоненіе? А какое число? А лицо какое (ты спрячь!)? На что оканчивается?—На *ь*

Пиши! приказалъ учитель. Какое наклоненіе? лицо? число? На что оканчивается?—На *и*.

Уважай старшихъ! Гдѣ тутъ глаголъ! Въ какомъ наклоненіи онъ поставленъ? Какое лицо? число? На что оканчивается?—На *й*.

На какія же буквы оканчивается повелительное наклоненіе во 2-мъ лицѣ единственнаго числа?—На *ь*, *и*, *й*.

Замѣтьте, что если повелительное наклоненіе оканчивается на *ь*, то пишется мягкій знакъ. Примѣры.

Достань тетрадь. «Достань»—какое лицо и число? А какъ сказать во множественномъ числѣ?—Вы достаньте!—Напишите на доскѣ: достаньте.

Идетъ образованіе и писаніе другихъ примѣровъ

повелительнаго наклоненія второго лица множественнаго числа.

Замѣтьте, что для образованія множественнаго числа второго лица повелительнаго наклоненія прибавляется только *те* къ единственному числу того же лица и наклоненія Мягкій знакъ (ь), если онъ былъ въ единственномъ числѣ, удерживается и во множественномъ числѣ передъ-т е

Закрѣпленіе орѳографическаго правила предупредительной диктовкой и писаніемъ предложеній съ повелительнымъ наклоненіемъ въ единственномъ и множественномъ числѣ.

б) Травка зеленѣетъ, солнышко блеститъ. Назовите глаголы въ сказанныхъ предложеніяхъ. Какое время и лицо: зеленѣетъ, блеститъ. Скажите въ прошедшемъ времени тѣ-же глаголы! Выражають ли глаголы: зеленѣетъ, зеленѣлъ, блеститъ, блестѣлъ—повелѣніе?

Если глаголъ означаетъ время, лицо и число, не выражая повелѣнія, то онъ стоитъ въ изъявительномъ наклоненіи.

Я собираю грибы; мальчикъ нарвалъ цвѣтовъ. Гдѣ тутъ глаголы? Какого они времени? -лица?—числа? А наклоненія? Скажите глаголъ собираю во всѣхъ трехъ лицахъ единственнаго числа настоящаго времени!—прошедшаго времени!—будущаго времени! Значитъ, по какимъ временамъ, лицамъ и числамъ можно измѣнять (спрягать) глаголъ въ изъявительномъ наклоненіи? Скажите глаголъ въ изъявительномъ наклоненіи въ прошедшемъ,—настоящемъ,—будущемъ времени!

в) ловить, ходить, стеречь, вести, купаться. Къ какой части рѣчи или къ какому разряду словъ относятся эти слова?—Къ глаголу —Обозначается ли

этими глаголами лицо? - Нѣтъ, не обозначается.—А число?—а время?—Тоже не обозначается.—Выражается ли этими словами приказаніе или просьба?—Нѣтъ, не выражается.

Если глаголъ не показываетъ ни времени, ни числа, ни лица, и не выражаетъ ни приказанія, ни просьбы, то онъ стоитъ въ неопредѣленномъ наклоненіи.

Подчеркнемъ окончаніе въ написанныхъ примѣрахъ. Скажите, на какія буквы оканчивается неопредѣленное наклоненіе глаголовъ! Окончанія выписываются.

Купаться, учиться,—какое наклоненіе?

Замѣтьте, что если неопредѣленное наклоненіе оканчивается на *ь*, то эту букву нужно писать и передъ *ся* въ неопредѣленномъ же наклоненіи. Напишите глаголы: называться, умываться, чесаться.

Мальчикъ сначала умывается и чешется, потомъ молится Богу и затѣмъ учится. Въ какомъ наклоненіи поставлены глаголы? На какой вопросъ отвѣчаютъ они? Какъ нужно писать? Напишите сказанный примѣръ.

Мальчикъ сначала станетъ умываться и чесаться, потомъ молиться Богу и затѣмъ уже начнетъ учиться. Здѣсь въ какомъ наклоненіи поставлены тѣ-же глаголы? На какой вопросъ они отвѣчаютъ? Какъ ихъ нужно писать? Напишите этотъ примѣръ (Отличіе правописанія неопредѣленнаго наклоненія отъ третьяго лица изъявительнаго наклоненія).

Сколько вы узнали наклоненій и какія? Что показываетъ повелительное наклоненіе? Что означаетъ изъявительное наклоненіе? Какое наклоненіе называется неопредѣленнымъ?

Устныя и письменныя упражненія: *а*) данные глаголы поставить въ изъявительномъ и повелительномъ наклоненіи; *б*) повелительное наклоненіе данныхъ гла-

головъ измѣнить въ изъявительное наклоненіе, и обратно; *в*) выписать изъ указанной статьи глаголы въ неопредѣленномъ наклоненіи и подчеркнуть окончаніе; *г*) предупредительный диктантъ, въ которомъ встрѣчаются глаголы въ различныхъ наклоненіяхъ.

II.

Ознакомленіе со слитнымъ предложеніемъ.

Пишутся на доскѣ примѣры: книги лежатъ въ столѣ, тетради лежатъ въ столѣ, перья лежатъ въ столѣ. Сколько предложеній написано?—Прочитайте одно, другое, третье! Скажите заразъ прочитанныя предложенія, не повторяя словъ: «лежатъ въ столѣ»!—Книги, тетради и перья лежатъ въ столѣ.—Записывается.

Скажите подлежащія въ полученномъ предложеніи!—Книги, тетради, перья.—Сколько подлежащихъ?—Три.—Изъ сколькихъ предложеній составилось новое предложеніе?—Изъ трехъ.—Скажите сказуемое въ полученномъ предложеніи!—Лежатъ —Къ сколькимъ подлежащимъ оно относится?—Къ тремъ.

Дѣвочка бѣгаетъ, дѣвочка рветъ цвѣты, дѣвочка плететъ вѣнокъ. Сколько предложеній? Назовите подлежащее и сказуемое въ каждомъ изъ нихъ.

Скажите сразу всѣ три предложенія, не повторяя подлежащаго «дѣвочка»!—Дѣвочка бѣгаетъ, рветъ цвѣты и плететъ вѣнокъ.—Сколько подлежащихъ и сколько сказуемыхъ въ полученномъ предложеніи?—Одно подлежащее и три сказуемыхъ.—Изъ сколькихъ предложеній оно составилось?

Волкъ питается мясомъ, левъ питается мясомъ, тигръ питается мясомъ. Сколько предложеніи? Скажите

сразу, слитно, не повторяя «питается мясомъ», всѣ три предложенія.

Охотникъ застрѣлилъ утку; охотникъ застрѣлилъ зайца. Скажите заразъ, слитно, оба предложенія.

Спѣлое яблоко упало; красное яблоко упало.— Скажите сразу.

Ученики замѣчаютъ, что нѣсколько предложеній можно сливать въ одно. Кромѣ того, они видятъ, что сливать можно только такія предложенія, которыя имѣютъ одно и то же подлежащее и различныя сказуемыя, или одно и тоже сказуемое и различныя подлежащія, или же при однѣхъ и тѣхъ же главныхъ частяхъ предложенія различныя пояснительныя слова, отвѣчающія на одинъ и тотъ-же вопросъ.

Учитель сообщаетъ ученикамъ грамматическій терминъ—слитное предложеніе и наводитъ на составленіе опредѣленія слитнаго предложенія.

Затѣмъ сообщается имъ, что одинаковые члены слитнаго предложенія (т. е. или подлежащія, или сказуемыя, или пояснительныя слова, отвѣчающія на одинъ и тотъ же вопросъ) отдѣляются другъ отъ друга запятой. Запятая не ставится только передъ союзомъ *и*, если этотъ союзъ не повторяется.

Упражненія: составить слитныя предложенія изъ данныхъ простыхъ предложеній;—показать, изъ какихъ простыхъ предложеній составились данныя слитныя предложенія, или, что тоже, данныя слитныя предложенія разложить на простыя; объяснить знаки препинанія въ данныхъ слитныхъ предложеніяхъ, хотя, напр., такихъ: Звѣзды меркнутъ и гаснутъ. По зеркальной водѣ, по кудрямъ лозняка отъ зари алый свѣтъ разливается. Потянулъ вѣтерокъ, воду морщитъ, рябитъ. Рыбаки въ

шалашѣ пробудилися, сняли сѣти съ шестовъ, весла къ лодкамъ несутъ. А востокъ все горитъ, разгорается...

Послѣ объясненія знаковъ препинанія въ отрывкѣ ученики могутъ написать отрывокъ по диктовкѣ.

Выясненіе значенія ‹опредѣлительныхъ›, ‹дополнительныхъ› и ‹обстоятельственныхъ› словъ въ предложеніи.

При прохожденіи перваго концентра ученики, называя главныя части предложенія «подлежащимъ» и «сказуемымъ», второстепенныя слова называли «объяснительными словами», при чемъ ставя вопросы къ частямъ предложенія, указывали, къ какому слову относится каждое изъ объяснительныхъ словъ.

Для болѣе обстоятельнаго выясненія значенія объяснительныхъ словъ и раздѣленія ихъ по значенію можетъ быть употребленъ слѣдующій пріемъ:

а) Пишется на доскѣ хотя такое предложеніе: карандашъ лежитъ. Ученикъ указываетъ въ немъ подлежащее и сказуемое.

Если сказать только: карандашъ лежитъ— можно ли подумать, что этотъ карандашъ красный?—Можно.—А черный?—Можно.—А желтый?—Тоже можно...

Значитъ, въ предложеніи: карандашъ лежитъ—точно ли, опредѣленно ли обозначенъ предметъ: какой карандашъ лежитъ?—Нѣтъ, неопредѣленно, неточно.

А если сказать черный карандашъ лежитъ,—можно ли подумать, что этотъ карандашъ красный? желтый? бѣлый?—Нѣтъ, нельзя: онъ черный.

Теперь, значитъ, опредѣленно сказано, какой карандашъ лежитъ?—Опредѣленно.

Какое же слово такъ опредѣляетъ въ сказанномъ предложеніи слово карандашъ, что нельзя уже подумать, что онъ или красный, или бѣлый, или желтый?—Слово черный.

Такъ какъ слово черный опредѣляетъ карандашъ, то какъ его можно назвать?—Опредѣляющее.—Такъ оно и называется въ грамматикѣ, только окончаніе нѣсколько иное. Такія части предложенія въ грамматикѣ называются опредѣленіями или опредѣлительными словами. Такъ и будемъ называть тѣ слова въ предложеніи, которыя опредѣляютъ предметъ.

Разсматриваются еще подходящіе примѣры безъ опредѣлительныхъ *и* съ опредѣлительными словами, и изъ сравненія ихъ ученики лучше уясняютъ себѣ значеніе опредѣлительныхъ словъ.

Черный карандашъ лежитъ. Сказано въ рѣчи, чей это карандашъ? Онъ или мой, или твой, или его, или кого-либо другого. Мой черный карандашъ лежитъ. Теперь можно ли подумать, что лежащій карандашъ или твой, или его, или кого-нибудь другого? Какая же часть предложенія—«мой»?—Опредѣленіе.—Сколько въ сказанномъ предложеніи опредѣлительныхъ словъ?

Подобная проработка идетъ и дальше, пока ученики окончательно не уразумѣютъ значенія опредѣлительныхъ словъ.

На какой вопросъ отвѣчаетъ опредѣленіе черный?—Оно отвѣчаетъ на вопросъ—какой? Слово «какой»—означающее вопросъ—записывается на доскѣ. На какой вопросъ отвѣчаетъ опредѣленіе мой?—На вопросъ—чей? Слово «чей»—тоже записывается.

Затѣмъ разбираются другіе примѣры, съ цѣлью показать, что опредѣленія отвѣчаютъ не только на во-

просы: какой? чей?—но и на другіе вопросы. Сравниваются хотя такія предложенія: «ученикъ отвѣтилъ» и «третій ученикъ отвѣтилъ»; «учитель передалъ тетради ученику» и «учитель передалъ тетради первому ученику». Изъ сравненія и разбора этихъ предложеній оказывается, что слова: «третій» и «первому» опредѣлительныя и отвѣчаютъ на вопросъ: который? которому?. Вопросъ (въ формѣ именительнаго падежа который) записывается на доскѣ,

Изъ разсмотрѣнія предложеній, напр: «семь сноповъ осталось въ полѣ», «три шапки висятъ на стѣнѣ»—оказывается, что въ первомъ предложеніи числительное семь, а во второмъ три служатъ опредѣленіями и отвѣчаютъ на вопросъ—сколько? Этотъ вопросъ приписывается къ раньше выведеннымъ.

Такимъ образомъ ученики знакомятся съ вопросами, на которые отвѣчаютъ опредѣлительныя слова. Но очень важно, чтобъ они, прежде чѣмъ запомнить вопросы, на которые отвѣчаютъ опредѣлительныя слова, вполнѣ уразумѣли роль этихъ словъ въ предложеніяхъ.

Для закрѣпленія усвоеннаго свѣдѣнія объ опредѣлительныхъ словахъ предлагается ученикамъ рядъ предложеній, и они указываютъ въ нихъ опредѣлительныя слова, объясняя роль или значеніе каждаго изъ нихъ; предлагаются также примѣры безъ опредѣлительныхъ словъ, а ученики сами прибавляютъ опредѣленія къ указаннымъ словамъ.

Для формулировки выведеннаго свѣдѣнія могутъ быть предложены вопросы: Для чего служатъ опредѣленія? На какіе вопросы отвѣчаютъ опредѣлительныя слова?

б) Столяръ дѣлаетъ. Извѣстно ли, что столяръ дѣлаетъ? полна ли мысль? Дополните мысль, что-

бы яснѣе было, что столяръ дѣлаетъ! —Столяръ дѣлаетъ раму.—На какой вопросъ отвѣчаетъ слово «раму»? Къ какому слову оно относится?

Слово «раму» дополняетъ собою сказуемое (что дѣлаетъ?) и называется въ грамматикѣ дополнительнымъ словомъ. Прибавьте къ дополнительному слову «раму» опредѣленіе, чтобы видно было, какую раму онъ дѣлаетъ. —Столяръ дѣлаетъ оконную раму.

«Нищій просилъ». Извѣстно ли, чего онъ просилъ? полна ли мысль?—Дополните предложеніе: чего онъ просилъ?—Нищій просилъ подаянія.—На какой вопросъ отвѣчаетъ «подаянія»?

Подаяніе дано. Дополните: кому? Подаяніе дано нищему. Какая часть предложенія—«нищему»? На какой вопросъ отвѣчаетъ и къ какому слову относится слово «нищему»?

Подобнымъ же образомъ выводятся всѣ вопросы, на которые отвѣчаютъ дополненія. Вопросы выписываются въ порядкѣ.

Ученики замѣчаютъ, что дополнительныя слова отвѣчаютъ на вопросы всѣхъ косвенныхъ падежей.

Идутъ подходящія упражненія: а) ученики указываютъ въ данныхъ примѣрахъ дополненія; б) подбираютъ дополнительныя слова къ даннымъ словамъ въ предложеніяхъ и т. п.

Формулировка правила на вопросы: Для чего служатъ дополненія въ предложеніи?

На какіе вопросы отвѣчаютъ дополнительныя слова?

в) Разсматриваются примѣры съ пояснительными словами, означающими мѣсто (напр.:цвѣтики въ полѣ пестрѣютъ), время (птицы прилетаютъ весной и улетаютъ осенью), образъ дѣйствія (медленно идетъ путникъ).

Учитель поясняетъ, что объяснительное слово, относящееся къ глаголу и означающее или мѣсто, или время, или образъ дѣйствія, называется обстоятельственнымъ словомъ (мѣста, времени, образа дѣйствія).

Выводъ вопросовъ, на которые отвѣчаютъ обстоятельственныя слова—времени, мѣста и образа дѣйствія.

Формулировка правила и упражненія.

Ознакомившись съ значеніемъ, ролью, опредѣлительныхъ, дополнительныхъ и обстоятельственныхъ словъ ученики, въ свое время, безъ туруда могутъ быть ознакомлены съ опредѣлительными, дополнительными и обстоятельственными придаточными предложеніями. Такое ознакомленіе можетъ быть ведено посредствомъ обращенія второстепенныхъ словъ (опредѣлит. дополнит., обстоят.) въ придаточныя предложенія. Такъ, учитель беретъ предложеніе, напр., съ опредѣлительнымъ словомъ, выражаетъ это опредѣлительное слово опредѣлительнымъ придаточнымъ предложеніемъ, разбираетъ это предложеніе, показываетъ его отношеніе къ части главнаго предложенія и такимъ образомъ даетъ возможность ученикамъ уразумѣть значеніе опредѣлительнаго придаточнаго предложенія.

Ознакомленіе учениковъ съ залогами глаголовъ.

Учитель предварительно наводитъ учениковъ на различеніе глаголовъ переходящихъ и непереходящихъ.

Пишется на доскѣ хотя такой примѣръ: Хозяинъ ударилъ собаку. Назовите подлежащее въ этомъ примѣрѣ!—сказуемое! Что хозяинъ сдѣлалъ? Какая часть рѣчи «ударилъ»? На кого перешло дѣйствіе хозяина?

И такъ, въ нашемъ примѣрѣ глаголъ «ударилъ»

показываетъ, что хозяинъ сдѣлалъ и дѣйствіе его перешло на собаку (собакѣ больно).

Сапожникъ шьетъ сапоги. Кто тутъ дѣйствуетъ? На какой предметъ переходитъ дѣйствіе сапожника? (Что сапожникъ шьетъ?—Сапоги).

Коля моется (моетъ себя). Кто тутъ дѣйствуетъ? На кого переходитъ его дѣйствіе? (Коля загрязнился *и* моется, т. е. моетъ себя, чтобы быть чистымъ). Значитъ, тутъ Коля дѣйствуетъ и дѣйствіе его переходитъ на него-же.

Такіе глаголы, которые показываютъ дѣйствіе, переходящее на кого-нибудь или на что-нибудь, относятся къ переходящимъ глаголамъ.

Возьмемъ теперь такой примѣръ: Птичка дремлетъ. Назовите глаголъ въ этомъ примѣрѣ! Есть ли предметъ, на который переходитъ дѣйствіе (состояніе), выраженное этимъ глаголомъ?—Такого предмета нѣтъ.

Въ примѣрѣ: Мотылекъ живетъ—укажите глаголъ. Есть ли предметъ, на который переходитъ дѣйствіе (состояніе), выраженное глаголомъ?—Тоже нѣтъ.

Если глаголъ выражаетъ дѣйствіе или состояніе предмета, не переходящее на другой предметъ, то онъ относится къ непереходящимъ глаголамъ.

Цвѣты цвѣтутъ. Переходящій глаголъ (цвѣтутъ) или непереходящій?

Въ примѣрахъ: Осенью листья желтѣютъ; женщина идетъ,—какіе глаголы (переходящіе или непереходящіе)?

Значитъ, какъ можно раздѣлить глаголы?—На переходящіе и непереходящіе: дѣйствіе, выражаемое первыми, т. е. переходящими, переходитъ на какое-нибудь лицо (хотя бы на само же дѣйствующее) или на какой-либо предметъ, а дѣйствіе или состояніе, выражаемое

вторыми, т. е. непереходящими, ни на кого и ни на что не переходитъ.

Учитель даетъ глаголы въ предложеніяхъ, а ученики относятъ ихъ къ переходящимъ или непереходящимъ.

Мужикъ срубилъ дерево. Ученикъ рѣшаетъ задачу. Лиса задавила курицу. Дѣвочка умывается. Люди спятъ. Мѣсяцъ свѣтитъ. Дерево растетъ медленно. Вода замерзаетъ. Полканъ съ Барбосомъ грызутся. Персы разбиты греками.

Если въ такихъ примѣрахъ, какъ два послѣдніе, ученики затрудняются сказать—переходящій или непереходящій глаголъ, учителю слѣдуетъ только удачными вопросами навести ихъ на правильный отвѣтъ. Такъ, въ примѣрѣ: «Персы разбиты греками»,—можно поставить такіе вопросы: Кто кого разбилъ? Значитъ, на кого перешло дѣйствіе грековъ?

Повторите, какъ можно раздѣлить глаголы? Какіе глаголы относятся къ переходящимъ и какіе къ непереходящимъ?

Замѣтьте, что непереходящіе глаголы называются глаголами с р е д н я г о з а л о г а. (Названіе пишется на доскѣ).

Скажите примѣръ съ глаголомъ средняго залога! Какого залога глаголы въ примѣрахъ. (Приводятся примѣры, а ученики указываютъ въ нихъ глаголы средняго залога).

Глаголы переходящіе дѣлятся на слѣдующіе з а л о г и:

а) Скажите глаголъ въ примѣрѣ: Кошка п о й м а л а мышку. Кто дѣйствуетъ? На кого перешло дѣйствіе кошки (подлежащаго)? Значитъ, кошка дѣйствовала и дѣйствіе ея перешло на другой предметъ (мышку).

Какой вопросъ слѣдуетъ поставить послѣ глагола

«поймала», чтобы отвѣтить словомъ «мышку»?—Кого?—А какой падежъ слово «мышку»?

Булочникъ печетъ булки. Кто тутъ дѣйствуетъ? На что переходитъ дѣйствіе булочника? Какой вопросъ нужно поставить послѣ глагола «печетъ», чтобы отвѣтить словомъ «булки»?

Въ разсмотрѣнныхъ примѣрахъ глаголы выражаютъ дѣйствіе, и дѣйствіе это переходитъ на другой предметъ. Послѣ такихъ глаголовъ ставится вопросъ винительнаго падежа (кого? что?), на который и отвѣчаетъ предметъ или лицо, на которое переходитъ дѣйствіе. Такіе переходящіе глаголы относятся къ дѣйствительному залогу. (Названіе записывается).

б) Ваня умывается (умываетъ себя). Кто тутъ дѣйствуетъ? Кого онъ моетъ? Значитъ, на кого переходитъ дѣйствіе?

Мальчикъ чистится (чиститъ себя). Кто тутъ дѣйствуетъ? На кого переходитъ дѣйствіе?

Какъ слѣдовало бы сказать приведенные примѣры, чтобы назвать лица, на которыхъ переходитъ дѣйствіе?—Ваня моетъ себя (т. е. Ваню) Мальчикъ чиститъ себя (т. е. мальчика).

Въ приведенныхъ примѣрахъ дѣйствіе лица переходитъ на само же дѣйствующее лицо, обозначаемое мѣстоименіемъ «себя», которое сокращается въ «ся». Такіе глаголы относятся къ глаголамъ возвратнаго залога, потому что дѣйствіе, такъ сказать, возвращается на дѣйствователя. (Названіе—возвратный залогъ—записывается).

Приведите примѣры возвратныхъ залоговъ!

Обратите глаголы дѣйствительнаго залога (одѣвать, обувать, причесывать, защищать и др.) въ возвратные!

Какіе залоги называются возвратными?

4*

в) Полканъ съ Барбосомъ грызутся. Кто тутъ грызетъ кого? Полканъ грызетъ Барбоса, а Барбосъ грызетъ Полкана. Сколько, значитъ, здѣсь дѣйствующихъ лицъ? Дѣйствіе перваго на кого переходитъ. А дѣйствіе второго? Одинаковое ли дѣйствіе они совершаютъ?

Значитъ, здѣсь дѣйствіе совершается между двумя лицами, изъ которыхъ дѣйствіе одного переходитъ на другого, и такое-же дѣйствіе другого переходитъ на перваго. Дѣйствующія лица взаимно дѣйствуютъ другъ на друга. Такіе глаголы относятся къ взаимному залогу. (Записывается).

Какіе же залоги называются взаимными?

Разсматриваются еще примѣры съ взаимными залогами. (Ивановъ споритъ съ Петровымъ. Два государства воюютъ между собою и друг.).

Приведите сами примѣры съ взаимнымъ залогомъ!

Обратите данные глаголы дѣйствительнаго залога (видѣть, объяснять, встрѣчать, перекликать, разлучать, переписывать и друг.) во взаимный залогъ (сказать въ предложеніяхъ).

г) Голубь заклеванъ ястребомъ. Воспитанникъ наказанъ воспитателемъ. Назовите подлежащія въ этихъ примѣрахъ?—Голубь,—воспитанникъ.—Назовите глаголы въ этихъ примѣрахъ! —Заклеванъ,—наказанъ — Эти глаголы показываютъ дѣйствіе подлежащаго? (Наводящій вопросъ: Кто кого заклевалъ? Кто кого наказалъ?). Значитъ, подлежащее само тутъ дѣйствуетъ или на него переходитъ дѣйствіе другого предмета (дополненія)? Въ какихъ падежахъ поставлены предметы (дополненія), отъ которыхъ переходитъ дѣйствіе на подлежащее?

Въ разсмотрѣнныхъ примѣрахъ на подлежащее

переходитъ дѣйствіе отъ другого предмета (отъ дополненія), отвѣчающаго на вопросъ: кѣмъ? чѣмъ? Подлежащее испытываетъ (претерпѣваетъ) дѣйствіе посторонняго предмета. Такіе глаголы относятся къ страдательному залогу. (Записывается).

Какіе залоги называются страдательными?

Ребенокъ накормленъ няней. Разсказъ изложенъ ученикомъ. Книга принесена учителемъ. Солнце закрывается передовымъ облакомъ. Цвѣты орошены дождикомъ.—Какого залога глаголы въ приведенныхъ примѣрахъ? Почему?—Слѣдующія предложенія передѣлайте такъ, чтобы ихъ сказуемыя обратились въ глаголы страдательнаго залога. (Охотникъ убилъ зайца. Столяръ сдѣлалъ столъ. Мы прочли книгу. Учитель разсмотрѣлъ сочиненіе и друг.).

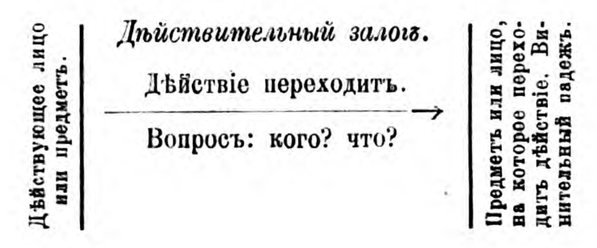
Въ данныхъ примѣрахъ страдательный залогъ измѣните въ дѣйствительный. (Ковчегъ построенъ Ноемъ. Россія нѣкогда была покорена Татарами. Деньги потеряны мною. Эта часовна выстроена священникомъ. Урокъ объясненъ учителемъ и друг.).

Приведите сами примѣры страдательныхъ залоговъ

Сколько залоговъ различается въ переходящихъ глаголахъ и какіе *)?

---

*) Для наглядности, различіе залоговъ переходящихъ можетъ быть изображено учителемъ графически.

Сколько всѣхъ залоговъ и какіе? Что каждый изъ нихъ означаетъ?

Ознакомленіе съ причастіемъ.

Птицы, которыя улетаютъ осенью на югъ, называются перелетными.

Сколько въ данномъ примѣрѣ предложеній?—Два (главное и придаточное).

Два слова: «которыя улетаютъ» нельзя ли замѣнить однимъ словомъ?—Улетающія.

Прочитайте разсматриваемый примѣръ, замѣнивши

Возвратный залогъ.

Дѣйствіе возвращается на дѣйствователя (себя, ся).

←

Взаимный залогъ.

Первое дѣйствующее лицо.

Первое лицо дѣйствуетъ на второе. →

Одно и то-же дѣйствіе.

← Второе лицо дѣйствуетъ на первое.

Второе дѣйствующее лицо.

Страдательный залогъ.

Подлежащее.

Подлежащее претерпѣваетъ дѣйствіе.

←

Второстепенный предметъ (дополненіе), отъ котораго переходитъ дѣйствіе на подлежащее. Отвѣчаетъ на вопросъ: кѣмъ? чѣмъ?

слова: «которыя улетаютъ» словомъ: улетающія.—Птицы, улетающія осенью на югъ, называются перелетными.

Улетающія—какое число? Скажите въ единственномъ числѣ!

Значитъ, форма улетающія измѣняется по числамъ.

Улетающая птица. А голубь... какъ сказать?—Перо... Какъ сказать?

Значитъ, форма улетающій, *ая*, *ее*—измѣняется по родамъ.

На какую часть рѣчи форма: улетающій, *ая*, *ее*,—похожа? (Какая часть рѣчи измѣняется по родамъ и числамъ?).—На прилагательное.

Изъ какой части рѣчи образовалась форма, похожая на имя прилагательное?—Изъ глагола.

Имя прилагательное, произведенное изъ глагола, называется причастіемъ.

Образуйте причастіе отъ данныхъ глаголовъ (предлагаются глаголы).

Посмотримъ, какія принадлежности имѣетъ причастіе одинаковыя съ именемъ прилагательнымъ и какія—съ глаголомъ.

Прилагательное измѣняется по родамъ. А причастіе? (Мы уже видѣли).

Прилагательное измѣняется по числамъ. А причастіе? (Тоже видѣли).

Прилагательное измѣняется по падежамъ. А причастіе можно склонять? Посмотримъ.

Мальчикъ, бросающій камни, ранилъ прохожаго.—Я не видѣлъ мальчика, бросающ... (*аго*) камни. Какой падежъ—бросающаго?—Сдѣлали выговоръ мальчику, бросающ... (*ему*) камни. Какой падежъ?—Мы не довольны мальчикомъ, бросающ.. (*имъ*) камни. Какой па-

дежъ?—Мы говоримъ о мальчикѣ, бросающ... (*емъ*) камни. Какой падежъ?

Значитъ, измѣняется причастіе по падежамъ? Измѣняется.

Скажите тѣ-же предложенія такъ, чтобы говорилось не объ одномъ, а о многихъ мальчикахъ (просклонять причастіе во множественномъ числѣ).

Какія же общія принадлежности имѣютъ причастія съ прилагательными?

Посмотримъ, какія принадлежности имѣютъ причастія одинаковыя съ глаголами.

Чиновникъ, служащій теперь на почтѣ, часто болѣетъ. Чиновникъ, служившій въ прошломъ году на почтѣ, умеръ.

Какое время обозначаетъ причастіе въ первомъ примѣрѣ и какое—во второмъ?

Значитъ, причастія, какъ и глаголы, имѣютъ времена.

Можно ли сказать причастіе въ будущемъ времени?

Одно только слово—будущій—употребляется въ будущемъ времени.

Учитель обращаетъ вниманіе учениковъ на видъ глаголовъ и причастій. Ученики замѣчаютъ, что видъ причастія зависитъ отъ вида глагола. Совершенный видъ не имѣетъ причастія настоящаго времени.

Лисица, которая задавила курицу, убѣжала въ лѣсъ. Лисица, которую поймали охотники, приручилась.

Образуйте причастія!—Лисица, задавившая курицу, убѣжала въ лѣсъ. Лисица, пойманная охотниками, приручилась.

Причастіе въ первомъ примѣрѣ означаетъ дѣйствіе подлежащаго, а во второмъ примѣрѣ причастіе означа-

етъ, что на подлежащее перешло дѣйствіе отъ дополненія. Причастіе въ первомъ примѣрѣ-дѣйствительное, а, во второмъ—страдательное. И такъ, причастія бываютъ—дѣйствительныя и страдательныя.

Предлагая образовать дѣйствительныя и страдательныя причастія отъ глаголовъ различныхъ залоговъ, учитель приводитъ учениковъ къ знанію, что дѣйствительное причастіе можно образовать отъ глаголовъ всѣхъ залоговъ, страдательное же причастіе образуется только отъ глаголовъ дѣйствительнаго залога.

Выводъ окончаній дѣйствительнаго и страдательнаго причастій обоихъ временъ. Окончанія выписываются на доскѣ.

Практическія упражненія: образованіе причастій изъ данныхъ глаголовъ; данныя полныя придаточныя сократить посредствомъ причастій; данныя сокращенныя опредѣлительныя придаточныя предложенія обратить въ полныя посредствомъ обращенія причастія въ изъявительное наклоненіе.

Проработка о предлогахъ.

Здѣсь приведенъ примѣръ, какъ можно пополнять знанія учениковъ о той или другой части рѣчи, усвоенныя ими при прохожденіи предыдущаго концентра.

Въ первомъ концентрѣ ученики уже узнали, какой разрядъ словъ называется предлогомъ и для чего служатъ предлоги. Здѣсь приведена проработка съ цѣлью расширить знанія учениковъ о предлогахъ.

Примѣры: Одинъ охотникъ вышелъ *изъ* лѣса, другой отправился *въ* лѣсъ. Утки водятся *въ* камышахъ. Заячій слѣдъ виденъ *на* снѣгѣ. Жолуди *подъ* дубомъ; они свалились *съ* дуба. Рыбакъ живетъ *у* рѣки. Сѣти развѣшены *передъ* его хижиной.

Назовите предлоги въ данныхъ примѣрахъ! Для чего они служатъ? Что показываетъ въ первомъ предложеніи предлогъ—*изъ*, во второмъ—*въ*, въ третьемъ—*подъ* и т. д.

Глаголы означаютъ дѣйствіе или состояніе, прилагательныя—качество или принадлежность, числительныя—счетъ, а предлоги сами по себѣ означаютъ что-нибудь. Значитъ, предлоги-значительныя или служебныя слова?

Предлоги, напр., *въ*, *у*, *съ*, *подъ*, можно склонять или спрягать? Значитъ, предлогъ измѣняемая часть рѣчи, или неизмѣняемая?

Скажите все, что знаете о предлогахъ?—Предлогомъ называется служебный неизмѣняемый разрядъ словъ, показывающій въ рѣчи различныя отношенія между предметами.

Назовите, какіе вы знаете предлоги! (Предлоги записываются на doскѣ).

Предлоги образуются отъ какихъ-либо другихъ словъ? Наводящій вопросъ: Сегодня, домой—какой части рѣчи? Изъ какихъ словъ они образовались? А предлоги: *съ*, *на*, *изъ*, *у*, *къ* и друг. изъ какихъ словъ образовались? Значитъ, предлоги—по образованію—коренныя или производныя слова?

Изъ-за лѣса вылетѣло стадо гусей. Назовите предлогъ въ этомъ предложеніи! Изъ какихъ отдѣльныхъ предлоговъ онъ составился? Какъ его можно назвать? Какіе же предлоги называются сложными? а какіе простыми?

Укажите простые и сложные предлоги въ примѣвахъ: *По-надъ* Дономъ казаки идутъ. По Дову казаки плывутъ. *Изъ-за* лѣса солнышко выходитъ. Изъ лѣсу выбѣжалъ волкъ и друг.

Какъ же предлоги раздѣляются по составу?

Вокругъ все темнѣетъ; вокругъ церкви собрался народъ. Онъ всегда шелъ позади; позади насъ возвышалась высокая гора. Пуля пролетѣла мимо; мимо деревни шла дорога. Сосѣдъ придетъ послѣ; послѣ обѣда рабочіе отдыхаютъ. Впередъ чужой бѣдѣ не смѣйся голубокъ; впереди полка шелъ командиръ.

Къ какой части рѣчи относятся слова: вокругъ, позади, мимо, послѣ, впередъ? Къ какой части рѣчи относятся тѣже слова въ послѣдующихъ примѣрахъ? Изъ сопоставленія приведенныхъ примѣровъ ученики выводятъ, что и нарѣчія принимаютъ значеніе предлоговъ.

Ястребъ *на*летѣлъ *на* утку. Назовите предлогъ въ этомъ предложеніи!—На.—на кого?—на утку.—Утку—какой падежъ?

Ястребъ *На*летѣлъ *на* утку. Есть ли здѣсь еще *на*?—*На*летѣлъ—летѣлъ. Послѣ этого *на* можно ли поставить падежный вопросъ?—Нѣтъ.

Летѣлъ—*на* летѣлъ. Какое различіе между этими словами?

На утку. Предлогъ на стоитъ передъ существительнымъ, послѣ него ставится падежный вопросъ (на него?) и онъ пишется отдѣльно отъ слова.

*На*летѣлъ (летѣлъ). Здѣсь *на* стоитъ передъ глаголомъ, составляя съ нимъ одно слово, и послѣ него нельзя поставить падежный вопросъ; *на*, служа *приставкой* для образованія слова, пишется слитно съ нимъ. Разсматриваются еще примѣры: *по* снѣгу по бѣжалъ звѣрекъ. Раненый воинъ отсталъ *отъ* своей роты. Снести *съ* верхняго этажа багажъ. Послать, посолъ, прибить, безпокойный, управленіе... И др.

Ученики повторяютъ правило, что если предлогъ

стоитъ передъ именемъ и требуетъ падежа, то онъ пишется отдѣльно; если же онъ входитъ въ составъ слова и не требуетъ падежа, то называется *приставкой* и пишется слитно.

Выведенное и повторенное правило закрѣпляется письменными работами: писаніемъ примѣровъ, предупредительной диктовкой и т. п.

Тутъ же учитель предлагаетъ ученикамъ запомнить имъ предлоги, которые употребляются только слитно.

Изъ сравненія такихъ, напр., словъ: говоръ-разговоръ, честный-безчестный, земный-безумный, полезный-безполезный, добрый-предобрый, просить-спросить-пере спросить, сказать-показать-наказать, приказать и друг. ученики уразумѣваютъ значеніе приставокъ для образованія словъ.

Кромѣ того, изъ сравненія глаголовъ, хотя такихъ: ѣхать, переѣхать, отъѣхать; летѣть, пролетѣть; пѣть, запѣть, пропѣть; жить, прожить и т. под., ученики выводятъ правило, что, во 1-хъ, предлоги вліяютъ на обозначеніе направленія дѣйствія; во 2-хъ, измѣняютъ видъ глаголовъ; въ 3-хъ, измѣняютъ залогъ, въ 4-хъ, показываютъ начало или конецъ дѣйствія.

У стола стоитъ стулъ. Какой падежъ: «у стола»? Можно ли съ предлогомъ *у* употребить слово столъ въ творительномъ падежѣ?—а въ дательномъ?—а въ винительномъ?

Значитъ, послѣ предлога *у* какой ставится падежъ?

Путникъ отдыхаетъ *подъ* деревомъ. Какой падежъ «деревомъ». Можно ли послѣ предлога *подъ* поставить родительный падежъ? а дательный?

Путникъ положилъ свою котомку *подъ* дерево. Какой падежъ «дерево»?

Значитъ, какихъ падежей требуетъ предлогъ *подъ*?

Замѣтивши, что ученики уразумѣли, что одни изъ предлоговъ управляютъ только однимъ падежемъ, другіе—двумя падежами, третьи тремя падежами, учитель выписываетъ на доскѣ сначала предлоги, требующіе одного падежа, а ученики подбираютъ подходящіе примѣры; затѣмъ онъ выписываетъ предлоги, требующіе двухъ падежей, и ученики тоже подбираютъ примѣры; наконецъ, онъ выписываетъ предлоги, требующіе трехъ падежей, а ученики говорятъ примѣръ на такіе падежи съ предлогами.

Удобно сказать: предъ мною, съ стола? А какъ удобнѣе, легче сказать?—Предо мною, со стола. Какая буква измѣнена? Слѣдующее за предлогомъ слово какими буквами начинается?

Выводъ правила о замѣнѣ въ предлогахъ ъ буквою *о*.

Тутъ же учитель сообщаетъ ученикамъ правило о замѣнѣ въ приставкахъ буквы *з* буквою *с*.

Правило закрѣпляется соотвѣтственнымъ письменнымъ упражненіемъ.

Повтореніе учениками всего усвоеннаго о предлогахъ. (Вопросы для повторенія: Для чего служатъ предлоги? Предлоги—знаменательныя или служебныя слова? Предлогъ—измѣняемая часть рѣчи? Предлоги—коренныя или производныя слова? Какіе бываютъ предлоги по составу? Какое отличіе между предлогомъ и приставкой? Какое значеніе имѣютъ приставки? Какіе предлоги требуютъ только одного падежа? какіе—двухъ? какіе—трехъ? Какія измѣненія бываютъ въ предлогахъ при написаніи ихъ?)

Грамматическій разборъ.

Ознакомившись съ извѣстными грамматическими формами и законами, ученики примѣняютъ ихъ къ дан-

нымъ словамъ или предложеніямъ или, что то же, данныя слова или предложенія подводятъ подъ извѣстныя имъ грамматическія формы и законы. Это и составляетъ такъ называемый грамматическій разборъ рѣчи.

Грамматическій резборъ ведетъ къ закрѣпленію и освѣщенію въ сознаніи учениковъ грамматическихъ свѣдѣній, пріучаетъ учениковъ пользоваться грамматическими знаніями, т. е. примѣнять ихъ къ своей рѣчи, и, что очень важно, служитъ однимъ изъ лучшихъ средствъ къ умственному развитію учениковъ.

По мѣрѣ расширенія грамматическихъ знаній, разборъ словъ и рѣчи становится подробнѣе и подробнѣе. Каждое вновь усвоенное грамматическое свѣдѣніе ученики примѣняютъ при разборѣ, вмѣстѣ съ раньше усвоенными свѣдѣніями. Грамматическія знанія учениковъ расширяются послѣдовательно. Такая же послѣдовательность замѣчается и въ грамматическомъ разборѣ учениковъ: ученики, проходящіе третій грамматическій концентръ, указываютъ такія грамматическія подробности въ разбираемой рѣчи, какихъ не могутъ указать ученики, проходящіе первый или второй концентръ.

При грамматическомъ разборѣ рѣчи или словъ ученики должны руководствоваться смысломъ, значеніемъ, ролью ихъ, а не какими либо внѣшними признаками. Для предупрежденія чисто механическаго разбора слѣдуетъ требовать отъ учениковъ, чтобы они объясняли, почему они расчленяютъ данную рѣчь на тѣ или другія синтактическія части или почему подводятъ данное слово подъ ту или другую категорію или подъ ту или другую форму.

Можно разсматривать рѣчь со стороны ея синтактическаго состава и построенія, можно разсматривать слова со стороны ихъ этимологическаго значенія и обра-

зованія и, наконецъ, можно разсматривать и цѣлую рѣчь, и отдѣльныя слова со стороны ихъ правописанія. Отсюда различаются: а) синтактическій разборъ (указаніе состава рѣчи и связи между частями ея); б) этимологическій разборъ (указаніе этимологическаго значенія слова и принадлежностей и формъ его) и в) орѳографическій разборъ (объясненіе правописанія данной рѣчи или данныхъ словъ).

Такъ какъ этимологическая форма зависитъ часто отъ синтактической роли, а правописаніе словъ и употребленіе знаковъ препинанія основывается на этимологіи и синтаксисѣ, то понятно, что не слѣдуетъ совершенно отдѣлять одинъ родъ разбора отъ другого. Но, съ другой стороны, смѣшивать безъ нужды всѣ роды разбора, ведя его, такимъ образомъ, безъ всякой системы, тоже не слѣдуетъ.

Зная, какія грамматическія свѣдѣнія относятся къ этимологіи, какія къ синтаксису и какія къ орѳографіи, ученикъ, дѣлая этимологическій разборъ, касается синтаксиса лишь для объясненія формъ разбираемыхъ словъ; дѣлая синтактическій разборъ, касается этимологіи лишь при показаніи, какимъ разрядомъ словъ выраженъ тотъ или другой членъ предложенія или какою формою связаны члены предложенія или самыя предложенія; дѣлая орѳографическій разборъ, касается синтаксиса и этимологіи лишь настолько и тогда, когда и въ какой мѣрѣ это необходимо для объясненія правописанія.

Пріученіе учениковъ къ извѣстному порядку или плану въ разборѣ не можетъ считаться безполезнымъ,— уже потому, что это вообще пріучаетъ къ порядку въ дѣйствіяхъ и въ рѣчи. Въ практикѣ учителя нерѣдко находятъ нужнымъ дать ученикамъ планъ или программу, по которой они могли бы дѣлать разборъ словъ или

предложеній. Образецъ такой программы приведенъ ниже.

Само собою разумѣется, что программа разбора не можетъ быть одинакова на всѣхъ ступеняхъ обученія грамматикѣ. Чѣмъ шире кругъ грамматическихъ знаній учениковъ, тѣмъ шире и программа дѣлаемаго ими разбора, и наоборотъ.

Разборъ, какъ выше сказано, дѣлится на I—синтактическій, II—этимологическій и III—орѳографическій.

I. Къ синтактическому разбору относятся слѣдующіе виды разбора:

а) Раздѣленіе простыхъ предложеній на составныя ихъ части: предметъ рѣчи (логическое подлежащее; о комъ или о чемъ говорится) и что говорится о предметѣ рѣчи (логическое сказуемое). Напр.: «Сторожъ звонитъ». Кто звонитъ? (Сторожъ). Что про сторожа говорится? (Онъ звонитъ).—«Ученики собираются въ классъ». О комъ говорится? Что говорится объ ученикахъ? (Собираются въ классѣ). «Нашъ классъ помѣщается въ большой комнатѣ». О чемъ говорится? (О нашемъ классѣ). Что о немъ говорится? (Помѣщается въ большой комнатѣ). «Всѣ ученики класса на урокѣ пишутъ и читаютъ». Предметъ рѣчи: «Всѣ ученики класса». Про нихъ говорится, что они «на урокѣ пишутъ и читаютъ».

б) Указаніе отношенія словъ между собою. Къ словамъ предложенія ставятся вопросы, отвѣтомъ на которые служатъ слова, относящіяся къ тѣмъ, отъ которыхъ поставлены вопросы. При разборѣ, напр., предложенія: Садовникъ пересадилъ молодыя деревца», могутъ быть поставлены такіе вопросы: Кто пересадилъ молодыя деревца?—Садовникъ.—Что садовникъ сдѣлалъ?—Пересадилъ.—Что онъ пересадилъ?—Деревца.—Какія деревца онъ пересадилъ?—Молодыя деревца.—

«Земля кормитъ человѣка». Что кормитъ человѣка?—Земля.—Что о землѣ сказано?—Она кормитъ.—Кого земля кормитъ?—Человѣка.—«Ночью въ колыбель младенца мѣсяцъ лучъ свой заронилъ. О чемъ сказано? Что мѣсяцъ сдѣлалъ? Что заронилъ мѣсяцъ? Чей лучъ онъ заронилъ? Куда свой лучъ заронилъ мѣсяцъ? Когда заронилъ мѣсяцъ свой лучъ въ колыбель младенца? Слова, служащія отвѣтомъ на вопросъ, относятся къ тѣмъ словамъ, отъ которыхъ поставленъ вопросъ. Такъ въ послѣднемъ примѣрѣ сказуемое «заронилъ» относится къ подлежащему: «мѣсяцъ».. Слово «лучъ» относится къ сказуемому «заронилъ». «Свой» относится къ слову «лучъ» (чей лучъ). «Ночью» относится къ сказуемому «заронилъ» (когда заронилъ)?. «Въ колыбель» относится къ сказуемому, «заронилъ» (во что? куда)?. «Младенца» относится къ слову «колыбель» (чью колыбель?)

Постановка вопросовъ къ словамъ предложенія, показывая отношеніе и связь словъ между собою, тѣмъ самымъ подготовляетъ учениковъ къ уразумѣнію частей предложенія, согласованія и управленія словъ, а также къ различенію разрядовъ словъ и формъ ихъ.

в) Разборъ по предложеніямъ и указанія въ предложеніяхъ частей—главныхъ и второстепенныхъ. Сначала выдѣляются предложенія—главныя и придаточныя (если ученики знакомы уже съ составомъ сложнаго предложенія). Затѣмъ въ каждомъ предложеніи указываются члены его—главные и второстепенные, при чемъ указывается, къ какому члену каждый второстепенный членъ относится. Тотъ членъ, къ которому относятся другіе, обозначается прежде этихъ послѣднихъ. Такимъ образомъ, опредѣляемыя, напр., слова обозначаются раньше опредѣляющихъ, дополняемыя раньше дополняющихъ.

г) Согласованіе и управленіе словъ. Указывая слова, связанныя между собою по способу согласованія, ученики говорятъ, въ чемъ они согласуются; точно также, указывая на зависимость словъ по управленію, говорятъ, какое управленіе.

II. Этимологическій разборъ. Разсматриваемое слово ученикъ относитъ къ соотвѣтственной части рѣчи и указываетъ въ немъ всѣ извѣстныя ему формы или грамматическія принадлежности, при чемъ, при надобности, объясняетъ, почему употреблена такая или иная форма; кромѣ того, онъ указываетъ образованіе и составъ слова и тѣ звуковыя измѣненія, которымъ оно подверглось.

III. Орѳографическій разборъ распадается на а) объясненіе правописанія словъ. Ученики объясняютъ, на основаніи извѣстныхъ имъ грамматическихъ правилъ, правописаніе тѣхъ словъ, которыя могутъ затруднять пишущаго, и б) объясненіе употребленія знаковъ препинанія. Ученикъ, на основаніи отношенія предложеній, объясняетъ употребленіе знаковъ препинанія въ разбираемомъ отрывкѣ.

Преслѣдуя на урокѣ ту или другую частную учебную цѣль, учитель можетъ примѣнять грамматическій разборъ къ достиженію этой цѣли. Такъ, напр., для укрѣпленія въ сознаніи учениковъ вновь сообщенныхъ грамматическихъ принадлежностей или формъ, учитель заставляетъ ихъ останавливаться при разборѣ преимущественно на этихъ принадлежностяхъ или формахъ. Послѣ проработки о залогахъ или видахъ глаголовъ, учитель предлагаетъ ученикамъ указать въ данномъ отрывкѣ глаголы и отнести ихъ къ соотвѣтственному залогу или виду; послѣ проработки о наклоненіяхъ—учитель предлагаетъ указать въ статьѣ глаголы, поставленные въ

неопредѣленномъ, изъявительномъ, повелительномъ или сослагательномъ наклоненіи; проработавъ о нарѣчіяхъ учитель можетъ заставить учениковъ выбрать изъ данной статьи нарѣчія и объяснить значеніе и образованіе ихъ; можетъ заставить также, прочитывая статью, останавливаться на словахъ, которыя имѣютъ букву *ѣ*, и объяснять, почему употреблена эта буква и т. д. Кромѣ того, при грамматическомъ разборѣ ученики могутъ производить такія или иныя грамматическія формы. Такъ, напр., ученики сокращаютъ полныя придаточныя предложенія, и обратно: сокращенныя придаточныя предложенія выражаютъ въ полной формѣ; простыя предложенія обращаютъ въ сложныя, выразивъ тотъ или другой членъ простого предложенія придаточнымъ предложеніемъ; подлежащее вмѣстѣ съ его опредѣленіями ставятъ въ другомъ родѣ или числѣ, сообразно съ чѣмъ измѣняютъ и цѣлое предложеніе; дѣйствительную форму залоговъ въ предложеніяхъ обращаютъ въ страдательную и т. д.

Такого рода упражненія не только содѣйствуютъ закрѣпленію грамматическихъ знаній, но и развиваютъ рѣчь учениковъ и способствуютъ ихъ душевному развитію.

Изъ сказаннаго видно, что грамматическій разборъ можетъ принимать разнообразную форму; разнообразіе же занятій устраняетъ скуку.

Но, упражняя учениковъ въ грамматическомъ разборѣ, не слѣдуетъ забывать, что онъ, самъ по себѣ не имѣя значенія цѣли, является лишь средствомъ для достиженія болѣе существенныхъ цѣлей, именно, знанія формъ и законовъ языка и умѣнья пользоваться ими въ своей устной и письменной рѣчи, а равно и для умственнаго развитія учащихся.

Кромѣ устнаго разбора, ученики могутъ дѣлать

также письменный разборъ. При письменномъ разборѣ они могутъ, напр., графически обозначать связь и отношеніе предложеній; могутъ, переписавъ отрывокъ, писать надъ каждымъ словомъ его синтактическую роль или этимологическое значеніе; могутъ надъ словами писать вопросы, на которые отвѣчаютъ эти слова; могутъ также дѣлать этимологическій разборъ, излагая вслѣдъ за разбираемымъ словомъ всѣ замѣчаемыя въ немъ грамматическія формы и принадлежности; могутъ также писать разборъ предложеній и словъ по даннымъ рубрикамъ и т. д.

Само собою разумѣется, что предлагая ученикамъ исполнить письменно грамматическій разборъ, учитель показываетъ имъ образецъ для такого исполненія. Разборъ, исполненный учениками по данному образцу, удобнѣе можетъ быть исправляемъ сразу цѣлымъ классомъ.

При составленіи письменнаго разбора ученики обыкновенно внимательнѣе, вдумчивѣе относятся къ разбираемымъ словамъ или къ разбираемому тексту, чѣмъ при устномъ разборѣ, однако составленіе перваго требуетъ отъ учениковъ значительно большаго количества времени, чѣмъ устный разборъ, а потому, предлагая ученикамъ исполнить письменный разборъ, учитель обязанъ соображать, располагаютъ ли ученики нужнымъ для исполненія его временемъ, не отниметъ ли исполненіе его время отъ другихъ полезныхъ занятій.

Краткая программа грамматическаго разбора.

(Примѣнительно къ этой программѣ могутъ разбирать ученики, прошедшіе второй грамматическій концентръ)

I. Р а з б о р ъ п р е д л о ж е н і й (синтактическій разборъ).

Разчлененіе отрывка по предложеніямъ.

УРОКИ ОБЪЯСНИТЕЛЬНАГО ЧТЕНІЯ.

„Разбойники" Шиллера.

— «Что не излѣчиваетъ лѣкарство, излѣчиваетъ желѣзо; что желѣзо не излѣчиваетъ —огонь излѣчиваетъ».

Гиппократъ.

— «Мнѣ отмщенье и Азъ воздамъ».

Характеристика дѣйствующихъ лицъ.

1) Францъ Мооръ.

Какова цѣль и каковы стремленія Франца?

Каковы средства, которыми онъ пользуется для достиженія намѣченнаго?

Каковы отношенія его къ Амаліи?

Какъ Францъ, сдѣлавшись хозяиномъ, правитъ подданными?

Какъ къ нему въ это время относится Амалія?

Есть ли у Франца сила воли?

Какое для него имѣютъ значеніе мелочи жизни?

Что значатъ слова Франца:

«Плыви, кто можетъ плыть, а кто тяжелъ—тони»? (См. д. I. сц. 1)

Что значатъ его слова:

«Кто ничего не боится, тотъ такъ же силенъ, какъ и тотъ, кого всѣ боятся»? (д. I. сц. 1).

Какъ смотритъ Францъ на родственныя отношенія? (д. 1. сц. 1).

Какъ онъ смотритъ на любовь?

Что значитъ для Франца «честное имя»? (д. I. сц. 1).

Какъ Францъ смотритъ на совѣсть?

(—Онъ считаетъ ее пустымъ измышленіемъ, созданнымъ для обузданія страстей черни и дураковъ. д. I. сц. 1).

Проснулась ли у Франца совѣсть? (д. V. с. 1).

Какъ онъ относится къ загробной жизни?

Почему онъ отрицаетъ ее? (Иначе онъ долженъ бы бояться ея).

Какъ понимать его сонъ? (д. V сц. 1).

Почему онъ въ послѣднюю минуту обращается къ Богу? Какъ онъ молится? Что это доказываетъ?

Съ какими мыслями онъ кончаетъ съ собой?

Соотвѣтствуетъ ли смерть Франца его характеру?

Логиченъ ли онъ въ своихъ поступкахъ?

Какая сила выступаетъ въ борьбу въ лицѣ Франца? (интеллектуальная, т. е. онъ вступаетъ въ борьбу въ силу доводовъ своего ума, разсудка, разума).

Противъ чего возстаетъ Францъ?

(Противъ существующаго порядка вещей)

Что онъ попираетъ?

(Человѣческіе инстинкты, чувства).

Каковы главныя черты характера Франца?

Чѣмъ онъ напоминаетъ Карла и чѣмъ отличается отъ него?

Кто же такой Францъ, какъ человѣкъ?

(Матеріалистъ, отщепенецъ природы, для котораго ничто не свято, циникъ, сластолюбецъ).

Нѣтъ ли сходства между Францемъ и какими нибудь лицами изъ пьесъ Шекспира?

(Сравни: Яго. — «Отелло»; Эдмунда—«Кор Л.»; Ричарда III-го).

Какое значеніе по существу имѣютъ разсужденія

Франца въ началѣ 1-ой сц. II-го д.? Разсужеенія его во 2 сц. IV-го д.?

2) Карлъ Мооръ.

Каковъ Карлъ до рѣшенія сдѣлаться разбойникомъ?

Почему не состоялось его примиреніе съ отцомъ?

Какъ подѣйствовало на него подложное отвѣтное письмо отца?

(Карлъ проклинаетъ міръ, въ которомъ могли отвергнуть искреннее раскаяніе).

Что для Карла является тяжелыми ударами?

(Предательство брата, холодность отца).

Что привлекло Карла на родину?

Въ какой сценѣ происходитъ въ душѣ Карла кризисъ?

Чѣмъ онъ подготовленъ?

Въ чемъ этотъ кризисъ?

Что же побудило его перейти на сторону разбойниковъ и стать во главѣ шайки разбойниковъ?

(См. объясненіе Миллера въ предисловіи).

Каково отношеніе Карла къ людямъ послѣ полученія подложнаго отвѣта отъ отца?

(«Люди! Люди! Лживое, коварное отродье крокодиловъ... д. I. с. 2).

Каковы же теперь цѣли Карла?

(Хочетъ обновить нравственные устои общества, хочетъ исправить жизнь; хочетъ мстить за попранную любовь и справедливость. Хочетъ бороться съ тираннией и человѣческой испорченностью, хочетъ свободы, не знающей закона. Хочетъ превратить Германію въ идеальную республику. Хочетъ воспитать подобныхъ себѣ людей, сильныхъ духомъ. См. д. 1, сц. 2 и д. II сц. 3: разговоръ съ патеромъ).

Каковы же побужденія Карла по существу?

(Они чисты).

Что же отрицаетъ Карлъ?

(Весь господствующій строй, весь «чернильный вѣкъ». д. II. с. 1).

Какая особенность его стремленій?

(У него есть политическая тенденція).

Есть ли у Карла опредѣленная программа? Политическій идеалъ?

(Нѣтъ. Его стремленія—вспышка, а не зрѣлое сужденіе).

Что же заставляетъ его мстить людямъ?

(Попранная любовь и справедливость).

Не изъ личной ли мести К. становится разбойникомъ? Не вслѣдствіе ли негодованія противъ несправедливости къ нему отца? Не вслѣдствіе ли личнаго несчастія?

(Нѣтъ: его личное несчастіе предлогъ къ созрѣвшему протесту; оно переполнило чашу).

Какимъ путемъ Карлъ хотѣлъ идти къ добру и справедливости?

(Путемъ насилія и преступленія).

Можно ли идти къ добру и справедливости этими путями?

Понялъ ли самъ Карлъ, что такимъ путемъ нельзя идти къ благородной цѣли?

(«Прикованный къ пороку, я по широкой жерди грѣха иду черезъ пропасть погибели». III д. 2 сц. «Глупцы... вы думаете, что смертный грѣхъ можетъ искупить смертные грѣхи»? Конецъ пьесы).

Почему его любовь къ правдѣ и борьбѣ безплодна?

(Ибо она породила ненависть и смерть).

Даетъ ли Карлъ какіе—нибудь положительные иде-

алы? Додумался ли онъ до положительныхъ средствъ, которыми можно пересоздать общество?

(Нѣтъ. Онъ лишь понялъ, что шайка разбойниковъ плохое орудіе справедливости).

Что же попираетъ Карлъ?

(Обманувшихъ его людей и общественное устройство. «Я попиралъ законъ ногами»: д. I. с. 2).

Почему Карлъ искалъ себѣ дѣла внѣ общественнаго строя?

1. (Въ ту эпоху общественнаго гнета разбойники, какъ люди, стоящіе внѣ отечества и законовъ, были любимыми героями поэтовъ. Сравни Байрона, 2) Карлу съ его взглядами нѣтъ мѣста въ общественномъ строѣ.

3) Разбойничество—самая удобная форма для его дѣятельности).

Всякаго ли убиваетъ Карлъ?

(Нѣтъ: «Этотъ рубинъ я снялъ»... Д. 2. сц. 3).

Каковъ результатъ столкновенія Карла съ товарищами разбойниками?

(Онъ приходитъ въ негодованіе отъ звѣрствъ своихъ подчиненныхъ и изгоняетъ изъ шайки того, кто бросилъ въ огонь дѣтей «Подло убивать дѣтей!»).

Что вступаетъ въ борьбу въ лицѣ Карла?

(Силы физическая и нравственная).

Какъ самъ Карлъ понимаетъ свою роль въ жизни, т, е. свое разбойничество?

(«Мое ремесло—возмездіе, месть—мой промыселъ». III д. с. 3. Онъ считаетъ себя мстителемъ за оскорбленную правду въ мірѣ; возмездіемъ, посланнымъ въ погрязшій въ грѣхахъ міръ, чтобы напомнить о правдѣ).

Почему Карлъ взялъ на себя такую роль?

(1 Испыталъ на себѣ людскую несправедливость

2 Въ силу порыва чувствъ,

3 Въ силу самонадѣянности.

4 Увлекся внѣшней красотой этой роли).

Подходитъ ли Карлъ къ своей цѣли или удаляется отъ нея?

(Отдаляется, ибо съ каждымъ шагомъ обагряетъ свои руки невинной кровью).

Не начался ли въ его душѣ разладъ, вызванный несоотвѣтствіемъ между идеаломъ и дѣйствительностью? Если начался, то когда?

(«Какъ тяготятъ меня эти злодѣянія... Не тебѣ править мстительнымъ мечомъ верховнаго судилища. Ты палъ при первой попыткѣ. Я отказываюсь отъ дерзновеннаго плана». д. II. я. 3).

Замѣчаетъ ли Карлъ противорѣчіе, къ которому приходитъ?

Когда это противорѣчіе окончательно выяснилось для него?

(«И вы думаете, что смертный грѣхъ можетъ искупить смертные грѣхи? и вы думаете, что гармонія свѣта выиграетъ отъ этой разноголосицы»? конецъ пьесы).

Удовлетворяетъ ли Карла избранный имъ путь?

Вѣритъ ли онъ въ загробную жизнь?

Доступны ли ему укоры совѣсти? Просыпается ли въ немъ нравственное чувство?

(Да. Онъ самъ изъ судьи превращается въ подсудимаго. Отъ грусти, сожалѣнія и печали онъ переходитъ къ ненависти, но не къ ближнему, а къ себѣ).

Къ какому выводу пришелъ Карлъ?

(Оставшись одинокимъ, безъ любви, надежды и вѣры, онъ 1) сознаъ свою преступность;

2) созналъ свое безсилье;

3) созналъ свое заблужденіе: «О, я, глупецъ, мечтавшій» .. Конецъ пьесы.

4) созналь, что онъ долженъ «примирить оскорбленные законы и заживить поруганный порядокъ», для чего нужна «жертва», жертва же эта онъ самъ, а потому онъ долженъ умереть. См. конецъ пьесы.

5) Онъ созналь, что ему надо отдаться въ руки правосудія: «я иду предаться въ руки правосудья».

6) Онъ созналь, что одному Богу «подобаетъ мщенье»).

Въ чемъ же видитъ онъ искупительную жертву, о которой говоритъ самъ?

(1 въ томъ, что отдается въ руки правосудія;

2) въ самопожертвованіи: «Обѣщана тысяча золотыхъ тому»....)

Чему же въ жертву приноситъ себя Карлъ?

(Существующему порядку, который онъ нарушилъ).

Какъ же наказанъ Карлъ?

(1 Внутренно: съ первыхъ шаговъ находитъ свои поступки возмутительными. Въ немъ возстаетъ совѣсть.

2) Внѣшнимъ образомъ: гибелью личнаго счастья и позорной смертью).

За что же онъ наказанъ?

Въ чемъ вина его?

1) Къ добру и справедливости, къ благородной цѣли пошелъ путемъ насилія и преступленія, «мечталъ исправить свѣтъ злодѣяніями и законы поддержать злодѣяніемъ». См. конецъ пьесы.

2) Свой порывъ чувствъ счелъ чуть ли не откровеніемъ.

3) Взялъ на себя изъ самомнѣнія роль, къ которой не былъ подготовленъ, что онъ, однако, считалъ «правомъ» (См. конецъ пьесы. сопоставь слова его патеру: «Мое ремесло—возмездіе»....
II д. я. 3).

4) Онъ не смутился передъ великой задачей, а захотѣлъ, чтобы она смирилась передъ нимъ.

5) Онъ былъ гордъ, онъ обладалъ большимъ самомнѣніемъ (что онъ самъ же первый казнилъ въ себѣ).

Чѣмъ же кончился гордый замыселъ Карла?

(Самопожертвованіемъ въ пользу бѣдняка, чтобы деньгами этими облегчить жизнь единицы).

Каково же его въ концѣ концовъ отношеніе къ своимъ товарищамъ?

(Онъ ихъ возненавидѣлъ).

Почему онъ ихъ возненавидѣлъ?

(Онъ видѣлъ, что ихъ грабежи и убійства вытекали изъ низменныхъ стремленій и не опрвдывались великой идеей).

Въ чемъ драма жизни Карла?

(Въ сознаніи, что шайка разбойниковъ плохое орудіе справедливости).

(Жертвой противорѣчій: «И вы думаете, что гармонія свѣта выиграетъ отъ этой безбожной разноголосицы»? См. конецъ пьесы).

Каково отношеніе Карла къ Амаліи?

Почему онъ не хочетъ жениться на ней?

Почему онъ убиваетъ ее?

(Сознавъ свою преступность, онъ ее убиваетъ, чтобы искупить свое преступленіе своей личной жертвой. Убивая ее, онъ губитъ свое личное счастье).

Почему Карлъ отдается въ руки правосудія («я иду предать себя въ руки правосудія»)?

(Чтобы этой жертвой «поправить нарушенный (имъ же) порядокъ» (слова Карла); чтобы искупить свое преступленіе. «Не въ моей силѣ вернуть теперь прошлое» ...).

Какое значеніе имѣетъ этотъ поступокъ для характеристики Карла?

Зачѣмъ онъ предаетъ себя въ руки бѣдняка?

Какимъ чувствомъ проникается Карлъ, отдаваясь въ руки правосудія?

(Гуманнымъ).

Съ какой мыслью Карлъ рѣшается умереть?

(Съ думой о счастьѣ ближняго. Онъ умираетъ, какъ мудрецъ).

Чѣмъ является для Карла смерть?

(Желаннымъ выходомъ изъ массы противорѣчій)

Кто же Карлъ и какъ понимать его?

(Онъ отщепенецъ общества, гордый индивидуалистъ, одушевленный высокими стремленіями, но погубившій свое дѣло; борецъ за права человѣка, мститель за попранную правду. Онъ политическій протестантъ, не давшій положительныхъ идеаловъ, не додумавшійся до положительныхъ средствъ, какими могъ бы пересоздать общество (что онъ и понялъ) онъ—ученикъ Руссо, пошедшій дальше своего учителя.

Онъ—апологетъ силы и необузданной, не знающей закона и власти, свободы.

Онъ—типъ свободомыслящаго преступника.

3) Другія дѣйствующія лица.

Какими чертами изображена Амалія?

Укажите черты характера Даніэля.

Какъ обрисована здѣсь толпа?

(Взяты представители группъ).

Сдѣлайте характеристику этихъ разбойниковъ.

(Шпигельбергъ—мошенникъ, негодяй. Швейцеръ—вѣрный, грубый. Гримъ и Шварцъ—представители индеферрентной толпы, поддающейся настроенію минуты. Рауманъ—колеблющійся. Шуфтерле—натура низменная,

находящая прелесть въ убійствѣ. Роллеръ и Косинскій—близки къ Моору)

Кто является представителемъ духовенства?

Укажите главныя черты патера и Мозера.

(1 Патеръ—піэтистъ, проповѣдникъ, считающій главной обязанностью внушать не любовь къ Богу, а страхъ передъ дьяволомъ. 2) Пасторъ Мозеръ—достойный проповѣдникъ слова Божія. Онъ говоритъ голосомъ совѣсти).

4) Общіе вопросы.

Каковъ смыслъ пьесы?

(желаніе юности измѣнить свою узкую жизнь).

Какова цѣль пьесы?

(Проповѣдь нравственнаго идеала. Шиллеръ хотѣлъ сказать: нравственное чувство не можетъ долго дремать въ человѣкѣ, оно должно когда-нибудь проснуться.

Каково значеніе пьесы?

1) здѣсь ясно высказано требованіе политической свободы; 2) выраженъ протестъ противъ общественныхъ злоупотребленій времени.

Далъ ли Миллеръ отвѣтъ, какъ надо бороться съ несправедливымъ общественнымъ строемъ?

(Нѣтъ).

Укажите идею пьесы (Судьба нерѣдко ведетъ человѣка по дурной дорогѣ, чтобы ею же вывести его на хорошую дорогу).

Какіе нравственные вопросы затронуты въ пьесѣ?

1) Какими средствами реформаторъ долженъ идти къ своей цѣли.

2) Насколько онъ въ своемъ служеніи святому дѣлу имѣетъ право полагаться на свое сильное, страстное «я», которое, чѣмъ сильнѣе, тѣмъ легче можетъ возвести въ принципъ произволъ и потонуть въ само-

обожаніи и самопоклоненіи. 3) Просыпается ли когда нибудь совѣсть въ «падшемъ» человѣкѣ. 4) Вопросъ о злобномъ, негодующемъ противъ бюрократическихъ порядковъ.

б) Вопросъ о лживыхъ патерахъ-ханжахъ.

«Они ломаютъ себѣ голову»... Д. 2. сц. 3).

Даетъ ли Шиллеръ отвѣты на эти вопросы?

Что заключаетъ всю трагедію?

(Гуманная нота).

Далъ ли Шиллеръ гармоническое разрѣшеніе трагедіи?

(Оно въ томъ, что Карла успокаиваетъ принятое имъ рѣшеніе отдаться въ руки правосудія).

Почему героями Шиллера оказались разбойники?

Почему эта пьеса пользовалаеь такимъ успѣхомъ?

1) По своему тону и выводамъ она нравственная пьеса и «искренно-вѣрующая».

2) Она продуктъ юношескаго идеализма, страстныхъ желаній, благороднаго оптимизма, а потому мораль ея—свойство чистой, юношеской души.

3) Это «умная» пьеса: вложены глубокія идеи, хорошія мысли.

4) Въ молодомъ поколѣніи она должна была возбуждать энтузіазмъ: тутъ былъ призывъ къ возстанію; пьеса волновала общество, готовившееся стряхнуть съ себя одряхлѣвшую форму. Эта пьеса какъ бы указывала переворотъ, ожидаемый Европой. Карлъ протестуетъ, негодуетъ. Тутъ поставленъ вопросъ о борьбѣ съ несправедливымъ общественнымъ строемъ. Тутъ, наконецъ, выражена республиканская идея (неясно, правда)-

Эта пьеса ясно говоритъ, что въ Германіи проснулось политическое сознаніе, проснулся протестъ противъ политическаго гнета; значитъ, пьеса соотвѣтство-

вала образцу мыслей и чувствъ развитой части общества того времени.

5) Здѣсь нарисованы яркія, реальныя картины гнета, царившаго тогда въ Германіи.

6) Пьеса—эффектная, обстановочная.

Есть ли въ пьесѣ несуразности, съ нашей точки зрѣнія? Мѣшаютъ ли онѣ художественности пьесы?

5) Темы.

1) Какъ Карлъ понимаетъ свое разбойничество.

Наводящіе вопросы для отвѣта и для плана работы:

Почему (причины) и для чего (цѣль) Карлъ сдѣлался разбойникомъ? Достигаеть ли онъ своей цѣли по внутреннему убѣжденію и по внѣшнимъ результатамъ?

2) «Тебѣ одному подобаетъ мщеніе: не нужна Тебѣ рука человѣка» (послѣдн. дѣйствіе).

Наводящіе вопросы для отвѣта и для плана работы:

Что заставило Шиллера сказать въ предисловіи про свою пьесу: «Развязка моего произведенія даетъ мнѣ право отвести ему мѣсто въ ряду такъ называемыхъ нравственныхъ книгъ».? Какую цѣль ставитъ себѣ Карлъ? Что привело его къ такому рѣшенію? (—сознаніе силы, превосходства, озлобленіе противъ общества, ложное понятіе о своей дѣятельности и о своемъ вліяніи).

Какими средствами Карлъ хочетъ осуществить свои мечты? (местью и преступленіями). Не измѣняетъ ли онъ свой взглядъ на свою роль мстителя, исправляющаго свѣтъ? Вслѣдствіе чего измѣнился его взглядъ? Къ чему же пришелъ Карлъ, разъ взгляды его измѣнились?

3) Карлъ и Дубровскій Пушкина.

Что является предметомъ этихъ произведеній? (раскрытіе жизни души человѣка, возставшаго противъ общества). Въ чемъ сходство между Карломъ и Дубровскимъ? (возрастъ, образъ жизни, нѣкоторыя черты характера: умъ, отвага, великодушіе). Въ чемъ развитіе ихъ, въ стремленіяхъ, въ отношеніяхъ къ отцу, въ причинахъ, побудившихъ къ разбою, въ характерѣ разбоя, въ отношеніяхъ къ товарищамъ, къ своей дѣятельности и въ драматизмѣ характеровъ).

Вяч. Водарскій.

Пѣсни послѣднихъ кобзарей на Кубани.

Процессъ исчезновенія народной русской пѣсни совершается очень быстро. Желѣзная дорога и фабрика, внося въ самые глухіе уголки Руси свою жизнь, уничтожаютъ старинную пѣсню, замѣняя ее бойкими мотивами «машинушки», рѣзвыми куплетами «частушки». Много чудныхъ старинныхъ пѣсенъ, цѣнныхъ для историко-этнографа, пропадаютъ совершенно безслѣдно, уходя въ могилу съ ихъ «сказателями». Этотъ процессъ замѣны старой пѣсни новою въ послѣдніе годы усиленно совершается среди казаковъ-кубанцевъ на сѣверномъ Кавказѣ. Только слѣпые старики—кобзари, число которыхъ значительно уменьшилось за послѣдніе годы, еще помнятъ и любятъ старые прекрасные мотивы. Текущимъ лѣтомъ въ Майкопѣ, кубанской области, мною было записано отъ двухъ кобзарей ихъ пѣсни [1]). Особенно любопытны историческія пѣсни, какъ продуктъ пѣснотворчества казачьей и солдатской среды. Эти пѣсни несомнѣнно заслуживаютъ весьма серьезнаго вниманія въ бытовомъ и историческомъ отношеніяхъ [2]).

---

[1]) Къ сожалѣнію, трудно пріурочить эти пѣсни къ опредѣленному мѣсту. Кобзари эти расхаживаютъ по Сѣверному Кавказу... На вопросъ, гдѣ поются эти пѣсни, я не могъ получить опредѣленнаго отвѣта. „На Кубани поютъихъ“,—говорили кобзари.

[2]) Имена и событія, представляющія историческій, географическій и этнографическій интересъ мною комментированы; пѣсни сличены съ подобными имъ изъ другихъ сборниковъ, имѣвшихся у меня подъ рукою, въ отношеніи аналогичныхъ мотивовъ.

Эти пѣсни можно раздѣлить на двѣ части, военно-бытовыя и собственно историческія.

Изъ военно-бытовыхъ пѣсенъ на первомъ планѣ должно поставить тѣ пѣсни, въ которыхъ главной темой является снаряженіе казаковъ въ походъ.

1) Пойдемъ же, братцы-козачки,
Вдоль по улицѣ;
Пойдемъ, братцы, въ кабачекъ
Полно хмуритца [3]).
Послѣдній нынѣшній денечекъ
Гуляемъ вмѣстѣ мы, друзья,
А завтра утромъ, чуть свѣточекъ—
Прощай, родимая семья.
Прости, прощай наша станица,
Благослови меня, родная,
На службу царскую итти;
Быть можетъ мѣткая винтовка
Изъ—за куста меня сразитъ
И въ битвѣ—схваткѣ отважно, ловко
Черкесъ мнѣ черепъ раздробитъ.
Лишь сяду на коня, пущуся,
Слезами лице оболью
Богъ знаетъ, когда возвращуся,
Назадъ когда я прилечу [4]).
2) Какъ въ нашемъ во полку,
У всѣхъ казаченьковъ,
Будетъ завтра праздникъ...
Во походъ надо иттить,

---

[3]) Печалиться.

[4]) Нѣсколько книжный складъ рѣчи объясняется, быть можетъ, тѣмъ, что одинъ изъ кобзарей былъ когда то грамотнымъ и выражался вообще чисто книжнымъ языкомъ.

Друзья—казаченьки.
Всѣ будутъ разодѣты—наряжены.
Кабачки для насъ
Будутъ растворены,
Весело всѣмъ будетъ жить,
Ни о чемъ намъ не тужить,
Лишь одна у насъ бѣда—
Зиму въ лагерѣ стоять,
Лѣтомъ рано всѣмъ вставать,
На ученье выходить;
Намъ ученье ничего,
Хоть немного тяжело.
3) Послѣдній денекъ миновался,
И съ вами, други, отгулялъ,
Одинъ лишь вечерокъ остался
Проститься съ милою моей.
Ѣдемъ, ѣдемъ завтра вмѣстѣ,
Оставляемъ край родной!
Прощай, прости, моя невѣста,
Прости, отецъ и мать родные,
Смотрите вы на остальные
Часы гулянья моего.
4) Полно вамъ, цвѣточки, во полѣ цвѣсти,
Будетъ вамъ, товарищи, горюшко нести;
Во чистыхъ поляхъ горе будемъ оставлять,
А родимую сторонушку во вѣкъ не забывать.
Чужихъ женъ, да дѣвокъ будемъ уважать.
Каши мы наваримъ, хлѣба напечемъ,
Ходя наѣдимся, на конѣ выспимся,
А сердечно горюшко будетъ непочемъ.
Утромъ встанемъ рано—росой вымоемся,
Сложимся по грошику—пошлемъ за виномъ,
А какъ выпьемъ водочки,—рѣчи заведемъ:

Про родимую сторонушку, гдѣ милая живетъ;
Гдѣ милая живетъ, своего дружка не ждетъ [5])

Другой любимою темою военно—бытовыхъ пѣсенъ является смерть казака на далекой сторонѣ.

1) Далеко въ чистомъ полѣ
Казачекъ лежитъ.
Кинжаломъ во грудь пробитый,
Свою долю проклиналъ.
Кровь, согрѣтая любовью,
Къ своимъ сродникамъ, друзьямъ
Пролилась силой роковою
И задымилась къ небесамъ [6])
Голова скатилась прямо
На истоптанный песокъ
И уже слетались враны,
Чуя лакомый кусокъ.

2) Тамъ далече въ чистомъ полѣ
Разгорѣлся жаркій бой.
И къ чинарѣ прислоненный
Умиралъ одинъ герой.
Тамъ росла густая трава.
Густа трава съ муравою.
И лежалъ онъ принакрытый—
Съ плечъ упала голова.
Услыхалъ онъ выстрѣлъ пушки
Поднялся сверхъ силъ.

---

[5]) Сравни Пѣсни Кирѣевскаго, вып. IX, 306—307, № 26.

[6]) Существуетъ другой варіантъ.

И крикомъ поле оглашая,
На тѣло враны налетятъ
И будетъ тризна роковая—
Лишь кости бѣлыя лежатъ.

Услыхалъ—за шашку взялся,
Какъ мертвецъ среди могилъ
Онъ упалъ... Нѣтъ силъ...
Ты лети, голубчикъ—конь,
Къ моей матушкѣ во дворъ,
Разскажи ты ей, родной,
Что случилось надо мной [7])
Пріискалъ себѣ мѣстечко
Въ чистомъ полѣ, на травѣ.
3) Ужъ ты, степь моя, да широкая
Ужъ раздольная.....
Хорошо ты, степь, пріукрашена
И цвѣточками, мотылечками
И ракитовыми все кусточками....
Въ чистой степи есть береза кудрява
А подъ нею да могила глубока..
Во могилушкѣ козацкій сынъ лежить,
Въ головахъ у нево горючій камешокъ [8]),
Во груди у нево свинцова пулюшка,
Во рукахъ у нево остра саблюшка...
Во ногахъ конь--вороненькой...
«Ты, хозяинъ, ты, хозяинъ, удалой,
Мнѣ наскучило стоять тутъ предъ тобой.
Отпусти меня во зеленые луга,
Накорми меня шелковою травой,
Напой меня студеною водой».
—«Ужъ ты, конь, мой конь, мой товарищъ дорогой...
Ты бѣги, мой конь, во край родной,
Не давайся, мой конь, врагу нашему,

---

[7]) Мѣстный говоръ вмѣсто: со мной.

[8]) Варіантъ: Въ головахъ у него дубовый крестъ стоитъ.

Ты давайся моей матушкѣ.
Молодой женѣ про меня ты разскажи,
Что женила меня пуля быстрая,
Обвѣнчала меня сабля вострая
И сплю я съ гробовой доской....
Не бѣлой лебедь тутъ восплакивалъ,
То матушка.., она по своему сыну горько плакала...
«Ты не плачь, не плачь, родна матушка, не наплачешься..
На бѣлой зорѣ не нарадуешься...
4) Какъ за славною Кубанью за рѣкой
Бѣлѣлося въ чистомъ полѣ тѣло молодецкое,
Никто къ бѣлому тѣлу,
Никто не приклонется...
Не два ворона вокругъ тѣла увиваются,
Два черкеса—надругаются...
Изрѣзали они тѣло бѣлое,
Вынимали они серце съ печенью [9]).
На ножѣ сердце встрепенулося:
Ты востань, востань молодчикъ...
Востань удалый...
Уже зимушка прошла, весна наступаетъ.
Молода твоя жена со дружкомъ гуляетъ,
Родна матушка одна сына вспоминаетъ,

Изъ историческихъ пѣсенъ наиболѣе любимою пѣснью кобзарей является такъ называемая разбойничья пѣсня... Героями ея являются Ермакъ и его товарищи стрѣльцы и донцы, не слушающіеся правительства и т. под. Очень интересной является пѣсня, гдѣ фигурируетъ Стенька Разинъ.

---

[9]) Обычай азіатовъ надругаться надъ трупомъ врага

1) Не дорого вино пьяное,
Вино пьяное, пиво сладкое...
Дороги рѣчи веселыя....
А ведутъ ихъ люди добрые,
Старики почетные да разумные,
О старинныхъ днахъ говорятъ они [10])
2) На восходѣ зари ясной,
Разгоралось солнце красное.
На московской на земелюшкѣ,
За чугунными, за воротами,
Во темницѣ сидѣлъ молодецъ
Да Степанъ самъ Тимофеевичъ...
Онъ сидитъ тамъ три года,
Три годочка съ половиною,
За крѣпкими дверьми за дубовыми,
За запорами да желѣзными,
Во замочкахъ то по три пудушка....
А рядомъ сидятъ его товарищи,
Удалые молодцы все разбойнички,
Они сидятъ, думу думаютъ,
Думу думаютъ да бѣжать хотятъ.

Въ другихъ подобныхъ пѣсняхъ любимою темою является казнь удалыхъ молодцевъ.

Во полѣ то горитъ ковыль трава [11]),
А на камушкѣ сидитъ орелъ....
Онъ сидитъ, думу думаетъ...
Подпалилися его крылушки...

---

[10]) Эти стихи служатъ какъ бы общимъ введеніемъ, повторяясь передъ отдѣльной пѣснею.

[10]) Въ степяхъ при Кубани лѣтомъ часты пожары, когда камышъ и сухая трава горятъ на громадномъ пространствѣ.

На дверяхъ стучатъ замки
А въ тюрьмѣ сидитъ казакъ.
Онъ сидитъ думу думаетъ,
Гдѣ дѣвалися друзья—товарищи!
Ты змѣя, змѣя, змѣя лютая...
Молодая змѣя, да казачья дочь.
Довела меня добра молодца
До крѣпкой тюрьмы, худой славушки ..
Какъ заутро меня на казнь поведутъ,
Впереди меня все попы пойдутъ,
И не будетъ тутъ друзей, товарищей,
А будетъ тутъ молодой палачъ,
Онъ срубитъ мнѣ буйну голову,
Онъ уложитъ спать во сыру землю....
Не узнаетъ и родна матушка.

Къ сожалѣнію, мало пришлось записать пѣсенъ, относящихся къ покоренію Кавказа, хотя онѣ и представляютъ особенный интересъ.

1) Ужъ вы горы мои, горы Кавказскія,
Ужъ круты вы, очень высоки...
На горахъ сидятъ горцы лютые,
Азіаты [12]) все, басурманные...
Разъ черкесы собирались,
Казаковъ хотѣли бить,
Всѣми силами старались
За Кубань [13]) насъ проводить..
Вы, черкесы, не стрѣляйте

---

[12]) Азіатъ—общее названіе горскихъ племенъ...

[13]) По другому варіанту „за Лабу насъ проводить». Лаба—притокъ Кубани. Намекъ на борьбу черкесовъ съ выдвигаемыми впередъ правительствомъ казачьими станицами для обезопасенія границы.

И заряды не теряйте,
Казаковъ не устрашайте...
Два дня сряду все палили,
Казаковъ не устрашили,
Пули сыпалися врядъ,
Казаки пошли въ нарядъ [14]).
Уже стало примѣркать [15]),
Пора всѣмъ намъ выступать,
Отрядъ на гору поднялся,
Мы вступили съ ними въ бой [16]),
Весь народъ перемѣшался
И не знали кто такой.
2) Изъ за горъ Лаба течетъ
Чистыми полями,
Она быстро пробѣгаетъ
Мутными волнами [17]),
Тамъ станицы населены
Изъ удалыхъ казаковъ [18]).
Живемъ счастливо, богато.
Враговъ часто ходимъ бить.
Намъ не страшны азіаты,
Всѣ ихъ козни—пустяки,
И въ аулы ихъ набѣги

---

[14]) Въ военное время по ночамъ часть казаковъ „наряжалась“—посылалась для несенія ночной усиленной охраны.

[15]) Мѣстное выраженіе—смеркаться.

[16]) Варіантъ: въ жаркій бой.

[17]) Притокъ Кубани Лаба Большая и Малая, вытекая изъ подножья Кавказскихъ горъ, направляется въ Кубанскія степи. Теченіе ея очень быстро. Въ большинствѣ случаевъ воды ея отъ примѣси глины очень мутны.

[18]) Варіантъ: молодыми казаками.

Совершаютъ казаки.
«Вы, ребяты, не робейте,
Говоритъ намъ командиръ,
И своихъ враговъ всѣхъ бейте, не жалѣйте
силъ».
Лишь сказалъ онъ, загремѣло
Всюду громкое ура,
Шашка наша засвистѣла,
И впилася во врага..
И врагамъ мы отплатили,
Ихъ прогнали далеко,
И аулы ихъ спалили,
Будутъ помнить хорошо [19]).
3) Ты взойди, взойди, солнце ясное,
Надъ горами, надъ кавказскими,
Надъ скалами да высокими;
Надъ долинами да глыбокими;
Ты согрѣй насъ, да казаченковъ
На чужой то на сторонушкѣ.
Не сами мы сюда заѣхали,
Загнала насъ служба царская,
А утромъ намъ въ походъ иттить,
Во походъ иттить намъ сотнями,
Насъ проклятый басурманъ
Хочетъ голодомъ морить,

---

[19]) Въ чисто стратегическихъ цѣляхъ правительство постепенно селило по Лабѣ станицы, выдвигая ихъ южнѣе. Эти станицы были оплотомъ противъ горцевъ.. Часто даже мирные горцы, аулы которыхъ были недалеко отъ станицъ, занимались грабежемъ и жгли дома казаковъ. За это казаки сильно мстили. Подобный эпизодъ и приводится въ этой пѣснѣ.

И ѣдимъ мы лошадину,
Сѣно въ трубочкахъ куримъ,
Вмѣсто соли посыпаемъ,
Изъ патроновъ порошкомъ,
И рогожи надѣваемъ,
Все казакамъ нипочемъ [20]).

С. Фарфоровскій

---

[20]) Во время горныхъ экспедицій казаки часто голодали. Одна изъ такихъ голодовокъ и описывается въ пѣснѣ. Очевидно эта пѣсня состоитъ изъ двухъ, на что указываетъ рѣзкое измѣненіе склада со словъ „насъ проклятый басурманинъ... и т. д.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

НОВАЯ КНИГА:

„Исторія христіанской церкви".

ВЫПУСКЪ I-й

Первые три христіанскихъ вѣка.
Стр. III+191.

Составилъ примѣнительно къ послѣдней программѣ учебнаго комитета для духовныхъ семинарій преподаватель Тульской семинаріи П И. Малицкій. Цѣна 1 р., съ пересылкой 1 р. 10 к

Съ требованіями обращаться по адресу: Тула, преподавателю семинаріи П. И. Малицкому. 1—3

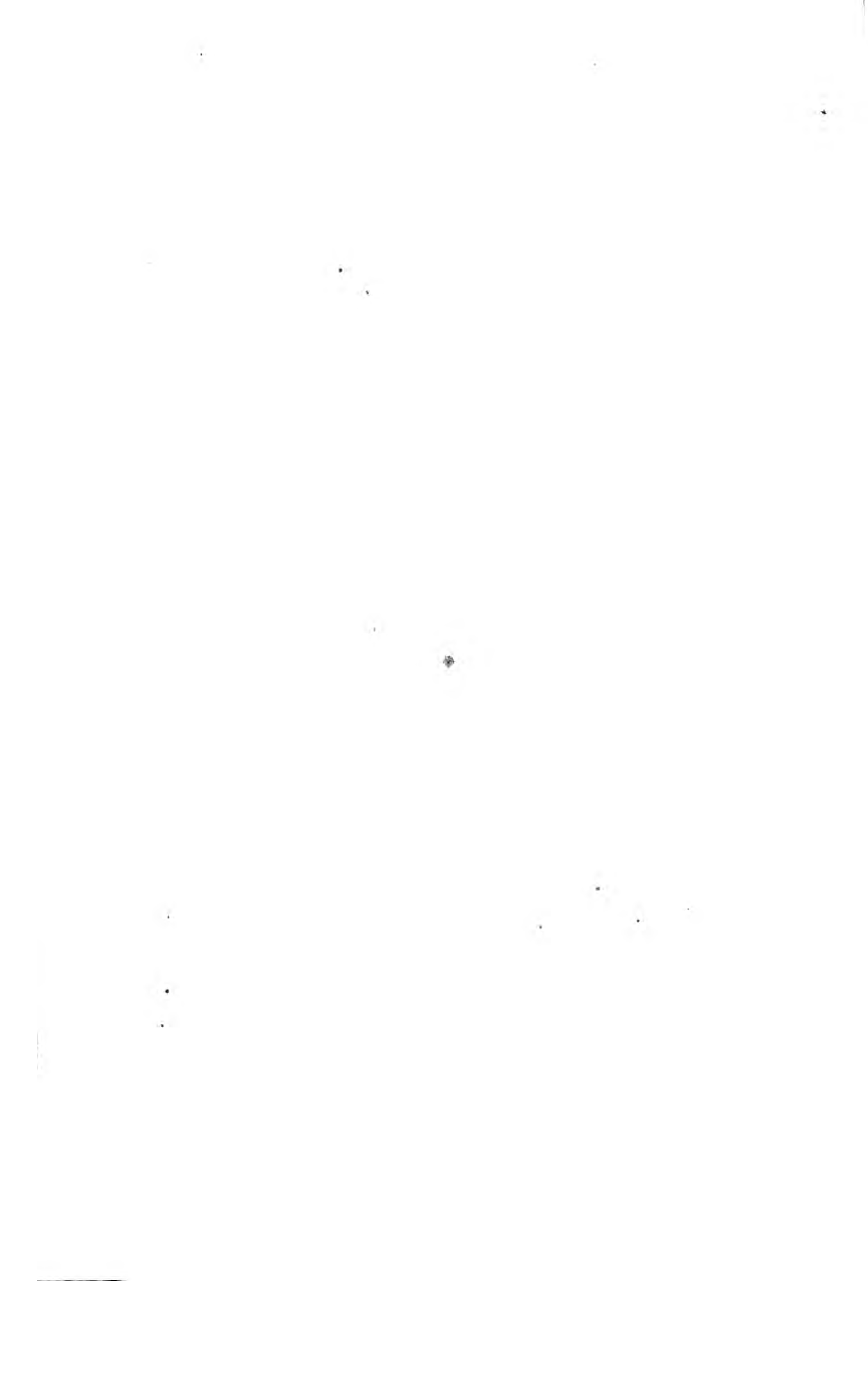
НОТЫ И СЛОВА

СТУДЕНЧЕСКОЙ ПѢСНИ.

GAUDEAMUS IGITUR.

Цѣна 30 коп. (можно высылать марками).

Г. Либава, Улиховская улица, д. № 49, у д-ра Вакуловскаго. 1—3

ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ

ЖУРНАЛЪ,

ПОСВЯЩЕННЫЙ ИЗСЛѢДОВАНІЯМЪ И РАЗРАБОТКѢ РАЗНЫХЪ ВОПРОСОВЪ ПО РУС. ЯЗЫКУ, ЛИТЕРАТУРѢ И ВООБЩЕ ПО СРАВНИТЕЛЬНОМУ ЯЗЫКОЗНАНІЮ И СЛАВЯНСКИМЪ НАРѢЧІЯМЪ,

ОСНОВАННЫЙ ВЪ 1860 ГОДУ

А. А. ХОВАНСКИМЪ

въ г. Воронежѣ.

Журналъ одобренъ и рекомендованъ къ пріобрѣтенію въ фундаментальныя библіотеки учебныхъ заведеній: 1) Ученымъ Комитетомъ Минист. Народнаго Просвѣщенія, 2) Главнымъ Управленіемъ Военно-Учебн. завед., 3) Совѣтомъ женск. учебн. завед. Вѣдомства Императрицы Маріи, 4) Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ, 5) Учебнымъ Отдѣломъ Министерства Финансовъ. На первой Всероссійской Выставкѣ печатнаго дѣла въ 1895 году Редактору-Издателю А. А. Хованскому присужденъ похвальный отзывъ за продолжительную полезную издательскую дѣятельность въ области филологіи.

ГОДЪ СОРОКЪ ДЕВЯТЫЙ.

ВЫПУСКЪ V.

Воронежъ.
Типографія Т-ва Н. Кравцовъ и Ко. (бывш. Исаева).
1909.

Содержаніе V в. „Филологическихъ Записокъ“.

Госпожа Сталь и французскій романтизмъ *).

Глава вторая.

Космополитизмъ г-жи Сталь.

I.

Въ предварительныхъ замѣчаніяхъ о языкѣ и стилѣ г-жа Сталь указываетъ на тяжеловѣсность нѣмецкой рѣчи и трудность ея грамматики: «очень легко изучить французскій и англійскій яз.; но нѣмецкій— вотъ наука. Нѣмецкій періодъ какъ бы захватываетъ мысль въ клещи которыя открываются, чтобы схватить ее». Нѣмцы болѣе всѣхъ другихъ европейскихъ народовъ обнаруживаютъ склонность къ постренію фразы на античный манеръ, но при этомъ языкъ ихъ совершенно лишенъ яркости окончаній греческихъ и латинскихъ словъ, указывающихъ на взаимоотношеніе словъ; поэтому приходится прибѣгать къ искусственнымъ и весьма тяжеловѣснымъ словосоединеніямъ. Большой недостатокъ и растягиваніе фразы, которое сравнительно менѣе проявляется въ поэзіи благодаря условіямъ стиха; поэтому «нѣмецкій яз. быть можетъ единственный, въ которомъ стихи легче понять, чѣмъ прозу» [61]). Однако эта растянутость фразы имѣетъ то удобство, что въ нее укладывается много мыслей и идей. Есть и еще одно преимущество у нѣмецкихъ поэтовъ: они не связаны александринскимъ стихомъ, столь консервативнымъ

---

*) Продолж См. II и III в. 1909 г.

[61]) Oeuvres X, 253—254.

и маловыразительнымъ; со времени Клопштока они мастерски пользуются бѣлымъ стихомъ, передающимъ тончайшіе оттѣнки настроенія. Этому способствуетъ и обиліе и красота эпитетовъ, которыми они пользуются. Въ нѣмецкихъ поэмахъ нѣтъ ни тѣни классицизма—рабскаго подражанія древнимъ, условностей и «правилъ»; онѣ совершенно оригинальны и часто проникнуты національнымъ духомъ (Бюргеръ). Лирическія стихотворенія нѣмецкихъ поэтовъ, какъ и поэмы ихъ отличаются красотой формы, самостоятельностью и глубиной содержанія. Не менѣе замѣчательно и драматичесчое искусство ихъ, и раньше всего тѣмъ, что оно вполнѣ противоположно по методу и характеру творчества—французскому.

«Знакомя читателей», говоритъ г-жа Сталь,— «съ театромъ, основаннымъ на принципахъ, совершенно различныхъ съ нашими, я отнюдь не претендую на то, чтобы принципы эти были лучше или чтобы ихъ должны были принять во Франціи, но чужеземные пріемы творчества могутъ возбуждать новыя идеи, и, когда видишь, какая безплодность угрожаетъ нашей литературѣ, нельзя, мнѣ кажется, не пожелать, чтобы наши писатели раздвинули немножко границы своей дѣятельности» [62]).

Т. о. знакомство съ иностранными литературами г-жа Сталь считала спасительной прививкой, которая должна была спасти чахлую франц. литературу эпохи Наполеона отъ гибели. Она должна была обогатить ее идеями, образами, настроеніями; воспріявъ и переработавъ ихъ въ себѣ, французская литература вновь дол-

[62]) Oeuvres X, 357.

жна была возродиться и расцвѣсть, блистая новыми красками.

Одной этой мысли достаточно было бы, чтобы обезсмертить имя г-жи Сталь!

Эти «пріемы творчества» (combinaisons), которые, по мнѣнію писательницы, могли придать франц. литетературѣ новыя, живительныя силы, заключались: въ глубокомъ психологическомъ анализѣ, строго-естественной обрисовкѣ характеровъ, въ полной свободѣ отъ условностей и правилъ, въ ничѣмъ не сдерживаемомъ полетѣ фантазіи.

Напыщенный и дѣланный языкъ французской трагедіи не даетъ возможности правдиво изобразить человѣческій характеръ, ибо «вульгарное въ природѣ часто перемѣшивается съ возвышеннымъ и даже иногда увеличиваетъ эффектъ его» [63]), и, наконецъ, развѣ можно правдоподобно развернуть характеръ человѣка на протяженіи какихъ-нибудь 24 часовъ?

Эти соображенія заставляютъ г-жу Сталь еще разъ категорически высказаться за англійскую и нѣмецкую драму и еще рѣшительнѣе, чѣмъ въ книгѣ «О Литературѣ»—противопоставить ее французской.

Посмотримъ, какими свѣдѣніями о нѣмецкой драмѣ располагаетъ теперь писательница и съ чѣмъ знакомитъ читателей

Она упоминаетъ пьесы Лессинга: «Минна фонъ Барнгельмъ», «Эмилія Галотти», «Натанъ Мудрый» (въ изложеніи встрѣчаются цитаты изъ «Натана»); Шиллера: «Разбойники», «Коварство и Любовь», «Заговоръ Фіеско» (послѣднія двѣ упоминаются лишь вскользь),

---

[63]) Припомнимъ, что въ „De la Littérature" г-жа Сталь ставила это Шекспиру въ упрекъ.

«Донъ-Карлосъ» (цитаты изъ монологовъ Позы), «Валленштейнъ» [64]), «Марія Стюартъ» (переводъ монолога Елизаветы и 6 сцены 5-го акта), «Орлеанская Дѣва» (рядъ цитатъ изъ монологовъ Іоанны и переводъ ея діалога съ герц. Бургундскимъ), «Мессинская Невѣста» (цитаты), «Вильгельмъ Телль» (цитаты); «Гёте: Гецъ фонъ Берлихингенъ», «Эгмонтъ» (переводъ первой сцены 5-го дѣйствія), «Ифигенія въ Тавридѣ», «Торквато Тассо», «Фаустъ» (переводы: монолога Фауста изъ сцены «Ночь», діалога о религіи изъ сцены «Въ саду Марты», отрывка изъ сцены «Храмъ» и заключительной сцены «Въ тюрьмѣ»).

Но госпожа Сталь не довольствуется драмой корифеевъ нѣмецкой литературы и посвящаетъ еще цѣлую главу пьесамъ своего пріятеля Захаріи Вернера: «Лютеръ», «Аттила», «Сыновья Долины», «Крестъ на Балтикѣ», «24 февраля», блестящая фантазія котораго приводила ее въ восторгъ; тѣмъ не менѣе она обратила вниманіе на неуравновѣшенность его таланта и вѣрно указала, въ чемъ онъ злоупотребилъ имъ [65]).

Слѣдующія двѣ главы посвящены обозрѣнію современнаго репертуара нѣмецкихъ театровъ и комедіи. Здѣсь говорится о пьесахъ Коцебу, Клингера, Тика, Эленгилегера [66]); особенно сочувственно, какъ и слѣдовало ожидать, относится г-жа Сталь къ Тику. Онъ, по ея мнѣнію, обнаруживаетъ «много глубины и тонкости»,

---

[64] Котораго г-жа Сталь, вслѣдъ за Бенж. Констаномъ, называетъ почему то Wallstein.

[65]) Oeuvres, XI, 22.

[66]) XXV глава носитъ заглавіе: Diverses pieces du théâtre allemand et danois. Г-жа Сталь одна изъ первыхъ оцѣнила по заслугамъ великаго датскаго поэта.

пишетъ свои произведенія «рукою мастера», и т. д.; но вмѣстѣ съ тѣмъ она отлично понимаетъ, что въ «Женевьевѣ Брабантской» Тикъ манерничалъ, нарочито поддѣлываясь подъ наивный тонъ средневѣковой мистеріи. По совершенно справедливому замѣчанію писательницы, пріемъ этотъ Тику не удался, и получился «un certain charlatanisme de simplicité», невольно вызывающій смѣхъ [67]).

Въ главѣ о комедіи г-жа Сталь нѣсколько теряетъ почву подъ ногами. Во-первыхъ, она ошибается фактически, приписывая Коцебу честь созданія нѣмецкой комедіи, во вторыхъ, не можетъ понять нѣмецкой шутки. Послѣдняя отталкиваетъ ее своей тяжеловѣсностью и грубоватостью; салонный разговоръ, сплошь пересыпанный bons mots и каламбурами, изящный, легкій и сообщающій такую непринужденность и привлекательность французской комедіи—у нѣмцевъ совершенно отсутствуетъ: «они предпочитаютъ въ веселости сильное тонкому». Не любятъ они и пародіи, этой веселой и бойкой дочери романской комедіи, и рѣдко высмѣиваютъ въ комедіяхъ своихъ соотечественниковъ. Вообще говоря—разсуждаетъ г-жа Сталь—веселость можетъ порождаться двумя причинами: природой и общественными отношеніями. Въ первомъ случаѣ получается фарсъ: во второмъ—салонная комедія. И вотъ этимъ то вторымъ видомъ творчества нѣмецкая литература, по ея мнѣнію, чрезвычайно бѣдна: нѣсколько довольно слабыхъ комедій Иффланда, Коцебу, изъ которыхъ лучшая: «Don Ranudo Colibrados» вдобавокъ заимствована у Гольберга—вотъ и все. «Новые писатели» (романтики) и въ комедію внесли новое; никакимъ средствомъ не брезга-

[67]) Oeuvres, XI, 35.

ютъ они, чтобы произвести опредѣленное впечатлѣніе: сверхъестественный элементъ, аллегорія, историческое событіе—все цѣнно для нихъ, изъ всего умѣютъ они извлечь нужный имъ эффектъ. Фантастика даетъ широкое поле ихъ воображенію, и они пользуются ею, какъ для построенія пьесы, такъ и характеровъ. Въ этомъ отношеніи особенно интересны комедіи Тика.

Давъ понятіе о текущемъ репертуарѣ нѣмецкихъ театровъ, г-жа Сталь считаетъ нужнымъ добавить, какъ исполняются эти пьесы на сценѣ, причемъ проводитъ параллель между игрой французскихъ и нѣмецкихъ артистовъ. Нѣмцы стараются по возможности подражать природѣ, играть естественно. Въ ихъ игрѣ нѣтъ напыщенности и ложнаго паѳоса но самая простота ея придаетъ ей извѣстную торжественность; французы, наоборотъ, раньше всего требуютъ отъ трагедіи высокопарности (de la pompe). Французскіе артисты превосходятъ нѣмецкихъ въ знаніи позы и пластики, но за то послѣдніе обращаютъ больше вниманія на психику изображаемаго лица.

Давъ такимъ образомъ читателю довольно полный и хорошо написанный очеркъ нѣмецкаго драматическаго искусства, г-жа Сталь переходитъ къ роману.

Нѣмецкій романъ, какъ и англійскій, имѣетъ, по ея мнѣнію, главнымъ образомъ характеръ нравоописательный и рисуетъ преимущественно семейную жизнь [69]). Бытовыя сцены лучше удаются англійскимъ писателямъ, нѣмецкіе же обращаютъ главное вниманіе на психологическій анализъ. Количество нѣмецкихъ романовъ громадно, но изъ числа ихъ выдѣляются глубиной содер-

[68]) Oeuvres, XI, гл XXVII.

[69]) Oeuvres, XI, 85.

жанія и блестящей формой лишь нѣсколько, и раньше всего, конечно несравненный «Вертеръ» Гёте; весьма оригиналенъ по мысли и выполненію его же романъ «Вильгельмъ Мейстеръ», очень мало извѣстный внѣ предѣловъ Германіи; наоборотъ, романъ «Избирательное Сродство» чрезвычайно запутанъ и полонъ туманностей. Эти недостатки и были причиной его неуспѣха. Послѣ романовъ Гете г-жа Сталь отмѣчаетъ «Штернбальда». Тика, «чтеніе коего восхитительно». Оригинальность его заключается въ томъ, что авторъ ввелъ въ него нѣсколько отдѣльныхъ стихотвореній и этимъ придалъ ему нѣжный, лирическій оттѣнокъ. Наконецъ привлекаетъ ея вниманіе и несравненный фантазеръ Жанъ-Поль Рихтеръ, «самый странный изъ нѣмецкихъ писателей, отличающійся изумительнымъ воображеніемъ, неотразимо дѣйствующимъ на читателя». Желая представить образецъ творчества Жанъ-Поля, г-жа Сталь очень удачно выбрала и перевела его отрывокъ «Сонъ» [70]).

Изъ этого краткаго перечня видно, въ какой большой кругъ нѣмецкихъ писателей вводила г-жа Сталь своего читателя, заботливо поясняя ему всѣ особенности каждаго.

Но для того, чтобы дать полную картину умственной жизни современной Германіи г-жа Сталь прибавляетъ рядъ очерковъ о нѣмецкихъ историкахъ, критикахъ, художникахъ, музыкантахъ, и философскихъ и религіозныхъ теченіяхъ.

Нѣмецкіе историки находятъ въ нашей писатель-

---

[70]) Странно, что г-жа Сталь не знакома съ Т. А. Гофманомъ, написавшимъ уже къ этому времени не мало замѣчательныхъ новеллъ. Судя по ея отзывамъ о Жанъ-Полѣ, Гофманъ поразилъ бы ее чрезвычайно.

ницѣ восторженнаго поклонника. «Историкъ, восклицацаетъ она, почти государственный человѣкъ» [71]), и въ Германіи «исторія—не мемуары и анекдоты, которыми славится Франція, а серьезное научное изслѣдованіе съ глубокимъ общественнымъ и философскимъ смысломъ». Въ Германіи много такихъ серьезныхъ историковъ, и среди нихъ можно намѣтить два теченія: въ одномъ преобладаетъ тяготѣніе къ фактической и археологической сторонѣ исторіи, во второй—къ философскимъ обобщеніямъ Первое направленіе представлено такими учеными, какъ Шёпфлинъ, Шлецеръ, Гаттереръ, Шмидтъ и др:, ихъ работы носятъ преимущественно справочный характеръ; онѣ даютъ массу историческаго матерьяла, но бѣдны обобщеніями и выводами. Во главѣ второго направленія стоитъ великій художникъ мыслитель Шиллеръ; его картины изъ исторіи «Тридцатилѣтней войны» и «Отпаденія Нидерландовъ» великолѣпны, и тѣмъ не менѣе нѣмцы упрекаютъ Шиллера въ томъ, что онъ не достаточно изучилъ факты по первоисточникамъ» [72]). Но величайшимъ историкомъ Германіи, по словамъ г-жи Сталь, долженъ быть признанъ Мюллеръ. Смерть его—«непоправимая потеря; кажется, что погибаетъ болѣе чѣмъ человѣкъ, когда угасаютъ такія силы» [73]). «Это настоящій «классическій историкъ», онъ читалъ обыкновенно греческихъ и латинскихъ авторовъ въ подлинникахъ, изучалъ литературу и искусства и заставлялъ ихъ служить исторіи. Его безграничная эрудиція, отнюдь не во вредъ его природной живости, была какъ бы источникомъ, откуда его вооб-

---

[71]) Oeuvres XI, 113.

[72]) Oeuvres, XI, 115.

[73]) Ibid. 118.

раженіе черпало силы для своего полета».... «Произведеніе Мюллера—краснорѣчивая хроника».

Вотъ въ какихъ выраженіяхъ сообщала г-жа Сталь своему читателю о дѣятельности великаго нѣмецкаго историка, ставя ему въ упрекъ лишь нѣкоторую растянутость и загроможденіе иной разъ фразы второстепенными подробностями.

Переходя къ нѣмецкой критикѣ, г-жа Сталь предварительно въ маленькой главѣ тепло вспоминаетъ о Гердерѣ», историкѣ, литературѣ и теологѣ». Этотъ ученый, по ея словамъ, вмѣстѣ съ большой эрудиціей обладалъ и блестящимъ воображеніемъ,—«факеломъ, безъ котораго нельзя итти въ потемкахъ вѣковъ». Онъ освѣтилъ Персеполисъ и Вавилонъ, онъ разсказалъ о древнихъ евреяхъ и египтянахъ, онъ далъ прекрасныя теологическія изслѣдованія, былъ создателемъ серьезной научной критики, основанной на глубокомъ изученіи предмета; онъ, наконецъ, первый ознакомилъ нѣмцевъ съ испанской и португальской поэзіей и способствовалъ собиранію народныхъ пѣсенъ и сказаній.

Послѣ Гердера въ критикѣ выдвинулись «величайшіе во всѣхъ отрасляхъ знанія писатели»—Кантъ, Гете и Мюллеръ. Они помѣщали въ журналахъ «такъ называемыя рецензіи» о всѣхъ ново-выходящихъ книгахъ, полныя глубокаго философскаго смысла и положительныхъ знаній».

Изъ болѣе молодыхъ критиковъ—продолжаетъ г-жа Сталь, особенно выдѣлились Шиллеръ и братья Шлегели.

Указавъ въ нѣсколькихъ словахъ на важность трактата Шиллера о наивной и сентементальной поэзіи, г-жа Сталь всю XXXI главу удѣляетъ Шлегелямъ, стараясь возможно полнѣе выяснить новизну ихъ идей и сущность ихъ критическихъ пріемовъ.

Вильгельмъ Шлегель, говоритъ писательница,—глубокій знатокъ исторіи драмы; его замѣчательный курсъ исторіи драмы отличается проникновенностью въ духъ литературы каждаго народа, а воображеніе достойно поэта. Шлегель обладаетъ громадной эрудиціей, но не старается блеснуть ею, выдвинуть ее на первый планъ; онъ—критикъ—художникъ: Всякое сужденіе его о комъ либо изъ писателей, всякій эпитетъ, данный имъ писателю—прекрасны и справедливы, точны и полны жизни». В. Шлегель сумѣлъ говорить о поэтическомъ творчествѣ, какъ о чудѣ природы и обрисовывать шедевры поэзіи яркими красками отнюдь не вредящими вѣрности рисунка» [74])..... В. Шлегель не имѣетъ себѣ равнаго въ искусствѣ возбуждать энтузіазмъ къ геніямъ, которыми онъ восхищается.

«Я была въ Вѣнѣ,—разсказываетъ г-жа Сталь, когда В. Шлегель читалъ тамъ свои публичныя лекціи. Я ожидала найти въ его чтеніяхъ умное и поучительное содержаніе,...... но я была поражена, услышавъ критика, владѣвшаго краснорѣчіемъ оратора».

И такъ, главныя заслуги В. Шлегеля, какъ критика: умѣніе проникать въ духъ каждаго народа и восторженное отношеніе къ поэзіи.

Фридрихъ Шлегель болѣе извѣстенъ въ области философіи, но въ то же время зарекомендовалъ себя и какъ прекрасный историкъ литературы: его отрывокъ объ умственномъ развитіи грековъ и римлянъ полонъ глубокихъ мыслей и цѣнныхъ выводовъ [75]).

---

[74]) Oeuvres XI, 135.

[75]) Припомнимъ, что «Исторія Древней и новой Литер.» Фр. Шлегеля, появилась лишь въ 1812 г. въ видѣ курса лекцій.

Шлегелей упрекали въ чрезмѣрномъ пристрастіи къ среднимъ вѣкамъ и въ предвзятомъ отношеніи къ французской литературѣ [76]). Гжа Сталь склонна присоединиться къ первому обвиненію, ибо литература среднихъ вѣковъ не казалась ей настолько замѣчательной, чтобы къ ней стоило возвращаться [77]).

Второй упрекъ, по ея мнѣнію, въ отношеніи В. Шлегеля несправедливъ; онъ цѣнилъ и любилъ большую часть великихъ французскихъ писателей.

Бѣглый очеркъ нѣмецкаго искусства (гл. XXXII) даетъ лишь самыя общія понятія, и начинается съ довольно таки парадоксальнаго утвержденія: «Нѣмцы вообще лучше задумываютъ свои произведенія искусства, чѣмъ выполняютъ». Причина та, что изъ всякаго впечатлѣнія они стараются раньше всего извлечь возможно большее количество идей.

Получается т. о., что нѣмецкая живопись пренебрегаетъ колоритомъ и рисункомъ и злоупотребляетъ идейностію. Вообще, художественныя параллели г-жи Сталь, не блещутъ глубокимъ пониманіемъ искусства.

Германія, сообщаетъ писательница, имѣетъ великихъ теоретиковъ искусства: Винкельмана и Менгеса, знатоковъ античнаго искусства, положившихъ основаніе научному изученію его. Блестящія теоріи ихъ оказали вліяніе не только на художниковъ, но и на поэтовъ.

Искусства пользуются въ Германіи любовью со стороны всѣхъ классовъ населенія; на что указываетъ мас-

---

[76]) Извѣстно, что В. Шлегель былъ высланъ изъ Коппэ за то, что оскорбилъ Францію сравненіемъ Федры Расина съ Федрой Еврипида, причемъ отдалъ предпочтеніе послѣдней.

[77]) Это подтверждаетъ и Эленшлегеръ. См. Sainte-Beuve». Portraits. de Femmes стр. 144.

ся картинныхъ галлерей, среди которыхъ выдѣляются Дрезденская, обладающая такими сокровищами, какъ «Мадонна» Рафаэля и «Ночь» Корреджіо, и частныхъ собраній.

Изъ современныхъ дѣятелей нѣмецкаго искусства г-жа Сталь рекомендуетъ вниманію своихъ читателей художниковъ Гартманна и Шика и скульптора Торвальдсена, соперника Кановы, «родомъ датчанина, но воспитаннаго въ Германіи».

Нельзя не признать этихъ свѣдѣній въ достаточной степени скудными. Вѣдь какъ разъ въ это время подготовлялся процессъ зарожденія знаменитой Назарейской школы; правда, Овербекъ и Корнеліусъ тогда только собирались въ Италію, но всѣ признаки новаго направленія были на лицо, и мистическія настроенія Ваккенродера уже смѣнили строгій классицизмъ Винкельмана [78]).

Также поверхностны знанія г-жи Сталь и въ области нѣмецкой музыки; она говоритъ лишь о томъ, что слышала: объ оперѣ Глюка, о реквіемѣ и оперѣ Моцарта, да объ ораторіи Гайдна; вотъ и все! Ни слова о Бахѣ, Генделѣ, симфоніяхъ Моцарта!

За то гораздо больше свѣдѣній даетъ она о нѣмецкой философіи, причемъ довольно пространно излагаетъ системы Канта, Фихте, Шеллинга [79]); но и тутъ ея познанія довольно поверхностны: изъ Канта она беретъ лишь ученіе о долгѣ; Фихте и Шеллингъ—для нея пре-

---

[78]) См. Рих. Мутеръ. Исторія Живописи въ XIX в. пер. З. Венгеровой изд. „Знаніе“ т. I глав. VI

[79]) Мы не считали своей задачей детально изслѣдовать заблужденія г-жи Сталь въ области нѣмецкой философіи. Это могло бы составить предметъ особой работы

имущественно моралисты, и она совершенно запутывается въ ихъ метафизическихъ тонкостяхъ. Особенно плохо изложенъ Фихте, философія котораго всегда представляетъ собой камень преткновенія для г жи Сталь [80]).

Послѣдняя часть книги «О Германіи» посвящена религіи и энтузіазму. Г-жа Сталь здѣсь поясняетъ сущность протестантства и причины возрожденія католицизма у романтиковъ. Эта часть важна главнымъ образомъ весьма интересными свѣдѣніями о мистикахъ и сектантахъ, о культѣ Моравскихъ Братьевъ, и о религіозномъ воспріятіи природы (Новалисъ). Заканчивается книга восторженнымъ очеркомъ объ энтузіазмѣ, вполнѣ въ духѣ г-жи Сталь и обращеніемъ къ Франціи:

«О Франція, страна любви и славы! Если погаснетъ когда-нибудь на твоей почвѣ энтузіазмъ, если разсчетъ будетъ властвовать, и разсудокъ одинъ внушать хотя бы презрѣнье къ опасности,—къ чему тебѣ тогда твое чудное небо, твои столь блестящіе умы и плодоносная природа? Дѣятельный разумъ, горячка мудрствованія пожалуй сдѣлаютъ тебя владычицей міра, но тогда ты оставишь въ немъ лишь слѣды потоковъ песку, ужасныхъ какъ волны, сухихъ какъ пустыня» [81])!

Изъ нашего краткаго изложенія все же, кажется намъ, видно, какъ широки и глубоки были планы г-жи Сталь; и, должно сказать, выполнила она ихъ превосходно Пусть она ошибается въ оцѣнкѣ отдѣльныхъ произведеній, пусть имѣетъ лишь поверхностныя позна

---

[80]) См курьезный разговоръ г-жи Сталь съ Фихте, переданный Тикноромъ. Стороженко: „Изъ области Литературы"

[81]) Характерно, что это мѣсто было зачеркнуто наполеоновой цензурой

нія въ нѣмецкомъ искусствѣ и философіи,—это ничуть не умаляетъ ея заслугъ: она дала блестящій, увлекательный очеркъ духовной жизни современной Германіи, дала, такъ сказать, маленькую нѣмецкую энциклопедію хрестоматичнаго характера, расчитанную на широкую публику.

Ясно какое громадное вліяніе могла оказать она на читающую публику: гимнъ индивидуализму и идеализму, проистекающимъ изъ національныхъ основъ, восторженный призывъ идти на встрѣчу новому не извѣданному міру и обновиться въ немъ—вотъ leit-motiv книги г-жи Сталь, правительство, уничтожая ее въ 1810 г., отлично сознавало все громадное значеніе этого произведенія: «Ваша книга не французская» писалъ г-жѣ Сталь Фуше (это значило: не достаточно льститъ «образцовому строю»), а министръ полиціи Савари галантно добавлялъ: «мнѣ кажется климатъ этой страны вреденъ для васъ» [82]).

Правительство объявило книгѣ войну и, по ѣдкому замѣчанію г-жи Сталь, одержало полную побѣду надъ 10.000 экземпляровъ!... Но какъ нѣкогда испанскій повелитель не могъ совладать съ маленькой шаловливой книжкой [83]), такъ и теперь правительство узурпатора не могло уничтожить великаго произведенія и помѣшать ему оказать громадное и благотворное вліяніе на литературу и общественное мнѣніе.

---

[82]) Предисловіе къ „De l'Allemagne" Пушкинъ вѣроятно намекалъ на эту фразу, шутливо замѣчая въ „Онѣгинѣ" И вреденъ сѣверъ для меня!

[83]) „Лазарилью изъ Тормесъ".

IV

Мы попытаемся теперь опредѣлить, въ чемъ же сказалось вліяніе нѣмецкихъ писателей на творчество г-жи Сталь? Для рѣшенія этого вопроса придется нѣсколько подробнѣе остановиться на ея отношеніяхъ къ нѣкоторымъ изъ нихъ. Мы ограничимся Шиллеромъ, Гете и романтиками.

Съ Шиллеромъ она близко сошлась еще во время перваго своего пребыванія въ Германіи [84]) и произвела на него самое выгодное впечатлѣніе. «Ея природныя качества и чувства—писалъ онъ Гете 21 декабря 1803 г.— выше ея метафизики, и ея прекрасный умъ граничитъ съ мощью генія» [85]) Какъ молнія свалившись на нѣмцевъ, блестящая, вѣчно болтающая, разспрашивающая обо всемъ [86])» г-жа Сталь съ жадностью накидывалась на всякую возможность поговорить съ выдающимися людьми Германіи, терзала Гете бесѣдами о безсмертіи и Шиллера объ эстетикѣ. Она, по словамъ Шиллера, все «хотѣла объяснить себѣ, все понять, изслѣдовать». Творчество автора «Валленштейна» привлекало ее восторженнымъ паѳосомъ и благородной простотой, и сама личность поэта, какъ идеалиста—художника, гражданина и отца семейства была ей очень симпатична. Изъ трагедіи его она познакомилась раньше всего съ «Разбойниками» и «Вильгельмомъ Теллемъ»—излюбленными пьесами республики, и, странное дѣло «Разбойники» повидимому пришлись ей гораздо больше по душѣ, чѣмъ «Телль», къ которому она въ общемъ отне-

[84]) Oeuvres, X, 248.

[85]) Sainte—Beuve. Nouveaux Lundis, II, 297.

[86]) Ibidem, 296.

слась довольно сдержанно, расхваливъ лишь нѣкоторые монологи. Не могли не покорить ее и вольнолюбивыя декламаціи маркиза Позы, но она отлично поняла, что это лицо невыдуманное, подставное, и не преминула заявить, что за Позой скрывается нѣмецкій энтузіастъ [87]). Изъ трилогіи «Валленштейнъ» г-жа Сталь особенно любила первую часть: «Лагерь Валленштейна» съ ея народными, массовыми сценами, въ которыхъ она справедливо видѣла пробужденіе національнаго творчества. Но, какъ и слѣдовало ожидать, особенно увлекали ее «Марія Стюартъ» и «Орлеанская Дѣва». Первая нѣжная и благородная, вѣчно преслѣдуемая и вмѣстѣ съ тѣмъ стойко переносящая муки, должна была нѣсколько напоминать писательницѣ ея Дельфину, вторая—боговдохновенная пророчица съ огненной рѣчью и столь несчастная въ любви—Коринну. И именно въ этихъ двухъ пьесахъ Шиллеръ является поэтомъ Женщины, и г-жа Сталь не могла не отмѣтить этого, и дѣйствительно не жалѣла восторговъ, восхваляя эти трагедіи. «Чудесная вещь—невинность въ геніи, и чистота въ силѣ», восклицала она о Шиллерѣ, суммируя свои впечатлѣнія.

Но если мы станемъ искать въ творчествѣ ея общее съ Шиллеромъ, то наши поиски будутъ почти напрасны.

Мы уже указывали на сходство сюжетовъ «Жанны Грей» и «Маріи Стюартъ», но это, разумѣется, не болѣе чѣмъ совпаденіе, т. к. «Жанна Грей» написана въ 1787 г, а «Марія Стюартъ» въ 1800 г. Далѣе, въ подлинникѣ она познакомилась съ Шиллеромъ лишь въ 1809 году, т. е. когда періодъ ея художественнаго твор-

[87]) Oeuvres, X, 376.

чества (за исключеніемъ пьесъ второстепеннаго значенія) уже закончился; переводы же его пьесъ, по ея словамъ, удерживали только пантомиму дѣйствія и уничтожали все остальное, въ томъ числѣ и оригинальность характеровъ [88]). Стало быть, въ ту пору, когда г-жа Сталь писала свои романы, она не знала еще «настоящаго» Шиллера. Не мудрено поэтому, что ни на одномъ ея произведеніи вліяніе послѣдняго не сказалось. Маленькій слѣдъ впрочемъ остался: г-жа Сталь перевела стихами (очень плохими) два его стихотворенія.

Еще больше, чѣмъ Шиллеромъ, увлекалась г-жа Сталь Гете. Вертеръ», какъ и «Кларисса», былъ одной изъ эпохъ ея жизни [89]), и, страстно желая познакомиться съ Гете, она пишетъ ему въ 1803 г.: «Пишу вамъ, чтобы вы не вздумали принять меня, какъ «парижскую даму», но какъ обыкновенную свѣтскую женщину, жарко рыдавшую надъ Вертеромъ и графомъ Эгмонтомъ.....

Вотъ письмо, написанное словно я видѣла васъ всю жизнь; но развѣ вашъ «Вертеръ» не книга, которую я перечитала сто разъ, и которая не разлучна со всѣми моими впечатлѣніями»? [90]). Г-жа Сталь сумѣла заинтересовать Гете своей особой, онъ даже взялся за переводъ ея книги о «Вліяніи Страстей». Беттина, ревнуя и завидуя, увѣряла, что г-жа Сталь жестоко ошиблась въ Гете и въ своемъ мнѣніи о немъ [78]). Правда, г-жѣ Сталь казалось страннымъ, что Гете, этотъ полубогъ,

---

[88]) Baldens perger Goetxe en Jrance; стр. 14.

[89]) Ibidem 61.

[90]) Ibid.

[78]) Ibidem, 61.

живетъ такъ же, какъ и другіе люди, такъ же шутитъ и смѣется; иногда это шокировало ее, и комедія «Naturliche Löche» по этой причинѣ ей очень не понравилась. Но въ общемъ Гете очаровалъ ее, и въ одномъ изъ писемъ къ Дежерандо (въ 1804 г.) она писала: «Гете въ разговорѣ—человѣкъ чрезвычайно замѣчательный» [79]), а ужъ насчетъ разговора (causerie!) г-жа Сталь была строгой цѣнительницей! И со времени своего знакомства съ нимъ она не перестаетъ говорить о немъ и восхвалять его. А это было не лишне; не смотря на значительный успѣхъ «Вертера», Гете во Франціи знали очень мало, и еще въ «Кориннѣ, приведя два стиха его, писательница должна была пояснять, что они принадлежатъ «Гете, нѣмецкому поэту, философу и писателю, нынѣ здравствующему, оригинальность и воображеніе коего весьма примѣчательны» [80]).

Мы уже замѣтили выше, что «Вертеръ» былъ эпохой въ ея жизни; прибавимъ къ этому, что она не только увлекалась имъ, но и первая во Франціи поняла и оцѣнила его по достоинству. «Вертера», говорила она, нѣмцы могутъ противопоставить шедеврамъ другихъ литературъ; такъ какъ онъ называется романомъ, многіе не знаютъ, что это очень серьезное произведеніе, и я не знаю другого, которое заключало бы въ себѣ болѣе поразительное и вѣрное изображеніе заблужденій энтузіазма, болѣе проницательный взоръ въ горе—эту бездну природы, гдѣ всѣ истины открыты глазу, умѣющему найти ихъ....... Характеръ Вертера не можетъ быть у многихъ. Онъ показываетъ во всей силѣ зло, которое можетъ причинить дурной общест-

[79]) Sainte—Beuve, Nouveaux Lundis, XII 278.

[80]) Oeuvres, VIII, 408.

венный строй выдающемуся уму...... Автора упрекали въ томъ, что онъ подвергъ своего героя не только испытанію любви; въ томъ, что онъ показалъ въ его душѣ живую боль униженія и ненависти къ класовой, жестокой гордости, причинившей это униженіе; а потому, это одна изъ лучшихъ чертъ этого геніальнаго произведенія» [84]).

Такъ вѣрно оцѣнила г-жа Сталь громадное общественнное значеніе «Вертера» уже въ 1800 г. и, переведя его главную мысль на языкъ женскихъ страданій и чувствъ, воплотила его въ видѣ эпиграфа къ «Дельфинѣ», взятаго изъ записокъ г-жи Неккеръ и какъ бы перефразирующаго слова Гете. «Борьба личности съ обществомъ»—такъ зовется трагедія Вертера и Дельфины. Они—братъ и сестра. Руссо и Гете стояли передъ писательницей, когда она создавала «Дельфину». Руссо далъ ей свое горячее вдохновеніе и эпистолярную форму, Гете вдохнулъ въ нее пылъ ненависти къ насилію и пошлости, протестъ противъ общественныхъ предразсудковъ.

Сходство «Дельфины» съ романомъ Гете, конечно, бросалось въ глаза. Виллеръ писалъ г-жѣ Сталь: «главной, творческой мыслью вашего произведенія было: показать примитивную, неповрежденную, наивную и страстную натуру въ ея порывахъ, и преграды и путы міра условностей. Замѣтьте, что это та же идея—мать, которая руководила авторомъ «Вертера»..... Отмѣтилъ это и Стендаль [82]).

«Вертеръ» навсегда остался сильной привязанностью г-жи Сталь, и всѣ остальныя произведенія Гете она

---

81) De la Littérature, стр. 224.

82) Baldensperger O. c. 28.

цѣнила уже сквозь призму своихъ вертеровскихъ впечатлѣній. Гете періода «бури и натиска», горячаго и пылкаго трибуна и защитника правъ личности—его она обожала, предъ нимъ преклонялась. «Эгмонтъ» и «Гецъ» нравились ей, она понимала ихъ, но ставила значительно ниже «Вертера». Очень высоко цѣнила г-жа Сталь и другой романъ Гете—«Вильгельмъ Мейстеръ», въ которомъ ее очаровалъ поэтическій образъ Миньоны. Мы уже указывали, что пѣсенка послѣдней «Знаешь ли край»? отразилась на одной изъ импровизацій Коринны. Правильная оцѣнка «Вильгельма Мейстера» дѣлаетъ честь вкусу г-жи Сталь: Бенжаменъ Констанъ, прочтя экземпляръ романа, присланный авторомъ г-жѣ Сталь, въ 1797 г. (когда она еще не знала нѣмецкаго языка) увѣрялъ ее, что она получила больше удовольствія, полюбовавшись переплетомъ, чѣмъ онъ, прочтя книгу [83]).

Но вотъ что весьма характерно: г-жа Сталь обнаружила полное непониманіе «Фауста». Ея мнѣніе объ этой трагедіи сводится къ слѣдующему: Фаустъ—произведеніе, полное дерзновенной мысли; воспоминаніе о немъ всегда вызываетъ головокруженіе [84]). Герой этой пьесы—дьяволъ. Но Гете задумалъ его не какъ отвратительный образъ, которымъ обыкновенно пугаютъ дѣтей; онъ сдѣлалъ его воплощеніемъ зла, предъ которымъ всѣ злые ничтожны; въ этомъ образѣ, реальномъ и въ то же время фантастическомъ, Гете сочеталъ самую горькую насмѣшку, которую только могло внушить презрѣніе къ людямъ, съ дерзкой и увлекающей веселостью. Мефистофель, поясняетъ г-жа Сталь, издѣвается надъ разумомъ, какъ надъ самой смѣшной

---

[83]) Lettres de M-me de Stael. стр. 146.

[84]) Oeuvres, X, 504.

вещью.... И, странное дѣло, высшая злость сочеталась здѣсь съ божественной мудростью». «Если бы въ «Фаустѣ» —продолжаетъ писательница—была лишь пикантная и философическая шутка, то можно было бы найти аналогичный видъ творчества въ нѣкоторыхъ писаніяхъ Вольтера; но въ этой пьесѣ чувствуется воображеніе совсѣмъ другого рода. Въ ней не только уничтоженъ духовный міръ въ томъ видѣ, какъ онъ существуетъ, но и замѣненъ адомъ; въ ней—мощь колдовства, поэзія злого начала, обаяніе зла, заблужденіе мысли— они заставляютъ дрожать, смѣяться и плакать одновременно. Кажется, что на минуту дьяволъ правитъ землей» [85])

Фаустъ, по мнѣнію г-жи Сталь, вмѣщаетъ въ себѣ всѣ недостатки человѣка, въ немъ больше тщеславія, чѣмъ духовной силы, поэтому де онъ и прибѣгаетъ къ колдовству [86]); «бѣдная Маргарита» заслуживаетъ лишь жалости, ибо она вульгарна, и умъ ея ограниченъ [87]).

И окончательный выводъ такой: «Это ни трагедія и ни романъ. Авторъ отрѣшился въ этомъ сочиненіи отъ всякаго опредѣленнаго образа мысли и творчества: можно было бы найти нѣсколько общихъ чертъ съ Аристофаномъ (sic!), еслибы паѳосъ Шекспира не примѣшалъ красотъ иного рода»! [88]).

«Фаустъ» вызываетъ массу мыслей, заставляетъ думать, но «пьеса эта все же, конечно, не хорошій образецъ. И разсматривать ли ее, какъ плодъ умствен-

[85]) Oeuvres X, 505.
[86]) Oeuvres X, 506—507.
[87]) Ibid. 523.
[88]) Ib. 542.

наго бреда или пресыщенія разума, нужно пожелать, чтобы подобныя творенія не появлялись снова.... Когда такой геній, какъ Гете отрѣшается отъ всякихъ сдерживающихъ рамокъ, масса мыслей становится столь громадна, что онѣ со всѣхъ сторонъ обходятъ и опрокидываютъ грани искусства»! [89]).

Какъ видимъ, г-жа Сталь обнаруживаетъ полное непониманіе шедевра германскаго генія, но мы не станемъ особенно винить ее въ этомъ. «Фаустъ» вообще не соотвѣтствовалъ французскому духу и вообще былъ плохо понятъ во Франціи. Приведемъ нѣсколько примѣровъ: Лемерсье выражался о немъ лишь ироничечески [90]), Бенжаменъ Констанъ записывалъ въ своемъ дневникѣ слѣдующее»: «Перечиталъ «Фауста». Это посмѣяніе рода человѣческаго и всѣхъ ученыхъ. Нѣмцы находятъ въ немъ неизмѣримую глубину, а я нахожу, что онъ куда хуже Кандида, и также безнравственъ, пустъ и сухъ. Въ немъ мало изящества и остроумной шутки, и гораздо больше дурного вкуса» [91]).

Французскіе переводы «Фауста» Сентъ-Олера и Стапфера не давали никакого понятія о пьесѣ, и лишь въ 1828 г. появился переводъ Жераръ-де Нерваля, одобренный Гете [92]), и вдохновившій Берліоза; но только въ сороковыхъ годахъ сталъ прозрѣвать Жераръ-де Нерваль истинное величіе «Фауста»; въ 1828 же году онъ предпосылалъ въ видѣ предисловія къ своему пере-

[89]) Ib. 544

[90]) Baldensperger O. c. 128.

[91]) Benj. Constant. Journal Jntime, 8.

[92]) „Die ermähnte Uebersetzungvon Gérard obgleich grösstertoils in Prosa lobte Coethe, als sehr gelungen“ „Gespräche mit Goethe“ von Eckermanna. Reclammverl. II, 117.

воду большой отрывокъ г-жи Сталь съ извѣстными уже намъ сужденіями о Мефистофелѣ [93]). Переписка Берліоза свидѣтельствуетъ, что онъ долго бился и мучился, пока, наконецъ, составилъ себѣ опредѣленное понятіе о Фаустѣ; и обратилъ онъ главное вниманіе не на философское содержаніе, а на романтическую форму. Это и было причиной того, что Гете оставилъ его передѣлку безъ всякаго вниманія [94]). Талантливый (и еще малооцѣненный) Барбей д'Оревильи послѣ общаго анализа творчества Гете обрушился на него со слѣдующей злобной выходкой, которую мы приведемъ въ подлинникѣ: «Faust; le chef d' Goethe de n'est pas sorti de sa tete, maisqui y est entré au sortir de plusieurs antres plus inventivens, que fa sienne, n'est pas autre chose.... que la chéation légensaire du XV siécle, pétrie et repétrie dèja par la puissante main de l' énergique Marlowe; et jamais le cas ne s'est mieux présenté d'appliquer à goethe le mot de lui citè plus haut: rémanie ment et traduction! Cet immense savetier litteraire a repris et remanié le vieux Faust pour en faire le sien .. «Faust» de Goethe est bien plus un opéra qu'un drame..... Dans le Faust il n'fi a qu' un fatras incohérent sans aucune espéce de composition.. . Il y sent son Allemand d'a v a u t (курс. подл.). le protestantisme, et cette mauvaise odeur est chez lui le parfum» [95])....

---

[93]) Gèrard de Nerval. Les deux Jaust de Goethe. Préface.

[94]) Hector Berlios. Années Romantiques.

[95]) Прибавимъ еще, что послѣ всѣхъ своихъ колкостей Барбей д'Оревилльи дѣлалъ такой изумительный выводъ: „Goethe-tondeur sur tous les ocufs". Писатель, самъ того не сознавая, попалъ въ цѣль. Во Франціи Гете, дѣйствительно, понимали по оперному: всѣмъ извѣстно, какъ извратили тво-

Что же удивительнаго въ томъ, если г-жа Сталь, какъ дитя своего вѣка и своей страны, не могла дойти до пониманія геніальной драмы, перешагнувшей за грань вѣковъ? И если отзывы ея сравнить съ сужденіями Констана и Барбей д'Оревильи, развѣ не бросается въ глаза ея критическій тактъ и врожденная делликатность?

Подведемъ итоги сказанному. Ясно, что Гете, авторъ «Фауста», не могъ оказать на г-жу Сталь никакого вліянія, но имя Дельфины будетъ навсегда связано съ именемъ Вертера. Здѣсь мы имѣемъ превосходный образчикъ благороднаго и могучаго воздѣйствія одной литературы на другую [96]).

Намъ остается еще указать на то громадное вліяніе, которое оказали на г-жу Сталь нѣмецкіе романтики и въ частности В. Шлегель. «Въ книгѣ о Германіи», писала она въ 1813 г. послѣднему, «все зоветъ васъ ко мнѣ» [97]), и Стендаль правильно усматривалъ въ этой работѣ сильное вліяніе аналитическаго ума Шлегеля [98]). Онъ былъ ея Вергиліемъ въ области искусства и эстетики; три долгихъ года онъ неутомимо работалъ, направляя умъ ея въ сторону новыхъ путей. Онъ пояснялъ ей всѣ новыя теченія въ области мысли и творчества, вводилъ ее въ святая святыхъ нѣмецкаго романтизма

реніе Гете либреттистъ и композиторъ. Тома превратилъ Вильгельма Мейстера въ «комическую оперу», какъ наконецъ, талантливый Масснэ выкроилъ изъ „Вертера" оперу любовной интриги.

[96]) Замѣтимъ, что г-жа Сталь перевела въ стихахъ (очень плохихъ) два стихотв Гете: „Богъ и Балдерка" и „Рыбакъ".

[97]) Lettres de M-me de Stael.

[98]) Stendhal cosrespondance Inedite. I, 79.

и былъ однимъ изъ главныхъ руководителей эволюціи ея литературныхъ идей, о которой мы будемъ говорить ниже. «Коринна» и книга «о Германіи» носятъ явный отпечатокъ безпокойнаго, вѣчно мятущагося и мистически настроеннаго духа Шлегеля. Но не правильно было бы думать, что г-жа Сталь всецѣло поддалась вліянію Шлегеля; неправъ былъ и Стендаль, утверждая, что книга «О Германіи» написана со словъ Шлегеля, т. к. г-жа Сталь въ то время не знала нѣмецкаго языка и не читала разбираемыхъ его произведеній. На оба эти обвиненія отвѣтилъ Эленшлегель: «Г-жу Сталь упрекали въ томъ, что она не изучала произведеній, разбираемыхъ въ этой книгѣ («о Германіи») и всецѣло поддалась вліянію Шлегеля. Это ложь. Она читала по нѣмецки совершенно свободно. Шлегель имѣлъ нѣкоторое вліяніе на нее, но она очень часто расходилась съ нимъ во мнѣніяхъ и упрекала его въ пристрастности» [99]).

Г-жа Сталь, все воспринимаемое ею, глубоко перерабатывала въ своемъ умѣ, и поэтому книга «о Германіи» имѣетъ цѣнность именно, какъ ея произведеніе; тамъ же, гдѣ слышится Шлегель, говорящій отъ себя,— тамъ нѣтъ ни тѣни восторженности, ни яркихъ красокъ г-жи Сталь...... Тамъ все какъ-то туманно, смутно..... Это отдѣлъ о нѣмецкой философіи.

Гейне превосходно понялъ это: «Славной памяти г-жа Сталь, писалъ онъ, здѣсь (въ книгѣ «О Германіи) какъ бы открывала салонъ, гдѣ она принимала нѣмецкихъ писателей, предоставляя имъ случай явиться предъ французскимъ образованнымъ кругомъ, но изъ разнообразнѣйшихъ голосовъ, крики которыхъ постоянно раз-

[99]) Sainte-Beuve Vorfraits de Femmes, 144.

даются въ глубинѣ книги, явственнѣе всѣхъ слышится дискантъ господина А В. Шлегеля. Но тамъ, гдѣ она является самолично, гдѣ эта глубоко чувствующая женщина выражается безъ посредниковъ, всѣмъ своимъ лучезарнымъ сердцемъ, всѣмъ фейерверкомъ ракетъ своего ума и блестящихъ причудъ,—тамъ ея книга превосходна» [100]).

V.

Теперь намъ предстоитъ отвѣтить на два вопроса 1) какова же разница между космополитизмомъ Руссо и г-жи Сталь? и 2) какъ сказался космополитизмъ въ литературѣ франц. романтиковъ?

Въ первой главѣ мы уже указывали на главныя и существенныя черты космополитизма Руссо и XVIII вѣка. Онъ выросъ на почвѣ страсти къ обобщеніямъ, столь характерной для «просвѣтителей». Говорилось «народъ—вообще», «личность—вообще». Національность и среда отодвигались на задній планъ, ибо «природа, создавая человѣка, мало заботится объ обстоятельствахъ, сопровождающихъ его рожденіе». Это опредѣленіе, формулированное Кондорсэ, и клалось въ основу индивидуализма XVIII вѣка, имѣвшаго дѣло съ «природнымъ человѣкомъ» внѣ его соціальной среды.

Г-жа Сталь пошла гораздо дальше: она на первый планъ выдвигаетъ именно національность, и личность, какъ и литература, только тогда полна и цѣльна для нея, когда она носитъ всѣ характерныя черты сво-

---

[100]) Heine. Die Romantische Schule. Werke, B. 4, 120; также Сочиненія Гейне, перев. подъ редак. Вейнберга, т. III, стр 264.

его народа и среды. Вотъ почему она съ такимъ интересомъ изучала литературу и бытъ иностранныхъ народовъ, вотъ почему неустанно указывала на самобытность англичанъ, итальянцевъ и нѣмцевъ и на необходимость сообразовать литературу съ духомъ народа. И въ силу этого космополитизмъ г-жи Сталь имѣлъ, по нашему мнѣнію, двоякую цѣнность для франц. литературы: во-первыхъ, онъ пріучалъ не мѣрить личность исключительно по традиціонной французской мѣркѣ—вообще,—а принимать въ соображеніе всѣ національныя и общественныя вліянія и тѣмъ способствовалъ правильной выработкѣ индивидуализма, блестяще завершенной романтиками—реалистами: Бальзакомъ, Стендалемъ и Жоржъ—Сандъ; вовторыхъ, онъ обосновывалъ знаменитую теорію (мѣстной окраски» (couleur locale), ставшей однимъ изъ характернѣйшихъ пріемовъ творчества романтиковъ.

Въ литературѣ романтиковъ космополитизмъ сказался очень сильно и, какъ у г-жи Сталь, раньше всего въ формѣ рѣзкаго протеста противъ французскаго классицизма: «Несмотря на педантовъ, Германія и Англія одолѣютъ Францію! Шекспиръ, Шиллеръ и лордъ Байронъ побѣдятъ Расина и Буало»! восклицалъ Стендаль, [101]), и понималъ, какъ и его предшественница [102]), что именно эта побѣда дастъ возможность обосновать новую литературу, чуждую условности и подражательности. Г-жа Сталь совершенно правильно предвидѣла, что интересъ къ инымъ народамъ и поэзіи возбудитъ сильнѣйшій подъемъ въ литературѣ Вслѣдъ за Руссо

[101]) Stendhal „Racine et Shakespeare“.

[102]) „Истинная мощь страны—ея природный характеръ“, говорила г-жа Сталь, указывая на вредъ подражательности.

она горячо поддерживала интересъ къ Англіи и романтики слѣдуютъ за нею: Гюго дебютируетъ «Кромвеллемъ» и пишетъ «Марію Тюдоръ», Альфредъ де Виньи избираетъ своимъ героемъ «Чаттертона», а Жоржъ-Сандъ «сэра Ральфа или г. Родольфа Брауна («Индіана») и др. Готье пропагандируетъ англійскихъ поэтовъ, Гюго и Стендаль пишутъ выдающіяся изслѣдованія о Шекспирѣ.

Г-жа Сталь, Шатобріанъ и Байронъ впервые повѣдали о прелестяхъ Италіи, и вотъ любовь къ ней превращается у романтиковъ въ культъ. Страстный кличъ: «Въ Италію» [103])! несется по всей Европѣ, достигаетъ Сѣвера и потрясаетъ сердца двухъ величайшихъ геніевъ нашей страны Пушкина и Гоголя. Италія становится излюбленнымъ фономъ повѣстей и романовъ французскихъ романтиковъ: новеллы Готье (Фортуніо, Вендета), «Лукреція Борджія» Гюго, Пармская Шартреза» Стендаля, «Консуэлло» Жоржъ Сандъ, «Венеція» Мюссэ и мн. др.—краснорѣчивые памятники этого увлеченія.

Растетъ все болѣе и болѣе интересъ и къ Германіи, и въ этомъ отношеніи послѣ г-жи Сталь наибольшая заслуга принадлежитъ несправедливо-забытому Жеде Нервалю. Онъ единственный среди романтиковъ зналъ нѣмецкую жизнь, живалъ въ Германіи, читалъ ея поэтовъ въ подлинникахъ и звалъ ее своей «второю матерью» [104]). Его прекрасные переводы, драма «Лео

[103]) Кромѣ Дюма. Но вѣдь извѣстно, какъ послѣдній описывалъ „иныя страны“. Довольно вспомнить „развѣсист ю клюкву“.

[104]) I. Cartier. Un. Jntermèpiaire entre la France et L'Allemagne. стр. 8.

Буркартъ», и чудесная «Лорелей» неотразимо дѣйствовали на современниковъ. Генрихъ Гейне, знакомя французскую публику съ цѣлымъ рядомъ нѣмецкихъ поэтовъ, заявлялъ, что продолжаетъ дѣло г-жи Сталь [105]). Еще нѣсколько лѣтъ, и подымается ожесточенная война за идеи Вагнера, имѣя въ первомъ ряду своихъ бойцовъ величайшаго эпигона романтизма—Шарля Бадлэра.

Но жадно приникнувъ губами къ чужеземному источнику вдохновенія, романтики лишь освѣжили себя, они не пошли на ложный путь подражательности и заимствованій; они претворили въ себѣ все благородное и прекрасное, что могли имъ дать иностранныя литературы; вѣрные завѣту г-жи Сталь, они обосновали новую, національную литературу, богатую идейнымъ содержаніемъ и глубокимъ, благороднымъ вдохновеньемъ.

---

[105]) Heives Werke, Verl. Erenkel. B. IV, Salno.

Гоголь и его украинскія повѣсти.

ВВЕДЕНІЕ.

Интересна судьба украинскихъ повѣстей Гоголя. Въ то время, какъ всѣ другія творенія нашего поэта изслѣдованы глубоко и всесторонне, и нѣтъ, кажется, такого элемента въ нихъ, который не былъ бы освѣщенъ и изученъ съ самымъ серьезнымъ вниманіемъ,—украинскимъ повѣстямъ Гоголя всегда какъ-то счастливилось на одностороннюю оцѣнку: критика— и художественная и научная, и современная повѣстямъ, и позднѣйшая, едва ли не до нашего времени,—занималась почти исключительно однимъ только: любовалась въ нихъ красотами картинныхъ описаній природы, увлекалась фантазіей ихъ автора и смѣялась, поддаваясь могучему воздѣйствію ихъ юмора Но, справедливо восхищаясь ихъ художественной формой, «истинной ихъ веселостью» и «свѣжестью» производимаго ими впечатлѣнія, она, оцѣнивъ ихъ съ этой стороны, въ то же время сравнительно мало занималась (до недавнихъ поръ) изученіемъ и правильной оцѣнкой ихъ, съ исторической и этнографической точекъ зрѣнія. «До сей поры» —говоритъ проф. Н. Котляревскій въ своей недавней работѣ, посвященной Гоголю—«историки обыкновенно говорили лишь о томъ впечатлѣніи, какое творчество Гоголя производило на читателей. Картина получалась очень красивая и яркая» [1]). Теперь-же, въ по-

---

[1]) Н. Котляревскій. Н. В Гоголь 1829—1842 стр. 7 предисловія.

слѣднее время, дѣйствительно, проявляется въ критикѣ тенденція историческаго изслѣдованія твореній Гоголя. Теперь критики-историки стремятся выяснить «взаимную связь Гоголя съ его эпохой» [2]), съ его литературными предшественниками и современниками, родственными ему по духу и характеру своего творчества; теперь сознаютъ, что въ «исторіи творчества нашего сатирика должно быть отведено мѣсто работѣ тѣхъ меньшихъ силъ [3]), вмѣстѣ съ которыми ему удалось свершить свое велик е дѣло» [4]).

Таково положеніе историко-литературныхъ изслѣдованій всѣхъ вообще твореній Гоголя въ наше время. Однако для изученія и оцѣнки собственно украинскихъ повѣстей Гоголя и этотъ недавно народившійся интересъ къ «старому» не сослужилъ пока еще всей должной службы: повѣсти эти не имѣютъ еще спеціально имъ посвященнаго изслѣдованія. Что касается изученія этихъ повѣстей съ точки зрѣнія вопроса о «взаимной связи Гоголя съ его эпохой», о литературныхъ вліяніяхъ на поэта, то, повторяемъ, этимъ прежняя критика наша вовсе не занималась; въ изученіи же повѣстей съ точки зрѣнія этнографической обнаружила и недостаточный интересъ къ предмету и непростительную поверхностность сужденій. Правда «съ самаго появленія въ свѣтъ «Вечеровъ на хуторѣ», а потомъ и «Миргорода», какъ говоритъ Кулишъ,—много было въ журналахъ толковъ объ украинскихъ повѣстяхъ Гоголя [5]).

---

[2]) Тамъ же.

[3]) О нѣкоторыхъ изъ этихъ «меньшихъ силъ», именно тѣхъ, которыя родственны Гоголю, какъ автору украинскихъ повѣстей, рѣчь впереди, при разсмотрѣніи вопроса о литературныхъ вліяніяхъ на нашего поэта.

[4]) Н. Котляревскій, стр. IX-я предисловія.

[5]) «Основа», 1861 г. IV Гоголь, стр. 73.

«По случаю появленія украинскихъ повѣстей Гоголя нагромождена вавилонская башня сужденій» [6]) Да, такъ было тогда, во времена Гоголя, и въ критикѣ, ближайшей ему по времени, послѣ его смерти. И все же, несмотря на это обиліе «толковъ», критика наша даже въ лицѣ самыхъ серьезныхъ и авторитетныхъ своихъ представителей, въ лицѣ Бѣлинскаго, обошла серьезнымъ вниманіемъ вопросъ объ этнографическомъ и историческомъ элементахъ украинскихъ повѣстей Гоголя. Объясняется это обстоятельство просто-на-просто тѣмъ, что всѣ тогдашніе судьи Гоголя, какъ автора украинскихъ повѣстей, (а между этими судьями и Пушкинъ, «изумленный» и справедливо восхищавшійся поэтическими достоинствами и юморомъ «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки» [7]), и Бѣлинскій, давшій художественной сторонѣ повѣстей поэта не менѣе художественную оцѣнку критика-эстетика)—всѣ они почти вовсе не знали ни быта, ни исторіи, ни богатствъ народнаго поэтическаго творчества изображаемой Гоголемъ Украины. У Бѣлинскаго, «душею и сердцемъ преданнаго интересамъ современности»,—по словамъ извѣстнаго слависта и литературнаго историка-библіографа 50-хъ годовъ А. Котляревскаго,—даже «не было ни времени, ни средствъ-серьезнымъ, ученымъ образомъ изслѣдовать русскую народную поэзію: онъ судилъ о ней, какъ человѣкъ, ударенный высокимъ художественнымъ чувствомъ [8]), но чуждый историческаго изученія предме-

[6]) «Основа», 1861 г. V Гоголь, стр 14.

[7]) «Основа» 1861 г. стр. 90 Пыпинъ «ист. рус этногр » т. 3, стр. 30.

[8]) Это чувство обусловило, какъ мы увидимъ ниже, глубокое эстетическое пониманіе критикомъ чисто художественныхъ красотъ «какъ украин. повѣстей Гоголя, такъ

та» [9]). Тѣмъ болѣе, конечно, «чуждъ» былъ Бѣлинскій не только «историческаго изученія» народнаго поэтическаго творчества Украины, но и просто хорошаго знанія его. А между тѣмъ это творчество столь существенно отразилось въ повѣстяхъ нашего поэта, что для того, чтобы дать серьезный и всесторонній разборъ ихъ, необходимо было близкое знакомство съ народной малорусской поэзіей. Не зная этой поэзіи и Украины вообще, Бѣлинскій, какъ и многіе другіе, не могъ судить объ этнографическомъ и историческомъ элементахъ этихъ повѣстей. Украиной интересовались скорѣе изъ-за украинскихъ повѣстей Гоголя, «изумившихъ» Пушкина, а за нимъ и многихъ другихъ»; интересовались притомъ въ духѣ этихъ повѣстей, искали смѣха и забавы въ юморѣ Малороссіи, въ лучшихъ случаяхъ—эстетическихъ наслажденій въ ея пѣсняхъ, воспѣтыхъ Гоголемъ и въ гоголевской поэзіи ея природы и отчасти жизни. Серьезный же интересъ къ ней самой, серьезная «задача изучить ее» [10]), еще едва только нарождалась.

Успѣхъ украинскихъ повѣстей Гоголя былъ, какъ извѣстно, огромный: «Вечера» были приняты съ восторгомъ. И это, разумѣется, естественно: помимо того, что сами повѣсти заключали въ себѣ достоинства великія, будучи написаны истиннымъ художникомъ слова, помимо этого, важно, что читатель того времени «требовалъ», какъ говоритъ профессоръ Котляревскій, «народнаго и современнаго», а такимъ именно «народнымъ

всего вообще духовн богатства Украины» см. стр. нашего очерка.

[9]) А. Котляревскій. «Старина и народность за 1861 г.» Библіогр. изслѣд. стр. 29. Москва 1862 г.

[10]) «Основа» 1861 г. V Гоголь.

и современнымъ» произведеніемъ и явились для этого читателя гоголевскіе «Вечера». Но если повѣстямъ поэта, когда онѣ были новинкой, и отдавали не мало серьезнаго, хотя и не всегда компетентнаго вниманія множество литературныхъ толковниковъ, создавшихъ, по выраженію Кулиша, цѣлую «вавилонскую башню сужденій» о нихъ, то позднѣе, и даже незадолго до нашихъ дней, и самыя эти повѣсти, и образовавшуюся изъ ихъ разборовъ «вавилонскую башню» почти совершенно заслонила отъ серьезнаго и детальнаго вниманія критики какъ-бы китайская стѣна неизмѣримо большей, чѣмъ объ украинскихъ повѣстяхъ, массы изслѣдованій обо всѣхъ твореніяхъ Гоголя. Такова была до недавняго времени совершенно особая судьба украинскихъ повѣстей Гоголя, судьба, какъ видимъ, врядъ-ли счастливая,—судьба, поворотъ въ которой къ лучшему ведетъ свое начало лишь съ этого недавняго времени. Такія обстоятельныя изслѣдованія, какъ труды Шеврока, Котляревскаго и отчасти Пыпина, удѣляютъ уже дѣйствительно серьезное вниманіе и вопросамъ-этнографіи этихъ повѣстей, историческаго происхожденія ихъ сюжетовъ и типовъ *), взаимной связи между ними и эпохой ихъ созданія, вліянія на нихъ народнаго поэтическаго творчества; наконецъ, правда, уже меньшую долю вниманія отдаютъ эти изслѣдованія и вопросу о вліяніи на повѣсти со стороны украинской литературы, имъ предшествовавшей. Однако отдѣльнаго спеціальнаго изслѣдованія собственно украинскихъ повѣстей Гоголя по всѣмъ, только что отмѣченнымъ вопросамъ критика наша не выдвинула, занимаясь повѣстями лишь въ общемъ раз-

---

*) По этому вопросу изъ прежнихъ трудовъ замѣчательны богатѣйшія и детальнѣйшія изслѣдованія Тихонравова.

борѣ всѣхъ твореній поэта. Какъ мы сказали уже, наша настоящая цѣль и состоитъ въ томъ, чтобы дать общее изслѣдованіе украинскихъ повѣстей Гоголя съ точки зрѣнія вопросовъ о вліяніи на него быта, исторіи и поэзіи украинскаго народа. Нашъ очеркъ представляетъ собою попытку, если не рѣшить всѣ эти вопросы вполнѣ удовлетворительно, то хоть дать, такъ сказать, толчекъ къ лучшему рѣшенію ихъ большими, сравнительно съ нами, силами.

Гоголь—авторъ украинскихъ повѣстей

1) Отраженіе въ повѣстяхъ Гоголя литературнаго вліянія малорусскаго:

а) В. А. Гоголь отецъ.
б) И. П. Котляревскій.
в) П. И. Гулакъ-Артемовскій.

Что сказать по вопросу о вліяніи на Гоголя, какъ автора украинскихъ повѣстей, со стороны малорусской литературы? Было ли оно? И если было, то черезъ кого именно изъ малорусскихъ писателей воздѣйствовало на Гоголя и въ чемъ именно отразилось? Наконецъ, говорила ли наша критика объ этомъ вліяніи? На всѣ эти вопросы отвѣтъ есть, и отвѣтъ утвердительный. Вліяніе это несомнѣнно, и критика наша, хотя и не говорила почти (до послѣдняго времени) о связи Гоголя съ предшествовавшей ему литературой вообще, но именно интересующему насъ вопросу о вліяніи на Гоголя малорусской литературы и оказала исключительное въ данномъ случаѣ (хотя и довольно поверхностное) вниманіе. Не сознавъ еще всей важности—для серьезнаго успѣха въ изученіи Гоголя и его твореній-рѣшенія вопроса о «связи Гоголя съ его эпохой», о

предшественникахъ и сподвижникахъ его вообще, какъ писателя; мало того, даже не задаваясь еще этимъ самымъ вопросомъ въ нашей критикѣ, тѣмъ не менѣе, по свидѣтельству профессора Котляревскаго, «единственно о чемъ говорили, такъ это о вліяніи на Гоголя малорусской литературы»,—вліяніи, которое «сказывалось лишь въ самые ранніе годы дѣятельности нашего писателя» [11]). Замѣтимъ, что эти «самые ранніе годы дѣятельности нашего писателя» и были именно годами созданія украинскихъ повѣстей. Между тѣмъ повѣсти все же, какъ мы видѣли выше [12]), оставались почти до нашихъ дней недостаточно уясненными, не вполнѣ серьезно и всесторонне изслѣдованными, въ особенности по сравненію съ другими произведеніями Гоголя, хотя о нихъ, какъ объектахъ «вліянія малорусской литературы», и заговаривали было иногда въ духѣ историческаго изученія. Достаточное вниманіе критики по нѣкоторымъ вопросамъ онѣ не всегда вызываютъ даже и теперь (за немногими исключеніями, вродѣ, напримѣръ обстоятельныхъ и глубоко цѣнныхъ трудовъ Шенрока); а о вліяніи на нихъ украинской литературы и еще меньше говорятъ серьезно. И такъ вліяніе на Гоголя, какъ автора украинскихъ повѣстей, со стороны малорусской литературы несомнѣнно; оно наблюдается слишкомъ очевидно, чтобы не быть отмѣченнымъ, и о немъ говорили когда то [13]), хотя меньше чѣмъ слѣдуетъ; говорятъ и въ наше время.—Постараемся же показать, насколько это возможно теперь на основаніи всѣхъ

---

[11]) См. примѣч. на стр. 3 и 4.

[12]) См. введеніе.

[13]) См. «Очерки Ист. Украинск. Лит. XIX стол.» Н. И Петрова, Кіевъ, 1884 г.

прежнихъ и новѣйшихъ изслѣдованій о Гоголѣ и его украинскихъ повѣстяхъ и, конечно, на основаніи разбора самихъ этихъ повѣстей, кто именно изъ украинскихъ писателей и какъ вліялъ на нашего поэта.

а) В А. Гоголь-отецъ. Если говорить о степени достовѣрности и о глубинѣ вліянія на Гоголя со стороны его малорусскихъ предшественниковъ въ литературѣ по изображенію быта и нравовъ Украины, то на первомъ мѣстѣ надо поставить, конечно, отца поэта,—Василія Афанасіевича. Вліяніе Василія Афанасьевича на сына было прежде всего, разумѣется, вліяніе отца, правда, очень недолгое, вліяніе отца любящаго и способнаго влiять, но главное—Василій Афанасьевичъ, какъ истый украинецъ юмористъ, а къ тому же и бытописатель Малороссіи, сочинявшій комедіи изъ народной украинской жизни передалъ сыну неподражаемый природный юморъ малоросса и повліялъ, вмѣстѣ съ обстоятельствами жизни всей семьи Гоголей въ украинскомъ селѣ, на зарожденіе въ душѣ поэта тѣхъ симпатій къ родной Украинѣ и ея жизни и тѣхъ картинъ ея быта, которыя впослѣдствіи вылились въ гоголевскія украинскія повѣсти. Это вліяніе Василія Афанасьевича мы наблюдаемъ въ Гоголѣ, говоря словами Шенрока, «начиная съ тѣхъ лѣтъ, какъ ребенкомъ заслушивался онъ мастерскихъ разсказовъ отца, дышавшихъ всей силой свѣтлаго малороссійскаго юмора» [14]. Это вліяніе усиливалось тѣмъ, что впечатлѣнія, производимыя на поэта разсказами и пьесами отца, были впечатлѣніями картинъ родного быта, родной природы, которыя поэтъ непосредственно и глубоко воспринималъ не только въ мастерской передачѣ отца,

---

[14]) В. И. Шенрокъ „Матеріалы для біографіи Гоголя“. т. II. стр. 50.

но и въ самой дѣйствительности, его окружавшей. «Глядя на сцену деревенскаго театра Трощинскаго», говоритъ далѣе о Гоголѣ Шенрокъ: «онъ впервые переживалъ сильныя художественныя впечатлѣнія, и они (также) были неразрывно связаны съ родной Украиной, ея бытомъ и нравами» [15]). Въ этихъ украинскихъ «сильныхъ художественныхъ впечатлѣніяхъ» уже заключалось зерно будущаго гоголевскаго художественнаго произведенія жизни, и въ первое время, для начала писательтва поэта, жизни именно украинской, а потому мы позволяемъ себѣ нѣсколько остановиться на болѣе детальномъ выясненіи вопроса объ источникѣ этихъ впечатлѣній. Въ томъ, что впечатлѣнія эти были сильны, мы не можемъ сомнѣваться, зная о воспріимчивости, всегда отличавшей Гоголя, а что они были и дѣйствительно художественны,—это также должно быть для насъ и понятно и несомнѣнно, несмотря на то, что давали ихъ «сцена деревенскаго театра» и пьесы изъ «мужицкаго быта», каковы были произведенія Гоголя-отца и другихъ малорусскихъ писателей, преимущественно здѣсь ставившіяся. И въ самомъ дѣлѣ: въ то время, какъ въ столицахъ—и въ Москвѣ и Петербургѣ шли еще пьесы Княжнина и другихъ россійскихъ «классическихъ» комиковъ,—на сценѣ украинскаго театра въ селѣ Кибинцахъ (какъ и на сценѣ «Вольнаго украинскаго театра» въ Полтавѣ) эти уродливыя по формѣ и довольно грубыя и бѣдныя по содержанію княжинскія и иныя «комедіи» тенденціозной придуманности уступали мѣсто правдивымъ и, сравнительно [16]) съ современными имъ вели-

---

[15]) Тамъ же

[16]) Если исключить изъ этихъ послѣднихъ, пожалуй, комедіи фонъ-Визина, а затѣмъ, конечно, красовавшееся

корусскими, художественнымъ комедіямъ жизни, оригинальнымъ произведеніямъ украинскихъ писателей—главнымъ образомъ Котляревскаго, Гоголя-отца и позднѣе Квитки-Основьяненка.

Украинскія пьесы являлись и сравнительно художественными и строго самобытными во всѣхъ отношеніяхъ, такъ какъ онѣ были пьесами истинно народными. Сообразно этому и впечатлѣнія, ими производимыя, были и художественными и захватывающими, особенно для украинца. Уразумѣвъ фальшь и односторонность изображенія лишь быта господскаго и вообще быта господствующихъ классовъ и въ тоже время идя на встрѣчу народившемуся тогда (18 в.) въ русскомъ обществѣ интересу къ «народности», и наши великорусскіе драматическіе писатели, правда, обратились наконецъ къ изображенію собственно жизни народа, посвящая ему уже всю пьесу, а не вводя его въ дѣйствіе лишь въ качествѣ эпизодическаго лица, какъ это дѣлалось прежде. Однако такія пьесы изъ народной жизни, цѣликомъ черпающія изъ нея свое содержаніе, встрѣчались, какъ рѣдкое исключеніе, и представляли собою одно изъ двухъ—или неудачныя попытки сдѣлать нѣчто изъ ничего, какъ думали нѣкоторые критики, напримѣръ, Вяземскій, не находившій въ жизни великорусскаго народа достаточно интереснаго содержанія для бытописателя Россіи и однако измѣнившій это мнѣніе въ пользу народа въ отношеніи къ бытописателю Малороссіи, какъ

уже въ русской драматической литературѣ, какъ оазисъ въ пустынѣ, грибоѣдовское „Горе отъ ума“, бывшее въ рукописи уже и въ репертуарѣ Кибинскаго театра. (Но вѣдь эта пьеса не была народной). См. Н. И. Петровъ „Очерки Ист. Укр. Лит. XIX ст. стр. 78 Кіевъ, 1884 г.

мы увидимъ это ниже;—или же только свидѣтельство о недостаточности интереса ихъ авторовъ къ своему народу, а то и о простомъ незнаніи народа.

Такъ или иначе, но подобныя самобытныя произведенія великорусскихъ писателей были и рѣдки и еще хуже подражательныхъ и не «народныхъ» [17]). Приведемъ здѣсь кстати только что отмѣченное нами выше вскользь мнѣніе критика первой половины прошлаго в. (19), князя П. А. Вяземскаго, который въ своемъ отзывѣ о романѣ Нарѣжнаго—«Два Ивана или страсть къ тяжбамъ»—говоритъ: «Нарѣжный побѣдилъ первый и покамѣсть одинъ трудность, которую, признаюсь, почиталъ я до него непобѣдимою. Мнѣ казалось что наши нравы, что вообще нашъ народный бытъ не имѣетъ или имѣетъ мало оконечностей, кои могъ бы охватить наблюдатель для составленія русскаго романа. Правда, что нашъ наблюдатель не совершенно русскій, а малороссійскій и что его два лучшіе романа—«Бурсакъ»

---

[17]) Замѣтимъ, что это явленіе продолжается и досел҃ѣ: въ великорусской драматической литературѣ нѣтъ пьесъ изъ народной жизни, за исключеніемъ „Власти Тьмы“ и отчасти „Плодовъ просвѣщенія“ Толстого, „Горькой судьбины“ Писемскаго, да двухъ-трехъ, много слабѣйшихъ произведеній этого же рода другихъ авторовъ. Между тѣмъ, какъ-бы дополняющая великорусскую, украинская драматическая литература отъ „Наталки Полтавки“ Котляревскаго и до нашихъ дней вся черпала и черпаетъ свое содержаніе изъ народной жизни (или исторіи) и въ настоящее время весьма богата и качественно и количественно. Достаточно упомянуть, напримѣръ, украинскихъ драматурговъ—Кропивницкаго, Старицкаго, Карпенка—Караго, которые дали цѣлый рядъ произведеній отмѣчаемаго рода, назовемъ еще г.г. Гринченко, Панаса Мирнаго и Олену Пчилку.

и «Два Ивана»—относятся къ эпохѣ, когда Малороссія еще имѣла свою особенную и характерическую физіономію»[18]).

Итакъ народный бытъ украинскій и въ 20—30-хъ годахъ 19-го столѣтія (разбираемые Вяземскимъ романы Нарѣжнаго появились въ 1825 г.) больше давалъ матеріала для бытописателя, чѣмъ бытъ великорусскаго народа; тѣмъ справедливѣе это для болѣе ранняго времени, для времени Котляревскаго и Гоголя-отца, художественная правда произведеній которыхъ выгодно отличала ихъ отъ пьесъ великорусскихъ писателей. И вотъ эти послѣдніе обращаются для созданія дѣйствительно реальныхъ картинъ народной жизни къ украинскимъ источникамъ. Первые русскіе бытовые (реальные) романы принадлежали украинцу Нарѣжному, «родоначальнику русскихъ романистовъ», изображавшему, однако, бытъ и нравы не только великорусскіе, а и украинскіе, чѣмъ именно и надо объяснять, какъ мы видѣли выше, по мнѣнію Вяземскаго, то обстоятельство, что это изображеніе вышло и содержательнымъ и интереснымъ помимо тѣхъ своихъ достоинствъ, которыя обусловилъ личный талантъ автора. На ряду съ этимъ и въ великорусской драматической литературѣ въ духѣ народности, уже въ первыхъ ея произведеніяхъ, мы встрѣчаемъ образецъ того же характернаго явленія изображенія быта не великорусскаго, какъ слѣдовало бы ожидать, а украинскаго, какъ будто только въ этомъ послѣднемъ великорусскій драматургъ-бытописатель находилъ для себя тотъ матеріалъ, котораго не могъ найти или котораго не было въ быту родного ему народа. «Казакъ

---

[18]) См. Бѣлозерская—„Василій Трофимовичъ Нарѣжный“ часть II, стр. 147 и 418 г.

Стихотворецъ» князя Шаховскаго былъ именно такимъ произведеніемъ: эт◦ «опера-комедія» представляла собою попытку великорусскаго писателя нарисовать бытовую картинку изъ украинской жизни, попытку, замѣтимъ, мало удачную, прибавившую лишь одну новую неуклюжую пародію на народную жизнь (на этотъ разъ еще и не свою) къ тѣмъ драматическимъ сочиненіямъ подобнаго же характера, (вродѣ, напримѣръ, аблесимовскаго «Мельника-Колдуна»), которыя, обнаруживая въ своихъ авторахъ неопытность, иногда полную бездарность и почти всегда антихудожественность изобразительныхъ пріемовъ и изумительную топорность рѣчи, представляли въ безцвѣтныхъ и грубыхъ картинахъ безсодержательные мало интересные эпизоды великорусской народной жизни. И вотъ рядомъ съ подобной «Казаку-Стихотворцу» жалкой пародой на бытъ Украины, рядомъ съ грубо-карикатурными, топорно-срубленными «операми-комедіями», вродѣ «Мельника Колдуна», бытописующими великорусскую народную жизнь,—рядомъ со всѣмъ этимъ создаются правдивыя и по тому времени нежданно художественныя картины быта и нравовъ украинскаго народа, мастерски нарисованныя названными выше украинскими бытописателями. Гоголю пришлось видѣть въ Кибинцахъ нѣсколько такихъ художественныхъ по простотѣ украинскихъ пьесъ и здѣсь то, въ деревнѣ, украинская сцена и дарила его такими «сильными художественными впечатлѣніями», какихъ, разумѣется, и не могла бы дать поэту украинской жизни сцена съ княжнинскимъ, аблесимовскимъ и тому подобнымъ репертуаромъ. Чтобы избѣжать упрека въ голословности только что нами сказаннаго, стоитъ лишь сопоставить, напримѣръ, Аблесимова съ Котляревскимъ, и уже изъ простого сосѣдства «Мельника Колдуна» перваго и «На-

талки-Полтавки» второго всякому, думаемъ мы, станетъ очевидно, насколько художественныя впечатлѣнія долженъ былъ получить Гоголь, глядя на сцену кибинскаго театра, гдѣ шли пьесы, подобныя «Наталкѣ Полтавкѣ», если дерзать сравнивать эти впечатлѣнія съ тѣми, которыми почти въ то же самое время дарила свою столичную публику великорусская сцена, гдѣ ставились столь тяжеловѣсныя пьесы, какъ аблесимовскія и княжнинскія, весьма, конечно, далекія отъ какой бы то ни было художественности. Критика отмѣчаетъ въ «Наталкѣ-Полтавкѣ» «художественную сжатость пьесы, чутье сцены, неслыханную для того времени простоту и естественность» и, справедливо восхищаясь «Наталкой-Полтавкой», подчеркиваетъ: «нельзя забывать, что «Наталка-Полтавка» написана въ 1819 году. Сравните её съ перломъ сценическаго реализма того времени съ «Мельникомъ» Аблесимова»[19]).

Итакъ, повторяемъ, художественная простота и захватывающій реализмъ украинскихъ пьесъ и обусловили собою для Гоголя тѣ «сильныя художественныя впечатлѣнія», о которыхъ, какъ мы видѣли, говоритъ Шенрокъ. Обратимся теперь къ затронутому нами частному вопросу о характерѣ и роли впечатлѣнія, которое произвели на Гоголя комедіи его отца. Впечатлѣніе отъ от-

---

[19]) „Новое время", Второе изданіе, № 9870, отъ 27 августа 1903 г. стр. 5—6. статья В. Г. „Н. П. Котляревскій". Хотя, правда, „Мельникъ" Аблесимова написанъ нѣсколько ранѣе „Наталки" (въ концѣ 18 в.), но онъ именно представлялъ собою въ то время и даже нѣсколько позже (во время появленія „Наталки") одно изъ лучшихъ драматическихъ произведеній въ духѣ народности для сопоставленія съ „Наталкой", которую, конечно, было бы неумѣстно сравнить, напр. съ комедіями фонъ Визина.

цовскихъ пьесъ въ извѣстной мѣрѣ надолго, если не навсегда, сохранилось и было живо у Гоголя, при чемъ онъ, очевидно, и цѣнилъ ихъ не мало Такъ, напримѣръ, въ одномъ изъ своихъ петербургскихъ писемъ къ матери онъ говоритъ: «Еще прошу васъ выслать мнѣ двѣ папенькины малороссійскія комедіи: «Овца-Собака» и «Романъ съ Параскою.» (она же «Простакъ»). Здѣсь такъ занимаетъ всѣхъ все малороссійское, что я постараюсь попробовать, нельзя ли одну изъ нихъ поставить на здѣшній театръ» [20]). Но этого мало: несомнѣнно еще, что не для одной этой цѣли—постановки на сценѣ петербургскаго театра оказались нужны и полезны Гоголю названныя отцовскія пьесы. Ихъ вліяніе на поэта было и теперь еще настолько значительно и опредѣленно, что онъ нашелъ возможнымъ, болѣе того, нужнымъ не только почерпнуть изъ нихъ цѣлый рядъ цитатъ въ качествѣ эпиграфовъ къ разнымъ главамъ своей «Сорочинской ярмарки», но и удостоить ихъ даже заимствованіемъ и нѣкоторыхъ типовъ (и ихъ обрисовки), и построенія иныхъ сценъ [21]). Такъ вся VI-я глава «Сорочинскай ярмарки» [22]) написана Гоголемъ подъ очевиднымъ вліяніемъ отцовской комедіи «Простакъ» [23]),

---

[20]) Сочиненія и письма Гоголя, изд. П. А. Кулиша, 1856 г. т. V, стр. 82.

[21]) Это отмѣтила еще критика 80-хъ годовъ, и именно критика украинской литературы. См. Очерки исторіи украинской литер. XIX ст. Н. И. Петрова (стр. 83) изд 1884 г., единственный у насъ доселѣ трудъ, давшій болѣе или менѣе систематическую исторію малороссійской словесности.

[22]) Сочиненія Н. И Гоголя. Изд X-ое т. I, стр. 20.

[23]) Написана между 1822 и 1825 г. См. по этому поводу Н. И. Петрова „Очерки ист укр. лит. XIX столѣтія“.

представляя собою лишь какъ бы новую редакцію VI-го и VIII-го явленій названной пьесы. Уже эпиграфъ отмѣчаемой главы взятъ Гоголемъ изъ VII-го явленія «Простака», откуда поэтъ съ нѣкоторыми, весьма незначительными измѣненіями и сокращеніями, цитируетъ слова Параски, услыхавшей приходъ неожиданно вернувшагося мужа и заявляющей своему гостю-дьяку Хомѣ Григорьевичу: «охъ мени лихо, Романъ иде, та щей сердытый. Отъ, теперь бида! Що винъ скаже, якъ тебе застане? Вже-й такъ выбывае тобою мени очи, що ты мене на улици иноди зачипаешь, а теперь надсадыть мени бебихивъ, та-й вамъ, пане Хомо, не безъ биды буде».—«Изъ малороссійской комедіи» —отмѣчаетъ Гоголь внизу своего эпиграфа, не называя комедіи отца. Читая далѣе эту главу, мы видимъ, что поповичъ Афанасій Ивановичъ въ повѣсти Гоголя-сына соотвѣтствуетъ дьяку Хомѣ Григорьевичу въ комедіи Гоголя-отца, а Хивря или Хавронья Никифоровна, по выраженію поповича,—Прасковьѣ, иначе Параскевѣ Пантелеймоновнѣ, какъ называетъ ее дьякъ. Замѣтимъ, что эти же типы, въ нѣсколько болѣе развитомъ и иначе варьированномъ видѣ, повторяются потомъ у Гоголя и въ «Ночи передъ Рождествомъ», въ образахъ Солохи и Осипа Никифоровича [24]). Далѣе моменты неожиданнаго пере-

---

Стр. 78 см. еще также „Записки о жизни Гоголя". П. А. Кулиша 862 году Простакъ былъ напечатанъ въ „Основѣ" (книжка 2 ая) отдѣльное изданіе вышло съ предисловіемъ Ф. Пискунова въ Кіевѣ въ 1878 году

[24]) Впрочемъ прототипъ поповича Афанасія Ивановича (въ „Сорочинской ярмаркѣ") и дьячка Осипа Никифоровича (въ Ночи передъ Рождествомъ") можно видѣть—говоритъ Шенрокъ—„и въ народномъ разсказѣ „Дьякъ Титъ Гри-

рыва свиданія названныхъ героевъ и въ «Сорочинской ярмаркѣ» и въ «Простакѣ» совершенно совпадаютъ какъ по причинѣ, обусловившей этотъ перерывъ (нежданное возвращеніе мужа), такъ и по внѣшней обстановкѣ: у Гоголя-сына—замѣчаніе автора: «Тутъ послышался на дворѣ лай и стукъ въ ворота», у Гоголя-отца-ремарка: «зненацька чуты собаче гавканя». Повторяемъ: все вообще содержаніе VI-ой главы «Сорочинской ярмарки»—изображеніе «романа» между Хавроніей Никифоровной и Афанасіемъ Ивановичемъ, эпизодъ неудавшагося свиданія ихъ,—все это вполнѣ соотвѣтствуетъ тому, что мы читаемъ въ VI и VIII ст. явленіяхъ «Простака». Что касается эпиграфовъ и соотвѣтственныхъ имъ отдѣльныхъ сценъ еще нѣсколькихъ главъ той-же «Сорочинской ярмарки» (а именно: главъ II, VII, X-ой), эпиграфовъ, которые, какъ можно, думать заимствованы Гоголемъ изъ какой нибудь отцовской же комедіи, то по вопросу о названіи ихъ источника приходится ограничиться лишь предположеніемъ, правда, впрочемъ, весьма вѣроятнымъ, что источникъ этотъ—комедія Василія Афанасьевича «Собака-овца», вторая изъ тѣхъ двухъ, о высылкѣ которыхъ просилъ поэтъ свою мать. Это предположеніе является тѣмъ болѣе близкимъ къ истинѣ, что у самого Гоголя не было ни въ Петербургѣ, ни раньше никакихъ другихъ произведеній отца, кромѣ двухъ названныхъ выше комедій, да и изъ этихъ пьесъ, единственно намъ извѣстныхъ, до насъ дошелъ въ цѣломъ видѣ только «Простакъ», а «Собака-овца» извѣстна лишь въ пересказѣ, записанномъ по устной пере-

горьевичъ" В.И. Шенрокъ „Матеріалы для біографіи Гоголя", т. I. стр 290. Разсказъ этотъ см. у Драгоманова—„Малороссійскі народни преданія и разсказы" стр. 162.

дачѣ одного только сюжета пьесы [25]). Теперь для насъ эта комедія-только юмористическій разсказъ о томъ, какъ нѣкій остроумный солдатъ, встрѣтивъ недалекаго умомъ крестьянина, который велъ овцу и, польстившись на нее, убѣдилъ ея хозяина, что это не овца, а собака его офицера, и какъ крестьянинъ, испугавшись обвиненія въ кражѣ офицерской собаки, которую сталъ уже видѣть въ своей овцѣ со словъ солдата, отдалъ ее послѣднему. На подобную тему—о мнимой метаморфозѣ какого либо существа или предмета, представляющейся дѣйствительной глазамъ темнаго, суевѣрнаго и легковѣрнаго крестьянина,—существуетъ не мало народныхъ разсказовъ, откуда, вѣроятно, и почерпнулъ Гоголь-отецъ сюжетъ своей комедіи. Подобный же мотивъ въ связи съ повѣрьемъ о «красной свиткѣ» повторяетъ Гоголь-сынъ въ своей «Сорочинской ярмаркѣ», въ той сценѣ, когда у Солопія Черевика оказывается на уздѣ, вмѣсто коня, котораго онъ велъ, кусокъ краснаго рукава свитки.

б) И. П. Котляревскій.

Обратимся теперь къ тѣмъ украинскимъ литературнымъ вліяніямъ на Гоголя, проводникомъ которыхъ, рядомъ съ ихъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ на поэта, былъ опять таки его отецъ. Черезъ отца Гоголя мы можемъ установить извѣстную литературную связь нашего поэта съ тѣми изъ украинскихъ писателей, которые, вліяя на Василія Афанасіевича, отразились нѣсколько и на творчествѣ его сына, какъ бытописателя

---

[25]) Н. И. Петровъ «Очерки ист. укр. лит XIX ст.» стр. 78.

Украины. Мы разумѣемъ здѣсь Котляревскаго (1769—1838) и Гулака-Артемовскаго (1790—1865). «Вліяніе произведеній Котляревскаго на послѣдующую украинскую литературу—говоритъ Петровъ—«въ большей или меньшей мѣрѣ, непосредственно или посредственно, отразились почти на всѣхъ важнѣйшихъ представителяхъ украинской литературы до конца пятидесятыхъ годовъ» [26]).

Въ ряду отмѣчаемыхъ затѣмъ Петровымъ «важнѣйшихъ украинскихъ писателей», подпавшихъ вліянію Котляревскаго, мы и встрѣчаемъ интересующаго насъ Гулака-Артемовскаго, а за нимъ Гоголя-отца.

Эти именно писатели, отразивъ въ своемъ творчествѣ вліяніе Котляревскаго, привнесли и черты этого вліянія въ свое собственное литературное воздѣйствіе на Гоголя, какъ автора украинскихъ повѣстей. Эта литературная преемственность, имѣющая своимъ началомъ Котляревскаго и доводимая нами въ интересахъ нашего изслѣдованія до Гоголя—сына, непремѣнно должна быть отмѣчаема при изученіи нашего поэта, какъ автора украинскихъ повѣстей, такъ какъ значеніе и роль ея даже въ исторіи общерусской литературы несомнѣнны. Это значеніе и эта роль ея расширяются иными даже до того мнѣнія, что «безъ Котляревскаго, быть можетъ, не было-бы Квитки, Шевченки, не было бы Гоголя» [27]). Для ближайшей нашей цѣли, впрочемъ, особенно важно выяснить вопросъ о непосредственномъ вліяніи на Гоголя произведеній Котляревскаго и Гула-

---

[26]) Н. И. Петровъ «Очерки ист. укр. лит XIX ст» стр. 35—36.

[27]) „Новое Время“, второе изд. № 2870, отъ 20 Августа 1903 г. Стр. 5—6. Статья г. В. Г. „И П. Котляревскій“.

ка-Артемовскаго. Въ чемъ же выразилось вліяніе на Гоголя «добродушнаго» Котляревскаго, какъ характеризовалъ лаконически творца «Энеиды» еще Срезневскій [28])? Вліяніе это сказалось прежде всего въ оттенкѣ добродушія, незлобиваго юмора, но не того, который присущъ былъ и самому Гоголю наравнѣ съ Котляревскимъ, какъ украинцу, а добродушія въ духѣ «Энеиды», добродушія, тонъ и форма котораго создаютъ уже пародію, что мы и наблюдаемъ въ нѣкоторыхъ изъ украинскихъ повѣстей поэта, какъ въ общемъ впечатлѣніи иныхъ юмористическихъ сценъ, такъ и въ отдѣльныхъ эпизодахъ и въ характеристикахъ быта и типовъ украинскихъ. Особенно рѣзко въ этомъ отношеніи бросается въ глаза, напримѣръ, эпизодъ «кулачнаго боя» между отцомъ и сыномъ въ «Тарасѣ Бульбѣ», эпизодъ, представляющій, строго говоря, прямо таки пародію на дѣйствительные нравы Украины вообще и украинскаго семейнаго быта въ частности (именно на взаимоотношенія между родителями и дѣтьми) и на реальный типъ пожилого и «знатнаго казака», съ достоинствомъ державшаго себя «полковника», какимъ является Тарасъ Бульба. Отмѣтимъ затѣмъ еще фигуру Солопія Черевика въ «Сорочинской ярмаркѣ», совершенно почти лишенную самыхъ характерныхъ и неотъемлемыхъ чертъ типа зажиточнаго селянина—хозяина и любящаго отца, и остановимся, наконецъ, на типѣ парубка—хвата въ роли жениха-Голопупенка (въ той же «Сорочинской ярмаркѣ»). Вотъ какъ представляетъ намъ Гоголь названнаго парубка: III-ей главѣ своей повѣсти, гдѣ Голопупенко появляется впервые, поэтъ предпосылаетъ въ видѣ эпиграфа слѣдующія строки изъ «Энеиды» Котляревскаго:

---

[28]) А. Н. Пыпинъ „Исторія русской этнографіи“ т. 3.

Чи бачишь винъ якій парнище?
На свити трохы есть такихъ:
Сивуху такъ, мовъ брагу хлыще»[29])!

И соотвѣтственно этой рекомендаціи, которую даетъ Бахусъ Ентеллу передъ Венерой и Зевесомъ у Котляревскаго, въ такомъ же духѣ и къ тому же устами поклонника Бахуса, Солопія Черевика характеризуетъ Гоголь дальше въ отмѣченной главѣ своего Голопупенка «Эхъ хватъ»! пишетъ Гоголь: «за это люблю»! говорилъ Черевикъ, немного подумавши и видя, какъ нареченный зять его налилъ кружку, величиною съ полкварты, и, нимало не поморщившись, выпилъ до дна, хвативъ потомъ ее вдребезги. «Что скажешь, Параска? Какого я жениха тебѣ досталъ! Смотри, смотри: какъ онъ молодецки тянетъ пѣнную» [30])! И вотъ, не только несмотря на отмѣчаемыя въ Голопупенкѣ самимъ Черевикомъ достоинства истаго пьяницы или по крайней мѣрѣ достоинства, предвѣщающія въ этомъ парубкѣ будущаго заправскаго пьяницу, не только, говоримъ, несмотря на эти достоинства, но даже именно благодаря имъ зажиточный селянинъ—хозяинъ и отецъ дѣвушки «на выдачѣ», восхищенный такимъ парубкомъ—хватомъ, видитъ въ немъ желаннаго и подходящаго жениха и потомъ мужа для любимой своей дочери. Очевидно, что строго говоря, и Солопій Черевикъ и Голопупенко приближаются скорѣе къ пародіи на реальные типы украинцевъ того положенія, въ какомъ оба эти героя

---

[29]) И. П. Котляревскій. Собраніе сочиненій подъ редакціей и съ предисловіемъ С. П. Катранова. Кіевъ. 1874 года «Энеида», ч. II, стр. 38. Здѣсь вмѣсто слова «бачишь» (гоголевскаго эпиграфа) читаемъ: «знаешь» и вмѣсто «мовъ» — «якъ».

[30]) Сочиненія Н. В. Гоголя. Изд. X, т. I.

изображаются въ повѣсти Гоголя, чѣмъ къ самымъ этимъ реальнымъ типамъ. Точно также и весь эпизодъ знакомства Черевика съ Голопупенкомъ и затѣмъ «скоропалительное» сватовство парубка къ дочери Черевика и быстрое, необдуманное рѣшеніе послѣднимъ этого важнаго вопроса,—все это, конечно, мало похоже на обычный порядокъ вещей въ украинскомъ быту въ подобныхъ случаяхъ. Замѣтимъ еще, что даже въ такой мелочи, какъ прозвище—Голопупенко сказалось какъбы тяготѣніе поэта къ пародіи (особенно рѣзко отличающее, впрочемъ, одну только «Сорочинскую ярмарку»).

Прозвище, вродѣ даннаго, имѣетъ свой raison d'etre, если удачно характеризуетъ собою ту или иную особенность извѣстнаго типа или предмета [31]), здѣсь же прозвище Голопупенко оправдывается съ трудомъ, такъ какъ могло быть дано фигурѣ комической, но менѣе всего пристало оно молодцеватому парубку—жениху [32]). Тонъ пародіи (мѣстами) и эти пародированные типы «Сорочинской ярмарки» (и отчасти Тараса Бульбы [33]) и вызвали нѣкогда извѣстные упреки Кулиша, по справедливому мнѣнію котораго то, что пристало бы легкой пародіи, совершенно не къ лицу серьезной бытовой повѣсти, притомъ такого великаго художника, какимъ былъ Гоголь. Отмѣченные нами—эпиграфъ къ

[31]) Напримѣръ, Держиморда (Ревизоръ) и т. п.

[32]) Конечно, надо помнить, что «на Руси», говоря словами самого Гоголя, «есть такія имена, что только плюнешь, да перекрестишься» (См. «Женитьба»), однако въ данномъ случаѣ слишкомъ бросается въ глаза именно придуманность прозвища.

[33]) Гдѣ напр., Кулишъ справедливо видитъ пародію въ начальной сценѣ кулачнаго боя между отцомъ и сыномъ.

III-ей главѣ «Сорочинской ярмарки» и соотвѣтственная ему характеристика Голопупенка, обнаруживающіе вліяніе на Гоголя именно «Энеиды» Котляревскаго,— не единственныя точки извѣстнаго сближенія нашего поэта съ этимъ его украинскимъ предшественникомъ по изображенію быта и нравовъ Малороссіи. Здѣсь же, въ «Сорочинской ярмаркѣ», мы встрѣчаемъ и еще нѣсколько строкъ изъ «Энеиды» въ качествѣ опять-таки эпиграфовъ къ главамъ IV-ей (изъ III-ей части «Энеиды», стр. 81—черты семейнаго быта—см. примѣчаніе 29-е) и VIII-ой изъ I части «Энеиды», (стр. 19-ая—характеристика испуга). Кромѣ того, нѣкоторые слѣды этого вліянія замѣтны еще и въ повѣсти «Майская ночь или утопленница» [34]). Итакъ, вліяніе Котляревскаго на нашего поэта, если и не было, разумѣется, значительно и глубоко, то во всякомъ случаѣ отразилось на немъ настолько опредѣленно, что мы имѣли полную возможность уяснить себѣ характеръ и значеніе этого вліянія и воочію наблюдать и наглядное отраженіе его, правда, преимущественно въ одной только «Сорочинской ярмаркѣ».

в) П. П Гулакъ-Артемовскій.

Что касается вопроса о вліяніи на Гоголя Гулака-Артемовскаго, то надо признать прежде всего, что оно по своему характеру отличается отъ вліянія Котляревскаго: у Артемовскаго уже нѣтъ тона пародіи—каррикатуры; соотвѣтственно этому на его голосъ въ Гоголѣ откликается не случайное желаніе дать каррикатуру, а всегда существовавшая у него способность

[34]) В. И. Шенрокъ «Матер. для біографіи Гоголя» т. I стр. 265.

изобразить комическое положеніе или такой же типъ съ добродушнымъ юморомъ и незлобивой ироніей, не искажая каррикатурой ни этого положенія, ни этого типа, а просто въ самомъ положеніи или самомъ типѣ обнаруживая комизмъ. «Даже смѣшное у него» говоритъ Кулишъ объ Артемовскомъ, «является уже не въ каррикатурѣ дѣйствительности, а самомъ положеніи вещей» [35]). Въ такомъ именно духѣ изображаетъ и Гоголь въ XII-ой главѣ «Сорочинской ярмарки» трагикомическое положеніе своихъ героевъ, Черевика и Цыбули, связанныхъ и посаженныхъ вмѣстѣ, по уговору Голопупенка съ цыганомъ, какъ бы подъ арестъ, по подозрѣнію въ кражѣ на ярмаркѣ. Отмѣченной главѣ (которая только собственно и позволяетъ намъ наблюдать нѣкоторое вліяніе Артемовскаго на Гоголя) Гоголь предпосылаетъ, какъ эпиграфъ, слѣдующія строки изъ басни Артемовскаго: «Панъ та Собака» [36]).

«Чымъ, люде добри, такъ оце я провинился?
За що глузуете»? сказавъ нашъ неборакъ:
«За що згнущаетесь вы надо мною такъ?
За що, за що?—сказавъ та й попустывъ патіоки,
Патіоки гиркихъ слизъ, узявшися за боки».

А дальше, въ сценѣ разговора связанныхъ кумовьевъ, сѣтующихъ на постигшую ихъ нежданную бѣду, читаемъ:

(Черевикъ): «За что же это, кумъ, на насъ напасть такая.

Видно, намъ, кумъ, на роду уже написано не имѣть счастья» .! [37]).

---

[36]) «Сорочинская ярмарка» гл. XII.

[37]) Сочиненія Н. В. Гоголя, изданіе X-е, т. I, ст. 1-я.

(Цыбуля). «Горе намъ, сиротамъ бѣднымъ! «Тутъ оба кума принялись всклипывать навзрыдъ», заканчиваетъ Гоголь этотъ діалогъ совершенно такъ, какъ мы то видѣли въ приведенныхъ (въ эпиграфѣ) строкахъ изъ басни Артемовскаго. Изображеніе Артемовскихъ жалобъ обиженнаго на свою судьбу и горькихъ слезъ его имѣетъ какъ-бы свою копію въ этой гоголевской сценѣ сѣтованій Черевика и Цыбули на постигшую ихъ напасть.

Приведенныя выше строки изъ басни Артемовскаго и затѣмъ сказанное нами о нихъ исчерпываютъ все то немногое, что въ извѣстномъ смыслѣ сближаетъ имена великаго художника Гоголя и скромнаго, но, по выраженію Срезневскаго «богатаго фантазіей» Гулака-Артемовскаго.

Такимъ образомъ, какъ мы показали, совершенно очевидно устанавливается фактъ большаго или меньшаго вліянія на Гоголя, какъ автора украинскихъ повѣстей, со стороны украинской литературы въ лицѣ трехъ представителей ея, которыми только, къ сожалѣнію, и приходится ограничиться. Отсюда нельзя еще, конечно, утверждать категорически, что на Гоголя не вліялъ больше никто другой изъ украинскихъ писателей; но съ другой стороны также невозможно и сказать ничего хоть сколько нибудь опредѣленнаго на единственномъ для насъ основаніи,—на основаніи разбора и изученія только самихъ украинскихъ повѣстей поэта—о вліяніи на него ещё кого-л бо изъ его литературныхъ предшественниковъ—украинцевъ. Проф. Н. Котляревскій, трудъ котораго о Гоголѣ мы не разъ цитировали выше, справедливо полагаетъ, что даже и вообще «установить точно степень вліянія на Гоголя

малороссійской литературы очень трудно» [38]. Если, какъ мы показали выше, установить достовѣрность этого вліянія и самую степень его, конечно, всё таки возможно, хотя бы и въ общихъ чертахъ, со стороны по крайней мѣрѣ хоть трехъ отмѣченныхъ нами украинскихъ писателей, то больше въ этомъ направленіи, повторяемъ, ничего опредѣленнаго сказать нельзя. И это тѣмъ болѣе такъ, что и сама украинская литература никогда у насъ не изучалась серьезно, а изъ всѣхъ украинскихъ литературныхъ предшественниковъ Гоголя долгое время едва-ли не одинъ только Котляревскій и былъ извѣстенъ, а главное, болѣе или менѣе доступенъ русскому обществу, являя собою, такимъ образомъ, исключеніе, счастливое для представителей родной ему (и даже имъ первосозданной) литературы.

В. Т. Нарѣжный

Переходя теперь къ вопросу о вліяніи на Гоголя, какъ бытописателя Украины, со стороны предшествовавшей ему великорусской литературы,--поскольку лишь, однако, послѣдняя изображала бытъ или исторію той же Украины,—отмѣтимъ прежде всего, что и здѣсь намъ придется, да и возможно только, говорить въ сущности о вліяніи опять таки украинскомъ, такъ какъ единственнымъ предшественникомъ поэта, несомнѣнно

---

[38]) Міръ Божій, 1902, № 1, ст. 3 (примѣръ) Замѣтимъ, что изъ малорусскихъ писателей труды, напримѣръ П. П. Белецкаго—Носенка «могутъ служить къ уясненію этнографическаго элемента» въ украинскихъ повѣстяхъ Гоголя. См. Н. Петровъ «Очерки исторіи укр. лит. XIX столѣтія». Кіевъ 1884 г. ст. 52.

на него повліявшимъ, и здѣсь, въ великорусской литературѣ, былъ украинецъ Нарѣжный.

Василій Трофимовичъ Нарѣжный (1780–1825 [39]) «родоначальникъ русскихъ романистовъ», какъ называлъ его Бѣлинскій [40]), во многихъ своихъ произведеніяхъ изображалъ бытъ и нравы самыхъ различныхъ классовъ и сословій украинскаго населенія Россіи, а также и нѣкоторые эпизоды и даже цѣлыя эпохи изъ исторіи Украины. Что же представлялъ собою Нарѣжный, какъ бытописатель Украины и въ чемъ именно сказалось вліяніе его произведеній на Гоголя? «Въ XVIII-омъ и первой половинѣ XIX-го столѣтія»—говоритъ Пыпинъ, т. е., какъ видимъ, именно въ періодъ жизни и писательской дѣятельности Нарѣжнаго, «на мѣстѣ, въ Малороссіи, еще очень долго держалось преданіе бытовое, нравы и обычаи средняго и мелкаго дворянства, среднихъ и мелкихъ горожанъ и, всего болѣе, народной массы» [41]). Такимъ образомъ Нарѣжный конечно, имѣлъ возможность вынести самое непосредственное и живое впечатлѣніе отъ окружавшихъ его остатковъ и воспоминаній прошлаго Украины, еще продолжавшаго жить и въ ея настоящемъ, современномъ писателю быту. «Въ концѣ XVIII-го и даже началѣ XIX столѣтія»—повторяетъ далѣе Пыпинъ выше приведенное указаніе своё—«старый спеціально малорусскій бытъ былъ еще цѣлъ, и начинатели новой литературы были еще окружены живыми остатками оригинальной

---

[39]) Н. Бѣлозерская— «Василій Трофимовичъ Нарѣжный» Спр 1896 г. изд. 2-ое.

[40]) В. Г. Бѣлинскій. Сочиненія т. VI, стр. 68 и 69.

[41]) А. Н. Пыпинъ «Исторія русской этнографіи» т. 3 стр 1.

родной старины» [42]). Такимъ именно «начинателемъ новой литературы» и былъ Нарѣжный въ качествѣ «родоначальника русскихъ романистовъ» и такими именно условіями сопровождалась его писательская дѣятельность. Выросъ Нарѣжный въ обстановкѣ и условіяхъ жизни малороссійскихъ такъ называемыхъ «полупанковъ» (палугосподъ, полупомѣщиковъ) изъ бывшихъ польскихъ шляхтичей, и прежде всего эта среда прекрасно была ему знакома съ дѣтства: ее онъ и изобразилъ потомъ въ нѣкоторыхъ своихъ произведеніяхъ съ очевиднымъ глубокимъ знаніемъ. Въ такомъ же совершенствѣ зналъ и также мастерски [43]) изображалъ Нарѣжный и бытъ и нравы прошлаго Украины, отдѣльныя фигуры и эпизоды и даже цѣлыя эпохи ея исторіи. И тутъ опять таки самое время, мѣсто («сердце Малороссіи» —Полтавская губернія) и условія жизни, наконецъ самая національность его, какъ малоросса (хотя отецъ его былъ изъ польскихъ шляхтичей)—все это вполнѣ благопріятствовало писателю и дало ему, по словамъ г-жи Бѣлозерской, «наглядное и непосредственное знакомство съ Малороссіей гетманскихъ временъ», такъ какъ въ концѣ XVIII вѣка Украина имѣла еще колоритъ гетманской эпохи, и «Нарѣжному не приходилось, какъ впослѣдствіи Гоголю, собирать свѣдѣнія о старыхъ обычаяхъ или выписывать образцы народныхъ одеждъ. Онъ видѣлъ и зналъ ихъ съ дѣтства. Еще живы были представители Запорожской сѣчи, уничтоженной въ 1775 году, а также внуки и правнуки участниковъ войнъ Хмельницкаго. Разсказы о

[42]) А. Н. Пыпинъ «Ист русск. этнограф». т. 3, стр. 7 Спб. 1891 г.

[43]) Н. Бѣлозерская „В Т. Нарѣжный“ ч. II, и стр. 120-ая.

казацкихъ подвигахъ и послѣднихъ гетманахъ, слышанные въ дѣтствѣ, должны были глубоко врѣзаться въ память Нарѣжнаго. Онъ самъ видѣлъ мѣста повѣствуемыхъ событій и въ его воображеніи создались готовыя картины; ему оставалось только группировать ихъ» [44]). Всѣ вышеприведенныя указанія на характеръ и условія времени жизни и писательской дѣятельности Нарѣжнаго и затѣмъ послѣднія строки, приведенныя нами изъ изслѣдованія г-жи Бѣлозерской, вполнѣ достаточно говорятъ о томъ, насколько дѣйствительнымъ знатокомъ Украины могъ быть и былъ этотъ забытый [45]) писатель-неудачникъ. Г-жа Бѣлозерская въ упомянутомъ цѣнномъ изслѣдованіи своемъ о Нарѣжномъ прямо утверждаетъ, что онъ обладалъ «основательнымъ знакомствомъ съ историческою и бытовою Малороссію, о которомъ свидѣтельствуютъ его произведенія» [46]). Но кромѣ этого,—кромѣ знанія быта собственно Украины, ея кореннаго главнаго населенія—малороссіянъ всѣхъ сословій (между прочимъ, напримѣръ, быта бурсаковъ»), Нарѣжный обладалъ еще и исключительнымъ знаніемъ быта такихъ отдѣльныхъ, небольшихъ но въ высшей степени характерныхъ этническихъ группъ въ массѣ украинскаго населенія, каковыми являются цыгане и евреи. «Изъ вводныхъ эпизодовъ Бурсака» (романа Нарѣжнаго), отмѣчаетъ г-жа Бѣлозерская, «заслуживаетъ вниманія краткій очеркъ быта, такъ называемыхъ «плащеватыхъ» [47]) цыганъ,

---

[44]) Н. Бѣлозерская. „Вас. Троф. Нарѣжный". ч. II, стр. 4—5.

[45]) См. примѣчаніе 40-ое.

[46]) См. примѣч 44-е.

[47]) „Плащеватые" цыгане—поколѣніе нищихъ, полуна-

очевидно, хорошо знакомыхъ автору по воспоминаніямъ дѣтства» [48]). (Ср. типичную фигуру цыгана Гоголя въ «Сорочинской ярмаркѣ»). Изображеніе евреевъ мы встрѣчаемъ въ томъ же «Бурсакѣ», гдѣ они представлены въ роли и положеніи гоголевскаго Янкеля и его собратій въ «Тарасѣ Бульбѣ». Упомянемъ еще разсказъ «Мстящіе евреи», который даже исключительно посвященъ изображенію ихъ быта и нравовъ. Отмѣчая «невѣроятность» и самаго содержанія этого разсказа и изображенія въ немъ евреевъ, г-жа Бѣлозерская тѣмъ не мѣнѣе, оставляя въ сторонѣ данный разсказъ, не можетъ не признать, что Нарѣжный «имѣлъ возможность узнать съ дѣтства бытъ и характеръ евреевъ въ Малороссіи [49]). Такимъ образомъ, Нарѣжный помимо того общаго значенія и интереса, какіе представляетъ онъ въ качествѣ «родоначальника русскихъ романистовъ» и тѣмъ самымъ въ качествѣ прямого предшественника Гоголя въ данномъ отношеніи, помимо этого, интересенъ и имѣетъ особое значеніе для насъ именно какъ предшественникъ Гоголя-автора украинскихъ повѣстей, какъ бытописатель и отчасти художественный историкъ Украины, творчество котораго отразилось въ большей или меньшей мѣрѣ на нашемъ поэтѣ. Обратимся же теперь къ самымъ произведеніямъ Нарѣжнаго и постараемся показать, какія именно изъ нихъ и какое вліяніе оказали на Гоголя, какъ бытописателя Украины.

гихъ и вѣчно бродячихъ цыганъ". См. В. Даль „Толковый словарь живого великор. языка". Москва, 1865 г ч. III, стр. 111-ая. Слово „плащеватые", по предположенію или отъ „плащъ" или отъ „плащица", иначе „плоскуша" (вошь). См. тамъ же, стр. 118.

[48]) Н. Бѣлозерская „В. Т. Нарѣжный". ч. II, стр. 129.

[49]) Тамъ же, стр. 24.

Очень многое изъ того, что написано Нарѣжнымъ, какъ мы замѣтили уже выше, такъ или иначе относится къ изображенію Малороссіи въ ея прошломъ или въ ея современномъ автору бытіи. Непосредственное отношеніе къ интересующему насъ вопросу изъ произведеній Нарѣжнаго имѣютъ слѣдующія: историко-бытовой романъ «Бурсакъ» (1824 г.) и нравоописательный романъ «Два Иванъ или страсть къ тяжбамъ» (1825 г.) въ особенности,—и затѣмъ въ меньшей степени, лишь по общему своему характеру,—историческая повѣсть—«Запорожецъ» и, пожалуй еще—бытовая повѣсть «Богатый Бѣднякъ» и нравописательный романъ изъ народнаго быта—«Гаркуша—малороссійскій рузбойникъ», романъ неоконченный и извѣстный намъ только по первой своей части [50]). Своимъ «Бурсакомъ» Нарѣжный оказалъ на Гоголя вліяніе несомнѣнное. «Бурсакъ», какъ замѣчено выше, романъ историко-бытовой. Оставляя пока въ сторонѣ историческую часть этого произведенія, обратимся къ его бытовому элементу и притомъ именно къ изображенію быта «бурсы», описаніе которой далъ послѣ Нарѣжнаго Гоголь въ своемъ «Віѣ», повторивъ его затѣмъ отчасти и въ «Тарасѣ Бульбѣ». «Бурса» и бытъ ея питомцевъ—«бурсаковъ»—изображены Гоголемъ подъ очевиднымъ и самымъ непосредственнымъ вліяніемъ описаній ихъ у Нарѣжнаго. Это наблюдается, начиная чуть ли не съ однихъ и тѣхъ же выраженій, въ ка-

[50] Н. Бѣлозерская „В. Т. Нарѣжный" ч. II, стр. 158—160. Замѣтимъ, что мы не приводимъ здѣсь названій тѣхъ произведеній Нарѣжнаго, которыя имѣютъ отношеніе только къ Гоголю—бытописателю общерусской жизни. О нихъ рѣчь впереди.

кихъ представляютъ, напримѣръ, самое зданіе «бурсы» Нарѣжный, а за нимъ Гоголь, и кончая мельчайшими подробностями образа жизни и нравовъ «бурсаковъ» въ разное время, въ различныхъ мѣстахъ и условіяхъ, въ различной обстановкѣ. У Нарѣжнаго зданія «бурсы» описываются какъ «просторныя хаты, называвшіяся бурсами» и т. д. [51]). У Гоголя въ «Віѣ» читаемъ: «Большая, разъѣхавшаяся хата, въ которой помѣщалась бурса [52]) и т. д. Далѣе, Гоголь отмѣчаетъ и подробно описываетъ какъ разъ тѣ же типическія особенности нравовъ «бурсаковъ въ школьной обстновкѣ и именно тѣ же характерные моменты въ ихъ бродяженической жизни во время каникулъ, какіе изобразилъ въ своемъ «Бурсакѣ» Нарѣжный, давшій здѣсь, по словамъ г-жи Бѣлозерской, «превосходное описаніе старой малороссійской бурсы» [53]). Съ тѣми же типичными чертами бурсаковъ, что и въ изображеніи Нарѣжнаго, предстаютъ передъ нами и Остапъ съ Андріемъ въ «Тарасѣ Бульбѣ», гдѣ повторяется Гоголемъ характеристика нравовъ «бурсы» по описаніямъ Нарѣжнаго же. «Бурсакъ» въ его исторической части и въ части историко-

---

[51]) См. Н. Бѣлозерская. „В. Т. Нарѣжный“ ч. II, стр. 6 и Нарѣжнаго — „Бурсакъ“. Малороссійская повѣсть. 4 части Москва. 1824.

[52]) Соч. Н. В. Гоголя X-е изд т. I стр. 137. Въ примѣчаніи Тихонравова (тамъ же, стр. 694) читаемъ 1) „Большая хата“. 2) Большая огромная хата“.

[53]) Описаніе, которое, какъ говоритъ г-жа Бѣлозерская, „такъ живо и наглядно, что заставляетъ признать въ самомъ Нарѣжномъ бывшаго бурсака“; это г-жа Бѣлозерсаая подтверждаетъ и другими соображеніями. См. Н. Бѣлоз. „Вас. Т. Нарѣжный“ 7. II, стр. 5, 6, и 121.

бытовой вспоминается и вообще при чтеніи «Тараса Бульбы», именно въ изображеніи борьбы казаковъ съ поляками, въ описаніяхъ Запорожской Сѣчи и казацкой «рады», при встрѣчѣ въ этой повѣсти съ эпизодическими фигурами евреевъ, словомъ—во многомъ, что уже было предметомъ описанія для Нарѣжнаго въ названномъ романѣ его.

Б. Катрановъ.

Продолженіе будетъ.

Уроки объяснительнаго чтенія.

(VII классъ).

Поэзія А. В. Кольцова

(1808—1842 г.г.).

Отъ чего зависитъ благосостояніе крестьянина?

1. Отъ урожая (см. „Урожай“, „Крестьян. пирушка“).

2. Отъ здоровья, отъ физической силы, отъ желанья и умѣнья трудиться (см. „Какъ здоровъ“... 99, „Косарь“, „Что ты спишь“, „Размышл. посел.“.

3. Отъ того, есть ли у крестьянина земля, лошадь, соха и т. д. („Доля бѣдняка“, „Сяду я за столъ“).

4. Отъ семейной жизни („Сяду я за столъ“..., „Разм. посел.“)

Чѣмъ же крестьянинъ завоевываетъ себѣ счастье?

(—Силой и упорнымъ трудомъ. „Косарь“, „Разступитесь лѣса...“)

Легко ли достичь этого счастья? Обыченъ ли этотъ трудъ? Всѣ ли трудятся?

(—по Кольцову, такой трудъ рѣдокъ).

Какъ представляетъ Кольцовъ трудъ крестьянина? Съ чѣмъ связанъ всегда этотъ трудъ? Какъ смотритъ Кольцовъ на рожденіе хлѣба?

(Трудъ—святой подвигъ, связанный съ вѣрой въ Бога и съ надеждой, что пошлетъ „Господь за труды людямъ“ должное: „Урожай“, 44 „Разм поселянина“.

Хлѣбъ рождаетъ Богъ: „Пѣсня пахаря“. 36.

Примѣч. Ссылки сдѣланы на стихотворенія Кольцова въ изд. Солдатенкова, Москва, 1889 г.

Такимъ образомъ, у Кольцова мы находимъ поэтизацію, апоѳеозъ тяжелаго крестьянскаго труда, поэзію этого труда, гимнъ хлѣбу.

Какъ *слѣдствіе* отсюда: важная сторона поэзіи Кольцова въ томъ, что онъ признаетъ несостоятельность идеала одного матеріальнаго благосостоянія, идеала эгоистическаго, неподвижнаго *).

Каково значеніе труда крестьянина? (1. Трудъ даетъ благосостояніе, 2. даетъ уваженіе людей, 3. даетъ нравственное удовлетвореніе).

Въ какихъ стихотвор. у Кольцова выведенъ крестьянинъ-труженикъ?

Въ какихъ стих. выведены неудачники? (См. „Свѣтитъ солнышко“, „Втор. пѣсня Лихача“).

Каковы эти неудачники? Почему эти люди стали такими?

(Они угнетены неудачливой, безотрадной жизнью). Отъ чего происходятъ, зависятъ эти ихъ житейскія неудачи?

(1. Отъ безпомощности темнаго мужика передъ случайностями: 59. „Втор. пѣсня Лих.“.

2. Чаще, согласно представленію народа, отъ судьбы.

„Не родись богатымъ,
А родись кудрявымъ“...
56 „Перв. п. Лих.“)

Какъ же Кольцовъ представляетъ себѣ это „горе“, эту злую судьбу?

---

*) Сравни: „Пѣсни о хлѣбѣ“. Апол. Коринфскаго, Москва. 1909 г. ц. 75 к. Здѣсь авторъ хотѣлъ представить апоѳеозъ крестьянскаго земледѣльческаго труда, имѣвшаго и имѣющаго всеохватывающее значеніе въ экономич. жизни русск. народа. Стихи Коринфскаго отличаются крайне искусственной поддѣлкой подъ складъ эпической народной рѣчи

(—„Зла бѣда не буря:
Горами качаетъ,
Ходитъ невидимкой,
Губитъ безъ разбора,
Отъ ея напасти
Не уйти“...
Вт. пѣсня Лих.

Такое же представленіе „горя“, злой судьбы и въ народной поэзіи. См. повѣсть XVI—XVII вѣка: „Горе-злосчастье“ и нар. пѣсню: „А и горе, горе гореваньице“... Этотъ образъ судьбы-доли въ пѣсняхъ и сказкахъ имѣетъ рядъ синонимовъ-прозваній: таланъ, участь, горе, безсчастье, нужда, кручина, доля, злыдни, осудъ, удѣлъ, судьбина, а въ „Словѣ о полку Игоревѣ“: „Обида“. Важно отмѣтить, что молодецъ, къ которому привязалась эта доля, не падаетъ духомъ, даже смѣется надъ ней *).

Безропотное перенесеніе несчастій —мотивъ нашихъ лучшихъ поэтовъ. У Кольцова:

„Нѣту силъ, усталъ я
Съ этимъ горемъ биться,
А на свѣтъ посмотришь—
Жалко съ нимъ проститься“..

См. у Пушкина: „Сулитъ мнѣ трудъ и горе...“ или: „Если жизнь тебя обманетъ...“ У Никитина: „Пѣсня бобыля“).

Какое же, по Кольцову, средство борьбы съ этой горькой долей?

(Терпѣніе: „Не родись богатымъ“... 58. Вт. пѣсня Лих.).

Въ какихъ пѣсняхъ у Кольцова изображенъ лѣнивый работникъ?

*) См. у Тургенева Власа въ разск. „Малиновая вода“.

Любовь въ поэзіи Кольцова.

Когда просыпается въ молодцѣ эта любовь?

(Весной. См. „Пора любви“, 60). Съ думой о чемъ соединяется эта любовь?

(Съ думой о бракѣ, объ устройствѣ своего гнѣзда:

„Я поѣду къ отцу...
И согласье возьму
Обвѣнчаться съ тобой“...

Посл. поцѣлуй. 63.

См. „Ты прости-прощай“, „Крест. пирушка“, „Пѣсня разбойника“).

Только ли однѣ ласки сулитъ молодецъ своей возлюбленной?

(См. „Женитьба Павла“. 152).

Какъ дѣйствуетъ на человѣка эта любовь? Какое значеніе ея для жизни?

—1) Она бодритъ, подымаетъ человѣка, даетъ ему вѣру въ себя и въ свои силы:

„Не любивши тебя,
Въ селахъ слылъ молодцомъ,
А съ тобою, мой другъ,
Города ни по чемъ!“

Пѣсня: Нынче ночью... 103.

См. „Въ полѣ вѣтеръ вѣетъ“ ..

2) Она помогаетъ переносить горе и краситъ одиночество. „Дуютъ вѣтры“. . 87.

3) Она первое условіе здоровой, молодой жизни; безъ нея нѣтъ юности. См. „Совѣтъ старца“, 32. „Въ непогоду вѣтеръ“, 78 „Ты не пой, соловей“, 37. „Пѣсня старика“, 34.

Каковъ характеръ любви, изображаемой Кольцовымъ? Какова эта любовь?

(Эта любовь—здоровая, полная жизни, увлеченія, страсти, горячаго пыла молодости: „Послѣдн. поцѣлуй", 63. „Такъ и рвется душа"... 83. Любовь эта 1) лишена сентиментальности, она соединена съ мыслью о бракѣ, она бодритъ человѣка; 2) условіе здоровой жизни, основа семейнаго счастья; 3) нравственный смыслъ ея выраженъ въ словахъ:

„Не любивши тебя..." См. „Нынче ночью"... 103). См. „Говорилъ мнѣ другъ, прощаючись". 79).

Что, по мнѣнію Кольцова, является основами семейнаго счастья?

(Матер. довольство и взаимная любовь).

Наблюдалъ ли Кольцовъ это счастье въ жизни крестьянъ?

(—Почти нѣтъ. Это—въ мечтахъ, въ идеалѣ).

Что же Кольцовъ наблюдалъ въ жизни?

(1. Слюбившаяся пара бѣдна, и молодецъ не хочетъ свою суженую обрекать на нужду и горе.

2. Богатый не отдаетъ дочь за бѣдняка. „Косарь".

3. Бракъ обычно совершается по выбору, волѣ родителей, видящихъ въ бракѣ коммерческ. сдѣлку: „Безъ ума, безъ разума", „Ахъ, зачѣмъ меня силой выдали"...).

Каково же положеніе замужней женщины, этой жертвы расчета родителей?

(То же и въ народныхъ пѣсняхъ).

Типы крестьянъ у Кольцова.

1. Крѣпышъ-практикъ, стремящійся къ незатѣйливому идеалу: сытое, матеріальное благосостояніе и согласная семья.

2. Удалецъ, растрачивающій избытокъ силъ въ широкомъ разгулѣ, житьѣ на авось, даже въ разбоѣ. („Уда-

лецъ", „Дума сокола", „Пѣсня разбойника", „Какъ здоровъ"...

3. Счастливецъ, баловень судьбы („Перв. пѣсня Лих.").

Что же рождаетъ въ немъ увѣренность, что ему счастье на роду написано?

4. Неудачникъ, склонившій голову передъ несчастьями („Втор. п. Лих.").

5. Горемыка, скиталецъ по чужимъ угламъ. („Разд. селян.", „Доля бѣдняка", „Деревенск. бѣда").

Какова эта жизнь у чужихъ людей? (См. „Тоска по волѣ").

Порывъ къ свободѣ и борьбѣ, разладъ съ роковыми условіями жизни въ поэзіи Кольцова.

См. стих.: Горькая доля, Путь, Перепутье, Тоска по волѣ, Много есть у меня... Расчетъ съ жизнью.

Что изображаютъ эти стихотворенія?

1. Человѣка, скитающагося „по міру безъ любви, безъ счастья", котораго вѣтеръ шатаетъ, какъ былинку. См. Горьк. доля, 55. „Въ непогоду вѣтеръ"... 78.

2. Одиночество среди людей.

3. Человѣка, котораго невзлюбила злая судьба *).

Какое желаніе вырывается у поэта?

—„Гой, ты, сила пододонная!
Дай мнѣ волю, волю прежнюю!
См.—„Тоска по волѣ".

Что изображается въ пѣсняхъ „Много есть у меня"... и „Перепутье"?

Почему же поэтъ груститъ?

*) Три этихъ мотива мы находимъ и въ поэзіи Т. Шевченко.

(—Душу тревожатъ неразрѣшимые вопросы, жажда разумной дѣятельности, и душѣ его тяжело).

Какіе же это вопросы? Какъ поэтъ пытается ихъ разрѣшить? См. стих.: На новый 1842 г., Путь, Божій міръ, Молитва, Великое слово, Двѣ жизни, Неразг. истина, Велик. тайна, Вопросъ, Спаситель, Передъ образомъ Спасителя.

Какой путь лежитъ передъ поэтомъ? („Путь").

Куда онъ долженъ его вывести?

Чего же нѣтъ у поэта?

(у него, надломленнаго жизнью, нѣтъ силъ порвать съ прошлымъ, съ постылымъ домомъ, городомъ, взять себя въ руки и пойти туда, куда влечетъ его.

Къ какому выводу приходитъ поэтъ?

—1) „Въ душѣ страсти огонь...." См. „Расчетъ съ жизнью", 90.

2) Причина неудачи—судьба (тамъ же).

3) Въ душѣ является отчаяніе (тамъ же).

Каково, съ другой стороны, отношеніе Кольцова къ жизни?

1) Ему съ жизнью „жалко проститься", ибо онъ ее любитъ. „Человѣкъ", 110.

2) Онъ вѣритъ въ Бога (Молитва, 115).

3) Надѣется на лучшее (см. „Неразг. истина", 109), залогомъ чего является „святая мысль и чувство" и „разумъ" („Двѣ жизни" 116) *).

4) Но Кольцовъ чувствуетъ въ себѣ разладъ, раздвоеніе.

„Съ колыбели
До могилы

---

*) То же у Лермонтова: См. стих.: „Когда бъ въ покорности незнанья", 1831 г.

Духъ съ землею
Ведутъ брани" (Вопросъ. 116—117) *).

См. „Пѣсня": „Въ непогоду вѣтеръ"... 78.

5) Онъ чуетъ близкій конецъ и то, что онъ умретъ, не совершивъ завѣтнаго желанья: „На новый 1842 г." **).

Какъ надо понимать эти думы Кольцова? Только ли автобіографически?

(Это голосъ народа, даровитаго, умнаго, задушевнаго, не обдѣленнаго способностями, но лишеннаго возможности развитія, образованія, пользованія благами просвѣщенія; напр., плодами производительнаго труда, общественной жизнью, сознаніемъ своей личности. Причина горя, о которомъ поетъ Кольцовъ—недостатокъ просвѣщенія. Недостатокъ воли, что отмѣчаетъ Кольцовъ,—не слабость натуры, а безвыходность общественныхъ и семейныхъ условій).

Поэтъ и толпа.

О чемъ говоритъ Кольцовъ въ стих. „Умолкшій поэтъ"?

(О разладѣ между поэтомъ и толпой, для которой поэтъ остался непонятымъ).

Природа у Кольцова.

Природа сама по себѣ, ради красоты не описывается. Она 1) рамка картины, декорація, 2) она въ его стихахъ является въ связи съ человѣкомъ вообще. Такъ и въ народной пѣснѣ.

---

*) См. у Лермонтова: „Лишь въ человѣкѣ встрѣтиться могло священное съ порочнымъ. Всѣ его мученья происходятъ оттого": 11 іюня 31 г.

**) То же у Лерм. См. „Нѣтъ, я не Байронъ"...

Настроеніе Кольцова, т е. его воззрѣнія на жизнь, на нравственныя и внѣшнія невзгоды.

Кольцовъ останавливается на противорѣчіяхъ дѣйствительности и лучшихъ человѣческихъ стремленій (См. „Разувѣреніе“, „Къ другу“).

Чѣмъ разрѣшаются у него недоумѣніе и тоска? См „Къ другу“: 147.

Повторяется ли у него этотъ мотивъ, такой взглядъ?

См. „Неразг. истина“. 109, „Послѣдняя борьба“ 155: „Подсѣку я крылья дерзкому сомнѣнью“, ибо у него „въ душѣ есть сила,—въ сердцѣ кровь“ и есть вѣра въ Бога. См. еще: „Измѣна суженой“, „Товарищу“, „Путь“, „Хуторокъ“ (рѣчи купца).

Выводъ. Въ жизни необходимы сила души, мужество, вѣра, и Кольцовъ ставитъ рядомъ равнодушіе людей къ чужому горю и борьбу одинокаго человѣка. („Товарищу“).

Какъ представляютъ русскій народъ и его жизнь Некрасовъ и Кольцовъ?

—Некрасовъ представляетъ народъ исключительно страдающимъ: „Гдѣ народъ, тамъ и стонъ“. Страна русская—страна „тупого терпѣнья“, „гдѣ рой подавленныхъ и трепетныхъ рабовъ завидовалъ житью послѣднихъ барскихъ псовъ“.

Кольцовъ нарисовалъ тоже грустную картину жизни крестьянина:

„Не завидна мѣстность—
Скудная земля,...
Въ худенькомъ кафтанѣ
Мужичокъ стоитъ,
Головой качаетъ,—
Умолотъ плохой,—

Думаетъ, гадаетъ,—
Какъ то быть зимой?
Такъ вся жизнь проходитъ
Съ горемъ пополамъ .. (*Жадовская*).

Но Кольцовъ относится къ народу оптимистичнѣе; по его мнѣнію эта жизнь разнообразнѣе; онъ гуманизируетъ крестьянина.

Какое могло имѣть значеніе это гуманизированіе мужика?

(Кольцовъ этимъ обращалъ вниманіе на народную, трудовую массу, дотолѣ или неизвѣстную или презираемую)

Характерныя черты русской народной пѣсни.

1. Задушевность, нѣжность.

2. Красивая образность, символичность.

3. Однообразный, монотонный характеръ содержанія, а мотивы—грустные, унылые

(„Что то слышится родное
Въ долгихъ пѣсняхъ ямщика"...
Пушкинъ.

„Выдь на Волгу... чей это стонъ раздается"...
Некрасовъ.

„Грустный вой пѣснь русская", —*Пушкинъ*.

„Почему слышится и раздается немолчно въ ушахъ... тоскливая... пѣсня. Что зоветъ и рыдаетъ, и хватаетъ за сердце? Гоголь: Мертв. д. т. I. Въ пѣснѣ Якова Тургеневъ (см „Пѣвцы") отмѣчаетъ „грустную скорбь" и говоритъ, что она „хватала за сердце".

Мей говоритъ, что русск. пѣсня „повита непогодою, невзгодою, омыта, крещена въ крови, въ слезахъ" А. Григорьевъ говоритъ:

„Память вѣрная моя
Тьму пѣсенъ сохранила мнѣ
Однообразныхъ и простыхъ,
Но страшно грустныхъ“.

„Въ русскихъ пѣсняхъ—замѣчаетъ Шопенгауэръ: преобладаютъ грусть и уныніе“.

4. Въ ней много стихійнаго, мало личнаго.

5. Много грубости, жестокости.

6. Содержаніе пѣсни иногда туманно, расплывчато. О чемъ свидѣтельствуютъ эти черты?

(О примитивномъ развитіи народа).

Чѣмъ обусловлены эти черты?

1. Однообразіемъ равнинной страны.

2. Суровой исторической судьбой Россіи (татарское иго войны, нестроеніе древней Руси, тяготы реформъ Петра, крѣпостное право, экономическія условія, дикость семейныхъ отношеній въ древней Руси).

Сюжеты народныхъ пѣсенъ.

1. Тяжелое положеніе дѣвушки, выданной замужъ; вообще, тяжелая картина семейнаго быта.

2. Предчувствіе бѣды, смерть дѣвушки, молодца на чужой сторонѣ.

3. Бѣдность, горе, какъ неизбѣжный, злой рокъ.

4. Порывы къ лучшей, но мало сознанной жизни, къ волѣ, выражающіеся въ разгулѣ или стремленіи къ разбою.

5. Плачъ о покойникахъ.

Связь Кольцова съ народной пѣсней.

Кольцовъ въ художественной пѣснѣ выразилъ жизнь русскаго простого народа. Взявъ у народа языкъ, чувство, содержаніе, онъ культивировалъ пѣсню.

1) Кольцовъ сжалъ, смягчилъ языкъ, оставаясь вѣрнымъ духу пѣсни.

2. Выбралъ изъ пѣсни доброе, человѣчное, облагораживающее душу.

3. Остановился на главныхъ сюжетахъ.

4. Выдвинулъ ясную мысль, идею.

5. Найдя въ народной пѣснѣ, кромѣ скорби и отчаянія, что-то бодрящее, возвышающее духъ, онъ выдвинулъ это бодрящее начало.

Что приближаетъ Кольцова къ Пушкину?

1. Реальность изображенія.

2. Способность художественнаго обобщенія.

3. Идеализмъ.

Что сближаетъ Кольцова съ Лермонтовымъ?

Чѣмъ знаменательно появленіе Кольцова?

—Тѣмъ, что въ русскую жизнь онъ внесъ новое содержаніе въ то время, когда русская жизнь какъ бы пробудилась и когда писали: Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь.

Предшественники Кольцова.

Карабановъ (1765—1829), Нелединскій-Мелецкій (1751—1828), Мерзляковъ (1778—1830), Дельвигъ (1798—1831), Цыгановъ (1797—1831), который является ближайшимъ предшественникомъ Кольцова.

Основныя свойства поэзіи Кольцова.

1. Лиризмъ. 2. Реальность, жизненность. 3. Опредѣленность, ясность содержанія. 4. Народность, національность. 5. Человѣчность (гуманность). 6. Обобщеніе явленій жизни (обобщаетъ значеніе труда, какъ условія благосостоянія и какъ занятія, могущаго дать наслажденіе трудящемуся.

„Сладокъ будетъ отдыхъ
На снопахъ тяжелыхъ!“

говоритъ Кольцовъ *). Кольцовъ показываетъ уголъ русской жизни, освѣщенный съ общечеловѣческой точки зрѣнія.

7. Неподдѣльный, народный языкъ (кромѣ его „Думъ“).

Историко-литературное и общественное значеніе поэзіи Кольцова.

1. Далъ искреннее, правдивое, сочувственное изображеніе народной жизни, насколько это возможно было при тогдашнихъ цензурныхъ условіяхъ.

Пушкинъ Лермонтовъ, Гоголь, Кольцовъ дѣйствуютъ въ одно время. Каждый изъ нихъ выражаетъ общественное сознаніе по своему. Пушкинъ создавалъ главнымъ образомъ типы интеллигентные. Гоголь изображалъ отрицательные типы чиновниковъ и помѣщиковъ. Лермонтовъ осудилъ интеллигенцію, не найдя у нея любви, правды, а увидѣвъ ложь, ненависть, злобу, немощь, пустоту.

Значитъ: Кольцовъ

а) знакомилъ общество съ русскимъ крестьяниномъ,

б) пробуждалъ народное самосознаніе, а потому

в) поэзія его имѣетъ культурно-историческое значеніе.

2. Кольцовъ указалъ на запросъ со стороны народа (по крайней мѣрѣ, со стороны наиболѣе способныхъ членовъ) на человѣческое существованіе (необходимо образованіе, болѣе человѣческая, свободная жизнь). Такимъ образомъ, Кольцовъ является едва ли не первымъ поэтомъ-бор-

*) См. у современнаго крестьянина поэта Дрожжина:

„Какъ хорошо мнѣ отъ трудовъ
Ночнымъ покоемъ насладиться“...

(„Завѣтныя пѣсни“. 1907 г. М. стр. 13).

цомъ за дарованіе народу болѣе человѣческихъ формъ жизни и широкаго просвѣщенія.

3. Гуманизируя, очеловѣчивая мужика, признавая несостоятельность идеала одного матеріальнаго благосостоянія, Кольцовъ обращалъ вниманіе на народную, трудовую массу, дотолѣ неизвѣстную или презираемую *).

4. Своими пѣснями Кольцовъ поселяетъ вѣру въ великія способности народа.

5. Кольцовъ поэтъ народный, національный—въ томъ смыслѣ, что поэзія его

а) вращается въ сферѣ простонародной, массовой жизни;

б) что онъ вполнѣ вѣренъ народу и по языку, и по пѣсенному складу.

6. Замѣчателенъ языкъ его пѣсенъ: народный, достигающій рѣдкой красоты русской пѣсенной рѣчи и ритма, чего до Кольцова не достигалъ ни одинъ поэтъ. Кольцовъ сумѣлъ соединить характеръ стиха народнаго и стиха, развитого литературой (искусственнаго), такимъ образомъ, Кольцовъ обогатилъ поэтическій языкъ, узаконивъ въ немъ простую русскую рѣчь,—а въ этомъ случаѣ онъ является завершителемъ дѣятельности Пушкина и Гоголя.

7. Общечеловѣческое и русское народное, сливаясь въ содержаніи и формѣ поэзіи Кольцова, дѣлаютъ ее истинно-художественной.

---

*) Съ Кольцовымъ связанъ Некрасовъ. Съ Кольцовымъ же, по нравственному тону отношенія къ народу, связанъ Тургеневъ. Уваженіе къ народной личности, которое съ 40-хъ годовъ становилось все болѣе господствующимъ, создавалось многими мотивами, но въ ряду ихъ важное мѣсто принадлежитъ Кольцову.

Современный поэтъ-крестьянинъ *Дрожжинъ*, родившійся въ 1848 г., изображая положеніе крестьянъ *), указываетъ на его нищету (18), нужду:

„Они копейки получаютъ,
Чтобы сварить себѣ обѣдъ,
Чтобъ на сторонушкѣ родимой
Въ нуждѣ крестьянской нестерпимой
Кой какъ раздѣлаться съ казной,
Дѣтишекъ въ школу тамъ устроить,
Отца на время успокоить
И мать съ хозяйкою женой“

(стр. 43). Крестьяне—народъ темный, у нихъ—„мало свѣта“ (56), они унижены (59), ихъ угнетаетъ неволя:

Я... проклиналъ
Неволи гнетъ,
Который вмѣстѣ раздѣлялъ
Со мной народъ (7).

Обращаясь къ крестьянину, Дрожжинъ говоритъ:

Вздыхая, сносишь гнетъ неволи
И ждешь напрасно лучшей доли (52).

Въ результатѣ:

Черствѣетъ сердце,
Гаснетъ умъ
Безъ счастья и свободы... (46).

Вообще, въ жизни крестьянина много „горя горькаго съ нуждой“ (56), много „тяжкихъ бѣдъ“ (46), много мукъ (14). Поэтому Дрожжинъ называетъ народъ бездольнымъ, убогимъ и голоднымъ (71, 21, 46).

Трудъ крестьянина Дрожжинъ считаетъ гнетущимъ (7) и онъ

*) См. «Завѣтныя пѣсни» 1904—1906 г. С. Д. Дрожжина. Москва. Изд. 1907 г.

„За всѣ тяжелые труды
Сбираетъ тощіе плоды“ (52).

Но этотъ трудъ въ то же время даетъ нравственное удовлетвореніе (13).

Урожай—радуетъ крестьянина (20, 22), а пахарь—это кормилецъ всей семьи (16, 48, 52, 70).

Положеніе женщины—тяжелое. Дрожжинъ вѣритъ въ силу и мощь народа. Обращаясь къ родинѣ, онъ говоритъ:

„Во всемъ въ тебѣ и мощь видна
И сила съ красотой“. (10),

и потому онъ вѣритъ,

„Что скоро громъ небесный грянетъ,
Вся Русь крестьянская воспрянетъ
Отъ заколдованнаго сна“. (66).

Идеалы Дрожжина:

„Тепло и свѣтъ въ краю родномъ.
Довольство полное...
Крестьянинъ въ школѣ обученъ...
И въ той же школѣ дѣтокъ онъ
Съ большой охотой обучаетъ
И для добычи въ города
Не отдаетъ ихъ никогда“ (25).

Ему „мечтается“

„Иная жизнь, привольная,
Между людьми укладъ иной—
По братски жизнь, по совѣсти,
Въ трудахъ съ воскреснымъ отдыхомъ,
Любовь и миръ въ семьѣ родной,
Любовь и миръ съ побѣдою
Надъ всею темной силою,
Той силой пододонною,
Которая скрывается

Во тьмѣ и цѣпи рабскія
Куетъ на Русь свободную" (57).

Тогда—„люди, какъ братья, примутъ другъ друга въ объятья" и, „всѣ свободны, будутъ одной жить семьею" (73).

—„Но даль вся тьмой еще одѣта
И, знать, не скоро до разсвѣта" (26).

Какъ Кольцовъ, Дрожжинъ жалуется на свою долю:

„Ахъ ты, доля, моя долюшка,
Доля злая, окаянная!" (40).
...Зачѣмъ со мною
Подружилась?
Для чего тоскою сердце
Надрываешь
И унылыя мнѣ пѣсни
Напѣваешь?" (65).

Поэтъ говоритъ, что напрасно „до сѣдыхъ волосъ" искалъ онъ счастья—

„Съ дѣтскихъ лѣтъ искалъ по свѣту
И не доискался" (41).
„Гдѣ тепло и свѣтъ,
Я не могъ найти" (39)

И онъ приходитъ къ выводу:

„Впереди—пути,
Мнѣ дороги нѣтъ" (55),

иною же всему—„доля злая":

Не могу нигдѣ укрыться
Отъ тебя я". (65).

Но до полнаго отчаянія Дрожжинъ не доходитъ:

„Если жизнь тебя гнететъ
Цѣлый вѣкъ съ нуждою,
И тебѣ весь бѣлый свѣтъ
Кажется тюрьмою,—
Вѣрь, какъ послѣ грозныхъ тучъ

Небо прояснится,
Такъ печаль твоя, мой другъ,
Въ радость обратится" (36)

—Это ужъ Пушкинскій мотивъ.

Техникой своего стиха Кольцовъ, конечно, оказалъ вліяніе на Дрожжина.

Вяч. Водарскій

„Вечера на хуторѣ близъ Диканьки“

Малороссійскія повѣсти Гоголя, помѣщенныя въ сборникѣ «Вечера», написаны имъ въ юношескіе годы.

Эти повѣсти создали Гоголю литературную извѣстность, впервые обратили на него вниманіе общества. Содержаніе повѣстей заключается въ изображеніи малороссійской жизни, ея нравовъ и обычаевъ, роскошныхъ картинъ украинской природы и въ воспроизведеніи народныхъ сказаній. Эти три элемента встрѣчаются почти въ каждой повѣсти, что и придавало интересъ и новизну разсказамъ Гоголя. Отношеніе автора къ изображаемой природѣ и жизни весьма сочувственное: всѣ повѣсти проникнуты любовью къ родинѣ, что объясняется отчасти положеніемъ автора въ ту пору, когда писались разсказы. Повѣсти написаны въ Петербургѣ, принявшемъ поэта сначала весьма негостепріимно. Если чувство любви къ родинѣ у всякаго человѣка сильнѣе, нежели къ чужбинѣ, то тѣмъ болѣе эту любовь къ родному краю долженъ былъ испытывать Гоголь, живя въ Петербургѣ. Онъ мечталъ о родной Украинѣ, которая представлялась ему въ самыхъ привлекательныхъ чертахъ, мечталъ о счастливыхъ дняхъ ранней юности, о чарующей прелести южной природы, рисовалъ въ своемъ воображеніи свѣтлыя картины народной жизни, какъ бы ища во всемъ этомъ забвенія тревогъ неудачно сложившейся на первыхъ порахъ петербургской своей жизни.

Источниками при созданіи повѣстей послужили для Гоголя прежде всего личныя наблюденія и воспоминанія о родинѣ, затѣмъ чужіе разсказы. Въ 1829 г. Гоголь пишетъ своей матери такое письмо: «Вы имѣ-

те тонкій, наблюдательный умъ, вы много знаете обычаи и нравы малороссіянъ нашихъ, и потому, я знаю вы не откажетесь сообщать мнѣ ихъ въ нашей переспискѣ. Это мнѣ очень нужно. Въ слѣдующемъ письмѣ я ожидаю отъ васъ описанія полнаго наряда сельскаго дьячка, отъ верхняго платья до самыхъ сапоговъ, съ поименованіемъ, какъ это все называлось у самыхъ закоренѣлыхъ, самыхъ наименѣе перемѣнившихся малороссіянъ; равнымъ образомъ названія платья, носимаго нашими крестьянскими дѣвками, до послѣдней ленты, также нынѣшними замужними и мужиками. Вторая статья: названіе точное и вѣрное платья, носимаго до временъ гетманскихъ. Вы помните, разъ вы видѣли въ нашей церкви одну дѣвку, одѣтую такимъ образомъ. Объ этомъ нужно будетъ разспросить старожиловъ: я думаю, Анна Матвѣевна, или Агафія Матвѣевна много знаютъ коечего изъ давнихъ годовъ. Еще—обстоятельное описаніе свадьбы, не упуская ни малѣйшихъ подробностей. Объ этомъ можно разспросить Демьяна, котораго мы видѣли учредителемъ свадебъ, и который зналъ, повидимому, всѣ возможныя повѣрья и обычаи. Еще нѣсколько словъ о колядкахъ, объ Иванѣ Купалѣ, о русалкахъ. Если есть, кромѣ того, какіе-либо духи или домовые, то о нихъ подробнѣе, съ ихъ названіями и дѣлами. Множество носится между простымъ народомъ повѣрій, страшныхъ сказаній, преданій, разныхъ анекдотовъ и проч... На этотъ случай совѣтую имѣть корреспондентовъ въ разныхъ мѣстахъ нашего повѣта».

Такъ Гоголь хотѣлъ подновить свои воспоминанія объ украинскомъ бытѣ, которыя не могли быть особенно свѣжи и ярки, потому что только дѣтство онъ провелъ на родинѣ, затѣмъ семь лѣтъ учился въ Нѣжинскомъ лицеѣ, потомъ уѣхалъ въ Петербургъ.

Третій источникъ, которымъ пользовался Гоголь,— народныя пѣсни. Особенно замѣтно вліяніе ихъ въ повѣсти «Вечеръ накануне Ивана Купала» и разсказѣ «Страшная месть». Кромѣ того, нѣкоторыми повѣстями Гоголь обязанъ своему дѣду, который занималъ должность полкового писаря въ запорожскомъ войскѣ и въ своей семьѣ пользовался славою увлекательнаго разсказчика. Въ «Вечерахъ» Гоголь не разъ упоминаетъ о немъ. Наконецъ, отмѣчаютъ сходство нѣкоторыхъ повѣстей Гоголя съ произведеніями нѣмецкихъ романтическихъ писателей (Тика, Гофмана и др).

Критики указывали на неточности въ изображеніи украинскаго быта въ повѣстяхъ Гоголя. Если даже и есть въ нихъ эти недостатки, то они выкупаются сочувственнымъ отношеніемъ къ изображаемой жизни, художественными картинами малороссійской природы и лиризмомъ. Послѣдній состоитъ въ томъ восторженномъ чувствѣ, которымъ проникнуты сцены любви, въ особенности же описанія природы. Эти описанія природы считаются классическими; языкъ ихъ полонъ красокъ, самыхъ смѣлыхъ троповъ и оригинальности Таковы описанія майской ночи въ повѣсти того же названія, описаніе морозной рождественской ночи въ повѣсти «Ночь передъ Рождествомъ», лѣтняго жаркаго дня въ «Сорочинской ярмаркѣ» и описаніе Днѣпра въ повѣсти «Страшная месть». Бытъ и нравы малороссіянъ обрисованы съ высокимъ художественнымъ талантомъ. Не скрывая темныхъ сторонъ жизни, поэтъ не останавливается на нихъ, но съ любовью изображаетъ ея свѣтлыя явленія, патріархальность отношеній, теплое радушіе, прямоту, жажду веселья и широкаго разгула.

Всѣ малороссійскія повѣсти «Вечеровъ» отличают-

тя двойственнымъ характеромъ: таинственное и страшное соединяется въ нихъ съ реальной правдой народной жизни. Да и самая фантастика повѣстей вполнѣ согласуется съ правдою: Малороссія—поэтическій край, полный романтизма, вѣры въ чудесное. Малороссъ-простолюдинъ, при всемъ своемъ умѣ и разсудительности, охотно вѣритъ, что всякая его оплошность, неудача, несчастіе есть продѣлка дьявола. Дьявольская сила, дьявольское навожденіе угрожаютъ ему повсюду то въ лицѣ русалокъ, то оборотней, колдуновъ и вѣдьмъ; и въ лѣсу, и въ полѣ, и среди степи, по его мнѣнію, существуютъ проклятыя мѣста, которыя надо обходить какъ можно осторожнѣе всякому крещеному человѣку. Вотъ эти-то фантастическія существа, созданія народнаго воображенія, являются дѣйствующими лицами повѣстей.

Юморъ, составляющій характерную черту творчества Гоголя, въ «Вечерахъ»—веселый, добродушный, безобидный смѣхъ, что вполнѣ понятно: обычныя явленія жизни, изображаемыя въ нихъ, нельзя назвать пошлою картиною дѣйствительности. Автора во все время разсказа не покидаетъ веселое, добродушное настроеніе; только по временамъ звучитъ грустная нотка, какъ, напримѣръ, въ повѣсти «Сорочинская ярмарка».

Повѣсти сборника «Вечера на хуторѣ» по тону, характеру изложенія и содержанію можно раздѣлить на три группы: въ первую группу войдутъ повѣсти, отличающіяся веселымъ, комическимъ характеромъ, во вторую—разсказы съ трагическимъ сюжетомъ и въ третью—повѣсть «Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька и его тетушка», въ которой нѣтъ ни добродушнаго юмора, ни фантастическаго элемента, ни изображенія простонародной жизни. Собственно говоря, эта повѣсть по сво-

ему содержанію примыкаетъ къ разсказамъ въ сборникѣ «Миргородъ». Зато въ послѣднемъ есть повѣсть «Вій», которая ближе стоитъ къ разсказамъ «Вечеровъ». Такимъ образомъ, имѣя въ виду отмѣченный характеръ повѣстей, всего лучше разсматривать ихъ по группамъ.

Къ первой группѣ принадлежатъ слѣдующіе разсказы: «Сорочинская ярмарка», «Майская ночь», «Ночь передъ Рождествомъ», «Пропавшая грамота», «Заколдованное мѣсто» и «Вій».

1) «Сорочинская ярмарка». Въ основѣ повѣсти лежитъ народное сказаніе о «красной свиткѣ» чорта. Однажды чорта за какую-то вину выгнали изъ пекла на землю. Съ горя чортъ сталъ пьянствовать, съ утра до вечера проводилъ время въ шинкѣ, пропилъ все, что имѣлъ, задолжалъ шинкарю и въ концѣ концовъ принужденъ былъ заложить ему свою красную свитку, обѣщая черезъ годъ выкупить ее. Шинкарь продалъ свитку пріѣзжему пану за пять червонцевъ. Черезъ годъ чортъ явился за свиткой, но жидъ притворился, будто онъ не принималъ залога. Вечеромъ, когда жидъ молился, въ окна влѣзли къ нему свиньи, поднялись на длинныя ноги и отстегали его плетьми. Тогда жидъ признался во всемъ, но свитки не могъ возвратить: пана, которому онъ уступилъ свитку, обокралъ на дорогѣ какой-то цыганъ и продалъ ее торговкѣ; такъ какъ у послѣдней съ тѣхъ поръ никто не покупалъ ничего, то она сунула свитку мужику, привезшему на ярмарку масло; видя, что никто не покупаетъ у него масла, мужикъ разрубилъ ее на куски, разбросалъ ихъ и уѣхалъ съ ярмарки. Съ тѣхъ поръ каждый годъ, во время ярмарки, «чортъ съ свиною личиною ходитъ по всей площади, хрюкаетъ и подбираетъ куски своей свитки». Онъ

собралъ почти все, и только недостаетъ одного лѣваго рукава.

Слухъ о «красной свиткѣ», распространившійся среди посѣтителей ярмарки, помогъ герою разсказа, Грицку, устроить свое сердечное дѣло. Онъ полюбилъ хорошенькую дѣвушку Параску, дочь глупаго, трусливаго малоросса, Солопія Черевика, который изъявилъ свое полное согласіе на бракъ дочери съ бравымъ парубкомъ, но встрѣтилъ противодѣйствіе въ своей злой сварливой женѣ, настроенной враждебно къ падчерицѣ. Однако, Грицку удалось уладить это при помощи пронырливаго, плутоватаго цыгана, которому онъ обѣщалъ продать за сходную цѣну своихъ воловъ. Цыганъ привязываетъ къ уздечкѣ лошади Черевика кусокъ краснаго рукава, подсовываетъ такой же кусокъ въ карманъ его кума; оба они въ ужасѣ бѣгутъ, ихъ ловятъ подученные цыганомъ хлопцы, связываютъ имъ руки и въ такомъ положеніи оставляютъ. На выручку является условившійся съ цыганомъ Грицко, и въ благодарность за такую услугу, Черевикъ спѣшитъ тутъ же, на ярмаркѣ, сыграть свадьбу, несмотря на протестъ жены своей Хиври, которую толпа оттѣсняетъ.

Въ этой повѣсти встрѣчаемъ всѣ элементы, изъ которыхъ слагается содержаніе первой группы разсказовъ: 1) изображеніе малорусской жизни (картина ярмарки, свадьба), 2) описаніе природы (лѣтній жаркій день въ Малороссіи) и 3) фантастическій міръ (преданіе о свиткѣ).

Отыскивая въ повѣстяхъ Гоголя неточности въ изображеніи народнаго быта, нѣкоторые критики, напримѣръ, Кулишъ, Царынный, а въ послѣднее время проф. Котляревскій, видятъ оплошность автора въ описаніи малороссійской свадьбы, которая не могла устроить-

ся съ такою быстротой, какъ это представлено въ повѣсти. Максимовичъ въ свое время объяснялъ такую «скоропостижность» тѣмъ, что на описаніе свадьбы нельзя смотрѣть, какъ на этнографическую черту, а слѣдуетъ видѣть въ этой поспѣшности не болѣе, какъ случайность.

Проф Овсянико-Куликовскій отмѣчаетъ въ повѣсти излишества, отсутствіе экономіи въ пользованіи художественными пріемами творчества. Такъ онъ указываетъ на неумѣстность сравненій, метафоръ при описаніи возовъ съ гончарными издѣліями, при описаніи рѣки Псела, или въ такомъ выраженіи о злой женѣ гончара: она выучилась держать его въ рукахъ такъ же ловко, какъ онъ вожжи своей старой кобылы, тащившейся, за долгое служеніе, теперь на продажу». Этотъ недостатокъ объясняется тѣмъ, что «Гоголь эпохи «Вечеровъ на хуторѣ» еще не умѣлъ экономизировать свои художественныя силы, не научился управлять лирическимъ вдохновеніемъ и дисциплинировать толкавшіяся въ его геніальной головѣ поэтическія мысли и художественные образы».

2) **Майская ночь или утопленница**». Содержаніе повѣсти взято изъ таинственныхъ, глубоко поэтическихъ преданій майской ночи о русалкахъ и вѣдьмахъ, и представляетъ рядъ комическихъ сценъ, одна другой смѣшнѣе. Молодой парубокъ Левко, сынъ сельскаго головы, влюбляется въ одну изъ красавицъ—Ганну. Отецъ не хочетъ дать своего согласія на бракъ съ нею, такъ какъ онъ самъ очарованъ красотой этой дѣвушки. Какъ только сынъ заводитъ рѣчь о свадьбѣ, голова прикидывается глухимъ. Случайнымъ образомъ Левко открываетъ причину упорства и глухоты отца и рѣшается проучить его. Съ этою цѣлію онъ собираетъ толпу

смѣлыхъ, отважныхъ отчаянныхъ парубковъ, способныхъ на всякія продѣлки, и сообщаетъ имъ о своемъ намѣреніи. И вотъ вся эта молодежь, поджигаемая Левко, въ продолженіе цѣлой ночи не даетъ покою головѣ: парубки бросаютъ камни въ окна его хаты, сопровождая эту шутку хохотомъ, криками и пѣснями, въ которыхъ обличается волокитство стараго головы, являются ему въ образѣ нечистаго духа въ вывороченномъ вверхъ шерстью черномъ тулупѣ. Въ эти проказы парубки завлекаютъ также и свояченицу головы, совершенно помимо ея воли, чѣмъ дѣлаютъ ихъ еще болѣе комичными. Наконецъ, утомленный Левко успокаивается и засыпаетъ на берегу пруда. Объ этомъ прудѣ, а также о стоящемъ на берегу его домѣ, сохранилось съ давнихъ поръ таинственное сказаніе: дочь сотника, жившаго въ этомъ домѣ, погибла отъ своей мачехи—вѣдьмы, которая впослѣдствіи обратилась въ русалку и пряталась въ прудѣ отъ поисковъ желавшей ей отомстить падчерицы. Во время сна Левку удалось оказать важную услугу панночкѣ, именно найти ей мачеху, когда она съ русалками играла «въ коршуна» при лунномъ сіяніи. Въ благодарность за это панночка дала ему записку, объяснивши, что стоитъ только передать эту записку отцу и онъ тотчасъ согласится на свадьбу. Оказалось утромъ, что это былъ приказъ комиссара головѣ женить сына на любимой имъ дѣвушкѣ.

И въ этой повѣсти, одной изъ лучшихъ въ «Вечерахъ», соединены всѣ элементы, составляющіе содержаніе разсказовъ изъ народной жизни: изображеніе домашняго быта и типовъ малорусскаго народа, описаніе роскошныхъ картинъ природы и воспроизведеніе поэтическихъ преданій. Описанія природы малорусской деревни отличаются необыкновенной художественной

прелестью, особенно картина майской ночи, которая давно признана образцовымъ поэтическимъ описаніемъ. Въ повѣсти выступаетъ цѣлый рядъ типовъ малорусскаго простого народа: типъ малороссійской красавицы (Ганна), браваго парубка (Левко), комическій типъ словоохотливаго гуляки (Каленикъ), суевѣрнаго винокура, сварливой женщины (свояченица головы), сельскаго писаря. Отражается здѣсь и горькая дѣйствительность, именно въ разсказѣ панночки о ея страданіяхъ и обидахъ отъ мачехи. Таинственная сцена, гдѣ дѣйствующими лицами являются русалки, представляющіяся Левку во снѣ, полна граціи. Тутъ выразилась и вѣра въ оборотничество: вѣдьма, жена сотника, обращается въ черную кошку съ желѣзными когтями, потомъ въ русалку. Но Левко легко отличилъ ее отъ другихъ русалокъ: со злобою преслѣдовала она во время игры въ коршуна утопленницъ, тогда какъ послѣднія отличаются добротою и даже въ игрѣ чувствуютъ жалость къ цыплятамъ, которыхъ приходится отнимать у «бѣдной матери». Внѣшній обликъ русалокъ и вѣдьмы, превратившейся въ утопленницу, тоже неодинаковъ: тѣло русалокъ «было какъ будто изваяно изъ прозрачныхъ облаковъ и будто свѣтилось насквозь при серебряномъ мѣсяцѣ»; тѣло вѣдьмы не свѣтилось: «внутри его видѣлось что то черное».

Комическое чтеніе письма въ присутствіи головы напоминаетъ подобную же сцену въ «Ревизорѣ».

Несмотря на достоинства, повѣсть «Майская ночь» не чужда реторики. Проф. Овсянико-Куликовскій приводитъ очень яркій примѣръ излишества словъ. Для выраженія простой мысли, что небо отражалось въ прудѣ, Гоголь прибѣгаетъ къ такому нагроможденію образовъ при описаніи этого пруда: «Какъ безсильный ста-

рецъ, держалъ онъ въ холодныхъ объятіяхъ своихъ далекое темное небо, осыпая ледяными поцѣлуями огненныя звѣзды, которыя тускло рѣяли среди темнаго океана ночного воздуха, какъ бы предчувствуя скорое появленіе блистательнаго царя ночи».

3) «Ночь передъ Рождествомъ». Въ основу повѣсти положена малороссійская сказка о кузнецѣ и чортѣ. Кузнецъ Вакула (онъ же и маляръ), бравый, энергичный малороссъ, красавецъ и силачъ, страстно полюбилъ очаровавшую его Оксану, дочь зажиточнаго казака Чуба, гордую, избалованную успѣхами красавицу-кокетку. Онъ встрѣтилъ препятствіе къ обладанію любимой дѣвушкой не только въ ея холодности, но и въ несочувствіи этому браку со стороны своей матери Солохи, которая сама имѣла намѣреніе выйти замужъ за Чуба и присоединить его имущество къ своему. Чтобы разстроить замыселъ сына, Солоха поддерживаетъ нерасположеніе отца Оксаны къ Вакулѣ. Еще болѣе опаснаго врага нашелъ кузнецъ въ чортѣ, котораго онъ вооружилъ противъ себя, намалевавши его образъ на церковной стѣнѣ и представивши этого духа въ унизительномъ положеніи. И вотъ въ рождественскую ночь, въ которую ему приходилось послѣдній разъ остаться на землѣ, чортъ устраиваетъ разныя каверзы, чтобы разстроить планы Вакулы. Но кузнецъ упорно стремится къ намѣченной цѣли, не обращая вниманія ни на какія препятствія. Даже его не останавливаетъ вызовъ Оксаны достать башмачки съ ногъ царицы, чтобы получить ея руку. Это порученіе Вакула исполняетъ при помощи того же чорта, котораго онъ заставляетъ служить себѣ, ловко воспользовавшись его глупостью. Чортъ везетъ его въ Петербургъ. Вакула находитъ въ столицѣ запорожцевъ, прибывшихъ изъ Сѣчи съ бумагами къ

царицѣ, вмѣстѣ съ ними является во дворецъ, выпрашиваетъ у государыни башмачки, возвращается въ свое село и женится на Оксанѣ.

Основной сюжетъ повѣсти переплетается съ разнообразными сценами, частью фантастическаго, частью реальнаго характера, что придаетъ произведенію особенную прелесть и поддерживаетъ въ читателѣ неослабѣвающій интересъ. Путешествіе на помелѣ вѣдьмы Солохи, продѣлки чорта, спрятавшаго въ лядунку мѣсяцъ, комическіе разговоры Чуба съ кумомъ по дорогѣ къ дьячку, во время поднявшейся метели, приключеніе его и другихъ поклонниковъ Солохи въ ея хатѣ, колядованіе и веселье сельской молодежи въ рождественскую ночь, сцены объясненія въ любви Вакулы, столкновеніе его съ Чубомъ, посѣщеніе кузнецомъ Пацюка, похожденія Вакулы въ Петербургѣ—все это исполнено такого неподражаемаго юмора, что читателя ни на минуту не покидаетъ веселое настроеніе.

Бытовой элементъ повѣсти выразился въ описаніи колядованія молодежи и въ характеристикѣ народныхъ типовъ. Обычай колядованія состоитъ въ томъ, что парубки и дѣвушки ходятъ съ мѣшками подъ окнами избъ и поютъ колядки; за это хозяева надѣляютъ ихъ различными съѣстными припасами. Расхаживанія по улицамъ села сопровождаются непринужденнымъ весельемъ, шутками, смѣхомъ, пѣснями сельской молодежи, отдающейся съ увлеченіемъ этому удовольствію бодрящей, возбуждающей прелести морозной ясной ночи. Среди деревенскихъ типовъ въ повѣсти обрисованы, правда, общими чертами, представители молодого и стараго поколѣнія. Здѣсь мы встрѣчаемъ типъ деревенской красавицы, гордой сознаніемъ своего обаянія, съ презрѣніемъ относящейся къ своимъ поклонникамъ (Оксана),

типъ пожилой женщины, говорливой, угодливой, умѣющей причаровать къ себѣ степенныхъ казаковъ (Солоха); симпатичный типъ умнаго, энергичнаго малоросса, проявляющаго упорную настойчивость въ достиженіи цѣли (Вакула); типъ до крайности лѣниваго малоросса-казака (Чубъ, Пацюкъ); типъ сластолюбиваго, но деликатнаго и краснорѣчиваго дьяка (Осипъ Никифоровичъ).

Фантастическая сторона повѣсти заключается въ изображеніи вѣрованій въ вѣдьмъ и чорта. Согласно съ народнымъ представленіемъ, между вѣдьмой и чортомъ существуетъ связь. Солоха и чортъ встрѣтились въ рождественскую ночь въ воздушномъ пространствѣ. Вѣдьма вылетѣла на метлѣ изъ трубы, чтобы собрать звѣзды, а чортъ укралъ мѣсяцъ; затѣмъ оба они черезъ трубу спустились въ избу Солохи. Чортъ играетъ въ повѣсти комическую роль: желая погубить кузнеца, онъ самъ попадаетъ впросакъ, принужденъ исполнять его волю и въ концѣ концовъ, вмѣсто награды за услугу, получаетъ побои и съ позоромъ изгоняется Вакулой.

Въ повѣсти есть и историческая сторона—изображеніе двора Екатерины II. Историческія личности (Екатерина, Потемкинъ, Фонвизинъ) обрисованы слегка, но привлекательный образъ императрицы, ея благодушіе, доброта, снисходительность и обаяніе представлены согласно съ исторической правдой. Простодушіе и наивность кузнеца Вакулы, его просьба о черевикахъ, комплиментъ его императрицѣ и благосклонное вниманіе послѣдней къ кузнецу—все это напоминаетъ извѣстные разсказы о запорожцахъ, которые такъ непринужденно отвѣчали на вопросы государыни во время аудіенцій при дворѣ Екатерины II, поражая придворныхъ своею

наивностью и грубоватымъ простодушіемъ. Наконецъ, въ повѣсти находимъ и еще одинъ элементъ—изображеніе чудной картины морозной рождественской ночи, во время которой совершаются разсказанныя въ ней происшествія.

4) „**Пропавшая грамота**". Это одинъ изъ самыхъ фантастическихъ разсказовъ. Содержаніе его состоитъ въ слѣдующемъ. Запорожецъ продалъ душу чорту. Какъ разъ въ ту ночь, когда чортъ долженъ былъ явиться за душой, запорожецъ встрѣтился со старымъ казакомъ, которому поручено было везти къ царицѣ гетманскую грамоту. Къ нимъ присталъ еще одинъ гуляка. Втроемъ они остановились въ шинкѣ и отправились на ночлегъ въ сарай. Дѣдъ обѣщалъ оберегать казака отъ чорта, но его одолѣлъ сонъ, и чортъ сдѣлалъ свое дѣло. Такъ какъ онъ приходилъ пѣшкомъ, а до пекла далеко, то укралъ дѣдова коня да, кстати, и шапку съ грамотой. По совѣту шинкаря дѣдъ идетъ въ глухую ночь въ лѣсъ, на шабашъ вѣдьмъ. Тутъ окружила его всякаго рода чертовщина. «Свиныя, собачьи, козлиныя, лошадиныя рыла—всѣ повытягивались, и вотъ такъ и лѣзутъ цѣловаться. Плюнулъ дѣдъ, такая мерзость напала! Наконецъ, схватили его и посадили за столъ, длиною, можетъ, съ дорогу отъ Конотопа до Батурина». На этомъ столѣ пришлось казаку съ вѣдьмами играть въ дурни, такъ какъ старшая вѣдьма прямо заявила, что шапку отдадутъ не прежде, чѣмъ казакъ сыграетъ три раза въ дурни Игра была не легкая, ибо тутъ же было поставлено условіе, что если казакъ всѣ три раза останется дурнемъ, то не только шапки, но и свѣта не увидитъ. Дѣдъ двѣ игры проигралъ; но въ третій разъ онъ сталъ догадливѣе: карты потихоньку подъ столъ, перекрестилъ ихъ—и выигралъ. «Громъ пошелъ

по пеклу—на вѣдьму напали корчи, и, откуда ни возьмись, шапка бухъ дѣду прямехонько въ лицо». Но кромѣ шапки, дѣдъ вытребовалъ у чертей еще коня, чтобъ добраться до дому.

Въ этомъ разсказѣ хорошо очерчена казачья удаль, присутствіе духа, сообразительность и находчивость.

Бытовыхъ подробностей здѣсь мало. Описывается только видъ ярмарки въ Конотопѣ, раннимъ утромъ, когда ея посѣтители еще спали на улицѣ: «возлѣ коровы лежалъ гуляка-парубокъ, съ покраснѣвшимъ, какъ снѣгирь, носомъ; подлѣ храпѣла, сидя, перекупка съ кремнями, синькою, дробью и бубликами; подъ телѣгою лежалъ цыганъ; на возу съ рыбой—чумакъ; на самой дорогѣ раскинулъ ноги бородачъ—москаль съ поясами и рукавицами».

5. Заколдованное мѣсто». Тема разсказа—отыскиваніе дѣдомъ клада. На баштанѣ поселился дѣдъ съ тремя внуками. Сначала дѣло шло хорошо, но потомъ завелась всякая чертовщина. Лихому дѣду бѣсовская сила не даетъ въ пляскѣ выметнуть ногами на вихорь ловкую штуку Потомъ черти заманили его кладомъ, завели въ лѣсъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ былъ кладъ, горѣла свѣча и лежалъ камень. Дѣдъ столкнулъ заступомъ камень, досталъ рожокъ и хотѣлъ понюхать табаку, какъ вдругъ вмѣсто него понюхалъ и чихнулъ ему въ лицо кто-то другой. Принялся дѣдъ за заступъ и выкопалъ котелъ— «А, голубчикъ, вотъ гдѣ ты»! вскрикнулъ дѣдъ, подсовывая подъ него заступъ.—«А, голубчикъ, вотъ гдѣ ты»! запищалъ птичій носъ, клюнувши котелъ. Ту же самую фразу повторяетъ баранъ, медвѣдь.—«Да тутъ страшно слово сказать»! проворчалъ дѣдъ про себя. И опять эти слова повторяютъ птица, баранъ, медвѣдь,—«Гм»! сказалъ дѣдъ, «и самъ перепу-

гался»—«Гм»! пропищалъ птичій носъ, проблеялъ баранъ. Гумъ! заревѣлъ медвѣдь». Дѣдъ въ страхѣ схватилъ котелъ и побѣжалъ домой, а сзади кто-то хлещетъ его по ногамъ прутьями. Когда же онъ возвратился домой и открылъ котелъ, тамъ, вмѣсто золота, сказался соръ и всякая дрянь. «И съ той поры заклялся дѣдъ вѣрить когда—либо чорту». А мѣсто на баштанѣ такъ и осталось проклятымъ, и на немъ никогда не выростало ничего добраго.

Въ этомъ разсказѣ преобладаетъ фантастическій элементъ, нѣтъ ни описаній природы, не изображенія нравовъ и быта. Подобно предыдущему разсказу, это не болѣе, какъ шутка, забавный анекдотъ, не заключающій въ себѣ ни историческаго, ни этнографическаго матеріала.

6. «**Вій**». По своему содержанію повѣсть представляетъ прямое продолженіе «Вечеровъ», хотя и отличается отъ нихъ бóльшимъ реализмомъ, характеромъ юмора и изложенія. Въ ней первое мѣсто занимаетъ фантастическій элементъ, такъ какъ она представляетъ переработку народнаго преданія о вѣдьмѣ и віѣ, т. е. начальникѣ гномовъ, съ вѣками до земли, который своимъ взглядомъ убиваетъ людей. Содержаніе ея составляетъ приключеніе съ тремя бурсаками, во время ихъ путешествія изъ бурсы домой, на каникулы, и приключеніе съ однимъ изъ нихъ, философомъ Хомой Брутомъ, который встрѣчается со страшной вѣдьмой. Сначала вѣдьма является ему въ образѣ старухи, а потомъ—въ образѣ необыкновенной красавицы. Хома убиваетъ вѣдьму, которая оказалась панночкой, дочерью сотника. Она передъ смертью выразила желаніе, чтобы философъ читалъ надъ ея тѣломъ въ продолженіе трехъ ночей. Исполняя волю дочери, сотникъ посылаетъ въ

бурсу своихъ слугъ, и, вслѣдствіе его просьбы, инспекторъ семинаріи отправляетъ философа Хому на хуторъ сотника. Читая въ церкви надъ умершей, Хома видитъ такіе ужасы, что со страху умираетъ.

Несмотря на преобладаніе чудеснаго, фантастическаго элемента, и въ этой повѣсти находимъ прекрасныя картины народной жизни. Такъ, въ началѣ ея встрѣчаемъ описаніе бурсы, отличающееся неподдѣльнымъ юморомъ. Здѣсь очень удачно обрисованы нравы бурсаковъ, съ ихъ кулачными боями, мистеріями и кантами, распѣваемыми ими подъ окнами хуторовъ. Эта часть повѣсти напоминаетъ романъ Нарѣжнаго «Бурсакъ». Далѣе изображается путешествіе Хомы на хуторъ въ компаніи подгулявшихъ казаковъ, ихъ комическіе разговоры, картина пирушки въ грязной жидовской корчмѣ; затѣмъ описывается домъ сотника, куда прибылъ Хома Брутъ, разговоры съ нимъ сотника, жизнь на хуторѣ, сцены въ кухнѣ и проч. Этотъ рядъ бытовыхъ картинъ составляетъ главное достоинство разсказа. «Вій», говоритъ проф. Овсянико-Куликовскій,— «повѣсть бытовая, жанровая, изъ жизни кіевскихъ семинаристовъ, малороссійскихъ пановъ и ихъ дворни стараго времени (примѣрно XVII вѣка),—и эта жизнь, какъ и національная складка выведенныхъ лицъ, изображена съ великимъ мастерствомъ. Читая, мы переносимся въ эту среду и эпоху и съ неослабѣвающимъ интересомъ слѣдимъ за каждымъ шагомъ дѣйствующихъ лицъ».

Въ художественномъ отношеніи проф. Овсянико-Куликовскій ставитъ «Вія» очень высоко, сравнительно съ повѣстями «Вечеровъ», такъ какъ здѣсь нѣтъ излишествъ, длиннотъ, приподнятаго тона и уклоненій отъ нити разсказа. Юморъ въ «Віѣ» также иного характера, чѣмъ

въ «Вечерахъ»: тамъ «юморъ вызываетъ въ читателѣ сознаніе, что авторъ хочетъ смѣшить»; здѣсь онъ «вытекаетъ изъ существа дѣла, вплетенъ въ психологію дѣйствующихъ лицъ, въ нравы среды, въ разговоры, въ положенія».

Изъ художественныхъ картинъ повѣсти замѣчательна картина лунной лѣтней ночи, во время которой Хома мчится высоко надъ землею по воздуху, неся на плечахъ вѣдьму. Подъ вліяніемъ чаръ онъ видитъ внизу море, отражавшееся въ немъ солнце (вмѣсто луны), русалку, выплывавшую изъ осоки, которая пѣла, приближалась къ нему и со смѣхомъ удалялась... Другое замѣчательное по выпуклости и пластичности изображенія мѣсто повѣсти—описаніе Вія, съ желѣзнымъ лицомъ, засыпанными землею руками и ногами, длинными вѣками, опущенными до самой земли.

Второй отдѣлъ повѣстей въ «Вечерахъ» составляютъ два разсказа: «Вечеръ на канунѣ Ивана Купала» и «Страшная месть».

7. **«Вечеръ накануне Ивана Купала».** Извѣстно, что съ Ивановымъ днемъ связано много народныхъ суевѣрій. Такъ, существуетъ повѣрье, будто въ ночь на Ивана Купала расцвѣтаетъ папоротникъ, который сіяетъ огненнымъ пламенемъ и освѣщаетъ мѣстность; если его сорвать и бѣжать домой, не оглядываясь, что бы ни кричали сзади адскіе духи, то этотъ цвѣтокъ даетъ возможность его обладателю открывать клады и получить богатство. На этомъ повѣрьѣ и построена повѣсть, при чемъ оно связывается съ появленіемъ среди людей дьявола въ человѣческомъ образѣ.

На хуторѣ сталъ показываться человѣкъ, который гулялъ и пилъ съ казаками, угощая ихъ на свой счетъ, награждалъ дѣвушекъ подарками. Его звали Басаврю-

комъ. Въ деревнѣ проживалъ старый казакъ Коржъ, а у него была дочка, красавица Пидорка. Она полюбила батрака своего отца Петруся. Узнавши объ этомъ, Коржъ прогоняетъ работника, такъ какъ онъ желаетъ выдать дочь за богатаго человѣка. Вскорѣ узналъ Петрусь, что у Пидорки есть и женихъ, но что она предпочтетъ смерть такому браку. Съ горя Петрусь пошелъ въ шинокъ, и вотъ здѣсь-то завлекаетъ его въ свои сѣти Басаврюкъ. Онъ приказываетъ Петру въ ночь на Ивана Купала отправиться въ лѣсъ и ждать въ Медвѣжьемъ оврагѣ цвѣтенія папоротника. Дѣйствительно, въ полночь передъ глазами Петра развернулся папоротникъ, запылалъ пламенемъ и освѣтилъ мѣстность. Онъ быстро сорвалъ цвѣтокъ. Появившаяся вѣдьма велѣла Петру подбросить цвѣтокъ вверхъ, и вотъ на томъ мѣстѣ, куда онъ упалъ, долженъ быть кладъ. Петръ началъ рыть землю, увидѣлъ сундукъ съ золотомъ, но тотъ быстро сталъ уходить внизъ. Оказалось, что кладъ возможно добыть только путемъ преступленія. Вѣдьма подвела къ Петрусю дитя, покрытое простынею, сбросивши которую онъ увидѣлъ малютку Ивася, брата Пидорки. Онъ кинулся было съ ножомъ на вѣдьму, но когда передъ нимъ разверзлась земля, и заблистали червонцы въ котлахъ, дорогіе каменья въ сундукахъ, помутился его разумъ, убилъ онъ невиннаго младенца и въ ужасѣ бросился бѣжать изъ лѣса; добравшись до своей хаты, какъ снопъ, повалился на полъ и заснулъ глубокимъ сномъ. Очнувшись, онъ увидѣлъ два мѣшка съ золотомъ, хотя и не могъ понять, откуда они взялись, такъ какъ утратилъ способность помнить прошедшее.

Золото сдѣлало свое дѣло: Коржъ выдалъ Пидорку за Петруся. Недолго, однако, продолжалось счастіе Пи

дорки. Черезъ мѣсяцъ Петрусь сталъ грустенъ, молчаливъ, силился и не могъ чего-то припомнить, и чѣмъ дальше, тѣмъ дѣлался мрачнѣе, одичалъ, обросъ волосами, сидѣлъ по цѣлымъ часамъ неподвижно среди хаты и все о чемъ-то думалъ. Временами имъ овладѣвало бѣшенство, и тогда онъ кусалъ себѣ руки, рвалъ на себѣ волосы, потомъ снова утихалъ, погружался въ забытье и затѣмъ опять приходилъ въ бѣшенство.

Пидорка, пораженная горемъ, изныла, исчахла, утратила свою красоту.

По совѣту добрыхъ людей, отправилась она къ колдуньѣ, жившей въ Медвѣжьемъ оврагѣ, и пригласила ее къ себѣ. Это была та самая вѣдьма которая привела Ивася къ Петру. При взглядѣ на нее Петрусь вспомнилъ все, бросился съ топоромъ на старуху, но промахнулся, и вѣдьма исчезла. Неожиданно появилось среди хаты дитя въ окровавленной рубашкѣ, и въ немъ Пидорка узнала Ивася. Въ ужасѣ выбѣжала она изъ хаты, чтобы позвать людей на помощь; но когда они вошли въ избу, увидѣли страшную картину: убійца сгорѣлъ, а червонцы его превратились въ битые черепки. Пидорка, ради которой Петрусь продалъ душу чорту, удалилась въ монастырь.

Изъ содержанія повѣсти видно, насколько сюжетъ ея отличается мрачнымъ, трагическимъ характеромъ. Правда, шутки разсказчика, Ѳомы Григорьевича, до нѣкоторой степени смягчаютъ этотъ трагизмъ, но, во всякомъ случаѣ, повѣсть оставляетъ въ читателѣ тяжелое впечатлѣніе. Описанія природы въ ней отсутствуютъ. Нельзя не подмѣтить вліянія, какое оказали на эту повѣсть народныя пѣсни. Такъ, въ жалобахъ Пидорки и Петруся, разлученныхъ волею отца, слышатся пѣсенные мотивы.

8) «**Страшная месть**» Еще болѣе мрачнымъ характеромъ отличается эта замѣчательная повѣсть. Темой ея послужило сказаніе о двухъ казакахъ, Иванѣ и Петрѣ, заимствованное изъ пѣсни кобзаря. Содержаніе сказанія таково. Дѣйствіе происходитъ при польскомъ королѣ Стефанѣ Баторіи. На Польшу напали турки, подъ предводительствомъ храбраго паши, котораго никакъ не могъ прогнать изъ своихъ владѣній король Стефанъ. Баторій обѣщалъ щедрую награду тому, кто возьметъ въ плѣнъ пашу и приведетъ къ нему. Вызвались на это дѣло Иванъ и Петръ. Первому удалось плѣнить пашу, и король выдалъ ему столько денегъ, сколько получало все войско, надѣлилъ его землею и скотомъ. Иванъ побратски раздѣлилъ свое богатство съ Петромъ. Однако Петръ позавидовалъ удачѣ брата и затаилъ въ душѣ мстительное чувство.

Однажды проѣзжали они черезъ Карпатскія горы. Иванъ держалъ передъ собою на конѣ своего маленькаго сына. Пришлось имъ въ одномъ мѣстѣ проѣзжать надъ пропастью, и Петръ столкнулъ Ивана съ ребенкомъ въ пропасть, завладѣлъ его добромъ и сталъ жить, какъ паша. Послѣ смерти Петра Богъ призвалъ обоихъ братьевъ на судъ и предложилъ Ивану выбрать достойную казнь убійцѣ. И вотъ какую казнь придумалъ Иванъ: потомки Петра не должны имѣть на землѣ счастья, а послѣдній въ его родѣ пусть будетъ такимъ злодѣемъ, какого не бывало на свѣтѣ, и пусть послѣ каждаго его злодѣйства предки его не находятъ покоя въ гробахъ и, терпя муку, невѣдомую людямъ, подымаются изъ могилъ. Когда же для этого страшнаго злодѣя придетъ время оставить землю, пусть Господь подниметъ его, Ивана, изъ провала на конѣ на самую высокую гору, и пусть придетъ къ нему Петръ: тогда онъ сброситъ

его въ самый глубокій провалъ, а всѣ мертвецы, дѣды и прадѣды Петра, пусть потянутся съ разныхъ сторонъ земли и грызутъ его за нанесенныя имъ муки.

Послѣднимъ потомкомъ Петра оказался страшный колдунъ. Дочь его, красавица Катерина, вышла замужъ за храбраго казака, пана Данилу, жившаго въ хуторѣ, на берегу Днѣпра, между двумя горами Этотъ колдунъ совершаетъ цѣлый рядъ злодѣйствъ: убиваетъ свою жену, своего зятя, пана Данилу, младенца ихъ сына, свою дочь, святого старца схимника, призвавшаго его неслыханнымъ грѣшникомъ, которому, нѣтъ помилованія. Гонимый внутреннимъ страхомъ, колдунъ вскочилъ на коня и направился было черезъ Каневъ и Черкасы въ Крымъ, но, противъ собственной воли, заѣхалъ совсѣмъ въ другую сторону, къ Карпатскимъ горамъ. Чудесный всадникъ ухватилъ колдуна рукою, поднялъ на воздухъ и бросилъ его въ пропасть. Въ то же время поднялись изъ земли мертвецы, вскочили въ пропасть, подхватили колдуна и вонзили въ него свои зубы.

По нѣкоторымъ мотивамъ эта повѣсть имѣетъ сходство съ сказаніемъ о Маркѣ проклятомъ, которое послужило сюжетомъ для поэмы Стороженка. Первоначальный источникъ всѣхъ этихъ сказаній слѣдуетъ видѣть въ народной легендѣ о великомъ грѣшникѣ, которая, въ свою очередь, представляетъ передѣлку апокрифическаго сказанія объ Авраамѣ и Лотѣ. Великій грѣшникъ, о которомъ разсказываетъ легенда, совершилъ тяжкій грѣхъ. Въ апокрифѣ о Лотѣ грѣхъ совершается съ дочерьми, а въ легендѣ—съ кумой, что, по понятіямъ народа, еще преступнѣе. Совершивши преступленіе, великій грѣшникъ, имени котораго не называетъ легенда, уходитъ изъ дому и чувствуетъ рас-

каяніе. Поднимается вѣтеръ, горитъ изба грѣшника; мать и сестра его, съ которыми онъ также сотворилъ грѣхъ, погибаютъ въ пламени пожара. Грѣшникъ идетъ каяться въ пустыню. Пустынникъ, къ которому онъ явился, сажаетъ въ землю три головни и велитъ ему поливать ихъ водою, доставая послѣднюю ползкомъ на колѣняхъ изъ озера, лежащаго подъ горою. Благодаря этой поливкѣ, головни обратились въ деревья и стали зеленѣть: слѣдовательно, грѣшникъ прощенъ.

Отношеніе легенды о великомъ грѣшникѣ къ повѣсти Гоголя довольно отдаленное: въ послѣдней говорится о томъ, что колдунъ, страшный злодѣй, хотѣлъ обольститъ свою родную дочь. Зато въ поэмѣ о Маркѣ проклятомъ уже больше сходныхъ чертъ съ произведеніемъ Гоголя. Отецъ Марка жилъ и дѣйствовалъ, подобно двумъ братьямъ въ сказаніи, составляющемъ основу повѣсти Гоголя, при Стефанѣ Баторіи. Вмѣсто молока матери, Марко былъ вскормленъ кровью, отчего сдѣлался неукротимымъ, кровожадпымъ человѣкомъ. Въ гнѣвѣ онъ чуть не убилъ своего отца, сжегъ вмѣстѣ съ хатою свою бывшую невѣсту и ея мужа, влюбился въ родную сестру и, наконецъ, убилъ свою сестру и мать. Тѣнь отца поднялась съ того свѣта и прокляла Марка: «Проклинаю я тебя, сынъ, съ того свѣта; не приметъ тебя ни земля, ни адъ; будешь ты, какъ Каинъ, блуждать по свѣту до страшнаго суда, пока добрыми дѣлами и покаяніемъ не заслужишь прощенія и не спасешь загубленныхъ тобою душъ!.. Носись же по свѣту съ тяжелымъ сознаніемъ своей вины и съ этими головами». Съ послѣднимъ словомъ онъ кинулъ Марку отсѣченныя головы и пропалъ. И пошелъ Марко бродить по бѣлу свѣту съ этими головами, совѣтовался съ монахами и попами, и одинъ только пустын-

никъ въ Карпатскихъ горахъ обнадежилъ его милостію Божіею, если онъ будетъ исполнять святой законъ Господа и Его волю не изъ корысти и благъ будущей жизни, а на утѣху и великую радость своей душѣ и сердцу. Былъ Марко и въ аду, куда путь шелъ черезъ дупло, на высокой горѣ, въ Галицкой землѣ. Тамъ онъ толкался по аду цѣлую ночь и поразгонялъ всѣхъ чертей; но загубленныя имъ души сказали ему. «Иди, Марко, отсюда! На этомъ свѣтѣ ты насъ не спасешь, а только на томъ»! Съ тѣхъ поръ Марко, этотъ вѣчный украинскій жидъ, ходитъ со своею страшною сумою по бѣлому свѣту и творитъ добрыя дѣла для спасенія себя и загубленныхъ имъ душъ. Въ войну Хмельницкаго съ поляками Марко являлся въ самыя критическія минуты и выручалъ казаковъ изъ бѣды, помогалъ раненымъ и погребалъ убитыхъ. (Петровъ. «Очерки исторіи украинской литературы»).

Такимъ образомъ содержаніе повѣсти Гоголя весьма фантастическое, но въ ней есть и историческій элементъ: изображается борьба казаковъ съ поляками и крымцами, упоминаются опредѣленныя мѣстности и лица (Глуховъ, Конотопъ, Стефанъ Баторій). На повѣсти замѣтно сильное вліяніе народной поэзіи, и даже слогъ ея во многихъ мѣстахъ отличается пѣсеннымъ складомъ. Причитанія Катерины надъ тѣломъ мужа, сравненіе битвы съ кровавымъ пиромъ, образъ старой казачки, съ рыданіями провожающей своего сына на войну—всѣ эти поэтическіе пріемы встрѣчаются въ народныхъ пѣсняхъ и думахъ Катеринѣ же Гоголь влагаетъ въ уста цѣлую народную пѣсню: «Бижытъ возокъ криваваенькій». Въ концѣ разсказа авторъ выводитъ слѣпца бандуриста, заставляя его пѣть передъ на-

родомъ пѣсню—сказаніе о братоубійствѣ и его слѣдствіяхъ (Саводникъ, «Русская литература XIX в.»).

Въ повѣсти «Страшная месть» находится чудное описаніе Днѣпра, одно изъ лучшихъ стихотвореній въ прозѣ, какія только встрѣчаются въ русской литературѣ. Днѣпръ представленъ въ три момента: днемъ, при тихой погодѣ, въ лѣтнюю ночь и во время бури. Днемъ поэтъ рисуетъ его въ видѣ широкой зеркальной дороги, по краямъ которой растутъ деревья и цвѣты; они наклонились къ самой поверхности рѣки, увидѣли въ этомъ зеркалѣ свой образъ и залюбовались имъ до того, что не могутъ оторваться. Ночью Днѣпръ изображается въ видѣ живого существа, засыпающаго, какъ и все въ мірѣ; испытывая ощущеніе холода, онъ прижимается къ берегамъ, чтобы согрѣться. Этому образу предшествуетъ картина лѣтней ночи, для которой поэтъ воспользовался народнымъ представленіемъ изъ «Голубиной книги»: все спитъ, «а Богъ одинъ величаво озираетъ небо и землю и величаво сотрясаетъ ризу; отъ ризы сыплются звѣзды; звѣзды горятъ и свѣтятъ надъ міромъ и всѣ разомъ отдаются въ Днѣпрѣ». Обѣ части описанія проникнуты глубокимъ чувствомъ поэта, который восторгается нарисованными имъ картинами. Этотъ свѣтлый лиризмъ переходитъ въ чувство тяжелой тоски, когда ему приходится изобразить Днѣпръ въ бурю. Собираются темныя тучи; блеститъ молнія; раздаются раскаты грома, поднимаются на Днѣпрѣ сильныя волны; онѣ бѣгутъ къ берегамъ, ударяются о скалы и со стономъ и воплемъ удаляются обратно. Въ это время рѣка представляется поэту живымъ существомъ, терзаемымъ бурей, испытывающимъ боль и выражающимъ свои страданія воплями. Въ воображеніи его невольно возникаетъ одна изъ тѣхъ сценъ, которыя ко-

гда-то нерѣдко происходили на берегахъ Днѣпра: мать—казачка провожаетъ своего сына на войну; онъ сидитъ на ворономъ конѣ, бодрый и спокойный; а она то подбѣжитъ къ нему, съ отчаяніемъ обхватитъ его своими руками, потомъ оторвется на минуту и снова бросится къ нему, чтобы прижать еще разъ дорогое существо къ своему сердцу; она тоскуетъ и плачетъ, и ломаетъ надъ нимъ свои руки.—Этотъ образъ казачки—матери повторится въ «Тарасѣ Бульбѣ», къ которому, кстати сказать, повѣсть «Страшная месть» служитъ какъ бы переходомъ отъ разсказовъ въ сборникѣ «Вечера».

Повѣсти въ «Вечерахъ на хуторѣ» представляютъ произведенія не совсѣмъ зрѣлаго таланта; въ нихъ мало наблюденій, изученія жизни. Самый юморъ является здѣсь въ очень слабой и наивной формѣ. Несмотря на это, онѣ въ свое время были явленіемъ новымъ, отличаются литературнымъ богатствомъ и въ исторіи литературы составили цѣлую эпоху. Современники встрѣтили ихъ весьма сочувственно. Пушкинъ былъ въ восторгѣ отъ разсказовъ Гоголя и отъ души смѣялся при чтеніи ихъ. Вотъ что онъ писалъ по поводу «Вечеровъ»: «Они изумили меня. Вотъ настоящая веселость, искренняя, непринужденная, безъ жеманства, безъ чопорности; а мѣстами какая поэзія, какая чувствительность! Все это такъ необыкновенно въ нашей литературѣ, что я доселѣ не образумлюсь». Сохранилось извѣстіе, что когда Гоголь вошелъ въ типографію, гдѣ набирались его повѣсти, наборщики покатились со смѣху, вспомнивши ихъ содержаніе. Объ этомъ разсказываетъ самъ Гоголь: «Любопытнѣе всего было мое свиданіе съ типографіей: только что я просунулся въ двери, наборщики, завидя меня, давай каждый фыркать и прыскать себѣ въ руку отворотившись къ стѣнѣ. Это меня нѣсколько удивило;

я—къ фактору, и онъ, послѣ нѣкоторыхъ ловкихъ уклоненій, наконецъ, сказалъ, что штучки, которыя вы изволили прислать изъ Павловска для печатанія, оченно до чрезвычайности забавны и наборщикамъ принесли большую забаву».

«Такимъ образомъ», говоритъ проф. Кирпичниковъ, «и царь русской поэзіи, и грамотные наборщики были одинаково довольны книжкой Гоголя; съ удовольствіемъ читали ее и въ петербургскихъ дворцахъ. Довольна была ею и вся читающая Россія, судя по тому, что первое изданіе первой части, несмотря на высокую цѣну, разошлось въ четыре мѣсяца и ко времени выхода второй части, въ февралѣ 1832 г., первую пришлось допечатывать».

Съ той поры прошло 77 лѣтъ; но и теперь повѣсти Гоголя читаются съ удовольствіемъ: это служитъ для нихъ лучшей похвалой.

Д. Ѳоминъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

При составленіи предлагаемаго труда, представляющаго обзоръ значенія и употребленія личныхъ временъ и наклоненій классической латыни, имѣлось въ виду дать сжатое и вмѣстѣ съ тѣмъ простое изложеніе фактовъ этой столь важной области латинскаго синтаксиса. Изложенію дана догматическая форма, такъ какъ одновременно съ теоретическимъ разборомъ фактовъ приняты во вниманіе и требованія школьной практики. Будучи увѣренъ, что мнѣ удалось внести извѣстную долю упрощенія въ изложеніе какъ системы, такъ и нѣкоторыхъ деталей, считаю своимъ долгомъ указать важнѣйшія особенности предлагаемаго труда:

1) Проведено рѣзкое разграниченіе между безотносительными временами и относительными, т. е. между группами временныхъ формъ, соотвѣтствующими т. н. простымъ и составнымъ временамъ другихъ языковъ, напримѣръ, романскихъ и германскихъ (ср. § 1, 2, 6 и §§ 8—11). По этому поводу приведемъ кое-какія подробности.

Въ одной изъ обращающихся въ нашихъ школахъ грамматикахъ читаемъ слѣдующее объясненіе значенія plusquamperfectum: „Plusq. показываетъ дѣйствіе, окончившееся до наступленія другого прошедшаго времени“. Хотя данное объясненіе съ перваго взгляда кажется вразумительнымъ, но тѣмъ не менѣе въ немъ скрывается не то что недоразумѣніе, но что-то недосказанное. Это нетрудно доказать. Если скажемъ, напримѣръ: Epistolam scripsi, obsignavi, misi, оказывается, что первое дѣйствіе (scripsi) было окончено до наступленія второго (obsignavi) и второе было окончено до наступленія третьяго. Тѣмъ не менѣе въ данномъ примѣрѣ всѣ дѣйствія, какъ параллельныя, равно-

сильныя, выражены правильно посредствомъ perfectum. Комментаріи, надо полагать, излишни.

При каждомъ изъ союзовъ ubi, postquam, dum (quoad), antequam (priusquam) въ разныхъ учебникахъ почему-то перечисляются времена, съ которыми названные союзы сочетаются. Такъ, напримѣръ, въ одной распространенной грамматикѣ читаемъ: „Dum („пока не") употребляется съ Ind. Praes., Perf., Fut. II". Къ чему обременять память учащагося такими подробностями, въ особенности, если онъ не будетъ знать, почему именно при данномъ союзѣ употребляется такое-то время, а не другое? Откуда, напримѣръ, въ указанномъ случаѣ ученику знать, что praesens выражаетъ будущее время? Весь означенный матеріалъ можно было выкинуть или, по крайней мѣрѣ, значительно укоротить путемъ обобщенія (ср. § 12).

2) При группировкѣ значеній сослагательнаго н. зависимой рѣчи я нашелъ нужнымъ ввести новый терминъ: coniunctivus generis, чтобы подъ общимъ названіемъ охарактеризовать совокупность тѣхъ случаевъ, когда обозначенное въ придат. предложеніи дѣйствіе представляется какъ слѣдствіе качества или обстоятельства, обозначеннаго въ главномъ предложеніи (§§ 20—23). Введеніе въ этомъ случаѣ новаго термина оправдывается уже съ точки зрѣнія исторической грамматики: обозначеніе посредствомъ coniunctivus понятія о слѣдствіи (по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о фактическомъ слѣдствіи) не вытекаетъ непосредственно изъ основной идеи сослагательнаго н. (ср. § 15) и возникло лишь подъ вліяніемъ аналогіи, главнымъ образомъ въ доисторической латыни, при чемъ исходной точкою указанной аналогіи очевидно послужило смѣшеніе понятія о фактическомъ слѣдствіи съ понятіемъ о предполагаемомъ или желаемомъ. Грамматики не скупились терминами по отношенію къ разнымъ, болѣе или менѣе мелкимъ, случаямъ упо-

требленія сослагательнаго н. въ главныхъ предложеніяхъ. Такъ, напримѣръ, coniunctivus желанія, смотря по обстоятельствамъ, называется optativus, concessivus, imperativus, prohibitivus и т. п.: рѣшительно отказываюсь понять, почему та важная область, которая была названа выше coniunctivus generis, при всей своей рельефности и обширности, не нашла себѣ мѣста въ синтаксической терминологіи.

3) При изложеніи въ настоящемъ трактатѣ coniunctivus obliquus въ общемъ не вижу существенныхъ отступленій отъ принятой нормы, за исключеніемъ одного случая, о которомъ сейчасъ будетъ рѣчь. Во всѣхъ извѣстныхъ мнѣ грамматикахъ coniunctivus условныхъ предложеній причисляется къ тѣмъ же типамъ сослагательнаго н., которые являются въ соотвѣтствующихъ главныхъ, т. е. modus въ протазисѣ разсматривается совершенно параллельно съ modus аподозиса. Между тѣмъ, казалось бы, присутствіе въ другихъ, болѣе или менѣе родственныхъ, языкахъ совершенно различныхъ типовъ выраженія въ протазисѣ и аподозисѣ относящихся сюда условныхъ періодовъ должно было бы навести на мысль, что въ латинскомъ языкѣ coniunctivus условнаго предложенія имѣетъ другую причину и другое значеніе, нежели coniunctivus обусловливаемаго предложенія. Такъ, напримѣръ, въ романскихъ языкахъ coniunctivus potentialis и irrealis передается обыкновенно посредствомъ conditionalis, въ то время какъ въ условномъ предложеніи употребляется indicativus съ историческими временами (по consecutio temporum). Замѣчательно, что тѣ же грамматики, которые допускаютъ возможность употребленія въ условномъ предложеніи coniunctivus potentialis или irrealis, считаютъ въ совершенно аналогичныхъ случаяхъ coniunctivus придаточнаго предложенія, въ силу „attractio modi", зависящимъ отъ coniunctivus главнаго предложенія; напр. Lael. 15: Quis eum diligat,

quem metuas? (Ср. § 27, 1, b). Но что мѣшаетъ намъ сказать: Si quem metuas, num eum diligas? оправдывая coniunctivus протазиса тѣмъ соображеніемъ, что условіе входитъ какъ часть въ чужое представленіе, выраженное въ аподозисѣ? Другими словами; ничто не мѣшаетъ намъ считать coniunctivus пѣслѣ союза si, какъ въ приведенномъ примѣрѣ, такъ и вообще, за coniunctivus obliquus. Примѣненіемъ къ дѣлу высказаннаго нами взгляда получается надлежащее освѣщеніе формулы „indicativus протазиса: indicativus аподозиса = coniunctivus протазиса: coniunctivus аподозиса“ и въ то же время значительно упрощается общее ученіе объ употребленіи личныхъ наклоненій въ условныхъ періодахъ (ср. § 2, II, 2, с и § 28).

---

§ 1. Предварительныя замѣчанія о временахъ личныхъ наклоненій.

1. Періодъ и видъ времени.

a) *Періоды* времени:
настоящее (praesens);
прошедшее (praeteritum);
будущее (futurum).

b) При употребленіи т. н. *видовъ* глагола вниманіе обращается не на чередованіе времемъ, а лишь на составъ даннаго времени: время представляется или какъ моментъ, т. е. нераздѣлимая единица („совершенный, однократный видъ") или же какъ составное, дѣлимое цѣлое („несовершенный, многократный видъ").

Въ латинскомъ яз. различіе по видамъ глагола ограничивается лишь двумя формами прошедшаго вр., а именно, perfectum и imperfectum.

2. При употребленіи tempora finita, т. е. временъ, имѣющихъ личныя примѣты, лат. яз. не только различаетъ настоящее вр., прошедшее и будущее (какъ это дѣлаетъ и русскій языкъ), но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи особыя формы, выражающія отношеніе одного времени къ другому. На этомъ основаніи слѣдуетъ различать:

a) tempora absoluta, безотносительныя времена, формы, относящія дѣйствіе прямо къ тому времени, о которомъ рѣчь идетъ. Такое значеніе имѣютъ praesens, perfectum (historicum), imperfectum и futurum simplex.

b) tempora relativa, относительныя времена, представляющія дѣйствіе оконченнымъ сравнительно съ вре-

менемъ, о которомъ рѣчь идетъ. Такое значеніе можетъ имѣть perfectum (perfectum praesens), всегда же имѣютъ plusquamperfectum и futurum exactum.

Indicativus.

§ 2. Сочетая форму изъявительнаго н. съ подлежащимъ предложенія, говорящій выражаетъ мысль, которую онъ признаетъ дѣйствительной или безусловно или съ извѣстнымъ ограниченіемъ. Такимъ образомъ употребляется indicativus:

I. Въ главныхъ предложеніяхъ, въ которыхъ соединеніе подлежащаго и сказуемаго выражаетъ:

a) утвержденіе: Veniet онъ придетъ.

b) сужденіе, о дѣйствительности котораго спрашиваютъ: Venietne? придетъ ли онъ.

II. Въ придаточныхъ предложеніяхъ, выражающихъ утвержденіе, которымъ точнѣе опредѣляется или ограничивается утвержденіе, выраженное въ главномъ предложеніи. Такое значеніе имѣетъ indicativus:

1) въ опредѣлительныхъ предложеніяхъ. Сюда принадлежатъ также и предложенія, вводимыя мѣстоименіями (или мѣст. нарѣчіями) обобщающими; напр. Virg. Aen. Quidquid id est, timeo Danaos et dona ferentes.

2) Послѣ союзовъ:

a) въ предложеніяхъ времени, имѣя въ виду одно только понятіе о времени. Съ этимъ значеніемъ употребляется indicativus при quum („temporale") dum (donec), quoad, antequam и priusquam, всегда же (въ прямой рѣчи) употребляется изъяв. н. при ubi (ut), postquam, simulac, quamdiu и quoties.

B. G. 6, 12: Quum Caesar in Galliam venit, alterius factionis principes erant Aedui, alterius Sequani.

Видоизмѣненіями quum temporale слѣдуетъ считать quum „iterativum“=всякій разъ какъ, quum „coincidens“=тогда какъ, чрезъ то что (также: дѣепричастіе), quum inversum“=какъ вдругъ (вдругъ; между тѣмъ).

b) въ сравнительныхъ предложеніяхъ, при сравненіи двухъ фактовъ. Fam. 2, 10: Ut. optasti, ita est.

c) Въ условныхъ и уступительныхъ предложеніяхъ всякій разъ, какъ говорящій имѣетъ лишь въ виду опредѣлить, въ какомъ объемѣ (при какомъ ограниченіи) онъ признаетъ вѣрнымъ фактъ, обозначенный въ главномъ предложеніи посредствомъ indicativus.

Fam. 7, 3: Nunc, si haec civitas est, civis sum; si non, exsul sum. Div. 2, 22: Homo, quod crebro videt, non miratur, etiamsi, cur fiat, nescit.

d) Въ предложеніяхъ *ограничительныхъ* и *причинныхъ*. Or 1, 8: Hoc uno praestamus vel maxime feris, quod colloquimur inter nos.

Времена изъявительнаго н.

a) Безотносительныя времена.

1. Настоящее время.

§ 3. Praesens указываетъ на дѣйствіе, продолжающееся теперь, или въ отдѣльномъ случаѣ или вообще. Особенности:

1) Форма praesens можетъ служить для обозначенія однократнаго дѣйствія будущаго вр. (praesens pro futuro), особ. въ придат. предложеніяхъ временныхъ и условныхъ.

Brut. 95: Si quaerimus (поищемъ), reperiemus.

2) Въ оживленномъ разсказѣ выражаютъ часто посредствомъ praesens прошедшее вр. (praesens historicum).

B. G. 1, 5: Helvetii id, quod constituerant, facere conantur, oppida sua... incendunt, frumentum comburunt.

Сюда же относится употребленіе praesens при союзѣ dum всякій разъ, какъ dum=между тѣмъ какъ, въ то время какъ; напр. B. G. 1; 46: Dum haec in colloquis geruntur, Caesari nuntiatum est equites Ariovisti propius tumulum accedere.

2. Прошедшее время.

§ 4. Безотносительное прошедшее (ср. § 1, 2, а) выражается посредствомъ perfectum (въ совершенномъ видѣ) и imperfectum (въ несовершенномъ видѣ).

Прим. Иной разъ лат. perfectum (hist.) употребляется тамъ, гдѣ по-русски требуется прошедшее несовершенное. B. G. 1, 48: Ex eo die dies continuos quinque Caesar pro castris suas copias produxit („выводилъ").

Глаголы, указывающіе на разговоръ (вопросъ, отвѣтъ) полагаются какъ въ perf., такъ и въ imperf., смотря по тому, на что писатель болѣе обращаетъ вниманіе, на общее ли содержаніе разговора (perf.) или на его подробности (imperf.) B. G. 2, 3: Quum ab his quaereret..., sic reperiebat).

§ 5. Perfectum historicum выражаетъ прошедшее однократное, не имѣющее никакой связи ни съ настоящимъ, ни съ другимъ прошедшимъ временемъ. Отвѣчая на вопросъ: что тогда или затѣмъ случилось? perf. hist. употребляется при изложеніи главныхъ фактовъ разсказа („повѣствовательное время").

B. G. 1, 2: Apud Helvetios longe nobilissimus fuit et ditissimus Orgetorix. Is... coniurationem nobilitatis fecit.

§ 6. Imperfectum отличается отъ perf hist. по видовому значенію, выражая прошедшее вр. несовершеннаго или многократнаго вида. Описывая или поясняя извѣстное положеніе дѣлъ, imperfectum указываетъ

a) на то, что происходило въ отдѣльномъ, въ связи рѣчи обозначенномъ случаѣ. Off. 3, 27: Regulus Carthaginem rediit. Neque vero tum ignorabat, se ad crudelissimum hostem proficisci, sed iusiurandum servandum putabat.

b) на то, что вообще (постоянно, обыкновенно) происходило въ прошедшее время, не обозначая въ точности, когда именно. Sall. Cat. 12: Maiores nostri delubra deorum pietate, domos suas gloria decorabant.

Прим. Imperf. можетъ означать дѣйствіе, готовившееся, но не приведенное въ исполненіе или не доведенное до конечнаго результата (imperf. de conatu). По-русски прошедшее вр. несов. вида или «началъ», «сталъ», «пытался», «хотѣлъ было» съ неопред. н. Cat. 1, 5: Num dubitas id facere, quod iam diu faciebas?

3 *Будущее время.*

§ 7. Futurum simplex показываетъ дѣйствіе, которое произойдетъ или будетъ происходить въ будущемъ, не выражая сравненія ни съ какимъ другимъ дѣйствіемъ будущаго вр.

Fam 16, 10. Nostra ad diem dictam fient. Tusc. 1, 38: Ut nihil ad nos pertinuit ante ortum, ita nihil post mortem pertinebit.

b) Относительныя времена.

§ 8. Для выраженія дѣйствія, оконченнаго сравнительно съ другимъ временемъ, имѣется въ каждомъ періодѣ времени по одной формѣ, стало-быть, всего три формы: perfectum, plusquamperfectum и futurum exactum (§ 1, 2, b).

Прим. При извѣстныхъ глаголахъ, вслѣдствіе значенія глагольной основы, имѣется въ виду не только совершеніе дѣйствія, но и происшедшее отъ него состояніе; поэтому, напр., novi=знаю, noveram=я зналъ, novero=я буду знать. Относящіеся сюда гл. memini и odi имѣютъ только формы отъ основы perfecti.

§ 9. Форма perfecti, употребляемая съ значеніемъ относительнаго времени (perfectum praesens=praeteritum in praesente: § 1, 2, b), обозначаетъ такое прошедшее, которое говорящій ставитъ въ связь съ настоящимъ. По русски: прошедшее соверш. или несовершенное.

Nat. 2, 56: Dii homines celsos erectosque constituerunt (результатъ дѣйствія виденъ въ настоящее вр.). Fam. 4, 13: In qua urbe modo gratia floruimus, in ea nunc his omnibus caremus (прошедшее сравнивается съ настоящимъ).

§ 10. Plusquamperfectum (praeteritum in praeterito: § 1, 2, b) выражаетъ дѣйствіе, оконченное уже въ прошедшее время до наступленія того времени, о которомъ рѣчь идетъ въ разсказѣ. По-русски: прошедшее вр., обыкновенно въ соверш. видѣ (часто съ прибавленіемъ словъ въ родѣ прежде, уже).

Brut. 13, 49: Antequam delectata est Atheniensium civitas ...laude dicendi, multa iam memorabilia effecerat. B G. 1, 31: Idem principes civitatum, qui ante fuerant, ad Caesarem revertuntur.

§ 11. **Futurum exactum** (praeteritum in futuro) указываетъ на дѣйствіе, которое будетъ окончено до наступленія даннаго, въ связи рѣчи обозначеннаго момента. По-русски: будущее вр., обыкновенно въ соверш. видѣ.

Or. 3, 36: Non defatigabor ante, quam illorum vias rationesque **percepero** (разузнаю). Or. 2, 65: Ut sementem **feceris**, ita metes (какъ посѣешь, такъ и пожнешь).

Прим. Для выраженія несомнѣннаго наступленія будущаго дѣйствія вмѣсто fut. simplex употребляютъ fut. ex. Or. 70, 233: Immuta paulum: perierit (пропало) tota res.

§ 12. Въ придат. предложеніяхъ выборъ между безотносительными временами и относительными можетъ зависѣть отъ условій, требующихъ особаго разсмотрѣнія.

1) Если при выраженіи **однократныхъ** дѣйствій употребляются союзы, показывающіе, что дѣйствіе придат. предложенія наступаетъ или раньше дѣйствія главнаго (postquam, quum, simulac, ubi, ut) или же позже (antequam, priusquam, dum, quoad), то въ придаточномъ предложеніи употребляется обыкновенно безотносительное время. Относительное же время допускается лишь при выраженіи состоянія, составляющаго результатъ оконченнаго уже дѣйствія. При этомъ выражается лишь два періода времени: прошедшее и будущее.

a) Безотносительное время:

α) прошедшее вр. выражается посредствомъ perfectum hist. (praes. hist. § 3, 2; imperf. § 6 пр.). B. G. 2, 5: Postquam omnes Belgarum copias ad se venire **vidit**, flumen exercitum traducere maturavit.

β) Будущее вр. только при quum, ubi, ut и simu-

lac выражается посредствомъ futurum simplex; напр. Sall. Cat. 58: Quum proelium inibitis, memineritis vos divitias, decus, gloriam in dextris vostris portare.

При antequam, priusquam и dum (=пока не) будущее выражается посредствомъ praesens (ср. § 3, 1). Att. 10, 9: Dum scitur, exspecta.

Относительно praes. и imperf. coniunctivi при antequam, priusquam, dum и quoad см. § 23, 2.

b) Относительное время:

α) прошедшее вр выражается посредствомъ plusq Caec. 21, 69: P. Africanus, posteaquam bis consul et censor fuerat, L Cottam in iudicium vocavit.

При antequam, priusquam, dum и quoad въ этомъ случаѣ употребляется только coniunctivus: по § 23; 2.

β) Будущее вр. выражается посредствомъ fut. ex. Fam. 12, 19: Mihi usque curae erit, quid agas, dum, quid egeris, sciero.

2) При выраженіи многократныхъ дѣйствій лат. яз. употребляетъ относит. времена всякій разъ, какъ дѣйствіе придат. предложенія предшествуетъ дѣйствію главнаго.

По-русски же дѣйствіе придат. предложенія выражается тѣми же временами, что и дѣйствіе главнаго, при чемъ формою будущаго вр. соверш. вида можно выразить любой періодъ времени.

B. G. 6, 28: Neque homini neque ferae, quam conspexerunt, parcunt. Verr 5, 10: Quum ver esse coeperat, dabat se labori atque itineribus. Or. 2, 65: Ut sementem feceris, ita metes.

§ 13. При глаголахъ, выражающихъ сужденіе о томъ, что въ извѣстномъ случаѣ должно или можно сдѣлать, употребляется по-русски обыкновенно „сослагательное н.“

(я могъ бы, мнѣ слѣдовало бы и т. п.). По-латыни же говорящій:

1) можетъ представлять свое сужденіе о дѣйствіи какъ безусловное утвержденіе, употребляя indicativus. Off. 3, 25: Agamemno immolavit Iphigeniam; promissum potius non faciendum fuit.

2) Нарочно показываетъ, что онъ примѣняетъ свое сужденіе о дѣйствіи къ недѣйствительному случаю. Для выраженія этого послѣдняго значенія употребляется обыкновенно imperf. и plusq. coniunctivi (§ 17, 2), но встрѣчаются также и imperf. и plusq. indicativi, при чемъ первая форма выражаетъ настоящее вр., вторая прошедшее Man. 50. Quodsi Romae Cn. Pompeius privatus esset hoc tempore, tamen ad tantum bellum is e r a t deligendus Mur. 45: Catilina erupit e senatu triumphans gaudio, quem omnino vivum illinc exire non o p o r t u e r a t.

Повелительное н

§ 14. Повелительное н. имѣетъ двѣ формы: одна называется imperativus praesentis, другая imperativus futuri.

Но эти названія не соотвѣтствуютъ тому значенію времени, которое свойственно повелительному н.: изъявленіе воли, выраженное повелительнымъ н., относится всегда къ настоящему вр., къ будущему относится лишь возможное исполненіе дѣйствія.

Различіе по значенію названныхъ формъ заключается въ слѣдующемъ:

1) П е р в а я ф о р м а выражаетъ изъявленіе воли, обращенное къ присутствующему лицу.

Cat. 1, 5: Perge, quo coepisti, egredere aliquando ex urbe, patent partae, proficiscere.

2) Вторая форма выражаетъ требованіе или дозволеніе, относящееся не только ко 2-му лицу, но и къ 3-му, и разсматриваемое какъ выраженіе нравственнаго требованія или закона, въ силу котораго что нибудь должно или можетъ быть сдѣлано.

Leg. 2, 8: Divis omnibus pontifices, singulis flamines sunto. Amer. 2: Pecunia fortunisque nostris contentus esto.

При imper. praesentis отрицаніе не допускается: ср. § 18, 2, b. При imper. fut. отрицаніемъ служитъ ne

Сослагательное н

§ 15. Обзоръ значеній сослагательнаго н. Употребляя coniunctivus, говорящій смотритъ на дѣйствіе, выраженное сказуемымъ, не какъ на фактъ, а какъ предметъ личнаго представленія; напр. Veniat=онъ бы пришелъ; пусть онъ придетъ. Opto, ut veniat=желаю, чтобы онъ пришелъ. При раздѣленіи общаго значенія и употребленія сослагательнаго н.

1) важно различать:

a) сослагательное н. воображаемой возможности;

b) сослагательное н. желаемаго дѣйствія.

2) Помимо указаннаго раздѣленія должно еще замѣтить другое, зависящее отъ грамматической связи рѣчи:

a) сослагательное н. независимой рѣчи, употребляемое только въ главныхъ предложеніяхъ;

b) сослагательное н. зависимой рѣчи, свойственное лишь придаточнымъ предложеніямъ.

Обзоръ названій, входящихъ въ приведенное выше раздѣленіе, представляетъ слѣдующая таблица:

Coniunctivus независимой рѣчи	Coniunctivus зависимой рѣчи.	
	прямой	косвенной
Coni. potentialis, irrealis	Coni. generis	Coni. obliquus
Coni. optativus		Coni. finalis.

§ 16. Наличность и значеніе временъ сослагательнаго н. При опредѣленіи періодовъ времени сослагательнаго н. спрашивается не о времени самаго дѣйствія, а лишь о томъ, къ какому времени относится представленіе о дѣйствіи: настоящее вр. выражаетъ неоконченное представленіе, прошедшее вр. оконченное представленіе.

Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ періодѣ различаютъ: дѣйствіе неоконченное (не только одновременное съ представленіемъ, но также и предстоящее или предстоявшее) и оконченное (предшествующее или предшествовавшее времени представленія).

Итакъ, coniunctivus имѣетъ всего четыре времени:

Время представленія	Неоконч. дѣйствіе.	Оконченное дѣйствіе.
Неоконченное предст	1. Praesens	2 Perfectum
Оконченное предст.	3. Imperfectum	4. Plusquamperf.

Для выраженія предстоящаго (предстоявшаго) дѣйствія лишь въ исключительномъ случаѣ употребляется особая форма: § 25.

A. *Сослагательное в независимой рѣчи.*

§ 17. Coniunctivus воображаемой возможности употребляется въ независимой рѣчи, показывая воображаемое дѣйствіе, служащее предметомъ представленія говорящаго лица.

По-русски: прошедшее условное (съ *бы*) или равносильное ему выраженіе.

Частица отрицанія: non.

Сюда относятся два главныхъ случая: coni. potentialis и coni irrealis.

1) Coni. potentialis.

Указывая на придуманный имъ случай, говорящій интересуется не исполненіемъ дѣйствія на практикѣ, а лишь его качествомъ.

Употребляемыя въ этомъ случаѣ формы praesens и imperfectum имѣютъ свое обыкновенное значеніе (§ 16). Въ извѣстныхъ случаяхъ praesens замѣняется чрезъ perfectum (ср. fut. exactum вм. fut. simplex: § 11 пр.).

Coni. pot. употребляется какъ въ связи съ условіемъ, такъ и безъ него.

Въ первомъ случаѣ употребляется главнымъ образомъ лишь praesens или равносильное ему perfectum (примѣры съ imperf. см. ниже: п. 1 пр. и п. 2 пр.). Sen. 83: Si quis deus mihi largiatur, ut ex hac aetate repuerascam, valde recusem.

Безъ условія coni. pot. входитъ либо въ безличное предложеніе, либо въ предложеніе съ общимъ, неопредѣленнымъ подлежащимъ (II лицомъ, неопр. или вопр. мѣстоименіемъ). Кромѣ praes (perf.) встрѣчается также и imperf. Nat. 2, 53: Hic quaerat quispiam (спроситъ, могъ бы

спросить). Verr. 4, 13: Mirandum in modum-canes venaticos d i c e r e s—ita adorabantur omnia.

Кромѣ того, употребляется coni. pot. въ I л. ед. ч. для выраженія скромнаго утвержденія, напр. v e l i m я бы хотѣлъ.

Прим. Особымъ примѣненіемъ coni. pot. слѣдуетъ считать „coni. dubitativus", употребляемый въ вопросахъ, выражающихъ недоумѣніе насчетъ предстоящаго (praes.) или предстоявшаго (imperf.) дѣйствія. Amer. 29: A quibus auxilium p e t a m? (у кого просить помощи?). Tusc. 90: Cur Camillus d o l e r e t (къ чему было Камиллу горевать), si haec post trecentos annos eventura putaret?

2) Coni. irrealis.

Говорящій имѣетъ въ виду дѣйствіе, прямо противоположное тому, что есть (будетъ) или было въ дѣйствительности. Указанное значеніе получается благодаря своеобразному употребленію временъ: imperf. выражаетъ дѣйствіе еще неоконченное, plusq. дѣйствіе уже оконченное.

Coni. irrealis употребляется почти лишь въ связи съ условіемъ. Phil. 2, 24: Consilia mea si valuissent, res publica s t a r e t, t u c o n c i d i s s e s (подраз.: non stat, non concidisti).

Условіе можетъ заключаться въ какой нибудь части самаго обусловленнаго предложенія. Arch. 10. Hunc petentem (=si petiisset) r e p u d i a s s e t.

Иной разъ условіе вовсе не выражается. Сюда относится употребленіе v e l l e m при выраженіи неосуществимаго желанія. Phil. 1, 16: Vellem, adesset M. Antonius (выводъ: жаль. что его нѣтъ).

Прим. Въ древнѣйшее время при выраженіи значенія coni. irrealis вмѣсто imperf. употребляли praesens, вмѣсто plusq.—imperf., другими словами, вездѣ употребляли формы coni. potentialis (ср. п. 1). Слѣды этого древнѣйшаго употребленія встрѣчаются изрѣдка и въ классической латыни; напр. Fin. 2. 25: Laelius suavitatem ipsam negligebat. Quod non f a c e r e t, si in voluptate summum bonum peteret.

О значеніи coniunctivi условныхъ предложеній будетъ рѣчь въ § 28.

§ 18. C o n i u n c t i v u s ж е л а н і я употребляется въ независимой рѣчи, указывая на дѣйствіе, составляющее предметъ желанія говорящаго лица.

Частица отрицанія: n e.

Употребляемыя въ этомъ случаѣ времена praesens и perfectum имѣютъ вообще свое обыкновенное значеніе (§ 16); должно только замѣтить, что при выраженіи запрещенія (см. ниже: п. 2) perfectum выражаетъ неоконченное дѣйствіе.

1) Coni. o p t a t i v u s выражаетъ желаніе, разсматриваемое какъ чувство. По-русски: „да“ съ настоящимъ или будущимъ вр. или „о если (когда) бы“ съ прошедшимъ.

Время: praesens (ср. ниже: прим.). Mil. 34: Ne s i m salvus, si aliter sentio, ac scribo.

Прим. Другое дѣло, если желаніе выражается посредствомъ прид. предложенія, относящагося къ подразумѣваемому главному. Сюда относится:

1) условное предложеніе съ s i (o s i), гдѣ подразумѣвается главное предложеніе въ родѣ gaudeam (gauderem) или bene sit (esset), при чемъ времена объясняются по § 28. V. A. 8, 60: O mihi praeteritos referat si Iuppiter annos.

2) Предложеніе цѣли, зависящее отъ подразумѣваемаго выраженія въ родѣ velim, vellem (времена по § 30, 2, b). Такое желаніе вводится:

a) союзомъ utinam (ut). Cat. 1, 9: Utinam tibi istam mentem di immortales dederint.

b) ограничительнымъ нарѣчіемъ modo только (также: dummodo, dum). Off. 1, 25: Mediocritas placet Peripateticis et recte placet: modo ne laudarent iracundiam (ne=vellem ne: § 17, 2).

2) Coni precativus (hortativus, suasorius) показываетъ, что говорящій изъявляетъ свое желаніе путемъ просьбы, совѣта, увѣщанія.

a) Praesens употребляется: или въ I л. множ. ч. (по-русски: будущее вр. безъ личнаго мѣстоименія); напр. Sest. 68: Amemus patriam, или, при обращеніи къ общему, неопредѣленному лицу, во II л. ед. ч. (по-русски: повел. н. или „должно", „слѣдуетъ" съ неопр. н.), напр. Tusc. 5, 41: Iniurias fortunae defugiendo relinquas.

b) Perfectum употребляется только въ связи съ отрицаніемъ ne, замѣняя неупотребительный въ связи съ отрицаніемъ imperativus praesentis. Div. 2, 61: Hoc ne feceris не дѣлай этого.

3) Coni. concessivus выр. дѣйствіе, которое говорящій, уступая мнѣнію другого лица, на словахъ признаетъ фактическимъ. Praes. показываетъ неоконченное дѣйствіе, perf. оконченное. По-русски: „пусть" или „положимъ (допустимъ), что". Tusc. 2, 5: Ne sit summum malum dolor; malum certe est. Verr. 1, 41: Malus civis Cn. Carbo fuit. Fuerit aliis; tibi quando esse coepit?

Прим. Другое значеніе имѣетъ coniunctivus при уступ. союзахъ quamvis и ut: при quamvis coni. зависитъ отъ заключающагося въ союзѣ глагола volo, передъ ut („concessi-

vum") подразумѣвается глаголъ желанія (ср. выше: п. 1, пр. 2). Off. 3, 19: Quod turpe est, id, quamvis occultetur, tamen honestum fieri nullo modo potest. Or. 2, 4: Ut quaeras omnia, non reperies.

B. *Сослагательное н. зависимой рѣчи.*

I. Cослаг. н. въ придат. предложеніяхъ прямой рѣчи.

Coniunctivus generis.

§ 20. Coni. generis выражаетъ дѣйствіе, разсматриваемое какъ слѣдствіе извѣстнаго качества или обстоятельства, обозначеннаго въ главномъ предложеніи.

Coni. generis можетъ употребляться въ опредѣлительныхъ предложеніяхъ и въ предложеніяхъ времени, всегда же употребляется въ предложеніяхъ слѣдствія.

Различаютъ (на общемъ основаніи: § 16) времена неоконченнаго дѣйствія (praes. и imperf.) и оконченнаго (perf. и plusq.).

§ 21. Coni. generis употребляется въ опредѣлительныхъ предложеніяхъ (съ qui) всякій разъ, какъ упомянутое въ нихъ дѣйствіе представляется какъ слѣдствіе обозначеннаго въ главномъ предложеніи качества.

1) Слѣдствіе бываетъ:

а) фактическое. Отн. мѣстоименіе присоединяется къ имени сказуемаго главнаго предложенія, выраженному или подразумѣваемому.

Tusc. 3, 8: Innocentia est affectio talis animi, quae noceat nemini. Tusc. 1, 9: Sunt, qui censeant una animum et corpus interire.

b) Нефактическое (возможное или предположенное). Сказуемое главнаго предложенія выражается глаголомъ, означающимъ: приходить, посылать, давать, брать, имѣть.

Ph. 2, 8: Quid habes, quod mihi opponas? Cat. 1, 4: Delegisti, quos Romae relinqueres, quos tecum educeres.

2) Выраженное сослагательнымъ н. слѣдствіе:

a) представляется или какъ основаніе мысли главнаго предложенія (передъ qui часто ставится ut, utpote, quippe, praesertim). Nat. 2, 15: Solis candor illustrior est quam ullius ignis, quippe qui (такъ какъ онъ) in immenso mundo tam longe lateque colluceat, или же какъ уступленіе. Or. 1, 18: Egomet, qui (хотя я) sero Graecas litteras attigissem, tamen Athenis complures dies sum commoratus:

b) служитъ ограниченіемъ мысли, выраженной въ главномъ предложеніи. Сюда принадлежитъ:

α) сочетаніе aptus, dignus, idoneus съ опредѣлительнымъ предложеніемъ. Acad. 1, 8: Academici et Peripatetici mentem solam censebant idoneam, cui crederetur (одинъ умъ считали достойнымъ того, чтобы ему вѣрить);

β) вводное предложеніе съ qui, qui quidem, qui modo. Acad. 1, 8: Antiquissimi fere sunt, quorum quidem scripta constent (по крайней мѣрѣ изъ тѣхъ, сочиненія которыхъ до насъ дошли), Pericles et Alcibiades.

§ 22. Coni. generis употребляется обязательно при тѣхъ союзахъ, которые сами по себѣ выражаютъ слѣдствіе Кромѣ ut „consecutivum“, соотвѣтствующаго рус-

скому союзу слѣдствія „что“, сюда относятся два союза, выражающіе отрицаемое слѣдствіе: quin и quominus.

Quin (consecutivum) входитъ въ выраженія въ родѣ слѣдующихъ: non (nihil, nemo) est, quin = нѣтъ ничего (никого), чтобы не, nihil facio, quin = ничего не дѣлаю безъ того, чтобы не, non multum abest, quin—едва не, чуть не.

Quominus употребляется при verba impediendi.

Nat. 2, 15: Sol efficit, ut omnia floreant. Phil. 2, 9: Nihil praetermisi, quin Pompeium a Caesaris coniunctione avocarem. B. G. 4, 22: Naves vento tenebantur, quominus in eundem portum venire possent.

Прим. Въ предложеніяхъ слѣдствія сравнительно рѣдко встрѣчаются формы оконченнаго дѣйствія. Оконченное дѣйствіе выражается:

1) въ зависимости отъ времени главнаго предложенія. Cat. 1, 9: Non is es, ut te pudor a turpitudine revocarit

2) Независимо. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ разсказчикъ, указывая на свое личное мнѣніе, разсматриваетъ оконченное дѣйствіе съ точки зрѣнія своего времени (perf.). Brut 88: Hortensius ardebat dicendi cupiditate sic, ut in nullo unquam flagrantius studium viderim.

Coni. finalis при ut: § 30. Coni obliquus при quin: § 26.

§ 23. При тѣхъ союзахъ, которые сами по себѣ не выражаютъ слѣдствія, выборъ наклоненія зависитъ отъ того, желаетъ или не желаетъ говорящій придавать сочетанію значеніе, требующее coniunctivus. Сюда относятся слѣд. союзы времени: quum, antequam, priusquam, dum, donec и quoad.

1) Quum съ coniunctivus.

a) Quum causale: „такъ-какъ“. Off. 3, 2:

Quum ad mercaturam sis profectus, inanem redire turpissimum est.

b) Quum adversativum (concessivum) выражаетъ различіе или несоотвѣтствіе между сопоставляемыми мыслями. По-русски. *хотя, тогда какъ между тѣмъ какъ.*

B. G. 4, 12: Nostrorum equitum erat quinque milium numerus, quum hostes non amplius octingentos equites haberet.

c) Quum historicum (narrativum) отвѣчаетъ на вопросъ: когда? имѣя въ виду не столько время, сколько обстоятельство, служившее поводомъ къ осуществленію главнаго дѣйствія. Imperf. выраж. неоконч. дѣйствіе, plusq. оконченное.

B. G 1, 7: Caesar, quum id nuntiatum esset, maturat ab urbe proficisci. B. G. 2, 1: Quum esset Caesar in citeriore Gallia, crebri ad eum rumores afferebantur Belgas coniurare.

2) При antequam (priusquam)=передъ тѣмъ какъ, прежде чѣмъ, и при dum (donec, quoad)=пока не, употребляется coniunctivus всякій разъ, какъ обозначенное въ прид. предложеніи дѣйствіе представляется какъ возможное слѣдствіе выраженнаго союзомъ обстоятельства времени.

B. G. 6, 4: Priusquam id effici posset, adesse Romanos nuntiatur (выводъ: извѣстіе о прибытіи римлянъ пришло *такъ* рано, *что* непріятели не успѣли осуществить своего намѣренія), Tusc. 4, 36: Iratis subtrahendi sunt ii, in quos impetum conantur facere, dum se ipsi colligant („до тѣхъ поръ, пока не опомнятся", имѣя въ виду возможный моментъ, когда опомнятся: dum=tam diu, ut).

О другомъ значеніи coniunctivi при dum (dummodo) см. § 18, 1 пр., 2, b.

II. Сослагательное н. въ придат. предложеніяхъ косвенной рѣчи.

§ 24. *Косвенною рѣчью* называется такой способъ изложенія, при которомъ разсказчикъ указываетъ на мысль, выраженную въ придат. предложеніи, какъ на представленіе или изъявленіе упомянутаго имъ или воображаемаго лица. Облекая чужую мысль въ форму зависимой рѣчи, разсказчикъ превращаетъ главное повѣствовательное предложеніе прямой рѣчи въ accusativus cum infinitivo и въ придат. предложеніи превращаетъ indicativus прямой рѣчи въ coniunctivus.

Прямая рѣчь: Venire, inquit, non possum, quia aeger sum.

Косвенная рѣчь: Dicit se venire non posse, quia aeger sit.

Кромѣ того, въ придат. предложеніяхъ косвенной рѣчи соблюдается т. н. consecutio temporum („послѣдовательность временъ"). Указанное явленіе, несвойственное русскому языку, заключается въ томъ, что въ придат. предложеніи выражается *время чужого представленія:* представленіе же это относится къ періоду настоящаго вр., если въ главномъ предложеніи употреблено praesens или futurum („главное время"), и къ періоду прошедшаго вр., если въ главное предложеніе входитъ какое-нибудь прошедшее время („историческое время").

Dixit se venire non posse, quia aeger esset.

Помимо указаннаго различія, въ томъ и другомъ періодѣ выражается различіе между неоконченнымъ дѣйствіемъ и оконченнымъ, стало-быть, употребляется praesens и perfectum послѣ главнаго времени, imperf. и plusq. послѣ историческаго времени; напр.

Quaerit, quid facias онъ спрашиваетъ, что ты дѣ-

лаешь (quid feceris что ты сдѣлалъ). Quaesivit, quid faceres онъ спросилъ, что ты дѣлаешь (quid fecisses что ты сдѣлалъ).

О томъ, когда формы неоконченнаго дѣйствія замѣняются формами предстоящаго (coniugatio periphrastica futuri activi) см. § 26.

Praes. historicum разсматривается часто какъ „историческое" время. B. G. 1, 3: Persuadet (=persuasit) Castico, ut regnum occuparet.

Perf. praesens лишь тогда разсматривается какъ главное время, когда имъ выражается результатъ дѣйствія. R. Am. 32: Etiamne venistis (=adestis), ut me iuguletis.

Въ русскомъ яз. косвенная рѣчь болѣе походитъ на прямую: изъявительное н. прямой рѣчи удерживается и послѣдовательность временъ не соблюдается. Кромѣ того, латинскій яз., въ отличіе отъ русскаго, употребленіемъ возвратныхъ мѣстоименій показываетъ, что зависимое выраженіе входитъ въ косвенную рѣчь; напр. A me petivit, ut ad se (къ нему) venirem.

Coniunctivus obliquus.

§ 25. Coni. obliquus (ср. § 15), выражая чужое представленіе, употребляется въ придаточныхъ предложеніяхъ косвенной рѣчи тамъ, гдѣ въ прямой рѣчи разсказчикъ употреблялъ бы indicativus, какъ выраженіе его собственнаго утвержденія. Предложеніе, въ которое входитъ coni. obliquus,

1) *Зависитъ* отъ глагола главнаго предложенія; напр. Dic, quando venias (§ 26);

2) *независитъ* отъ глагола главнаго предложенія; напр. Dixit se venire non posse, quia aegrotaret (§ 27).

§ 26. Къ придат. предложеніямъ съ coni. obliquus, зависящимъ отъ глагола главнаго предложенія, относятся:

1) Дополнительное предложеніе съ quin (quin „obiectivum"), употребляемое послѣ выраженій „не сомнѣваюсь", „нѣтъ сомнѣнія" (non dubito, dubium non est, quis dubitat? quis ignorat?).

2) *Косвенный* (зависимый) *вопросъ*. Въ обоихъ случаяхъ соблюдается consecutio temporum, при чемъ, кромѣ формъ неоконченнаго дѣйствія (praes. и imperf.) и оконченнаго (perf. и plusq.), допускаются также и времена предстоящаго дѣйствія (coniugatio periphrastica на—urus sim и—urus essem); напр. Quaerit, quid facturus sis (сдѣлаешь, будешь дѣлать). Quaesivit, quid facturus esses (сдѣлаешь, будешь дѣлать).

Brut. 18: Non dubitari debet, quin fuerint ante Homerum poëtae. Nat. 15: Et quisquam dubitabit, quid perfecturus sit (совершитъ)?

Что для выраженія предстоящаго дѣйствія, однократнаго, можно довольствоваться формами неоконченнаго дѣйствія (ср. § 16), доказываетъ, напр., B. G. 1, 39: Dixit se non dubitare, quin Ariovistus de omnibus obsidibus gravissimum supplicium sumeret (подвергнетъ жесточайшей казни).

§) 27. Въ придат. предложеніи косвенной рѣчи, независлщемъ отъ глагола главнаго предложенія, coni. obliquus показываетъ, что выраженная въ придат. предложеніи мысль разсматривается какъ *часть* чужого представленія, выраженнаго или невыраженнаго въ главномъ предложеніи.

Соблюдается consec. temporum съ формами неоконч. дѣйствія (praes. и imperf.) и оконченнаго (perf. и plusq.).

1) Въ главномъ предложеніи чужое представленіе выражается:

a) посредствомъ acc. c. inf., напр. B. G. 7, 14:

Docet longe alia ratione esse bellum gerendum, atque antea gestum sit, равно какъ и посредствомъ infinitivus, зависящаго отъ безличнаго глагола, напр. Off. 3, 4: Pluris putare, quod utile videatur, quam quod honestum, turpissimum est;

b) посредствомъ coniunctivus или независимой рѣчи, напр. Lael 15: Quis eum diligat, quem metuat? Tusc. 90: Cur Camillus doleret, si haec... putaret? (другіе примѣры см. въ § 28), или же зависимой, напр Off. 3, 6: Natura praescribit, ut homo homini. quicunque sit, consultum velit.

Тѣ же формы употребляются тамъ, гдѣ по-русски при обозначеніи предстоящаго дѣйствія полагается будущее вр., напр. B. G. 1, 13: Is ita cum Caesare egit... Si pacem populus Romanus cum Helvetiis faceret, in eam partem ituros atque ibi futuros Helvetios, ubi eos Caesar constituisset atque esse voluisset.

2) Въ главномъ предложеніи чужое представленіе *не* выражается и

a) приписывается опредѣленному, уже упомянутому лицу. Tusc. 4, 19: Noctu ambulabat in publico Themistocles, quod (такъ какъ, по его словамъ) somnum capere non posset;

b) приписывается воображаемому лицу, какъ мысль, отвергаемая разсказчикомъ. Сюда относится coniunctivus

α) при non quod (quia, quo, quin). Att. 7, 15: Nullum adhuc intermisi diem..., non quo haberem magnopere, quod scriberem, sed ut loquerer tecum absens;

β) при условно-сравнительныхъ союзахъ (ut, velut, ac, tanquam и qua въ соединеніи съ союзомъ si=какъ будто, какъ если бы). Phil. 6, 4: Antonius Plancium sic contemnit, tanquam si illi aqua et igni interdictum sit.

§ 28. Особое примѣненіе разсмотрѣннаго въ § 27, 1, b случая составляетъ consecutio temporum при употребленіи сослагательнаго н. (coniunctivus obliquus) *въ условныхъ предложеніяхъ*, равно какъ и въ уступительныхъ послѣ etsi, etiamsi и tametsi:

1) praesens и perfectum употребляются лишь тамъ, гдѣ въ главномъ предложеніи посредствомъ praes. или perf. выражено неоконченное дѣйствіе настоящаго вр. (ср. § 17, 1)

a) Praesens выражаетъ дѣйствіе, неоконченное сравнительно съ временемъ, обозначеннымъ въ главномъ предложеніи. Lael. 3: Si negem, mentiar.

b) Perfectum выражаетъ не только дѣйствіе, оконченное сравнительно съ временемъ главнаго предложенія, но также и неоконченное. Этотъ послѣдній случай возможенъ лишь при употребленіи perfectum также и въ главномъ предложеніи; напр. Fin 3, 18: Si scieris (положимъ, что знаешь) aspidem occulte latere uspiam, improbe feceris, nisi monueris (совѣтуешь) alterum, ne assideat.

2) imperf. и plus. допускаются лишь тамъ, гдѣ въ главное предложеніе входитъ imperf. и plusq. (Ср. § 17, 2).

a) Imperfectum выражаетъ дѣйствіе, *неоконченное* сравнительно съ временемъ, указаннымъ въ главномъ предложеніи, и употребляется какъ при imperf. главнаго предложенія, напр. Part. 25: Si semper optima tenere possemus, haud sane consilio multum egeremus, такъ и при plusq. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ imperf. выражаетъ продолжавшееся состояніе; напр. Brut. 10: Neque enim iam Troicis temporibus tantum laudis in dicendo Ulixi tribuisset Homerus, nisi tum iam esset honos eloquentiae.

b) Plusquamperfectum выражаетъ не только

дѣйствіе, оконченное сравнительно съ временемъ главнаго предложенія, напр Am. 27: Studiorum meorum recordatio et memoria si una cum Scipione occidisset, desiderium amantissimi viri ferre nullo modo possem, но также и дѣйствіе неоконченное (одновременное). Этотъ послѣдній случай возможенъ лишь при употребленіи plusq. также и въ главномъ предложеніи, напр. Inv. 1, 47: Si venisses, visus esses.

Прим. Coniunctivus условнаго предложенія можетъ зависѣть отъ *дополняемаго* изъ обусловленнаго предложенія coniunctivus, если сказуемое этого послѣдняго предложенія выражаетъ:

1) дѣйствіе предстоящее (будущее) или возможное; напр. Man. 50: Quodsi Romae Cn. Pompeius privatus esset hoc tempore, tamen ad tantum bellum is erat (=esset: ср. § 13, 2) deligendus atque mittendus.

2) дѣйствіе, которое совершилось было, но почему-то не совершилось. Fam. 12, 10: Praeclare viceramus (подразум. vicissemus), nisi Lepidus recepisset Antonium.

Coniunctivus finalis.

§ 29. Coni. finalis (ср. § 15) выражаетъ дѣйствіе, разсматриваемое какъ предметъ желанія того лица, которое обозначено какъ подлежащее главнаго предложенія, и употребляется въ придат. предложеніяхъ косвенной рѣчи тамъ, гдѣ при независимой формѣ выраженія полагалось бы повелительное н., сослагательное н. желаемаго дѣйствія (§ 18) или равносильное ему выраженіе; напр. A me petivit, ut ad se venirem (тотъ, кто просилъ, употребилъ такое выраженіе: Veni ad me или Utinam (velim) ad me venias).

При coni. finalis частицею отрицанія служитъ ne.

При coni. finalis соблюдается consecutio temporum (§ 24), обыкновенно лишь съ формами неоконч. дѣйствія (praes. и imperf.).

Примѣръ съ формою оконч. дѣйствія см. въ концѣ § 30 го.

§ 30. Coni. finalis употребляется во всѣхъ видахъ цѣлевыхъ предложеній, какъ обстоятельственныхъ, такъ и дополнительныхъ.

1) Обстоятельственныя цѣлевыя предложенія:

a) вводятся союзами ut и quo. Ut въ этомъ случаѣ („ut finale“)=чтобы (съ тѣмъ, чтобы; для того, чтобы). Quo=чтобы этимъ, чтобы тѣмъ.

Cluent. 53: Legum idcirco omnes servi sumus, ut liberi esse possimus. Fin. 2, 4: Romani ab aratro abduxerunt Cincinnatum, ut dictator esset. Cael. 12: Ager saepius aratur, quo meliores fetus et grandiores possit edere.

b) присоединяются къ главному предложенію безъ посредства союза. Сюда относится лишь употребленіе отрицательнаго нарѣчія ne (не „finale“) вмѣсто рѣдко встрѣчающагося сочетанія ut ne (=съ тѣмъ, чтобы не). B. G. 2, 33: Milites ex oppido exire iussit, ne quam noctu oppidani ab militibus iniuriam acciperent.

2) Дополнительныя цѣлевыя предложенія:

a) вводятся союзомъ ut („ut obiectivum“=чтобы).

Глаголы желанія рѣдко сочетаются съ ut, исключая opto.

При verba timendi употребляется ut для обозначенія желаемаго дѣйствія (по-русски: что не).

Fin. 5, 9: Omne animal id agit, ut se conservet. Off. 3, 25: Phaëton, ut in currum patris tolle-

retur, optavit. Fam. 14. 2: Timeo, ut labores sustineas.

b) присоединяются къ главному предложенію безъ посредства союза. Такимъ образомъ употребляется con. finalis при praes. ind. безличныхъ глаголовъ licet, oportet, necesse est, opus est, при velim и vellem (§ 17) и при глаголахъ, выражающихъ словесное изъявленіе желанія.

Fam. 3, 17; Tu ad me de rebus omnibus scribas, velim. Inv. 1, 16: Quem docilem velis facere, simul attentum facias, oportet. B. G. 5, 49: Hunc admonet, iter caute digenterque faciat.

Сюда же слѣдуетъ отнести употребленіе отрицательнаго нарѣчія ne вмѣсто мало употребительнаго сочетанія ut ne; напр. Cat. 1, 2: Decrevit senatus, ut consul videret, ne quid respublica detrimenti caperet.

Ut ne вмѣсто ne встрѣчается лишь тамъ, гдѣ на отрицаніе падаетъ логическое удареніе. Fam. 4, 1: Trebatio mandavi, ut né recusaret.

При verba timendi ne=что (какъ бы не; не бы). Att. 9, 6: Timeo, ne non impetrem (non здѣсь имѣетъ логическое удареніе). Att. 9, 7: Extimescebam, ne quid urpe facerem vel iam fecissem.

Э. Андерсенъ.

Новгородсѣверская эпоха въ жизни С. Н. Браиловскаго

(По поводу двадцатипятилѣтія его педагогической и ученой дѣятельности).

Имя Сергѣя Николаевича Браиловскаго извѣстно всякому учителю русскаго языка, если онъ любитъ свое дѣло и, слѣдовательно, заглядываетъ въ наши педагогическіе журналы, въ которыхъ Сергѣй Николаевичъ уже 25 лѣтъ участвуетъ своимъ живымъ и разумнымъ словомъ, давая цѣнныя и полезныя разъясненія историко-литературныхъ и грамматическихъ явленій.

Богатая событіями жизнь и плодотворная дѣятельность этого талантливаго педагога—литератора представляетъ собой весьма занимательную и поучительную эпопею изъ русской дѣйствительности восьмидесятыхъ и девяностыхъ годовъ прошедшаго вѣка.

Пользуясь исполненіемъ двадцатипятилѣтія дѣятельности С. Н., совпадающимъ съ августомъ сего 1909 года, мы разскажемъ отрывокъ изъ этой эпопеи, обрисовывающій положеніе С. Н. на службѣ учителя русскаго языка въ Новгородсѣверской женской гимназіи и избираемъ для этой цѣли воронежскія «Филологическія Записки», съ которыми у нашего юбиляра давняя и прочная дружба.

Въ октябрѣ 1891 г. на улицахъ уѣзднаго городка, Черниговской губерніи, глубоко-провинціальнаго Новгородсѣверска, гдѣ каждый знаетъ наперечетъ всѣхъ жителей, сталъ появляться еще молодой, стройный человѣкъ, красивый собою съ черными горящими гла-

зами; это и былъ новый учитель словесности женской гимназіи С. Н. Браиловскій.

Появленію его въ г. Новгородсѣверскѣ предшествовала злоязычная молва по поводу перевода его изъ Нѣжинской женской гимназіи изъ-за недоразумѣнія съ однимъ изъ тамошнихъ преподавателей.

Тяжелую полосу переживала средняя русская школа въ тѣ годы. То было время, когда кандидаты филологическаго и даже математическаго факультетовъ шли, за неимѣніемъ соотвѣтственныхъ ихъ образовательному цензу мѣстъ, въ помощники классныхъ наставниковъ или въ учителя приготовительнаго класса. Все было занято и перегружено ищущими дѣла и обезпеченія на педагогическомъ поприщѣ. Мѣста преподавателей русскаго языка въ мужскихъ гимназіяхъ съ годовымъ окладомъ въ 750 руб. за 12 уроковъ, при 29 недѣльныхъ урокахъ (до 1890 года при 25) на двоихъ, съ прибавкой за классное наставничество 160 р. и 100 р. за исправленіе безчисленнаго количества тетрадокъ, должны были представлять предметъ тайныхъ вожделѣній для паріи—учителей женскихъ гимназій съ поурочной годовой платой по 40 и не свыше 50 руб. за урокъ, при чемъ и этихъ дешевыхъ уроковъ нельзя было получить въ достаточномъ числѣ, такъ какъ въ низшихъ классахъ преподавали учительницы, а уроки географіи и исторіи поручались отдѣльному преподавателю.

Таковы по крайней мѣрѣ были условія службы въ описываемое время въ Новгородсѣверской женской гимназіи. О частныхъ урокахъ съ приличной для преподавателя гимназіи платой нечего было и думать среди оскудѣвшей помѣщичьей интеллигенціи и невѣжественныхъ мѣщанъ—кулаковъ захолустнаго городишки.

Помню какъ теперь, поселился С. Н. съ женой,

молодой, красивой брюнеткой, и грудной дѣвочкой на глухой, пустынной казацкой улицѣ у старовѣра Скважникова во флигелькѣ въ двухъ небольшихъ комнаткахъ съ переносной желѣзной печкой, дававшей временное удушливое тепло и угаръ.

Не менѣе тяжела была нравственная атмосфера, которую засталъ С. Н. на службѣ въ городѣ Новгородсѣверскѣ.

Директоромъ Новгородсѣверской мужской гимназіи, онъ же предсѣдатель педагогическаго совѣта женской гимназіи, былъ въ то время Н. Ѳ. Лазаренко, нынѣ уже давно покойникъ. Унаслѣдовавъ гимназію отъ г. Ронталера, переполнившаго Новгородсѣверскую м. гимназію наѣзжими евреями и поляками и ведшаго анти-русскую школьную политику, покойный Лазаренко былъ совершенно не въ силахъ дать ввѣреннымъ ему гимназіямъ надлежащее учебно воспитательное направленіе Не отличаясь вообще ни умомъ, ни волей, безъ познаній, безпомощный старикъ Лазаренко, совершенно обезличенный своей властной женой, окончательно обабился, окружилъ себя вѣстовщицами и погрузился въ мірокъ женскихъ дрязгъ и сплетенъ.

А жаль: съ уходомъ г. Ронталера и послѣ разгрома среди преподавателей, произведеннаго покойнымъ попечителемъ Кіевскаго учебнаго округа Вельяминовымъ—Зерновымъ, въ Новгородсѣверскѣ образовался составъ молодыхъ хорошихъ силъ, которыя нуждались въ опытномъ и авторитетномъ руководителѣ. Но такого руководителя не оказывалось; въ лучшемъ случаѣ, т. е. въ случаѣ благоволенія, преподаватели находили у Н. Ѳ. Лазаренка излюбленныя имъ добродушно-пошлыя шуточки и винтикъ по маленькой. На письменныхъ испытаніяхъ зрѣлости шло беззастенчивое, открытое списы-

ваніе и подсказываніе. Случалось, что среди экзамена на одну скамью садилось по двое, даже трое, учениковъ и затѣвали ученый споръ, какъ перевести мѣсто изъ Т. Ливія или Ксенофонта. А на устныхъ испытаніяхъ по древнимъ языкамъ ставили съ наружной стороны зданія у открытаго окна зала въ первомъ этажѣ столикъ съ подстрочниками и сажали секретарей, которые быстро находили соотвѣтствующее мѣсто и читали переводъ въ спину обдумывавшему у окна товарищу...

Понятно, какъ шли годичныя занятія. Ученикъ былъ увѣренъ, что «выдержитъ» экзаменъ. Отъ скуки и бездѣлія ученики пьянствовали напропалую, облюбовавъ для того окружающіе городъ овраги—Македонщину, или предавались разврату.

Недурные знающіе учителя искали молодого веселія и кое какъ отбывали свои уроки, а кто пытался работать, тому ученики били оконныя стекла и вмѣстѣ съ тѣмъ разбивали иной разъ всѣ идеалы и самую жизнь...

Среди такой распущенности и бездѣлья явился С. Н. Браиловскій. Не зная ни картъ, ни попоекъ, С. Н. съ жаромъ отдался своему любимому дѣлу и продолжалъ свои научные и литературные труды, не взирая ни на нравственную духоту, ни на убійственную матеріальуую обстановку. И вскорѣ на весь городъ загремѣла слава, что въ женской гимназіи появился прекрасный преподаватель словесности, увлекательный, знающій, но требовательный.

Стоячее болото въ гимназіяхъ всколыхнулось недоброжелательствомъ къ пришлецу, который нарушилъ общій покой своей неугомонной натурой и дѣятельностью. За С. Н. стали слѣдить, ловя его на неосторожномъ словѣ, не прощая ему малѣйшаго промаха.

Среди учевицъ и родителей тоже нашлись недовольные строгостью С. Н., котораго нельзя было подкупить ни любезностью, ни пріемами, и въ округъ полетѣли жалобы. Не обращая вниманія на эти мелкіе удары, С. Н. продолжалъ свое дѣло.

И тамъ, въ Новгородсѣверскѣ, въ своей дымной лачугѣ, С. Н. создалъ рядъ статей научнаго и чисто литературнаго содержанія, помѣщая ихъ въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», въ «Извѣстіяхъ Историко филологическаго Института кн. Безбородка», «Историческомъ Вѣстникѣ», «Кіевской Старинѣ», «Памятникахъ древней письменности», «Русскомъ Архивѣ». «Русской Школѣ», «Филологическомъ Вѣстникѣ», и въ «Филологическихъ Запискахъ».

Разбираясь въ нетронутой до него библіотекѣ Новгородсѣверскаго книгопродавца библіофила Пономаренка, С. Н. нашелъ въ одномъ старинномъ растрепанномъ сборникѣ новый списокъ 9-ой сатиры Кантемира и напечаталъ его въ Ж. М. Н. Пр. (Іюль 1892 г.).

Новыя гимназическія программы 1890 года въ сущности не касались С. Н., какъ преподавателя женской гимназіи, но онъ ими живо интересовался, по своему обыкновенію увлекся ихъ новизною и сталъ горячимъ сторонникомъ предлагаемаго этими программами метода преподаванія русской словесности, и тамъ-же, въ Новгородсѣверскѣ, С. Н. составилъ разборъ произведеній Кольцова, Лермонтова, Гоголя, и тѣмъ первый сдѣлалъ попытку въ истолкованіи новыхъ министерскихъ программъ, показавъ ихъ практическое осуществленіе, и эти работы, по нашему разумѣнію, были и остаются полезными пособіями для преподавателей, не смотря на недостатки, несмотря на заимствованія, которыя кажутся предосудительными педагогамъ, ничего

не писавшимъ, кромѣ отчетовъ о дѣятельности благотворительныхъ обществъ

Благодаря С. Н, Новгородсѣверскія гимназіи съ подобающимъ торжествомъ праздновали пятидесятилѣтіе юбилея Кольцова и Грибоѣдова, и талантливо составленныя рѣчи С. Н. производили на учащихся и на провинціальное общество сильное впечатлѣніе.

Не чуждался С. Н. и общественной жизни, если въ ея проявленіяхъ находилъ какую-либо осмысленность или практическую пользу. Такъ, когда въ Новгородсѣверскѣ была открыта воскресная школа кружкомъ интеллигенціи группировавшейся около (доброй памяти) покойнаго воинскаго начальника А. С. Садовскаго и его жены, С. Н., пренебрегая опасностью, особенно чувствительной для него—опальнаго учителя, сталъ усерднымъ и энергичнымъ ея дѣятелемъ, находя время для своего увлекательнаго, вдохновеннаго преподаванія взрослымъ мужикамъ и мѣщанамъ. Помню, глубокое впечатлѣніе на всѣхъ слушавшихъ образцовый урокъ С Н. произвелъ разборъ «Птички» Пушкина («Въ чужбинѣ свято наблюдаю»)... «Есть два рода людей, говорилъ С. Н.; одни въ бѣдѣ озлобляются и говорятъ окружающимъ; «Страдайте вмѣстѣ съ нами! Но есть и такіе люди, которые хотятъ, чтобы хоть другимъ легче и лучше жилось, если сами они лишены счастія». Аудиторія поняла, въ какую категорію должно зачислить своего учителя...

Погруженный въ свой учительскій трудъ и научныя занятія, С. Н. рѣдко показывался въ обществѣ, но, появляясь тамъ, онъ былъ незамѣнимый, остроумный собесѣдникъ и весельчакъ, а на большихъ вечерахъ много и съ увлеченіемъ танцовалъ. «Блаженъ, кто смолоду былъ молодъ».

Для роздыха на лѣтнихъ каникулахъ С. Н. умудряясь откладывать изъ своего скуднаго заработка маленькія сбереженія, отправлялся въ Петербургъ или Москву собирать въ богатыхъ книгохранилищахъ матеріалы для своихъ чисто научныхъ сочиненій, по преимуществу для изслѣдованія «Одинъ изъ пестрыхъ XVII столѣтія», которое было удостоено въ 1895 г. Академіей Наукъ Уваровской преміи.

Какъ ни пытался С. Н. выбраться изъ Новгородсѣверска на болѣе обезпеченное мѣсто, всѣ его ходатайства разбивались какъ о скалу, о непоколебимое упорство покойнаго попечителя Вельяминова—Зернова, который, казалось, рѣшилъ до безконечности держать С. Н. въ черномъ тѣлѣ.

Въ августѣ 1895 года смѣлый и предпріимчивый С. Н. садится съ женой, которая всегда раздѣляла труды и злоключенія своего супруга, и съ тремя малютками, на большой океаническій пароходъ въ Одессѣ и направляется на службу въ далекій, окраинный Владивостокъ.

За время пребыванія С. Н. въ Новгородсѣверскѣ съ 1891 по 1895 г. ярко обнаружились отличительныя черты его натуры: склонность и тяготѣніе къ умственной работѣ, которая ему необходима, какъ пища, воздухъ и свѣтъ, и способность къ сильному увлеченію всѣмъ высокимъ, благороднымъ и, пожалуй, новымъ. Окружающіе часто не понимали этой способности къ увлеченіямъ у С. Н. и видѣли въ такихъ случаяхъ искусственную приподнятость или затаенный расчетъ, принижая и обезцѣнивая тѣмъ личность С. Н. Не мало укоровъ и упрековъ сыпалось на С. Н. за его сочувственное отношеніе къ варшавскому семи-классному училищу. Правда, многое въ названномъ «Образцовомъ» училищѣ отзывалось утопіей (если не педагогическимъ

шарлатанствомъ), но С Н. искренне и живо интересовался тѣми новыми путями въ преподаваніи и воспитаніи, которые тамъ намѣчались.

Много невзгодъ, неудачъ, препятствій встрѣчалъ С. Н. Но все это преодолѣлъ своимъ трудомъ, настойчивостью и умѣніемъ; и теперь заслуженно пользуется почетнымъ именемъ и матеріальнымъ довольствомъ, продолжая свои научно-литературныя занятія и педагогическое дѣло.

Въ 80-хъ и 90 хъ годахъ въ русскомъ обществѣ была распространена наклонность говорить о бездарности педагогическаго сословія въ Россіи. Толкуютъ о неспособности и невѣжествѣ учителей люди, не замѣчающіе, какъ сами они безцвѣтны, несодержательны и малообразованы. Если осмотримся пристально и безпристрастно кругомъ, мы увидимъ вездѣ, среди чиновниковъ всѣхъ вѣдомствъ, среди военныхъ, врачей, даже людей свободныхъ профессій,—скучную обыденность, посредственность и безыдейность съ которой не надо смѣшивать пошлаго либерализма или политическаго, блуда. И среди этой сѣрой массы выдаются на всѣхъ поприщахъ, и, должно быть, съ равномѣрнымъ процентнымъ распредѣленіемъ, люди даровитые, талантливые съ высокими и благородными стремленіями. Эти немногіе лучшіе люди и составляютъ соль земли; ими и держится Россія, очумѣвшая отъ повальнаго пьянства, барской лѣни и невѣжества и безпричиннаго безпредметнаго недовольства.

Къ такимъ лучшимъ людямъ Русской земли принадлежитъ и Сергѣй Николаевичъ Браиловскій.

Виталій Лыскоронскій

Димитрій Васильевичъ Григоровичъ.

(Литературно-біографическій очеркъ).

(✝ 1899).

Самымъ крупнымъ наслѣдствомъ нашимъ въ области изящной литературы являются, безъ сомнѣнія, произведенія школы беллетристовъ сороковыхъ годовъ. Школа эта представляетъ цѣлую плеяду могучихъ талантовъ, обогатившихъ литературу множествомъ замѣчательныхъ произведеній, которыя могли бы служить лучшимъ украшеніемъ литературы какого угодно народа. Неудивительно поэтому, что Европа переводитъ на всѣ языки свои произведенія этой школы, и чѣмъ болѣе знакомится съ ними, тѣмъ болѣе удивляется ихъ совершенству, восхищается ихъ художественностью, проникается ихъ идейнымъ содержаніемъ и подражаетъ имъ. Къ числу видныхъ представителей этой школы принадлежитъ и Димитрій Васильевичъ Григоровичъ. Онъ сынъ помѣщика и родился 19 марта 1822 года въ Симбирской губерніи въ одной приволжской деревнѣ. Дѣтство его протекло въ деревнѣ въ домѣ отца подъ присмотром матери и бабушки. Съ раннихъ лѣтъ онъ видѣлъ жизнь крестьянъ, наблюдалъ ее въ разныхъ проявленіяхъ счастья и горя, видѣлъ также и отношеніе къ простому народу людей своего званія. Эти дѣтскія воспоминанія надолго остались въ его памяти и, конечно, согрѣли душу его сочувствіемъ къ несчастной судьбѣ меньшого брата. 10 лѣтъ онъ былъ отданъ въ одинъ изъ частныхъ пансіоновъ въ Москвѣ, а оттуда поступилъ въ инженерное училище въ Петербургѣ. Тяжелое и мрачное чувство вынесъ нашъ писатель отъ своего пребыванія

въ инженерномъ училищѣ. Нравы его напоминали пресловутую помяловскую бурсу: здѣсь, какъ и въ бурсѣ, процвѣтали драки, ругань и непристойныя сцены. Но чувства юнаго въ то время Григоровича не очерствѣли и не загрубѣли. Отъ опасности погрузиться въ омутъ пороковъ его спасла охота къ чтенію. Григоровичъ читалъ много и съ толкомъ, и особенно послѣ того, какъ подружился съ своимъ товарищемъ и однокашникомъ Ѳ. М. Достоевскимъ, который производилъ на него сильное впечатлѣніе своимъ развитіемъ и знаніями. Но параллельно съ чтеніемъ могущественное вліяніе оказывала на Григоровича развившаяся въ немъ страсть къ живописи. Живопись до такой степени увлекла его, что послѣдній годъ въ инженерномъ училищѣ онъ совсѣмъ не занимался науками. Оставивъ училище въ 1840 году, Григоровичъ поселился на Васильевскомъ островѣ и въ теченіе двухъ лѣтъ почти безвыходно пробылъ въ Академіи художествъ, занимался въ рисовальномъ классѣ. Но судьба не судила ему сдѣлаться художникомъ: вслѣдствіе слабости зрѣнія онъ принужденъ былъ оставить любимое занятіе, хотя потомъ всю жизнь принималъ горячее участіе въ судьбахъ русской живописи и много лѣтъ даже былъ секретаремъ общества поощренія художниковъ.

На литературное поприще Григоровича натолкнуло случайное знакомство съ Плюшаромъ, издававшимъ въ то время сборникъ подъ названіемъ «Сто одна повѣсть и Сорокъ сороковъ анекдотовъ». Въ этомъ сборникѣ было помѣщено нѣсколько переводовъ съ французскаго Григоровича. Это было въ 1843 году, а въ 1844 появились первые оригинальные разсказы Григоровича въ Литературной газетѣ: «Театральная карета» и «Собачка». Молодой, только что начинающій писатель

находился подъ вліяніемъ Гоголя и Бѣлинскаго. Отъ нихъ онъ усвоилъ не только взглядъ на литературу, какъ на высшую форму общественнаго служенія, но также взглядъ на цѣли и задачи литературы, которая, со времени Бѣлинскаго и Гоголя, проникая въ среду обыденной дѣйствительности, при трезвомъ освѣщеніи ея фактовъ, стремилась пробудить въ читателяхъ гуманное отношеніе къ забитому и загнанному люду. Послѣднее особенно отозвалось полнымъ аккордомъ въ душѣ Григоровича, который, какъ мы видѣли, еще въ дѣтствѣ чувствовалъ состраданіе ко всѣмъ угнетеннымъ и оскорбленнымъ.

Въ 1845 году Григоровичъ напечаталъ два разсказа: Шарманщики и Лотерейный балъ. Написаны они были въ духѣ натуральной школы, по завѣтамъ Гоголя и Бѣлинскаго. Не лишенные талантливости, эти разсказы однако не заключали въ себѣ такой яркости, оригинальности и силы, чтобы привлечь къ себѣ вниманіе публики и сразу поставить писателя на высоту.

Громкая извѣстность и популярность Григоровича начались только съ 1847 года, послѣ того, какъ онъ напечаталъ въ декабрьской книжкѣ Отечественныхъ Записокъ повѣсть «Деревня», а въ Современникѣ «Антона Горемыку». Этими повѣстями Григоровичъ попалъ въ самый живой нервъ времени, когда общій интересъ былъ возбужденъ народнымъ и преимущественно крестьянскимъ бытомъ, и когда само правительство поднимало вопросъ объ освобожденіи крестьянъ. Обѣ повѣсти послѣ восторженнаго о нихъ отзыва Бѣлинскаго были причислены къ выдающимся явленіямъ своего времени и читались нарасхватъ.

Успѣхъ ободрилъ Григоровича писать изъ народнаго быта, и за «Деревнею» послѣдовало много мелкихъ

рязсказовъ, какъ напримѣръ: «Пахарь», «Свѣтлое христово воскресенье», «Смедовская долина», «Въ ожиданіи парома», и два большихъ романа, «Переселенцы» и «Рыбаки». Въ этихъ произведеніяхъ все натурально, просто и непосредственно взято изъ жизни. Здѣсь изображается безыскусственная жизнь поселянина, его ежедневный трудъ, совершаемый безропотно и терпѣливо, его лучшія чувства, съ которыми онъ ясно и довѣрчиво смотритъ на міръ и переноситъ всѣ невзгоды жизни. Все это сокровище добра и поэзіи, открываемое авторомъ въ народѣ, невольно привлекало къ себѣ образованный классъ общества, заставляя его полюбить народъ за его простое наивное міровоззрѣніе, за его хорошія чувства и уважать его великій и полезный трудъ. Но это не все. Талантливый беллетристъ сумѣлъ тронуть сердца интеллигентной Россіи изображеніемъ тяжелой судьбы горемыкъ. Онъ развернулъ передъ его глазами въ цѣломъ рядѣ мрачныхъ и потрясающихъ картинъ всѣ ужасы крѣпостного права. Сколько, напримѣръ, горя переноситъ героиня повѣсти «Деревня», крестьянка Акулина, ради шутки выданная замужъ своими господами за одного крестьянина, который вовсе не желалъ на ней жениться и мстилъ несчастной женщинѣ всю жизнь, пока не сдѣлалъ ее забитымъ и жалкимъ созданіемъ. Не менѣе Акулины выстрадалъ и Антонъ Горемыка, павшій безсильной жертвою мести и злобы своею управляющаго, низкаго и всесильнаго человѣка. Интеллигентный читатель увидѣлъ также, какъ часто рушится благосостояніе крестьянской семьи подъ вліяніемъ прихотей барина, прожигающаго жизнь въ свѣтскихъ удовольствіяхъ. Изъ этихъ и подобныхъ имъ примѣровъ стало видно, что власть помѣщиковъ, не знавшихъ и не понимавшихъ своихъ крестьянъ, разрушительно дѣй-

ствуетъ на весь строй крестьянской жизни и препятствуетъ свободному и мирному ея развитію. Отсюда прямымъ выводомъ являлось, конечно, требованіе уничтоженія власти помѣщиковъ надъ крестьянами. Но не одно крѣпостное право является грубою силою, которая разлагаетъ жизнь крестьянина. Бичомъ для него служитъ городская жизнь съ ея отрицательными явленіями и фабрика. Изображенію разлагающаго вліянія фабрики на мирную крестьянскую жизнь посвящается большой романъ Григоровича— Рыбаки». Здѣсь сталкивается старинная жизнь съ ея симпатичными сторонами въ лицѣ Глѣба Саввинова и новыя вліянія въ лицѣ разбитного гуляки, испорченнаго фабричнаго парня Захара, который подчиняетъ себѣ молодое поколѣніе и разрушаетъ счастье и матеріальное благосостояніе семьи. Мы видимъ, какъ вторгаются въ эту семью вмѣстѣ съ фабричнымъ элементомъ безпутство, пьянство, пороки и даже преступленія. Не менѣе ярко обрисовано пагубное вліяніе фабрики въ разсказѣ «Смедовская долина», гдѣ авторъ прямо высказываетъ свое мнѣніе о причинѣ гибели одной крестьянской семьи словами старика пастуха: «А все, вѣдь, батюшка, коли по глубже плыть въ этомъ дѣлѣ, все, вѣдь, фабричная жизнь виновата».

Таковы въ краткихъ чертахъ темы произведеній изъ крестьянской жизни. Но здѣсь надо замѣтить, что въ этихъ произведеніяхъ Григоровичъ является не только бытописателемъ простого народа, но и художникомъ живописцемъ. Всюду у него почти на первомъ планѣ описаніе, картина: изображеніе внутренности убогонькой избенки, развалившагося плетня, сцены у кабака и т. д. Не даромъ онъ началъ свое служеніе искусству съ живописи. Но особенно ясностью, отчетливо-

стью, яркимъ и сочнымъ колоритомъ отличаются у него описанія картинъ природы. Любое изъ нихъ ничего не стоитъ сейчасъ же воскресить на полотнѣ. Нѣкоторые разсказы, какъ напримѣръ «Смедовская долина», словно въ рамки вставлены въ описаніи прелестныхъ пейзажей. Григоровичъ любитъ природу и необыкновенно чувствителенъ къ ея красотамъ, которыя производятъ на него неотразимое впечатлѣніе. Едва-ли не лучшія и не самыя задушевныя мѣста въ его произведеніяхъ посвящены изображенію картинъ природы. Но не однѣ личныя симпатіи и сердечныя влеченія наталкивали Григоровича на изображеніе картинъ природы: говоря о крестьянинѣ, онъ представлялъ его себѣ не иначе какъ на лонѣ природы и въ союзѣ пахаря съ землею и природою находилъ высокую поэзію. На ряду собственно съ крестьянскою жизнью Григоровича интересовала городская и деревенская жизнь помѣщиковъ. Изображенію ея онъ посвятилъ нѣсколько произведеній и въ самомъ большомъ изъ нихъ, въ романѣ «Проселочныя дороги» задумалъ вывести цѣлый рядъ помѣщиковъ. По замыслу своему, «Проселочныя дороги» очень напоминаютъ собою «Мертвыя души» Гоголя. Здѣсь главный герой романа, Аристархъ Өедоровичъ Балахновъ, подобно Чичикову, разъѣзжаетъ по помѣщикамъ своего дѣзда. Множество лицъ, встрѣченныхъ имъ, даютъ автору возможность нарисовать множество типовъ. Какіе же типы сосредоточиваютъ на себѣ вниманіе Григоровича, и какой смыслъ ихъ изображенія? Прежде всего передъ нами выступаетъ самъ Балахновъ, который изъ стремленія къ внѣшнему почету пускается на всякія низости и жертвуетъ благосостояніемъ своей семьи. Нисколько не выше его стоятъ и «первый мазуристъ своего уѣзда», влюбчивый Васильковъ, и интри-

ганъ Кошкинъ, и выскочка Бобоховъ, и сплетницы Кокуркины. Эту мрачную картину дополняютъ собою неудачный провинціальный литераторъ Дрянковъ и забитый безсовѣстный приживальщикъ Прокисай Захаровичъ. Но при всемъ разнообразіи этихъ типовъ Григоровичъ подчеркиваетъ общія имъ всѣмъ черты: крайнее невѣжество, полную безсодержательность ихъ жизни, занятой мелкими дрязгами, отсутствіе какого бы то ни было серьезнаго стремленія. Сравненіе этой жизни съ крестьянской показываетъ все преимущество послѣдней, и читатель явно чувствуетъ несостоятельность безконтрольныхъ властелиновъ крестьянина, смотрящихъ на него, какъ на средство къ своему матеріальному обогащенію.

Во всѣхъ перечисленныхъ произведеніяхъ Григоровичъ не только изобразилъ дореформенную жизнь помѣщика и крестьянина, отдѣльно и въ ихъ взаимномъ отношеніи другъ къ другу, но онъ не мало отвелъ мѣста изображенію пустого помѣщичьяго образованія, которое давалось въ то время разными заѣзжими иностранцами, и вывелъ типы воспитателей съ ихъ уродливыми педагогическими понятіями.

Проникнутый благородными стремленіями своего времени, Григоровичъ не могъ оставить безъ вниманія представителей тогдашней администраціи и, подобно Гоголю, не пожалѣлъ самыхъ мрачныхъ красокъ при изображеніи дореформенныхъ чиновниковъ.

Какъ писатель, изображавшій дореформенную жизнь, Григоровичъ выступилъ въ литературѣ съ 1848 по 1860 годъ. Въ эти двѣнадцать лѣтъ онъ является однимъ изъ наиболѣе плодовитыхъ писателей, все выдающееся, вышедшее изъ-подъ пера Григоровича, также явилось въ этотъ промежутокъ времени. Съ 1860 года Григоро-

вичъ почти совершенно прекращаетъ свою литературную дѣятельность. Двадцать три года продолжается это молчаніе талантливаго писателя, и только съ 1883 года появляется цѣлый рядъ новыхъ повѣстей Григоровича: «Карьеристъ», «Акробаты благотворительности», «Гуттаперчевый мальчикъ», «Сонъ Карелина», «Не по хорошу милъ» и т. д. Продолжительное молчаніе нисколько не измѣнило его идеаловъ и литературныхъ симпатій, такъ что русская читающая публика увидѣла въ немъ снова такого же самого благороднаго представителя традицій сороковыхъ годовъ, какимъ она знала его по произведеніямъ, написаннымъ до 1860 года. Можетъ быть, эта преданность завѣтамъ сороковыхъ годовъ въ то время, когда явились новыя литературныя направленія, новыя задачи и пріемы творчества, и была, какъ думаютъ нѣкоторые критики, причиною его молчанія. Обозрѣвая всю массу написаннаго Григоровичемъ, для полноты характеристики его литературной дѣятельности, надо остановиться на повѣстяхъ изъ Петербургской жизни. Это рядъ небольшихъ очерковъ, посвященныхъ изображенію различныхъ сословій: тутъ и шарманщики, и акробаты, и помѣщики, и художники, и чиновники, и простые прожигатели жизни. Все это разнообразіе типовъ можно подраздѣлить на двѣ группы: съ одной стороны—люди богатые или состоятельные, которые однако ничего не дѣлаютъ и проводятъ жизнь весело, кутятъ, жуируютъ; съ другой—люди трудящіеся, честные, но дошедшіе вслѣдствіе разныхъ неудачъ до крайней нищеты, люди униженные, забитые. Отношеніе Григоровича къ первымъ ироническое, ко вторымъ задушевное и даже трогательное. Типъ забитыхъ людей особенно останавливаетъ на себѣ его вниманіе. Онъ отыскиваетъ его вездѣ: и въ крестьянской,

и въ помѣщичьей, и въ столичной жизни. Съ этимъ типомъ читатель уже былъ знакомъ по повѣстямъ «Антонъ Горемыка» и «Деревня», когда же въ 1883 году, послѣ 23 лѣтняго молчанія, Григоровичъ, будучи уже старикомъ 61 года, вернулся къ литературной дѣятельности, то однимъ изъ первыхъ типовъ, привлекшимъ его вниманіе, былъ типъ забитаго больного ребенка, лишеннаго семьи и проводившаго свою жизнь среди побоевъ вѣчно пьянаго акробата. Этотъ Гуттаперчевый мальчикъ, умирающій въ циркѣ съ разбитою грудью и поломанными ребрами вслѣдствіе смѣлаго и неосторожнаго прыжка, является однимъ изъ самыхъ трогательныхъ образовъ, созданныхъ Григоровичемъ. Повѣсть «Гуттаперчевый мальчикъ» и другія повѣсти, посвященныя изображенію жизни бѣдняковъ, проникаетъ высокогуманное чувство поэта, стремящагося пробудить въ обществѣ сочувствіе къ несчастнымъ людямъ.

31 октября 1893 года русское интеллигентное общество торжественно отпраздновало пятидесятилѣтіе литературной дѣятельности Григоровича.

22 декабря 1899 г. Григоровича не стало.

Въ лицѣ Дм. Вас. мы видимъ типъ писателя, который никогда не поступался своими убѣжденіями и не злоупотреблялъ словомъ. Гуманный тонъ его произведеній, его сочувствіе всему угнетенному и униженному, его любовь къ русской природѣ и тонкое пониманіе ея красотъ не только въ наше время продолжаютъ оказывать вліяніе, но и всегда будутъ благотворно дѣйствовать на воспріимчивыя души молодого поколѣнія. Историкъ также найдетъ въ сочиненіяхъ Григоровича не мало драгоцѣнныхъ чертъ крестьянскаго и общественнаго быта, теперь уже отошедшихъ въ область преданія, и признаетъ за нимъ заслугу перваго піонера въ дѣлѣ

художественнаго изображенія крестьянской жизни. Но главная заслуга Григоровича передъ русскимъ обществомъ состоитъ въ томъ, что онъ вылѣчилъ его отъ презрѣнія къ мужику. Въ наше время, когда сочувственное отношеніе къ крестьянину является господствующимъ, должна быть особенно памятна эта заслуга Григоровича.

Съ чувствомъ глубокаго уваженія каждый просвѣщенный русскій остановится мыслью въ этомъ маститомъ писателѣ, который въ теченіе долгаго времени и съ такою честью бороздилъ родную ниву.

М. Харламовъ.

ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ

ЖУРНАЛЪ,

ПОСВЯЩЕННЫЙ ИЗСЛѢДОВАНІЯМЪ И РАЗРАБОТКѢ РАЗНЫХЪ ВОПРОСОВЪ ПО РУС. ЯЗЫКУ, ЛИТЕРАТУРѢ И ВООБЩЕ ПО СРАВНИТЕЛЬНОМУ ЯЗЫКОЗНАНІЮ И СЛАВЯНСКИМЪ НАРѢЧІЯМЪ,

ОСНОВАННЫЙ ВЪ 1860 ГОДУ

А. А. ХОВАНСКИМЪ

въ г. Воронежѣ.

Журналъ одобренъ и рекомендованъ къ пріобрѣтенію въ фундаментальныя библіотеки учебныхъ заведеній: 1) Ученымъ Комитетомъ Минист. Народнаго Просвѣщенія, 2) Главнымъ Управленіемъ Военно-Учебн. завед., 3) Совѣтомъ женск. учебн. завед. Вѣдомства Императрицы Маріи, 4) Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ, 5) Учебнымъ Отдѣломъ Министерства Финансовъ. На первой Всероссійской Выставкѣ печатнаго дѣла въ 1895 году Редактору-Издателю А. А. Хованскому присужденъ похвальный отзывъ за продолжительную полезную издательскую дѣятельность въ области филологіи.

ГОДЪ СОРОКЪ ДЕВЯТЫЙ.

ВЫПУСКЪ VI.

Воронежъ.
Типографія Т-ва Н. Кравцовъ и Ко. (бывш. Исаева).
1909.

Содержаніе VI в. „Филологическихъ Записокъ".

Гоголь и его украинскія повѣсти *).

Другой романъ Нарѣжнаго—«Два Ивана или страсть къ тяжбамъ»—заставляетъ сближать имя его автора съ именемъ Гоголя, какъ бытописателя Украины вообще, и въ частности, какъ автора именно «Повѣсти о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ»,—едвали еще не болѣе, чѣмъ это было нами сдѣлано выше по отношенію къ «Бурсаку» съ одной стороны, а затѣмъ къ «Вію» и отчасти къ «Тарасу Бульбѣ»—съ другой. Здѣсь точками сближенія служатъ для насъ уже не отдѣльные эпизоды и характеристики, какъ это было выше, а самыя эти произведенія, взятыя цѣликомъ, ихъ замыселъ и основной моментъ ихъ фабулы,—изображаемая обоими авторами типическая черта быта, хорошо, какъ мы видѣли, знакомаго Нарѣжному, именно быта средняго и мелкаго дворянства, среднихъ и мелкихъ горожанъ. Эта черта—страсть къ сутяжничеству [54]). (При этомъ

---

*) Прод. См. V вып. 1909 г.

[54]) Эта типичная черта, подмѣченная впервые Нарѣжнымъ въ жизни отмѣчаемыхъ сословій малороссійскаго населенія, живетъ въ ихъ быту и теперь, въ наше время. Невольно обращаетъ она на себя вниманіе особенно въ полтавской губер., т. е. въ той же, которая служитъ мѣстомъ дѣйствія занимающихъ насъ произведеній; кто тамъ бывалъ—знаетъ это. То же отмѣчаетъ и г-жа Бѣлозерская (ч. II, стр. 134). Эта же черта, какъ говоритъ проф. Н. Котляревскій, отличала впрочемъ жизнь «не одной только Малороссіи, но и всей нашей дореформенной Россіи“ (Н. Котл стр. 81).

Гоголь въ отличіе отъ Нарѣжнаго особенно оттѣняетъ пошлость этого быта). И у Нарѣжнаго и у Гоголя друзья становятся врагами изъ-за пустяка [55]); при чемъ и у того и у другого нежданно народившееся враждебное чувство питается, развивается и укрѣпляется, помимо оскорбленнаго самолюбія и чувства мести, природною, какъ бы наслѣдственною въ ихъ быту, страстью къ тяжбамъ. Что касается нѣкоторыхъ отдѣльныхъ мѣстъ и сценъ повѣсти Гоголя, напоминающихъ таковыя же въ романѣ Нарѣжнаго, то укажемъ прежде всего на отмѣчаемыя и г-жой Бѣлозерской: во первыхъ — знаменитыя, «классическія прошенія Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича, которыя она сравниваетъ съ бумагой «Сотенной канцеляріи» [56]), составленной въ этой канцеляріи по поводу жалобы пана Харитона Занозы на двухъ Ивановъ и послѣднихъ на него [57]), а во вторыхъ—на «сцену уничтоженія хлѣва Иваномъ Ивановичемъ», которая, по справедливому мнѣнію г-жи Бѣлозерской, во многомъ «напоминаетъ описаніе под-

---

[55]) «Поводъ къ тяжбѣ (въ романѣ Нарѣжнаго), говоритъ г-жа Бѣлоз. (ч. II, стр. 137, «былъ такой же ничтожный, какъ и въ гоголевской «Повѣсти». Подобно тому, какъ у Гоголя ссора начинается споромъ о ружьѣ и обострястся изъ за «гусака»,— у Нарѣжнаго сосѣди ссорятся изъ-за крошекъ: крошки одного изъ нихъ причиняютъ другому, по его увѣренію, не малый вредъ. Отсюда—пререканія, оскорбленія, полный разрывъ и тяжба».

[56]) Одна изъ высшихъ судебныхъ инстанцій, которыя приходилось тогда проходить дѣлу тяжущихся въ Малороссіи (Замѣтимъ еще, что и у Нарѣж. и у Гоголя враги судились въ Миргородѣ). См. Н. Бѣлозерская «В. Т. Нарѣжный», Ч. II, стр. 138.

[57]) Н. Бѣлозерская «В. Т. Нарѣжный» ч. II, стр. 141.

жога мельницы паномъ Харитономъ» [58]). Съ своей стороны мы можемъ прибавить къ этимъ указаніямъ г-жи Бѣлозерской еще нѣсколько замѣчаній и параллелей болѣе мелкаго значенія. Нарѣжный въ своемъ романѣ «Два Ивана» отмѣчаетъ между прочимъ и показываетъ читателю, насколько «судъ» въ Малороссіи того времени былъ свободенъ въ лицѣ своихъ представителей отъ взяточничества въ самыхъ разнообразныхъ видахъ: Панъ Харитонъ подноситъ въ благодарность «писцу Сотенной канцеляріи, пану Андрію—новую шляпу, новые сапоги и глиняную трубку, купленную въ Полтавѣ» [59]). Въ повѣсти Гоголя эта черта «суда» также отмѣчается и такими же, какъ у Нарѣжнаго, штрихами: въ «Повѣтовомъ» судѣ «канцелярскіе укладывали въ мѣшокъ нанесенныхъ просителями куръ, яицъ, краюхъ хлѣба, пироговъ и прочаго дрязгу» [60]). Затѣмъ: и Гоголь, подобно Нарѣжному, рядомъ съ изображеніемъ взяточничества «суда», даетъ изображеніе и той «волокиты», какую неизбѣжно и безконечно претерпѣвали въ «Повѣтовомъ» и иныхъ «судахъ» тяжебныя дѣла. Эта «волокита» и у Нарѣжнаго и у Гоголя (особенно) тѣмъ безконечнѣе, что каждая изъ «позывающихся» сторонъ совершенно искренне и глубоко вѣритъ въ свою правоту.

Чтобы закончить, это такъ сказать, наглядное выясненіе литературнаго родства Гоголя съ Нарѣжнымъ, укажемъ еще на одинъ гоголевскій типъ, какъ бы имѣвшій свой прообразъ (хотя бы и туманный) въ типической фигурѣ одного изъ произведеній инте-

[58]) Тамъ же, стр. 142.

[59]) Тамъ же, стр. 140.

[60]) Сочиненія Н. В. Гоголя X-ое изд. т. стр.

ресующаго насъ предшественника нашего поэта. Такъ, роднитъ этихъ писателей, намъ кажется, отчасти еще типъ Антона Прокофьевича Голопуза [61]) въ «Повѣсти о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ», и—съ другой—типъ Вириладa въ повѣсти «Богатый бѣднякъ». Хотя особенности характера названныхъ героевъ объясняются различно, имѣя различное происхожденіе, и представляютъ намъ натуры по внутреннему содержанію своему совершенно противоположныя, однако внѣшнимъ образомъ Вириладъ и Антонъ Прокофьевичъ могутъ быть сближаемы. «Вириладъ»—говоритъ Нарѣжный въ упомянутой повѣсти своей—«дозволялъ пускать себѣ въ глаза табачный дымъ, мять чубъ и ерошить усы», за что дарятъ ему то платье, то что нибудь иное [62]). Гоголь же, между прочимъ, характеризуетъ Антона Прокофьевича такъ: «Дастъ ли ему кто изъ почетныхъ людей въ Миргородѣ платокъ на шею или исподнее,—онъ благодаритъ; щелкнетъ ли его кто слегка въ носъ,—онъ и тогда благодаритъ» [63]). Очевидно, что Вириладъ и Антонъ Прокофьевичъ могутъ считаться состоящими въ нѣкоторомъ родствѣ по духу. Замѣтимъ къ тому же еще, что въ обоихъ этихъ типахъ, при всемъ внутреннемъ несходствѣ ихъ, и Нарѣжный и Гоголь даютъ тѣмъ не менѣе отображеніе одной и той же картинки нравовъ тѣхъ дворянъ и разныхъ почетныхъ горожанъ описываемаго названными писателями времени, кото-

---

[61]) Прозвище изъ излюбленныхъ Гоголемъ и, какъ мы видѣли, имѣвшее себѣ подобное Голопупенко еще въ «Сорочинск. ярмаркѣ».

[62]) Н. Бѣлозерская «В. Т. Нарѣжный» ч. II, стр. 113.

[63]) Сочиненія Н. И. Гоголя, X изд. т. стр.

рые находили удовольствіе и пускать въ глаза табачный дымъ, мять чубъ и ерошить усы» Вириладамъ или щелкать по носу Антоновъ Прокофьевичей. Такова общая параллель, которую можно, кажется намъ, провести между даннымъ романомъ Нарѣжнаго и данною повѣстью Гоголя. Ко всему сказанному прибавимъ, что есть у Гоголя и еще нѣкоторые образы и еще нѣчто, что было уже прежде намѣчено у Нарѣжнаго. Это, говоря словами И. А. Гончарова, «образы старыхъ помѣщиковъ и ихъ быта», впервые нарисованные Нарѣжнымъ, «образы», которые потомъ воплотились такъ реально въ «Старосвѣтскихъ помѣщиковъ» [64]). Можно отмѣтить, напр., типъ пана Тараха (въ «Аристіонѣ), какъ прообразъ Плюшкина, героя, однако, уже не украинскаго произведенія Гоголя [65]). О двухъ изъ выше упомянутыхъ нами произведеній Нарѣжнаго, также обнаруживающихъ извѣстную связь между творчествомъ ихъ автора и творчествомъ нашего поэта, именно о повѣсти «Запорожецъ» и романѣ «Гаркуша или малороссійскій разбойникъ», замѣтимъ только, что ихъ отношеніе къ украинскимъ повѣстямъ Гоголя можетъ быть наблюдаемо и устанавливается довольно отдаленно, судя лишь по общему ихъ историко-бытовому характеру. По вопросу о томъ, въ какомъ именно взаимоотношеніи мы можемъ связывать великое имя Гоголя съ скромнымъ, но почтеннымъ именемъ Нарѣжнаго, серьезный и компетентный критикъ-историкъ этого послѣдняго, всесторонне и глубоко его изучившій,—г-жа Бѣлозерская высказываетъ слѣдующее основательное мнѣніе: «Въ

---

[64]) Н. Бѣлозерская «В Т. Нарѣжный» ч. II, стр. 97.

[65]) Тамъ-же, ч. II, стр. 1 ов.

примѣненіи къ Гоголю и Нарѣжному, какъ намъ кажется, едва ли можетъ быть прямо поднятъ вопросъ о подражаніи или заимствованіи, а скорѣе слѣдуетъ признать большую или меньшую степень вліянія отжившаго писателя на его непосредственнаго преемника въ извѣстномъ родѣ литературы. Этого вліянія нельзя поставить въ упрекъ Гоголю, такъ какъ оно не касается его самобытнаго творчества. Такое вліяніе двухъ другихъ [66]) сочиненій Нарѣжнаго, а именно «Запорожца» и «Бурсака» отразилось на «малорусскихъ» бытовыхъ и историческихъ повѣстяхъ Гоголя, равно какъ устарѣвшій романъ—«Два Ивана и страсть къ тяжбамъ» помимо содержанія, напоминаетъ въ извѣстныхъ сценахъ и описаніяхъ гоголевскую «Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ» [67]). Совершенно согласно съ этимъ мнѣ-

---

[66]) Выше въ своей книгѣ (ч. II стр. 119) г-жа Бѣлозерская находитъ возможнымъ сдѣлать предположеніе относительно нѣкотораго и при томъ весьма слабаго вліянія на «Ревизора» со стороны комедіи Нарѣжнаго «Заморскій принцъ»; здѣсь, такъ сказать, «подлогъ» принца можно сравнивать съ «подлогомъ» гоголевскаго «ревизора». (Ср. еще извѣстную параллель между «Ревизоромъ» Гоголя и комедіей Квитки-Основьяненка—замѣтимъ, кстати, что подобнымъ же образомъ возможно, пожалуй, видѣть въ «Россійскомъ Жильблазѣ» первую попытку дать общую картину всей русской жизни извѣстнаго періода,—какъ-бы тоже весьма слабый намекъ на ту грандіозную картину русской дѣйствительности, которую далъ Гоголь въ «Мертвыхъ Душахъ». См. стр 80 и 81, ч. II-й книги г. Бѣлозер.

[67]) Н. Бѣлозерская «В. Т. Нарѣжный» 7. II стр. 119—120.

ніемъ о Гоголѣ, какъ «непосредственномъ преемникѣ Нарѣжнаго въ извѣстномъ родѣ литературы», И. А. Гончаровъ, еще въ 1874 году, въ письмѣ своемъ къ Семевскому [68]) называетъ Нарѣжнаго «предтечею» Гоголя и говоритъ далѣе: «Я не хочу преувеличивать, прочитайте внимательно, и вы увидите въ немъ намеки, конечно, слабые, туманные, часто въ изуродованной формѣ, на типы характерные, созданные въ такомъ совершенствѣ Гоголемъ»... «Онъ»,—говоритъ Гончаровъ далѣе о Нарѣжномъ, «какъ будто предсказываетъ Гоголя»..

Такимъ образомъ, въ разное время, разныя лица, совершенно независимо одно отъ другого, устанавливаютъ фактъ большаго или меньшаго вліянія Нарѣжнаго на Гоголя, фактъ, впрочемъ, очевидный, (какъ на это указываетъ и Гончаровъ въ томъ же цитированномъ нами письмѣ своемъ) уже изъ самаго чтенія и сличенія произведеній того и другого изъ интересующихъ насъ писателей. Все выше цитированное нами въ связи съ предыдущимъ изслѣдованіемъ интересныхъ для нашей цѣли произведеній Нарѣжнаго, кажется намъ, даетъ достаточно матеріала для того, чтобы можно было составить болѣе или менѣе опредѣленное мнѣніе относительно значенія Нарѣжнаго и его произведеній для творчества Гоголя, какъ бытописателя Украины. Заключая въ себѣ, какъ мы видѣли, богатый бытовой и отчасти историческій матеріалъ по изображенію Украины и ея прошлаго, произведенія Нарѣжнаго сообщали любознательному и воспріимчивому читателю не мало интересныхъ и полезныхъ свѣдѣній, дѣйствуя въ то же время и на его фантазію, и, конечно, не могли не отразиться

[68]) Тамъ же, стр. 27.

на творчествѣ Гоголя, какъ автора прежде всего именно украинскихъ «повѣстей» и это обстоятельство должно признать имѣющимъ для Гоголя тѣмъ большее значеніе, что у Нарѣжнаго, какъ уже отмѣчено было выше, мы почти всегда наблюдаемъ вѣрн сть изображаемой эпохѣ съ ея людьми и нравами.

2) Отраженіе въ украинскихъ повѣстяхъ Гоголя природы, быта, исторіи и народнаго поэтическаго творчества Украины.

«Разнообразныя проявленія малорусской народности въ XVIII вѣкѣ»—говоритъ Пыпинъ, «еще хранившая до Екатерины II-ой память политической старины, сберегавшійся обычай, малорусскій языкъ въ литературныхъ памятникахъ прежнихъ и попыткахъ новыхъ, естественно могли наводить и на мысль объ описаніи этого быта, объ этнографическомъ наблюденіи» [69])..... «этнографическое изученіе указало богатую оригинальность южно-русской народности, исторія раскрывала ея старыя преданія, передъ научнымъ изслѣдованіемъ возставалъ цѣлый особый элементъ русскаго народа, его характера и содержанія, ихъ изученіе являлось дѣломъ не только мѣстнаго патріотизма, но глубокимъ вопросомъ науки и цѣлаго національнаго самосознанія. Южнорусскіе элементы вступали въ общую русскую жизнь не безъ своего особеннаго дѣйствія; они неуловимо присутствовали и въ трудѣ тѣхъ людей, которые повидимому работали только на обще-русской почвѣ, покидая свою мѣстную,—**но именно силою своей мѣстной оригинальности она и могла**

---

[69]) А. Н. Пыпинъ «Ист. рус. этнографіи» т. 3. стр. 11 Спб. 1892 г.

иногда оказывать великія услуги этому обще-русскому дѣлу. Таковъ былъ Гоголь [70]).

Мы привели здѣсь эту, быть можетъ, нѣсколько длинную выписку, чтобы показать, какое положеніе вещей въ области научно-литературныхъ интересовъ предшествовало и потомъ, какъ увидимъ, сопутствовало появленію въ русской литературѣ украинскихъ повѣстей Гоголя. Украинскія повѣсти были первыми произведеніями, съ которыми вступилъ нашъ поэтъ на литературное поприще. Этимъ онъ отдалъ дань и отмѣченному только что интересу времени и личнымъ симпатіямъ къ родной Украинѣ, мало того,—это было вполнѣ естественнымъ, даже единственно возможнымъ первымъ шагомъ его, какъ литератора. Интересъ того времени, привлекавшій научныя и литературныя силы къ этнографическому изученію Украины, былъ близокъ и душѣ Гоголя, пристрастившагося особенно къ малороссійскимъ пѣснямъ, въ которыхъ онъ видѣлъ и «звонкія лѣтописи» украинскаго народа, хотя къ этимъ пѣснямъ его «влекла» собственно, какъ справедливо говоритъ Пыпинъ, «не этнографія, а поэтическое дѣйствіе ихъ» [71]). Но если Гоголь окунулся въ море пѣсенъ родного народа и вошолъ въ ихъ душу, то и онѣ, эти пѣсни, глубоко внѣдрились въ душѣ поэта и вмѣстѣ съ воздѣйствіемъ на него всей вообще массы произведеній народнаго поэтическаго творчества—повѣрій, сказокъ и проч., а также самой природы и всей жизни Украины, глубоко и многозвучно отразила въ дивной гармоніи рѣчи его художественныхъ созданій свое «поэтическое дѣйствіе».

[70]) Тамъ-же, стр. 9.

[71]) А Н. Пыпинъ «Исторія русской этнографіи т. 3. стр. 28.

Сборники малороссійскихъ пѣсенъ,—появленіе которыхъ предшествовало и потомъ сопутствовало писательской дѣятельности Гоголя и которые были, между прочимъ, также плодомъ получившихъ тогда, какъ мы видѣли, особый интересъ и значеніе этнографическихъ изученій, при содѣйствіи еще нѣкоторыхъ другихъ обстоятельствъ [72]) породили въ поэтѣ мысль о написаніи малороссійскихъ повѣстей. Чтобы болѣе обосновать это утвержденіе, стоитъ припомнить, со словъ Пыпина, «какое значеніе имѣли для нашего общественнаго и литературнаго развитія малорусскія пѣсни и преданія, увлекавшія Максимовича и Гоголя» [73]). Стоитъ припомнить, что именно «въ результатѣ этнографическихъ поисковъ Гоголя явились—«Вечера на хуторѣ близь Диканьки», одинъ изъ первыхъ фактовъ произведеннаго имъ литературнаго переворота» [74]). Пламенная и искренняя любовь къ Малороссіи, любовь, которою было проникнуто все существо Гоголя, особенно въ началѣ его литературной дѣятельности, которая питалась между прочимъ и этими сборниками родныхъ пѣсенъ,—эта любовь и вызвала появленіе украинскихъ повѣстей. Всѣ эти богатыя собранія пѣсенъ которыя съ увлеченіемъ отыскивалъ и самъ Гоголь, «представляли», говоритъ Пыпинъ: «множество народно-поэтическихъ произведеній необычайной красоты, которыя увлекали первостепенныхъ писателей нашей литературы, приводили въ восторгъ Пушкина и несомнѣнно вдохновляли

[72]) См., напримѣръ, В. И. Шенрокъ «Мат.» для біографіи Гоголя «т. I., стр 257»

[73]) А. Н. Пыпинъ «Исторія русской этнографіи» т 3., стр. 29.

[74]) Тамъ же, т. 3., стр. 29—30.

Гоголя» [75]). Эту послѣднюю мысль лишь въ недавнее время снова высказали у насъ, уже во всей ея полнотѣ и приняли во всемъ ея объемѣ. Въ одной изъ позднѣйшихъ своихъ работъ, въ глубоко интересномъ изслѣдованіи «О характерѣ Гоголевскаго стиля» —профессоръ Мандельштамъ говоритъ о Гоголѣ, что, «Украина единственно вдохновляла его» [76]). До того «единственно», что даже самое «возбужденіе мысли», по словамъ профессора Мандельштама «шло у Гоголя по колеѣ родного, т. е. малорусскаго языка» [77]). Къ этому мы прибавимъ еще слѣдующія интересныя замѣчанія г. П. Морозова, который въ своей статьѣ «Гоголевскій стиль», [78]) написанной по поводу только что отмѣченной работы профессора Мандельштама, говоритъ: «Совершенно своеобразный характеръ придаетъ всему стилю Гоголя элементъ, какого мы почти вовсе не встрѣчаемъ у другихъ писателей,—элементъ малорусскій» [79]). Само собою разумѣется, что элементъ этотъ можетъ наблюдаться, и дѣйствительно наблюдается, не только въ тѣхъ или иныхъ отдѣльныхъ словахъ и цѣлыхъ выраженіяхъ малорусскихъ, которыя вставляетъ Гоголь въ великорусскую рѣчь своихъ повѣстей, но и въ самомъ построеніи и характеристическихъ особенностяхъ этой его, «великорусской» рѣчи. Далѣе,—читая повѣсти Гоголя, мы наблюдаемъ, по словамъ г. П. Морозова, «что, чѣмъ больше выступаетъ на первый планъ основная

---

[75]) А. Н. Пыпинъ «Ист. русск. этнографіи» т. 3., стр. 215.

[76]) См «Міръ Божій». 1902. № 2.

[77]) См. «Литературно-науковый вістникъ». XXII.

[78]) «Міръ Божій». 1902 г № 2 ой.

[79]) Тамъ же.

стихія гоголевскаго міросозерцанія—его юморъ, его чувство, тѣмъ ближе онъ къ малорусскому языку».... «Мы замѣчаемъ еще, повторяетъ далѣе г. П. Морозовъ указаніе проф. Мандельштама,—«что Гоголь часто думалъ по малорусски. Творилъ Гоголь по крайней мѣрѣ, такъ сказать, про себя именно по малорусски и потомъ мысленно уже переводилъ созданное на русскій языкъ» [80]). Совершенно тождественнымъ всему, только что цитированному нами, является и мнѣніе совершенно украинскаго критика, г-жи Александры Ефименко, что Гоголь «несвідомо користувався елементомъ українськоі мовы тоді, коли—почував у себі напливъ чутя і артистичный настрій», [81]) т. е. «безсознательно пользовался элементомъ украинской рѣчи тогда, когда чувствовалъ въ себѣ приливъ вдохновенія и настроеніе художника». Отмѣчаемыя всѣми приведенными нами указаніями характеристическія особенности самаго процесса созданія этихъ повѣстей (да и другихъ произведеній его)—это—первое, въ чемъ выразилось могущее вліяніе Украины на родного ей поэта. Отсылая читателя къ названному выше изслѣдованію проф. Мандельштама, мы не станемъ, конечно, приводить всей массы образцовъ гоголевскаго стиля, представленныхъ тамъ и подтверждающихъ только что слышанныя нами мнѣнія объ этомъ стилѣ, а ограничимся въ отношеніи

---

[80]) «Міръ Божій» 1902 г. № ой.

[81]) «Літературно науковый вістникъ», кн. XXII. стр. 91-я Статья А. Ефименко: «Національне раздвоене въ творчости Гоголя» («Національнее раздвоеніе въ творчествѣ Гоголя»). На русск. языкѣ статья эта «помѣщена въ Вѣстникѣ Европы» за 1902 г. Замѣтимъ, что г-жа Ефименко ссылается и на названную нами работу проф. Мандельштама.

къ нему лишь общимъ указаніемъ на частое употребленіе поэтомъ въ украинскихъ повѣстяхъ собственно малорусскихъ отдѣльныхъ словъ и даже цѣлыхъ выраженій, гдѣ таковыя, очевидно, совершенно основательно казались ему незамѣнимыми; затѣмъ укажемъ также на обороты и фигуры рѣчи, отразившіе въ себѣ вліяніе пѣсенъ и, наконецъ, остановимся нѣсколько еще и на одномъ частномъ замѣчаніи, такъ сказать вынужденномъ. Вызываетъ насъ къ этому мнѣніе проф. Н. Котляревскаго, высказанное имъ въ цитированномъ уже нами трудѣ его о Гоголѣ по вопросу именно о стилѣ поэта въ описаніи южно-русской степи въ «Тарасѣ Бульбѣ». Восклицаніе Гоголя въ концѣ этого описанія— «Чортъ васъ возьми, степи, какъ вы хороши!»— кажется проф. Н. Котляревскому «нѣсколько комическимъ» (91) не совсѣмъ въ тонѣ выдержаннымъ и позволяетъ, почтенному профессору «думать, что Гоголь самъ не оставался доволенъ (?!) своимъ романтическимъ пейзажемъ и что онъ перемѣною тона (?!) хотѣлъ настроить читателя менѣе восторженно (?!), но за то болѣе правдиво» [82]). Врядъ ли, думаемъ мы, можно согласиться съ этимъ мнѣніемъ. Приведенное восклицаніе Гоголя прежде всего именно какъ нельзя болѣе удачно заключаетъ собою художественное описаніе степи, являясь совершенно естественнымъ крикомъ поэтической души художника, да еще художника—украинца,—демократа, восхищеннаго созерцаніемъ дивной картины родной природы; и намъ кажется, что это восклицаніе именно повышаетъ восторженность настроенія читателя, восторженность, которую испытывалъ, несомнѣнно, самъ поэтъ: читатель вмѣстѣ съ поэтомъ именно еще

---

[82]) Міръ Божій, 1902 г., № 9, стр. 21.

болѣе восхищенъ, восхищенъ до восторженнаго крика этой чарующей картиной дѣвственно-прекрасной степи, картиной, краски которой даны были поэту, сколько образцами романтической, поэзіи, столько и самой природой, [83]) правда въ данномъ случаѣ не созерцаемой непосредственно, а возсозданной, богатою фантазіею художника. Въ описаніи вѣчныхъ красотъ природы, по справедливому замѣчанію Шенрока,—«Гоголь является сыномъ юга, не только спокойно, съ любовью наслаждающимся ея красотами, подобно Пушкину или Тургеневу,—онъ весь охваченъ беспредѣльнымъ восторженнымъ обаяніемъ» [84]). Вообще во всѣхъ гоголевскихъ описаніяхъ картинъ природы близко чувствуется именно сама природа, и намъ кажется, что къ Гоголю не менѣе чѣмъ къ Лермонтову примѣнимы слѣдующія извѣстныя слова Бѣлинскаго, сказанныя объ авторѣ «Мцыри»: «поэтъ бралъ цвѣты у радуги, лучи у солнца, блескъ у молніи, грохотъ у громовъ, гулъ у вѣтровъ... вся природа несла и подавала ему матеріалы». Вполнѣ гармонируетъ, думается намъ, со всей этой картиной степи и съ самымъ душевнымъ складомъ Гоголя—украинца и заключительное восторженное восклицаніе его. Что касается романтизма въ этомъ восторженномъ описаніи степи и въ восклицаніи поэта, то здѣсь можно видѣть скорѣе тотъ романтизмъ, который Бѣлинскій опредѣлялъ, какъ «внутренній міръ души человѣка, сокровенную жизнь его сердца. «что именно и обнару-

---

[83]) Вспомнимъ, напримѣръ, о впечатлѣніи, производ. южно русск. степью, которою описываетъ нѣкій польскій украинофилъ Яворскій см. Пыпинъ, т. III, стр. 267. спб. 1891 г. «Исторія русской этнографіи».

[84]) В. Шенрокъ «Матеріалы для біографіи Гоголя» т. I, 283 Москва 1892.

живалъ Гоголь въ данномъ случаѣ. Внѣшнимъ же источникомъ вдохновенія поэта, сокровищницею, изъ которой онъ черпалъ краски для художественныхъ образовъ своихъ, была здѣсь, повторяемъ, опять таже лишь Украина и ея природа.

Всѣ приведенныя выше замѣчанія по поводу справедливаго мнѣнія проф. Мандельштама, что «Украина единственно вдохновляла Гоголя» —находятъ себѣ авторитетное обоснованіе не въ одномъ этомъ мнѣніи и вообще не въ однихъ только позднѣйшихъ признаніяхъ истины за этою мыслью, но и въ свидѣтельствѣ прежней критики, и именно критики малорусской, много ранѣе говорившей то же, что говорятъ теперь проф. Мандельштамъ и нѣкоторые другіе изслѣдователи твореній Гоголя. Такъ, еще въ 1881 году извѣстная малорусская писательница—Олена Пчилка, издавая два первые изъ задуманныхъ ею переводовъ на малорусскій языкъ отдѣльныхъ произведеній Гоголя [85]), предпосылаетъ этимъ переводамъ предисловіе, въ которомъ «развитъ взглядъ на вліяніе малорусскихъ источниковъ и отголосковъ на складъ дѣятельности Гоголя въ русской литературѣ», [86]) иначе говоря, здѣсь трактовалось отчасти, какъ мы увидимъ, и о томъ именно, что «Украина единственно вдохновляла Гоголя». «Большая часть его (Гоголя) разсказовъ», говоритъ г-жа Олена Пчилка въ упомянутомъ «Предисловіи» своемъ,—«имѣетъ украинскіе типы, украинскую обстановку, вообще взята изъ украинской жизни. Къ тому же произведенія его не

---

[85]) Переклады изъ Гоголя. Два размаитыхъ зразки» (два различныхъ обрузца). Олены Пчилки Кіевъ 1881 г.

[86]) А. Н Пыпинъ «Ист. рус. этнографіи» т. 3 , стр 30. примѣчаніе..

только имѣютъ матеріалъ, почерпнутый изъ (жизни) Украины, они обнаруживаютъ еще и величайшія украинскія симпатіи Гоголя. Достаточно припомнить, что если есть въ его произведеніяхъ типы, къ которымъ самъ авторъ относится съ расположеніемъ,—они именно взяты имъ изъ украинской народности, какъ будто именно тамъ хотѣлось Гоголю найти ихъ. Да и помимо этого, врожденное расположеніе Гоголя къ своему, украинскому, проявляется на каждомъ шагу» [87]). Все, сказанное въ только что приведенномъ нами въ русскомъ переводѣ отрывкѣ изъ «Предисловія» г-жи Олены Пчилки, написаннаго 20 слишкомъ лѣтъ тому назадъ, повторяется въ наше время въ цитированной выше статьѣ г-жи А. Ефименко, которая говоритъ, что въ украинскихъ повѣстяхъ Гоголя «даетъ себя чувствовать всеобъемлющая любовь художника къ изображенной имъ жизни. Вы чувствуете, что художникъ любитъ не только то, что онъ изображаетъ, какъ красивое и хорошее, справедливое и благородное: онъ любитъ и пьяницу Солопія Черевика, и измѣнника Андрія, и не совсѣмъ то «красиваго» Брута, и глупаго Шпоньку» [88]). Затѣмъ, далѣе вернемся къ «Предисловію» г-жи Олены Пчилки, гдѣ читаемъ:—«Гоголь широко черпалъ изъ живого источника украинской народной «души». Позднѣйшіе этнографическіе сборники именно показали, что, напримѣръ, почти всѣ фабулы въ «Вечерахъ на хуторѣ» взяты цѣликомъ изъ народныхъ разсказовъ» [89]). Тутъ

---

[87]) Переклады зъ Н. Гоголя». Олены Пчилки. Кіевъ 1881 г. стр. 5—6.

[88]) «Литературно-науковый вістникъ», XXII, стр. 22. Цитируемъ, переводя на русскій языкъ.

[89]) «Переклады зъ Н. Гоголя» Ол. Пчилка 1881 г. стр. 6—7.

же, отмѣчая страстную любовь Гоголя къ украинскимъ пѣснямъ и вспоминая кстати свидѣтельство самого поэта объ этой любви, г-жа Олена Пчилка характеризуетъ и то огромное вліяніе, которое, какъ извѣстно, оказали эти пѣсни на автора «Вечеровъ» и «Миргорода». «Моя радость, жизнь моя, пѣсни! какъ я васъ люблю»! восклицаетъ самъ Гоголь, (какъ припомнимъ и мы) въ письмѣ своемъ къ Максимовичу и говоритъ дальше своему другу: «Вы не можете представить, какъ мнѣ помогаютъ въ исторіи пѣсни» [90]). По украинскимъ повѣстямъ поэта мы можемъ видѣть, что, конечно, не въ однихъ только работахъ по изученію исторіи Малороссіи помогали ему родныя пѣсни. «Подъ вдохновляющимъ вліяніемъ этихъ пѣсенъ»,—говоритъ г-жа Олена Пчилка, «когда Гоголь слѣдилъ по нимъ исторію Украины, написалъ онъ свою безсмертную повѣсть «Тараса Бульбу», лучше которой нѣтъ между всѣми русскими историческими повѣстями. Да и какъ было не исполниться духомъ этихъ украинскихъ повѣстей Гоголю, когда даже великороссъ Пушкинъ, писавши свою «Полтаву» и просматривая при этомъ сборникъ украинскихъ пѣсенъ [91]), сказалъ Максимовичу: «Посмотрите, я обкрадываю ваши пѣсни»! Тѣмъ больше могли эти родныя пѣсни сказать Гоголю. И наполняли онѣ его думы величавыми образами (картинами), придавали тонкія очер

---

[90]) Сочиненія и письма Гоголя». Изд. Кулиша, 1857 г. т. V, стр. 188—189. Письмо къ Максимовичу написано поэтомъ въ ноябрѣ 1833 г. (Пыпинъ Ист. рус этнографіи, т. 3, стр. 27), т. е. незадолго до созданія «Тараса Бульбы».

[91]) Сборникъ Максимовича. См. А. Н. Пыпинъ «Исторія рус. этнографіи» т. 3, стр. 29.

танія, поэтичный складъ его повѣствованію» [92]). Совершенно согласно съ этими строками и въ наше время Шенрокъ, отмѣчая начало вліянія на Гоголя украинскихъ пѣсенъ, говоритъ: «Ни въ чемъ поэзія дѣтскихъ воспоминаній не сказалась въ Гоголѣ такъ сильно, какъ въ его горячей любви къ малороссійскимъ пѣснямъ» [93]) А эта то «поэзія дѣтскихъ вспоминаній», сконцентрировавшихся для поэта въ чаровавшихъ его впечатлѣніяхъ пѣсенъ родной Украины, явилась и поэзіей украинскихъ п.вѣстей его. «Страстно любимыя имъ народныя пѣсни»,—говоритъ Шенрокъ,—его главный источникъ, по крайней мѣрѣ, въ смыслѣ вліянія на его душу, естественно представляютъ жизнь съ ея поэтической стороны» [94]). О «Тарасѣ Бульбѣ», напримѣръ, Шенрокъ же говоритъ: «Вліяніе пѣсенъ несомнѣнно сильно способствовало яркому, праздничному и торжественному колориту всего содержанія «Тараса Бульбы».. А дальше относительно данной повѣсти Шенрокъ отмѣчаетъ еще, что «Гоголь, почерпая свое вдохновеніе въ такомъ прекрасномъ и свѣтломъ источникѣ, какъ народная поэзія, несомнѣнно правдиво и художественно передалъ намъ въ своей поэмѣ то, что пережилъ и глубоко прочувствовалъ малороссійскій народъ» [95]). Вспомнимъ теперь, что для Гоголя ясна и дорога была та истина, которую высказалъ еще извѣ

---

[92]) «Переклады зъ Гоголи» Ол. Пчилка. Предисловіе стр. 8.

[93]) В. И. Шенрокъ «Матеріалы для біографіи Гоголя» т. II стр. 40.

[94]) Тамъ же, стр. 131. См. еще о вообще стр. 130—135

[95]) Тамъ же, т. II стр. 134.

ственный начинатель малороссійской этнографіи князь Цертелевъ: «кто хочетъ дать, если можно такъ выразиться, народный колоритъ своимъ произведеніямъ, тотъ не думаетъ считать бездѣлкою отечественныя преданія и пѣсни, но обязанъ вслушиваться въ нихъ сколько можно болѣе; ибо сіи бѣдные памятники... сохраняютъ еще многія черты той оригинальности, которая отличаетъ поэзію одного народа отъ поэзіи другого» [96]). Такъ думалъ и самъ Гоголь, высоко цѣнившій украинскія пѣсни и съ любовью и художественнымъ чутьемъ использовавшій какъ эти пѣсни, такъ и всѣ вообще подобныя сокровища творчества родного ему народа. Таково было вдохновлявшее Гоголя вліяніе Украины, поскольку она воздѣйствовала на него своими пѣснями. Теперь вспомнимъ еще о вліяніи на Гоголя украинскихъ сказокъ, повѣрій и т. п. произведеній народной поэзіи, которыя имѣли столь важное значеніе особенно для его повѣстей фантастическаго характера, гдѣ, какъ напримѣръ въ «Віѣ» «Страшной мести», и др., это вліяніе наблюдается въ значительной мѣрѣ и совершенно очевидно; вспомнимъ затѣмъ и о томъ, что дала Гоголю исторія Украины, исторія, въ уясненіи которой такъ «помогали» ему, по его же словамъ, опять таки тѣ же пѣсни; вспомнимъ, что эта исторія, иллюстрируемая и комментируемая пѣснями, вдохновила поэта на созданіе «безсмертнаго» «Тараса Бульбы»; что она же, вѣрнѣе, впрочемъ, одинъ эпизодъ ея (какъ есть основаніе думать), подалъ Гоголю мысль о написаніи исторической трагедіи, хотя и не дошедшей

---

[96]) А. Н. Пыпинъ «Исторія русской этнографіи», т. III, стр. 14–15. СПБ. 1891 годъ.

до насъ [97]); вспомнимъ, наконецъ, еще и отрывки историческаго характера. Этими общими вапоминаніями мы и ограничимъ свои замѣчанія по вопросу о вліяніи на Гоголя сказокъ, повѣрій, исторіи, а совмѣстно съ нею и пѣсенъ украинскаго народа, такъ какъ обо всѣхъ этихъ вліяніяхъ обстоятельныя изслѣдованія даны Шенрокомъ и другими. Такимъ образомъ намъ остается еще

[97]) П. А. Кулишъ, разбираясь какъ-то въ бумагахъ Гоголя, предоставленыхъ въ его распоряженіе и представлявшихъ собою «выписки Гоголя изъ разныхъ книгъ по предмету русской и всеобщей исторіи», напалъ на «слѣды» несомнѣнно существовавшей драмы поэта изъ украинской исторіи», напалъ именно, по его словамъ, на одно мѣсто съ подчеркнутою надписью: «Какъ должно создать эту драму». Собравъ всѣ найденные имъ тогда же замѣтки Гоголя къ приведенному только что заголовку, Кулишъ весь этотъ матеріалъ напечаталъ въ «Основѣ», озаглавивъ его: «Замѣтки и наброски Н. В. Гоголя для драмы изъ украинской исторіи». Свою догадку о томъ, что, кромѣ этихъ набросковъ существовала когда нибудь и цѣлая драма, въ нихъ неясно намѣченная, Кулишъ подтверждаетъ: 1) свидѣтельствомъ С. Т. Аксакова, который въ своихъ «Воспоминаніяхъ» (см. «Записки о жизни Гоголя» Кулиша. Т. I, стр. 252) сообщаетъ, что Гоголь говорилъ ему о трагедіи изъ исторіи Запорожья; 2) указаніемъ на тотъ, какъ онъ говоритъ, «фактъ, что Гоголь читалъ во Франкфуртѣ Жуковскому какую то трагедію, а т. к. Гоголь не написалъ вообще ни одной трагедіи или драмы, то читанная во Франкфуртѣ и была, вѣроятно, именно та украинская трагедія, слѣды которой онъ нашелъ. Наконецъ, Кулишъ въ подтвержденіе своего мнѣнія говоритъ еще слѣдующее: «Еще мы знаемъ, что Гоголь въ первый свой пріѣздъ въ Москву говорилъ о какой то драмѣ М. С. Щепкину: «Ну, Михайло Семеновичъ, будетъ вамъ славная работа: у меня есть драма за (малло-

сдѣлать лишь нѣсколько замѣчаній по вопросу о непосредственномъ воздѣйствіи на душу Гоголя родной ему и чаровавшей его природы Украины, о впечатлѣніяхъ родной ему жизни Украины и особенностей ея быта, т. е. обо всемъ томъ, что еще, кромѣ отмѣченнаго уже нами, отразилось украинскаго въ его повѣстяхъ. Съ дѣтства окруженный природой Малороссіи, съ дѣтства полюбив-

---

россизмъ) выбритый усъ, въ родѣ «Тараса Бульба». Я скоро ее окончу». («Основа» 1861 г. стр. 116—120). Мы съ своей стороны приведемъ въ добавленіе къ выше цитированнымъ словамъ самого Гоголя слѣдующее соображеніе: не позволяетъ ли этотъ «выбритый усъ»,—относительно «драмы за который», повторяемъ маллороссизмъ поэта—говорилъ Гоголь Щепкину,—напоминающій извѣстный разсказъ о томъ, какъ Петръ Великій схватилъ однажды за усъ Мазепу, предположить, что сюжетъ драмы Гоголя взятъ былъ именно изъ эпохи Петра В. и Мазепы: такое предположеніе кажется тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что, напримѣръ, отрывки рѣчей одной изъ безымянныхъ героинь драмы, читаемые въ упомянутыхъ «Запискахъ и набротскахъ», представленныхъ Кулишемъ въ «Основѣ», напоминаютъ Мотрю Кочубеевну. Если это такъ, то этимъ не только лишній разъ подтверждается мнѣніе Кулиша, но и сообщается извѣстная опредѣленность рѣшенію вопроса объ эпохѣ, къ которой надо относить содержаніе этой недошедшей у насъ въ цѣломъ видѣ, но, вѣроятно, существовавшей все же, единственной трагедіи Гоголя. Замѣтимъ еще, что бѣглыя указанія относительно этой трагедіи даютъ и Шенрокъ (т. II, стр. 241; т. III стр. 539 и друг.) и проф. Н. Котляревскій, кототый напоминаетъ, что Гоголь «въ бытность свою въ Италіи все продолжалъ думать о запорожцахъ и долго носился съ планами объ исторической трагедіи изъ жизни старой Украины». См. еще соч. Н. В. Гоголя. X-е изд. т. V, стр. 101—104, 554.

шій ее, привыкшій и привязавшійся къ ней, Гоголь и позднѣе, въ зрѣлые годы, бываетъ особенно счастливъ, гостя въ Малороссіи, возобновляя въ каждый пріѣздъ туда впечатлѣнія картинъ природы дорогой для него родины. Вспомнимъ, напримѣръ, какъ восторженно говоритъ самъ Гоголь въ одномъ изъ писемъ къ Данилевскому о впечатлѣніи, производимомъ на него природою Малороссіи и именно въ лѣтнее время: «Я вывезъ изъ дому всю роскошь лѣта», пишетъ поэтъ [98]). Естественно, что картины этой украинской природы ярко запечатлѣвались въ поэтической душѣ Гоголя, и онъ кистью геніальнаго художника воспроизводилъ ихъ въ своихъ дивныхъ описаніяхъ родного ему Псла («Сорочинская ярмарка»), Днѣпра («Страшная месть»), ослѣпительнаго роскошнаго солнечнаго дня въ Малороссіи («Сороч. ярмарка»), прозрачной украинской ночи» — («Майская ночь или утопленница»), наконецъ, родной привольной южно-русской степи («Тарасъ Бульба»), которую богатая фантазія его рисуетъ такой, какой она была еще за многіе и многіе годы до него, и которой онъ восхищается съ правдивостью и горячностью человѣка, дѣйствительно созерцающаго реальную картину чарующей природы. Мнѣнію, что Гоголь воспроизводилъ въ своихъ украинскихъ повѣстяхъ именно дѣйствительныя картины чаровавшей его природы Малороссіи, нисколько не противорѣчитъ нѣкоторая сгущенность красокъ въ иныхъ изъ выше отмѣченныхъ нами описаній, если вспомнить, что украинскія повѣсти свои Гоголь писалъ въ Петербургѣ, въ періодъ глубокой тоски по родинѣ, естественно представлявшейся поэту въ

---

[98]) В. И. Шенрокъ «Матеріалъ для біографіи Гоголя» Т. II, стр. 174.

особо-чарующемъ и привлекательномъ свѣтѣ. Такъ, на извѣстное мнѣніе Кулиша, что, напримѣръ, въ «Тарасѣ Бульбѣ» дѣйствительность предстаетъ предъ читателемъ въ освѣщеніи «бенгальскимъ огнемъ»,—г-жа Ефименко, подчеркивая восторженную любовь Гоголя къ своему, украинскому, возражаетъ, что это «не свѣтъ бенгальскаго огня,—это свѣтъ, которымъ освѣщено лицо ребенка въ глазахъ его молодой матери» [99]). И въ объясненіе, дѣйствительно, нѣкоторой сгущенности красокъ въ описаніи украинской ночи («Майск. ночь») и Днѣпра («Страш. месть») говоритъ: «Въ будничномъ настроеніи вы готовы видѣть сгущеніе красокъ въ описаніи украинской ночи, Днѣпра; но когда вы въ приподнятомъ настроеніи тоскуете на чужбинѣ по родному, какъ безъ сомнѣнія тосковалъ по немъ Гоголь въ первое время своего пребыванія въ Петербургѣ,—то весь этотъ блескъ, яркость и роскошь красокъ, все это представляется вамъ дѣйствительностью. Ясно (же), что художникъ, писавши, жилъ вмѣстѣ съ изображаемою имъ жизнью» [100]). Замѣтимъ, что это же объясненіе можетъ, конечно, служить возраженіемъ и на упомянутое выше мнѣніе проф. Котляревскаго относительно описанія степи въ «Тарасѣ Бульбѣ» на мнѣніе Кулиша о несоотвѣтствіи дѣйствительности въ гоголевскомъ описаніи «роскошнаго» лѣтняго дня въ Малороссіи («Сороч. яр.»). Указавъ на отраженіе въ украинскихъ повѣстяхъ Гоголя природы Украины, скажемъ теперь, наконецъ, нѣсколько словъ о томъ, какъ отразился въ этихъ повѣстяхъ бытъ Украины, и, такимъ образомъ, нами будетъ представлено, конечно, лишь въ общихъ

---

[99]) «Литературно науковый вістникъ». XXII. стр 92.
[100]) Тамъ же.

чертахъ (что только мы и преслѣдуемъ) все, что дала «Украина, единственно вдохновлявшая» поэта, для его творчества. Находя неестественнымъ изображеніе лѣтняго дня въ Малороссіи, какое далъ Гоголь въ «Сорочинской ярмаркѣ», Кулишъ, по поводу, главнымъ образомъ, этой же повѣсти, высказываетъ нѣкоторыя замѣчанія и относительно невѣрности украинскому народному быту, въ чемъ, по его мнѣнію, повиненъ здѣсь Гоголь. Въ предыдущемъ уже мы нѣсколько охарактеризовали эти замѣчанія Кулиша, отмѣтивъ строгость его этнографическихъ требованій. Теперь повторимъ, что, несмотря на нѣкоторую крайность своихъ мнѣній въ разборѣ и оцѣнкѣ бытового элемента украинскихъ повѣстей Гоголя, Кулишъ все же во многомъ правъ и даетъ намъ въ иныхъ случаяхъ безспорно достойныя вниманія указанія для возможно болѣе правильнаго сужденія объ изображеніи поэтомъ быта Украины. Въ чемъ именно выразились, по мнѣнію Кулиша, промахи Гоголя въ изображеніи украинскаго быта, мы уже говорили, приводя при томъ и отмѣченные имъ частные примѣры этихъ промаховъ; говорили, правда, примѣрно и кратко, такъ какъ съ деталями и болѣе широкими обобщеніями интересующіеся могутъ познакомиться изъ самыхъ статей Кулиша по данному вопросу, тогда же нами отмѣченныхъ [101]). Съ своей стороны относительно бытового элемента украинскихъ повѣстей Гоголя мы думаемъ, что онъ представляетъ собою въ общемъ почти вѣрное воспроизведеніе дѣйствительнаго украинскаго быта. Говоримъ «почти», оправдывая эту оговорку, во-первыхъ, приведенными выше замѣчаніями

---

[101]) «Основа» 1861 г. кн. IV, (Гоголь) и кн. V (Гоголь).

о нѣкоторыхъ (хотя бы и не существенныхъ) этнографическихъ промахахъ Гоголя, а во-вторыхъ, тѣмъ общеизвѣстнымъ обстоятельствомъ, что Гоголь совершенно игнорировалъ въ своемъ изображеніи украинскаго быта ту характерную и особо важную черту его, какую несомнѣнно должна была являть собою въ каждомъ представителѣ этого быта, и, значитъ, въ каждомъ типѣ и во всей общей картинѣ украинской жизни въ повѣстяхъ,—печать жившаго тогда въ этомъ быту крѣпостного права, печать болѣе или менѣе глубокая, болѣе или менѣе бросающаяся въ глаза [102]). А такимъ образомъ жизнь Украины, картины ея народнаго быта въ изображеніи Гоголя предстали предъ читателемъ какъ-бы одной только своей стороной, стороной, гдѣ «все обстоитъ благополучно», стороной, говоря въ духѣ характеристики Кулиша, праздничной, веселящейся, гуляющей, пьющей, танцующей и поющей, а если иногда и забывающей веселье, то по обстоятельствамъ сравнительно мелкимъ, обусловленнымъ обыденными и об

---

[102]) Для насъ, собственно не важно, чѣмъ объясняется или чѣмъ можно объяснить это игнорированіе Гоголемъ печати крѣпостного права на изображаемомъ имъ бытѣ Тѣмъ ли, что—подобно тому какъ нѣкогда Аристотель не видѣлъ зла въ существованіи рабства и даже говорилъ о его благой необходимости,—Гоголь, по выраженію г-жи А. Ефименко, «не понималъ, что крѣпостное право худшее изъ соціальныхъ золъ» (Лит. наук. віст. XXII, стр. 97); или это объясняется какъ-нибудь иначе, напримѣръ, чисто внѣшними условіями: характеромъ цензуры того времени и т. п. для насъ, повторяемъ, важенъ отмѣчаемый фактъ самъ по себѣ, т. к. онъ обусловилъ собою извѣстную неполноту гоголевскихъ картинъ украинскаго быта.

щечеловѣческими бѣдами житейскими [103]), а все таки не величайшимъ зломъ, тяготѣвшимъ надъ всѣмъ этимъ «благополучнымъ» людомъ, не крѣпостнымъ правомъ, которое для насъ, благодаря этому, является какъ бы шапкой невидимкой на головахъ его рабовъ, а для самихъ рабовъ этихъ, по Гоголю, какъ-бы и вовсе не существовавшимъ. Въ этомъ именно смыслѣ, между прочимъ надо думать, проф. Н. Котляревскій и называетъ нѣкоторыя украинскія повѣсти Гоголя «идилліями» [104]). Этимъ послѣднимъ замѣчаніемъ мы и закончимъ свои обобщенія по вопросу о томъ, какъ и въ чемъ именно отразились въ украинскихъ повѣстяхъ Гоголя всѣ его, какъ мы сказали, не книжныя впечатлѣнія, исходившія отъ родной ему Украины, «жизнь» которой, говоря словами Пыпина, «доставляла матеріалъ для его фантазіи» [105]).

В. Катрановъ.

Продолженіе будетъ.

---

[103]) Мы исключаемъ здѣсь, конечно, нѣкоторыя историческія повѣсти Гоголя, въ которыхъ встрѣчаемъ не мало истинно трагическихъ положеній обусловленныхъ особыми и глубоко серьезными причинами.

[104]) Н. Котляревскій «Н. В. Гоголь» 1829—1842 стр.

[105]) А. Н. Пыпинъ «Ист. русской этнографіи», т. 3.

Грибоѣдовъ и его комедія.

(Къ 80-лѣтію смерти писателя).

Драматизмъ жизни и творчества Грибоѣдова оставилъ слѣды въ литературѣ. И въ грустныхъ мимолетныхъ воспоминаніяхъ Пушкина, и въ случайныхъ мысляхъ литературнаго диллетанта Вяземскаго, и въ вѣчно живыхъ страницахъ Бѣлинскаго, и въ спокойныхъ широкихъ обобщеніяхъ Гончарова, поражающихъ своею пластичностью и глубиною, всюду возстаетъ предъ нами этотъ даровитый ученикъ Мольера, создатель типа русскаго Алцеста, давшій намъ, по выраженію Гончарова, громадную картину нравовъ и галлерею живыхъ типовъ. Его „общіе знакомцы", наравнѣ съ безсмертными Гоголевскими типами, продолжаютъ жить своею „нетлѣнною" жизнью; они, несмотря на многочисленныя позднѣйшія литературныя наслоенія, попрежнему ярки и свѣжи, красочны и глубоко-драматичны въ своей основѣ. Художественно-общественнымъ ихъ отраженіемъ является тотъ блестящій критическій этюдъ Гончарова, который окончательно установилъ широкую историко-литературную точку зрѣнія на великое произведеніе Гончарова и который до настоящаго времени остается послѣднимъ словомъ русской критики о выдающемся драматургѣ Александровской эпохи.

Въ своей „Исторіи русской литературы" Пыпинъ справедливо указываетъ, что на оцѣнку „Горя отъ ума" оказываютъ вліяніе взгляды представителей современной Грибоѣдову и послѣдующихъ эпохъ. „Понадобились долгіе комментаріи, чтобы вызвать теоретическое основаніе идей Чацкаго и споры доходятъ до нашего времени" (Исторія рус. литературы, IV, 347). Громадная популярность этого произведенія, обошедшаго въ спискахъ всю читающую Россію, луч-

ше всего показываетъ тотъ животрепещущій интересъ, который имѣла комедія Грибоѣдова, какъ отраженіе жизни, какъ зеркало современнаго ему общества, наконецъ, какъ лозунгъ тѣхъ просвѣтительныхъ идей, которыми характеризуется первая половина Александровской эпохи. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ Грибоѣдовъ и его произведеніе заслуживаютъ серіознаго вниманія, и не удивительно, что это капитальное произведеніе русской литературы вызвало такъ много самыхъ разнообразныхъ отзывовъ. Въ одномъ, однако, сходились всѣ цѣнители этого геніальнаго труда, въ томъ, что онъ глубоко захватывалъ русскую жизнь. Наиболѣе скептическій, хотя и не особенно значительный критикъ (кн. Вяземскій), ненаходившій въ комедіи дѣйствія, считавшій почти всѣ ея лица эпизодическими, всѣ явленія выдвижными, среди самыхъ „странностей" комедіи Грибоѣдова видитъ одну крупную заслугу автора; „расширяя сцену, говоритъ Вяземскій, населяя ее народомъ дѣйствующихъ лицъ, онъ, безъ сомнѣнія, расширилъ и границы самого искусства" (Соч. т. V, стр. 143—144).

И люди, и дѣйствія ихъ, и общій тонъ комедіи, и ея живыя, двигавшія общественное сознаніе идеи отражаютъ въ себѣ тѣ стремленія, которыми было проникнуто общество этой переходной эпохи, видѣвшей расцвѣтъ старыхъ талантовъ Жуковскаго, Батюшкова и Крылова, зарожденіе новыхъ - Пушкина, Лермонтова и Гоголя. Между этими двумя группами писателей, корифеевъ нашего художественнаго слова, „одиноко, но высоко", по выраженію Гаршина, стоитъ Грибоѣдовъ.

Просвѣтительныя стремленія Александровской эпохи, отразившіяся, между прочимъ, въ одномъ изъ раннихъ стихотвореній Пушкина „Деревня" (1819 г.), наложили свой отпечатокъ на личность и творчество Грибоѣдова. Пушкинъ

наканунѣ появленія въ свѣтъ „Руслана и Людмилы“ мечталъ о свѣтломъ будущемъ родины

Увижу ль я, друзья, народъ неугнетенный
И рабство, падшее по манію царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли, наконецъ прекрасная заря!

Грибоѣдовъ не только страстно желалъ этого: онъ сдѣлалъ первую серіозную попытку превратить свои завѣтныя думы въ осязательный фактъ художественнаго сознанія.

Въ этомъ отношеніи онъ является однимъ изъ лучшихъ сыновъ свѣтлой Александровской эпохи, этой зари русскаго обновленія.

Грибоѣдовъ и Чаадаевъ—дѣти одной эпохи; въ ихъ судьбѣ и воззрѣніяхъ можно найти не мало общихъ чертъ. Оба они горячіе поборники широкаго европейскаго образованія, оба проникнуты горячимъ желаніемъ добра родинѣ, оба глубокіе скептики, критически относившіеся къ современной имъ дѣйствительности. Судьба ихъ одинаково трагична. Внутренній трагизмъ грибоѣдовской души обрисовывается въ его письмахъ. „Мученье быть пламеннымъ мечтателемъ въ краю вѣчныхъ снѣговъ“ – такъ опредѣляетъ творецъ „Горя отъ ума“ свое положеніе, какъ писателя и гражданина въ странѣ, гдѣ, по выраженію позднѣйшаго поэта-публициста

Нѣсколько журналовъ силились раздуть
Гдѣ-то во тьмѣ безличья тлѣвшій огонекъ...

Грибоѣдовъ, принадлежавшій по словамъ Бѣлинскаго, къ самымъ могучимъ проявленіямъ русскаго духа, не могъ, какъ и Чаадаевъ, мириться съ слабой гражданственностью и малой культурностью своей родины. Онъ во имя идеаловъ просвѣщенія обрушился на старую Москву, давъ впервые раньше Пушкина и Толстого вѣрное и широкое изображеніе русской жизни.

Живи одинъ. Дорогою свободной
Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ,
Усовершенствуя плоды любимыхъ думъ,
Не требуя награды за подвигъ благородный.

Этотъ завѣтъ Пушкина Грибоѣдовъ осуществилъ и въ своей одинокой жизни и въ гордомъ, независимомъ творчествѣ, къ которому такъ идутъ слова Мицкевича:

Ach czyjeż usta smią pochlebiać sobie,
Że znajdą dzisiaj to czarowne słowo,
Które rozczuli rozpasz marmurową,
Które z serc wieko podeimie kamienne,
Rozwiąże oczy, tylą łez brzemienne?
. . . .
Wtenczas zapłaczą nad ojców losami,
J wtenczas łza ta ich łica nie splami...

У Грибоѣдова отходятъ въ туманную даль преданія „временъ очаковскихъ и покоренья Крыма“, мишурное величіе екатерининской старины съ ея расцвѣтомъ крѣпостничества. Намъ понятно негодованіе, скажемъ даже—озлобленіе Чацкаго противъ эпигоновъ этой забытой эпохи, мечтавшихъ теченье жизни новой отвлечь въ старое русло.

Въ произведеніи Грибоѣдова мы впервые видимъ

Ту новую, разумную ту Русь,

которой суждено было порвать связи съ преданіями Петровской и Екатерининской эпохъ, развернуться во всемъ разнообразіи общественныхъ силъ, нашедшихъ себѣ живое выраженіе въ художественной литературѣ и родномъ искусствѣ. А. Н. Пыпинъ мѣтко называетъ одиноко стоящее и въ литературѣ и въ личномъ творчествѣ Грибоѣдова „Горе отъ ума“ „одинокой вспышкой великаго дарованія“ (Ист. рус. литературы, IV, 315). Гончаровъ отмѣчаетъ раскрытый этимъ произведеніемъ историческій моментъ русской жизни. Сплетеніе художественныхъ и общественныхъ заслугъ, отмѣ-

ченная Гоголемъ смѣна фонвизиновскихъ героевъ невѣжества грибоѣдовскими поборниками полупросвѣщенія выдвигаетъ Грибоѣдова, какъ художника-публициста въ высокомъ и благородномъ значеніи слова. Онъ одновременно нашъ Мольеръ и Свифтъ, комикъ и каратель общественныхъ пороковъ. Лицемѣріе русскихъ Тартюфовъ—Фамусовыхъ, грубая мишура Скалозубовъ, дряблость Репетиловыхъ, этихъ жалкихъ пародій доморощеннаго европеизма, нравственная негодность Загорѣцкихъ—все показываетъ, какъ широко понималъ Грибоѣдовъ силу глубоко въѣвшагося зла, для борьбы съ которымъ понадобились слишкомъ полувѣковыя усилія художественной литературы, въ частности комедіи и сатиры. Островскій и Салтыковъ представляютъ послѣдніе этапы на этомъ длинномъ пути, въ началѣ котораго, какъ яркій свѣточъ, сіяетъ безсмертная комедія Грибоѣдова.

Негодующій лиризмъ Чацкаго будетъ слышаться въ сатирическихъ мѣстахъ сочиненій Салтыкова, Некрасова, въ статьяхъ Добролюбова о темномъ царствѣ, обломовщинѣ, грядущемъ днѣ Россіи послѣ „Наканунѣ“; отголоски любви къ „умному и доброму“ народу отдадутся въ лирическихъ мѣстахъ „Мертвыхъ душъ“, громко прозвучатъ въ поэмахъ Некрасова, романахъ Достоевскаго и Толстого. Даже корректному и уравновѣшенному Штольцу не чужда эта нота. Бабуринъ у Тургенева представляетъ любопытное видоизмѣненіе этого драматически красиваго типа, въ которомъ нельзя не отыскать кое-гдѣ и чертъ наносныхъ, вызвавшихъ слишкомъ враждебное отношеніе Бѣлинскаго. Широкія рамки, обусловливавшія болѣе высокую степень идеализаціи типа Чацкаго, драматическая неустойчивость иныхъ его положеній, вплоть до бѣгства изъ Москвы, конечно, не могутъ умалить его національнаго значенія, какъ человѣка новой Россіи, смѣло идущаго по пути борьбы и ломки; въ его репликахъ и монологахъ слышится громъ тѣхъ рѣчей, ко-

торымъ придавалъ такое значеніе Гоголь въ своихъ „Мертвыхъ душахъ“. Это рѣчи правды, нравственнаго обновленія, благихъ призывовъ къ служенію человѣку и обществу. До сихъ поръ, какъ цѣнные алмазы, блещутъ эти полные жизни, пластичные, острые афоризмы, эти, по мѣткому выраженію Буслаева, занозненныя остроты Чацкаго. Въ нихъ мы видимъ элементъ глубоко-продуманной, серіозной общественной программы, которую пришлось проводить въ жизнь людямъ не тридцатыхъ, а сороковыхъ годовъ. Средоточіемъ этой программы, помимо правъ личныхъ и общественныхъ, является борьба съ вѣковымъ зломъ—крѣпостничествомъ. Въ страстныхъ нападкахъ на этого врага великая личная заслуга Грибоѣдова, тѣмъ болѣе значительная, что въ его время, кромѣ Н. Тургенева, мы не можемъ указать на стойкихъ и убѣжденныхъ противниковъ крѣпостничества въ печати и литературѣ. Страстностью этихъ нападокъ для современниковъ Грибоѣдова, и даже для Бѣлинскаго, была заслонена художественная сторона комедіи. Рука объ руку съ обличителемъ и карателемъ общественнаго зла идетъ и тонкій аналитикъ жизни, бытописатель старой Москвы, писатель-психологъ, открывающій съ удивительною яркостью и живостью красокъ и оттѣнковъ отдѣльные психологическіе мірки Репетиловыхъ, Горичевыхъ, женскаго beau mond'а Москвы, чиновной знати. Фамусовъ и Молчалинъ, какъ общественные типы—преддверіе Островскаго съ его Вышневскими, Юсовыми, Бѣлогубовыми, Беневоленскими.—Горячіе, дышащіе общественнымъ негодованіемъ реплики и монологи Чацкаго—эти первообразы пламенной русской сатиры, комическіе устои фамусовскаго міросозерцанія, раскрытые съ такою художественною яркостью—все это образуетъ фонъ картины, которая впервые отражаетъ борьбу идей въ нашей литературѣ. Эта вѣчная борьба смѣняющихся поколѣній, сравненіе „вѣка нынѣшняго и минувшаго“ ставятъ

Грибоѣдова на ряду съ наиболѣе крупными нашими писателями, оставляетъ далеко позади его такихъ современниковъ этого писателя, какъ Карамзинъ, Батюшковъ и Жуковскій. У Грибоѣдова мы находимъ ту здоровую закваску общественности, которая потомъ разрослась въ цѣлыя законченныя программы у Бѣлинскаго, Герцена, Грановскаго, этихъ корифеевъ западничества. Въ своей статьѣ „Замѣчательное десятилѣтіе" Анненковъ детально изображаетъ эту эволюцію гуманистическаго міровоззрѣнія подъ вліяніемъ уже не общихъ схемъ европеизма, но болѣе широкихъ философскихъ, научныхъ и литературныхъ теченій. Духовное сродство этихъ корифеевъ съ Грибоѣдовымъ стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія.

Какъ мы сказали выше, Грибоѣдовъ стоитъ одиноко въ своемъ поколѣніи, какъ художникъ, сатирикъ и человѣкъ. Благородная и чистая душа его, не мирившаяся со зломъ жизни, не способная на компромиссы, искала отдыха въ дружбѣ такихъ людей, какъ Ал. Одоевскій, чуждыхъ этой жизни; его близость къ декабристамъ, детали которой ждутъ еще своего изслѣдователя, держала его вдали отъ тѣхъ литературныхъ кружковъ, гдѣ царили Карамзинъ, Жуковскій, Плетневъ, Вяземскій. У Пыпина прекрасно указаны духъ и направленіе этого кружка, вліяніе его на склады общественныхъ взглядовъ Гоголя и т. п. Въ любопытной перепискѣ Плетнева съ Гротомъ черты эти выступаютъ еще болѣе рельефно. Достаточно вспомнить отношеніе Плетнева къ литературной дѣятельности Бѣлинскаго, полное непониманіе значенія Лермонтова, котораго онъ ставилъ ниже Баратынскаго и Языкова, презрительные отзывы о журналистикѣ *). Подобнымъ взглядамъ не могъ сочувствовать

*) Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ т. I, стр. 215, 228, 232, 656; т. II стр. 7, 27, 66—67, 129,

Грибоѣдовъ; этотъ ученикъ Мольера понималъ общественныя задачи, конечно, гораздо шире, чѣмъ указанные выше писатели, шире и конкретнѣе, чѣмъ Пушкинъ отношенія котораго къ декабристамъ были совершенно иныя, чѣмъ отношенія Грибоѣдова. Близость Пушкина къ Жуковскому, его соприкосновеніе съ мотивами офиціальной народности, обусловливавшее охлажденіе къ нему читающаго общества въ послѣдніе годы его художественной дѣятельности, можетъ быть, удерживало Грибоѣдова отъ болѣе близкаго знакомства съ авторомъ „Евгенія Онѣгина". По крайней мѣрѣ Пыпинъ въ своей исторіи литературы (т. IV, 317—318) считаетъ загадочными и неясными тѣ строки, которыя посвящены Грибоѣдову въ путевыхъ запискахъ Пушкина и опредѣляютъ отношеніе послѣдняго къ автору „Горя отъ ума". Конечно то, что Пушкинъ находилъ у Грибоѣдова „озлобленный умъ", нисколько не говоритъ противъ послѣдняго; это скорѣе façon de parler людей кружка, къ которому принадлежалъ Пушкинъ, сродный указаннымъ выше отзывамъ Плетнева о Лермонтовѣ и Бѣлинскомъ. Свои гражданскія чувства и общественные взгляды (сводъ ихъ сдѣланъ въ статьѣ Спасовича о Пушкинѣ въ IX томѣ его сочиненій) великій поэтъ долженъ былъ таить отъ высокопоставленныхъ друзей, съ которыми онъ избѣгалъ размолвокъ *), и отъ тѣхъ сферъ, въ которыхъ онъ долженъ былъ вращаться. Все это не могло способствовать сближенію съ нимъ Грибоѣдова, не скрывавшаго своихъ убѣжденій ни отъ

134, 591, 702 (о Бѣлинскомъ); т. I, стр. 129, 145—146, 163, 376, т. II, стр. 28, 67, 112, 323, 351, 36', 752—3, т. III, стр. 140 о Лермонтовѣ).

*) Не такъ поступалъ Гоголь, опубликовавшій свое письмо къ Плетневу объ изданіи послѣднимъ „Современника"; въ этомъ письмѣ мало лестнаго для Плетнева.

друзей, ни отъ общества. Одинъ изъ видныхъ изслѣдователей нашей литературы такъ опредѣляетъ нравственную личность Грибоѣдова. „Оживающій изъ множества его заявленій, писемъ, поступковъ, изъ его отношеній къ людямъ, къ отечеству, его старинѣ и будущему развитію, нравственный обликъ его, сливаясь съ честною ролью обличителя, заступника за просвѣщеніе и народную совѣсть, окружаетъ Грибоѣдова ореоломъ рѣдкаго благородства" (А. Веселовскій, Этюды, стр. 532). Этотъ ореолъ благородства, конечно, налагалъ на автора „Горя отъ ума" извѣстныя нравственныя обязанности, къ которымъ Грибоѣдовъ, если судить по тону его писемъ, относился съ ревнивой добросовѣстностью. Въ этомъ отношеніи у него много общаго съ Бѣлинскимъ и Салтыковымъ.

Какъ художественное произведеніе, комедія Грибоѣдова стоитъ высоко и въ нашей и, можетъ быть, во всемірной литературѣ, какъ своего рода unicum по сліянію трагическаго и комическаго элемента, по широтѣ общественнаго захвата жизни, по вліянію на послѣдующую литературу. Широкая, художественная формула Гончарова въ его „Милліонѣ терзаній" какъ нельзя лучше выясняетъ и духъ и содержаніе комедіи Грибоѣдова, оцѣниваетъ и ея свѣтлую перспективность и внутреннюю цѣнность ея жизненныхъ типовъ. Уступая по широтѣ художественнаго элемента Мольеру, эта комедія стоитъ выше многочисленныхъ драмъ В. Гюго, возникшихъ подъ вліяніемъ болѣе сложныхъ романтическихъ и національныхъ теченій, но болѣе узкихъ по основной идеѣ, историческому освѣщенію и психологіи героевъ. Бытовой элементъ у В. Гюго заслоненъ пеленою историческихъ наслоеній, давленіемъ въ его пьесахъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, очерченныхъ слишкомъ яркими красками. Гончаровъ подробно прослѣдилъ эти перипетіи творчества, свойства художественной манеры Грибоѣдова,

эту дѣйствительность интриги и сценической игры („открывается разомъ нѣсколько новыхъ перспективъ московской жизни"), выяснилъ значеніе Чацкаго, какъ драматической личности и какъ культурнаго типа, указалъ на достоинства въ обрисовкѣ характера Софьи, къ которому отрицательно отнеслись Пушкинъ и Бѣлинскій. Еще Бѣлинскій видѣлъ въ комедіи Грибоѣдова „драгоцѣнный перлъ русской литературы", а Ап. Григорьевъ справедливо замѣтилъ, что въ ней Грибоѣдовъ „умѣлъ удержаться на высотѣ созерцанія" (Соч. I, 260).—Бѣлинскій искупилъ свое несправедливое отношеніе къ типу Чацкаго широкими перспективами въ оцѣнкѣ „Горя отъ ума" въ своемъ извѣстномъ трактатѣ о поэзіи Пушкина. Сближая „Горе отъ ума" съ „Онѣгинымъ", онъ указываетъ на значеніе Грибоѣдова для творчества Гоголя, глубокаго и истиннаго бытописателя русской жизни. Для Бѣлинскаго „Горе отъ ума" „высокій образецъ ума, остроумія, таланта, геніальности", въ немъ „и цѣлое, и подробности, и сюжетъ, и страсти, и дѣйствія, и мнѣнія, и языкъ—все насквозь проникнуто глубокою истиною русской дѣйствительности". Указанные отзывы наиболѣе выдающихся представителей нашей критической литературы даютъ право сближать произведеніе Грибоѣдова съ драмами Шиллера по проникающему послѣднее идеализму, усиленному и очищенному отъ всего романтическаго и туманнаго именно своею близостью къ жизни. Высокіе отзывы Бѣлинскаго и Гончарова о языкѣ комедіи лишній разъ подтверждаютъ возможность такой аналогіи. Способность создать языкъ русской стихотворной комедіи, какъ Крыловъ создалъ языкъ русской басни (Бѣлинскій), умѣнье „пустить въ оборотъ весь юморъ, шутку и злость русскаго ума и языка" (Гончаровъ) вполнѣ оправдываетъ взглядъ Бѣлинскаго, что произведеніе Грибоѣдова „кипитъ геніальными силами вдохновенія и творчества". Адр. Круковскій.

Исторія русской словесности для женскихъ гимназій и институтовъ.

II-й курсъ, для повторенія пройденнаго. Отдѣлъ второй Древній періодъ письменной литературы.

Письменность у насъ появилась вмѣстѣ съ христіанствомъ въ 988 году: изъ Греціи были принесены богослужебныя и священныя книги, переведенныя на славянскій языкъ Кирилломъ и Меѳодіемъ. Съ этого времени появилась и письменная литература; одинъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ литературы письменной лѣтопись Нестора, монаха Кіево-печерскаго монастыря. Эта лѣтопись относится къ XI вѣку, заканчивается въ началѣ XII-го в., въ 1110 году.

Въ лѣтописи (по источникамъ, изъ которыхъ почерпаются свѣдѣнія) три части: въ первой части древнѣйшія событія, (приблизительно до призванія князей) почерпнуты, преимущественно, изъ греческихъ источниковъ; во второй части—разсказы о первыхъ князьяхъ по преданіямъ народа, дружины и духовенства; эта часть поэтическая—въ ней идеалы. Третья часть заключаетъ разсказы очевидцевъ-стариковъ и самого Нестора (приблизительно съ Ярослава Мудраго).

Не трудно различить въ лѣтописи идеалы каждаго сословія: народъ мирно обработывалъ землю, занимался ремеслами и вообще добывалъ себѣ пропитаніе мирнымъ путемъ; дружина ради средствъ къ существованію собирала дань, воевала для добычи, для увеличенія своихъ средствъ къ жизни; духовенство заботилось о нравственной высотѣ человѣка, основанной на христіанской вѣрѣ, приготовляло человѣка къ загробной жизни. Тѣ люди, которые содѣйствовали достиженію стремленій народа, заботились о благо-

устройствѣ, безопасности, объ увеличеніи благосостоянія, считались идеальными людьми, или просто идеалами народа. Люди, удовлетворявшіе желаніямъ дружины, напримѣръ: завоеватели—идеалы дружины; люди, содѣйствовавшіе распространенію вѣры, стремящіеся къ нравственной высотѣ, дѣлающіе добро ближнимъ, страдальцы за добро—идеалы духовенства.

Первоначально русскіе поселились въ странѣ съ суровымъ климатомъ, покрытой лѣсами, изобилующими дикими звѣрями. Равнина, занятая русскими, не имѣла естественныхъ границъ, была открыта для набѣговъ враждебныхъ народовъ. Русскимъ грозили опасности отовсюду: отъ природы, звѣрей и враговъ, а между тѣмъ хорошихъ орудій для защиты не было. При такомъ условіи, очевидно, тотъ и считался идеальнымъ человѣкомъ, кто обладалъ силой и храбростію; но выше храбрости считалась хитрость—она давала больше средствъ въ борьбѣ съ опасностями: высшій идеалъ дружины—Олегъ. Онъ хитростію убиваетъ Аскольда и Дира, силою и хитростію побѣждаетъ Грековъ. Большая добыча и выгодный договоръ съ Греками особенно пріятны для дружины: Олегъ—идеалъ дружины. Но въ походъ былъ приглашенъ и народъ (какъ въ былинѣ Вольга приглашаетъ Микулу Селяниновича), и народъ участвуетъ въ добычѣ и въ выгодахъ отъ договора: Олегъ отчасти идеалъ и народа, только онъ, по понятію народа, ниже богатыря Микулы, какъ это видно изъ былины. Хитрость Олега идеализируется вымыслами: Греки заперли гавань—Олегъ поставилъ лодки на колеса и поѣхалъ къ городу; греки хотятъ отравить кушаньями и напитками—Олегъ догадывается. Онъ даже хочетъ перехитрить судьбу, опредѣлившую ему умереть отъ коня: это преданіе изображено въ „Пѣсни о Вѣщемъ Олегѣ“ Пушкина. Количество дани преувеличивается разсказомъ объ атласныхъ парусахъ. Игорь, очевидно, не идеаль-

ный князь: дружина его бѣдна; собирая дань онъ заботится только о себѣ. Онъ убитъ; власть князя поколеблена—древляне замышляютъ распорядиться и съ Ольгою, и съ Святославомъ по своему. Ольга возстановляетъ авторитетъ князя, беретъ съ древлянъ большую дань, изъ которой двѣ части даетъ Кіеву, т. е. дружинѣ и жителямъ, участвовавшимъ въ усмиреніи древлянъ. Ольга потомъ занимается благоустройствомъ земли; наконецъ въ старости принимаетъ христіанство. Своею службою интересамъ дружины Ольга—идеалъ дружины; занимаясь благоустройствомъ земли, она является идеаломъ народа; наконецъ—Ольга идеалъ и духовенства, потому что принимаетъ христіанство. Духовенство причислило Ольгу къ лику святыхъ, а народъ и дружина считали ее „мудрѣйшею изъ женъ". Выдающіяся идеальныя черты Ольги—умъ, переходящій въ хитрость, доходящую до коварства. Хитрость, а особенно коварство мы никакъ не можемъ считать идеальною чертою; но нужно принять въ расчетъ условія жизни того времени, когда человѣкъ вообще (а особенно женщина) былъ существомъ беззащитнымъ въ физическомъ отношеніи—только хитрость и могла спасать человѣка. Хитрость, по представленію народа, идеальная черта, какъ животныхъ (вспомнимъ „Лисичку-сестричку") такъ и людей.

Менѣе надежно другое идеальное качество—храбрость: храбрый князь Святославъ не сносилъ своей головы.

Всѣ походы Святослава удачны, и потому прибыльны для дружины: Святославъ- идеалъ дружины. Но народъ не могъ быть доволенъ имъ: „Ты ищешь чужой земли, говорили кіевляне, а о своей не радишь". Народнымъ героемъ, идеаломъ является кіевскій мальчикъ; земское войско, увѣдомленное имъ, спасаетъ Кіевъ отъ печенѣговъ; здѣсь совершается то, на что указывается въ былинѣ объ Ильѣ Муромцѣ, спасающемъ городъ Черниговъ отъ татаръ.

Ольга крестилась сама, но народъ оставался въ язычествѣ; и Святославъ, сынъ Ольги, несмотря на просьбы матери, не принялъ христіанства: „дружина смѣятися начьнутъ“, говорилъ онъ. Дѣло Ольги окончилъ внукъ ея Владиміръ: онъ крестилъ Русь и проводилъ въ жизнь христіанскій идеалъ: сыновья его Борисъ и Глѣбъ—убѣжденные христіане.

Владиміръ, Борисъ и Глѣбъ—идеалы духовенства. Владиміръ принимаетъ крещеніе и креститъ народъ; онъ проникнутъ христіанскою любовію ко всѣмъ: заботится о спасеніи душъ и о матеріальномъ благосостояніи—кормитъ на своемъ дворѣ всѣхъ, желающихъ, особенно бѣдныхъ и увѣчныхъ; для нихъ онъ приказываетъ даже развозить пищу по городу. На этотъ фактъ указываютъ и былины. Значитъ, Владиміръ и народный идеалъ.

Борисъ и Глѣбъ любятъ другъ друга, покорны отцу и любимы имъ. На предложеніе дружины Борисъ самоотверженно отказывается отъ занятія отцовскаго престола: старшій братъ будетъ для него вмѣсто отца. Оба—и Борисъ и Глѣбъ не бѣгутъ отъ смерти, а только молятся, подчиняясь волѣ Божіей. При Борисѣ находится „отрокъ“ Георгій, который хочетъ собою защитить Бориса и падаетъ подъ ударами убійцъ. Несторъ, какъ духовное лицо (монахъ кіево-печерскаго монастыря), высказываетъ взгляды духовенства на этихъ идеальныхъ людей, а также и на тѣхъ, которые представляютъ отрицательныя черты: послѣдніе—дѣти сатаны.

Поученіе Владимира Мономаха.

Поученіе Владимира Мономаха помѣщено въ Лѣтописи подъ 1096 годомъ.

Въ лѣтописномъ разсказѣ о Борисѣ и Глѣбѣ мысль такая: истинный христіанинъ отказывается отъ земныхъ выгодъ ради спасенія души (такъ Борисъ отказался занять отцовскій престолъ и охотно умеръ); ради спасенія души и

Владимиръ святой не жалѣетъ средствъ, жертвуетъ на церкви, кормитъ бѣдныхъ и больныхъ. Основа въ евангеліи: Богатому юношѣ, исполнявшему всѣ заповѣди, Іисусъ Христосъ сказалъ: „если хочешь быть совершеннымъ, отдай имѣніе нищимъ, возьми свой крестъ и иди за Мной". Этотъ взглядъ усвоенъ монахами, аскетами, и называется аскетическимъ. Монахи, ради спасенія души, отказываясь отъ міра съ его благами, уходили въ монастырь, въ пустыню, потому что въ мірѣ соблазны. Соблазны шли и отъ діавола, и отъ плоти: въ монастырѣ аскетъ боролся съ діаволомъ постоянною молитвою, съ плотью—постомъ и добровольными истязаніями плоти. Такимъ образомъ было аскетическое требованіе—бороться съ тремя врагами: съ міромъ, діаволомъ и плотію.

Монахи предъявляли аскетическія требованія и мірянамъ. Монахъ Кіевопечерскаго монастыря (Агапитъ) исцѣлилъ Владимира Мономаха отъ болѣзни и отказался отъ подарковъ, предложенныхъ Владимиромъ; онъ и самому Мономаху посовѣтовалъ отказаться отъ имущества и сдѣлаться монахомъ для спасенія души. Вслѣдствіе этого у Владимира явился вопросъ: нельзя ли спасти душу, не будучи монахомъ? На старости лѣтъ Владимиру Мономаху представился случай рѣшить этотъ вопросъ утвердительно. „На далечи пути, да на санехъ сѣдя", т. е. приближаясь къ смерти *), Владимиру пришло въ голову написать поученіе дѣтямъ, какъ дѣлали другіе при отсутствіи воспитательныхъ средствъ (существовали переводныя поученія Өеодоры, Ксенофонта и Св. Василія).

На характеръ „Поученія" повліялъ совѣтъ монаха Агапита, а потомъ еще встрѣча съ послами братьевъ. От-

*) Въ Олонецкой губерніи и теперь существуетъ обычай, во всякое время года, везти покойника на саняхъ: выраженіе—«на санехъ сѣдя»—тожественно выраженію: «одной ногой стоять въ гробу».

вергнутый братьями, Владиміръ въ печали развернулъ псалтырь, и ему открылось: „Вскую печалуеши, душе! вскуе смущаеши мя! уповай на Бога!“ (42 псаломъ). Богъ утѣшаетъ въ горѣ, значитъ—нужно чтить Его, нужно имѣть „страхъ Божій“. Это и поставлено во главѣ всего поученія. Страхъ Божій выражается въ воздержаніи отъ грѣховъ, оскорбляющихъ Бога; но такъ какъ совершенно не грѣшить человѣкъ не можетъ, то нужна *постоянная покаянная молитва* Она же и средство для борьбы съ діаволомъ; это, по мнѣнію Владиміра, можно сдѣлать, *не будучи монахомъ*; Мономахъ указываетъ, когда и какъ молиться.

Не нужно уходить отъ міра, какъ полагали чернецы (Агапитъ); а нужно итти навстрѣчу міру, его нуждамъ: быть милосердымъ во всѣмъ, установить надлежащія отношенія къ людямъ.

Для борьбы съ плотію нуженъ постъ (какъ и въ монастырѣ), но вмѣсто истязаній плоти (практикуемыхъ подвижниками въ монастыряхъ) нуженъ усиленный трудъ: Владиміръ указываетъ на *княжескій* трудъ, примѣнительно къ положенію своихъ дѣтей. Нѣсколько разъ Мономахъ повторяетъ: „не лѣнитеся“. Такимъ образомъ въ „Поученіи“ Мономаха „завѣты любви, жалости, состраданія; здѣсь слово Божіе—основа жизни“; все проникнуто религіознымъ духомъ. Есть настоятельное требованіе труда, завѣщеннаго Богомъ.

„Поученіе Владиміра Мономаха“ вынесено имъ изъ жизни: онъ самъ все исполнялъ сказанное. Въ концѣ поученія Владиміръ перечисляетъ важнѣйшія дѣла свои, соединенныя съ опасностями; имѣя страхъ Божій, надежду на Бога, онъ не боялся смерти: блюденіе Божіе лучше человѣческаго“.

А. Барсовъ.

Исторія русской словесности для женскихъ гимназій и институтовъ, съ хрестоматіей и свѣдѣніями изъ теоріи словесности, логики и психологіи.

Отдѣлъ второй. Древній періодъ письменной литературы. I й курсъ—эвристическій.

§ 1. Со введеніемъ христіанства въ 988 году на Руси появилась письменность для религіозной цѣли: изъ Болгаріи, части Византійской имперіи, были принесены священныя и богослужебныя книги, переведенныя за сто лѣтъ на славянскій (вѣроятно на болгарскій) языкъ братьями Кирилломъ и Меѳодіемъ. Для этой цѣли была изобрѣтена братьями и славянская азбука—кириллица. Кириллъ († 869) и Меѳодій († 885 г.), дѣти греческаго воеводы, родились въ болгарскомъ городѣ Солуни (теперь Ѳессалоники). Меѳодій поступилъ въ военную службу, а потомъ постригся въ монахи на горѣ Олимпѣ. Кириллъ воспитывался съ наслѣдникомъ греческаго престола, подъ руководствомъ знаменитаго патріарха Фотія. По окончаніи воспитанія, отказавшись отъ почетныхъ должностей, Кириллъ удовлетворился скромнымъ положеніемъ священника, библіотекаря и учителя философіи.

Оба брата были склонны къ миссіонерской дѣятельности—ѣздили къ хозарамъ для христіанской проповѣди (въ 858 году). Въ 855 году Кириллъ жилъ нѣсколько времени у брата Меѳодія, въ монастырѣ на Олимпѣ; тогда, полагаютъ, онъ изобрѣлъ славянскую азбуку и началъ переводъ священныхъ книгъ съ греческаго на славянскій языкъ. Естественно, что у славянъ, жившихъ въ Византійской имперіи, началось и богослуженіе на славянскомъ языкѣ.

Въ 862 году, по приглашенію моравскаго князя Ростислава, братья отправились въ Моравію; тамъ они установили славянское богослуженіе, основывали школы для приготовленія священнослужителей и продолжали переводить церковныя книги. Въ Моравіи братьямъ пришлось вести тяжелую борьбу: западное духовенство полагало, что славословить Бога можно только на трехъ языкахъ: на греческомъ, латинскомъ и еврейскомъ, такъ какъ надпись на крестѣ Спасителя была сдѣлана на нихъ. По жалобѣ латинскаго духовенства папа вызвалъ Кирилла и Меѳодія въ Римъ для объясненій. Оправданные братья были отпущены ласково; Меѳодій даже былъ сдѣланъ епископомъ паннонскимъ. На обратномъ пути Кириллъ заболѣлъ; умирая, онъ сказалъ Меѳодію: „Мы съ тобою, какъ два вола, вели борозду. Я падаю на своей чертѣ: день мой кончился. А ты не подумай оставлять труды, чтобы удалиться на любимую свою гору. Нѣтъ, здѣсь ты скорѣе можешь пріобрѣсти спасеніе“. Меѳодій до своей смерти продолжалъ трудиться. Послѣ его смерти его ученики были изгнаны латинскимъ духовенствомъ въ Болгарію, гдѣ продолжали дѣло Кирилла и Меѳодія.

Братья за свою дѣятельность причислены къ лику святыхъ и названы первоучителями славянскими: они дали возможность славянамъ слушать богослуженіе на понятномъ языкѣ; письменность положила начало просвѣщенію общеславянскому; языкъ церковно-славянскій—главное начало, объединяющее всѣхъ славянъ православныхъ; у насъ—у русскихъ—этотъ языкъ долгое время былъ языкомъ литературнымъ; подъ его вліяніемъ нарѣчія русскаго языка удержались отъ рѣшительной дифференціи; въ современный языкъ онъ вошелъ, какъ важный элементъ.

Изъ жизни Кирилла и Меѳодія мы можемъ вывести себѣ въ назиданіе: истинно великое производится усиленными трудами на скромномъ поприщѣ.

§ 2. Такъ какъ письменность у насъ явилась съ христіанскою религіею и для религіи, то первые грамотные люди были духовныя лица; они и создали у насъ письменную литературу.

Одинъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ письменной литературы — лѣтопись Нестора, въ которой разсказывается, что было на Руси съ древнихъ временъ. По названію „лѣтопись“, видно, что событія записывались *по лѣтамъ* (синекдоха), т. е. по годамъ; счетъ лѣтъ велся отъ сотворенія міра; вотъ образецъ записей: „Въ лѣто 6414. Въ лѣто 6415. Иде Олегъ на греки, Игоря оставивъ Кіевѣ“... „Въ лѣто 6612 ведена дщи Володаря замужъ. Пріиде мітрополитъ Никифоръ въ Русь. Преставися Ярославъ Ярополчичь. Посла Володимиръ посла на Глѣба. И се же лѣто бысть знаменіе: стояше солнце въ крузѣ, а посредѣ круга--крестъ“.

Изъ этого примѣра видно, что всѣ событія, которыя интересовали лѣтописца, записывались подрядъ, безо всякой связи: не было *прагматизма* въ изложеніи. Если въ году ничего замѣчательнаго и не случилось, все-таки этотъ годъ обозначался.

§ 3. Откуда лѣтописецъ бралъ содержаніе? На чемъ основанъ порядокъ? Какой языкъ? До появленія письменности исторія народа отражалась въ былинахъ простого народа (народный эпосъ); были также преданія и у дружины (это можно назвать дружиннымъ эпосомъ); даже у грамотнаго духовенства кое-что сохранилось въ видѣ преданія (духовный эпосъ). Многія преданія народа, дружины и духовенства записаны Несторомъ въ лѣтописи. Записано и то, что лѣтописецъ узналъ о Руси изъ греческихъ книгъ; наконецъ — о многомъ лѣтописецъ разсказываетъ, какъ очевидецъ; кое-что слышалъ отъ очевидцевъ-стариковъ. По источникамъ свѣдѣній въ лѣтописи различаются три части: 1) происхожденіе „языка словенска“ при столпотвореніи

вавилонскомъ и разселеніе славянъ на Дунаѣ и по сѣверо-восточной Европѣ (по Россіи), 2) разсказы о событіяхъ при князьяхъ до Ярослава. 3) Позднѣйшія событія—современныя старикамъ-разсказчикамъ и самому Нестору, приблизительно отъ Ярослава до 1110 года, на которомъ кончается лѣтопись Нестора. Свѣдѣнія первой части заимствованы преимущественно изъ греческихъ хроникъ (лѣтописей); разсказы второй части заимствованы изъ сказочныхъ повѣствованій народа (изъ былинъ), изъ преданій дружины и духовенства. Въ третьей части помѣщены свѣдѣнія сообщенныя стариками-очевидцами и добытыя самимъ Несторомъ.

Языкъ лѣтописи--славяно-русскій.

§ 4. Первая и третья части—прозаическія, сообщающія только свѣдѣнія о случившемся—о фактахъ: это нужно для отечественной исторіи. Для насъ важнѣе вторая часть—поэтическая: 1) въ ней есть *поэтическій вымыселъ*, 2) въ вымыслахъ сказываются *идеалы* народа т. е. тѣ лучшія желанія, къ осуществленію которыхъ въ жизни стремится народъ. Идеалы—самое важное: ими движется, осмысливается жизнь.

Идеалы въ поэтической части лѣтописи высказываются не отвлеченно, а въ картинахъ: изображаются лица не такими, каковы они были на самомъ дѣлѣ, а какими ихъ желательно видѣть—дѣйствительныя любимыя лица *идеализировались* одни—народомъ, другія--дружиною, третьи—духовенствомъ.

Кто идеалы народа? дружины? духовенства? Чтобы рѣшить эти вопросы, нужно знать стремленія каждаго сословія въ отдѣльности: народъ желалъ мирнаго труда, безопасности отъ сосѣдей; дружина „ищетъ себѣ чести князю-славы", ищетъ добычи; духовенство заботится о распространеніи

христіанства, о нравственной высотѣ, согласной съ вѣрой. На этомъ основаніи опредѣлить въ слѣдующихъ лѣтописныхъ разсказахъ, кто идеальныя лица а) для народа, б) для дружины, в) для духовенства.

§ 5. **Олегъ** (879—912).

Умирая, Рюрикъ передалъ княженіе Олегу, своему родственнику; ему-же поручилъ и сына своего Игоря, потому что Игорь былъ еще младенецъ. Олегъ, собравши много войска, пошелъ къ югу и поплылъ по Днѣпру. Взялъ сначала городъ кривичей, Смоленскъ, а потомъ Любечъ, и посадилъ тамъ своихъ правителей. Подплывая къ Кіеву, Олегъ оставилъ однихъ воиновъ позади, а другимъ приказалъ спрятаться въ лодкахъ. Приплывъ-же къ самому городу, Олегъ вышелъ на берегъ съ Игоремъ и послалъ сказать Аскольду и Диру: „Мы купцы, идемъ въ Грецію, посланы отъ Олега и Игоря; придите повидаться съ нами“. Когда-же Аскольдъ и Диръ съ своими родными пришли, то воины Олеговы выскочили и окружили ихъ. И сказалъ Олегъ Аскольду и Диру: „Вы не князья и не княжескаго роду, я-же княжескаго роду, а вотъ сынъ Рюриковъ“. Аскольда и Дира убили, понесли на гору и тамъ погребли.

Олегу очень понравилось въ Кіевѣ; онъ остался княжить тамъ и сказалъ: „Пусть этотъ городъ будетъ матерью городамъ русскимъ!“

Изъ Кіева Олегъ расхаживалъ со своими варягами и славянами, покорялъ разные славянскіе и чудскіе народы и заставлялъ ихъ платить себѣ дань; Новгороду-же приказалъ платить варягамъ каждый годъ по 300 гривенъ

Въ 907 году собралъ Олегъ множество воиновъ и пошелъ къ Царь-городу на коняхъ и на лодкахъ, и было этихъ лодокъ до 2000. Греки замкнули гавань цѣпью и

затворили городъ. Олегъ велѣлъ вытащить лодки на берегъ, поставилъ на колеса, распустилъ паруса и поѣхалъ къ городу. Онъ сталъ воевать около города; разорялъ дворцы, жегъ церкви, бралъ въ плѣнъ или убивалъ жителей и все приближался къ городу. Испугались греки и выслали сказать Олегу: „не губи города, а возьми лучше дани, сколько хочешь!“ Олегъ согласился на миръ и греки выслали ему много разныхъ кушаній и вина; но онъ не принялъ ни того, ни другого, зная, что хитрые греки приготовили все съ отравою. Тогда еще пуще испугались греки и дали Олегу все, что онъ требовалъ; дали много серебра, золота, драгоцѣнныхъ тканей, плодовъ и вина, на Олега и на всѣхъ его воиновъ. Тогда Олегъ заключилъ съ греками миръ и утвердилъ его клятвою: русскіе клялись своимъ оружіемъ, своимъ старшимъ богомъ Перуномъ и богомъ стадъ Волосомъ, а греки—по своему христіанскому закону. Добычи было такъ много, что дружина распустила атласные паруса.

Кудесники предсказали, что Олегъ умретъ отъ любимаго коня. Это предсказаніе исполнилось. Объ этомъ разсказано въ „Пѣснѣ о Вѣщемъ Олегѣ“ Пушкина.

1) Идеальныя черты Олега: а) сила и храбрость, б) хитрость.

2) Вымыслы.

§ 6. Игорь.

Осенью пошелъ Игорь собирать дань съ древлянъ, народа славянскаго-же племени, жившаго въ густыхъ лѣсахъ, по болотистымъ берегамъ Припети. Игорь собралъ дани больше, чѣмъ было установлено и пошелъ было назадъ въ Кіевъ; но на дорогѣ раздумалъ и сказалъ дружинѣ: „идите съ данью домой, а я ворочусь и еще похожу“, и, отпустивъ дружину свою домой, съ небольшимъ числомъ лю-

дей воротился. Услыхавъ, что Игорь воротился, древляне стали думать съ княземъ своимъ Маломъ: „Если повадится волкъ къ овцамъ, то перетаскаетъ все стадо; такъ и Игорь, если не убьемъ его, то погубитъ онъ всѣхъ насъ". И послали къ Игорю спросить: „Ты взялъ уже всю дань, зачѣмъ же опять идешь?" Но Игорь не послушался. Тогда жители древлянскаго города Искоростеня вышли на Игоря, перебили всю его небольшую дружину и убили его самого, вырыли яму, и тутъ же, невдалекѣ отъ города, похоронили. Такъ поплатился Игорь за свою чрезмѣрную жадность.

1) Жадность Игоря. 2) Печальная участь князя.

§ 7. Ольга Правительница (съ 945 по 964).

Убивши Игоря, древляне сказали: „Вотъ мы убили князя русскаго; возьмемъ же и жену его Ольгу за князя нашего Мала, возьмемъ и сына его, младенца Святослава, и сдѣлаемъ съ нимъ, что хотимъ". И послали древляне двадцать лучшихъ мужей своихъ къ Ольгѣ. Тѣ въ ладьѣ спустились по Припети и Днѣпру къ Кіеву, стали подъ кіевскими горами и послали сказать княгинѣ, что пришли послы древлянскіе. Ольга призвала ихъ и спросила: „что вамъ нужно?" Древляне отвѣчали: „послала древлянская земля сказать тебѣ такъ: мужа-де твоего мы убили за то, что онъ былъ хищенъ какъ волкъ; наши же князья добры и хорошо управляютъ своею землею,—выйди замужъ за князя нашего Мала".—„Ваша рѣчь мнѣ нравится, отвѣчала Ольга, и мужа своего мнѣ уже не воскресить; я же хочу васъ почтить передъ людьми моими. Идите же теперь въ свою ладью и разлягтесь въ ней. Я пошлю за вами утромъ, а вы и скажите: не хотимъ-де ни на коняхъ ѣхать, ни пѣшкомъ итти, а несите насъ въ ладьѣ".

Древляне ушли, а Ольга велѣла выкопать большую и

глубокую яму за городомъ, на дворѣ своего терема, и утромъ послала за гостями, сказать имъ: „зоветъ-де васъ Ольга на честь великую". Они же отвѣчали: „не ѣдемъ ни на волахъ, ни на коняхъ, ни пѣшкомъ не идемъ,—но несите насъ въ ладьѣ"—„Что-жъ дѣлать? отвѣчали кіевляне, приходится намъ васъ слушаться: князь нашъ убитъ, а княгиня хочетъ выйти замужъ за вашего князя",—и понесли ихъ въ ладьѣ; а древлянскіе послы сидѣли и величались. Ихъ принесли на дворъ княжескій и бросили въ яму съ ладьей. „Хороша ли вамъ честь?" спросила Ольга у древлянъ, наклонившись надъ ямой, и велѣла засыпать ихъ живыхъ землею.

Потомъ уже сама Ольга послала къ древлянамъ сказать: „Если вы поистинѣ хотите, чтобъ я вышла замужъ за вашего князя, то пришлите за мной побольше лучшихъ людей вашихъ, чтобы мнѣ итти къ вамъ съ великою честью, а то, иначе, кіевляне меня не пустятъ". Древляне выбрали лучшихъ мужей своихъ, управлявшихъ древлянскою землею, и послали ихъ за Ольгою. Когда же пришли древлянскіе послы, то Ольга велѣла жарко вытопить баню и сказала: „пусть сначала вымоются въ банѣ и придутъ ко мнѣ". Когда древлянскіе послы пошли въ баню, ихъ тамъ заперли, а баню зажгли.

Послѣ этого послала Ольга сказать древлянамъ: „Вотъ ужъ я иду къ вамъ: наварите же побольше медовъ и приготовьте пиръ тамъ, гдѣ убили мужа моего; я хочу прежде поплакаться надъ его могилой и сотворить тризну". Древляне такъ и сдѣлали. Тогда Ольга взяла небольшую дружину и налегкѣ пошла въ древлянскую землю. Поплакала надъ могилой мужа своего и стала праздновать тризну, а отрокамъ своимъ велѣла прислуживать древлянамъ.

Когда-же древляне спросили: „гдѣ дружина наша, которую мы за тобою послали", то Ольга отвѣчала: „идутъ за мною, съ дружиною мужа моего". Древляне перепились

на тризнѣ,—и тогда дружина Ольгина напала на нихъ и перебила до 5000 человѣкъ, а Ольга возвратилась въ Кіевъ.

На слѣдующій годъ Ольга собрала много войска и пошла съ сыномъ своимъ Святославомъ на древлянъ. Древляне вышли противъ нея, и когда оба полка сошлись, то Святославъ бросилъ въ древлянъ копье; копье пролетѣло между ушей лошади и ударило ей въ ноги, потому что Святославъ былъ еще дитя. Тогда воеводы сказали: „князь уже началъ; пойдемъ, дружина, за княземъ!" Древляне были разбиты, разбѣжались и затворились по городамъ. Ольга пошла на главный древлянскій городъ, Искоростень, потому что жители этого города убили мужа ея.

Простояла Ольга подъ городомъ цѣлое лѣто, но не могла взять его. Тогда послала сказать жителямъ: „До чего вы хотите досидѣться въ городѣ?—Всѣ ваши города уже отдались мнѣ, взялися платить дань и спокойно пашутъ свои нивы; а вы хотите, вѣрно, вымереть голодомъ, жалѣючи дани". Древляне отвѣчали: „Рады бы мы дать тебѣ дань, но ты хочешь мстить намъ за мужа своего". Отвѣчала имъ Ольга: „Вы знаете, что я уже отомстила за мужа, и разъ, и два, и три, и отпраздновала по немъ тризну; не хочу болѣе мстить—давайте мнѣ небольшую дань, и я, помирившись съ вами, пойду домой". И спросили ее древляне: „Чего хочешь отъ насъ? рады дать тебѣ дань и медомъ и шкурами звѣриными". (Древлянская земля была вся въ лѣсахъ, и много было въ ней пчелиныхъ бортей и звѣря всякаго). Отвѣчала древлянамъ Ольга: „Не нужно мнѣ ни меду, ни звѣриныхъ шкуръ; не хочу на васъ класть дани, какъ мужъ мой,—вы же теперь изнемогли въ осадѣ, а потому и прошу у васъ немногаго: дайте мнѣ по три голубя и по три воробья отъ каждаго дома". Обрадовались древляне такой легкой дани, собрали отъ каждаго двора по три голубя и по три воробья и послали къ Ольгѣ съ покло-

номъ. „Вотъ теперь вы покорились мнѣ и моему сыну", сказала Ольга, „идите же въ свой городъ, а я завтра отступлю и пойду къ себѣ домой".

Когда древляне ушли, Ольга раздала голубей и воробьевъ своимъ воинамъ и приказала къ хвосту каждой птицы привязать по тряпочкѣ съ сѣрой, а когда смеркнется, зажечь эти тряпочки и пустить птицъ. Все такъ и случилось, какъ разсчитывала Ольга: голуби воротились въ свои голубятни, воробьи забились подъ свои стрѣхи, и разомъ загорѣлись всѣ дома въ городѣ, такъ что невозможно было тушить. Побѣжали всѣ люди изъ города; а Ольга велѣла убивать ихъ или брать въ плѣнъ и обращать въ рабовъ. Потомъ пошла Ольга по всей древлянской землѣ и наложила на нее тяжелую дань.

Ольгѣ было уже болѣе 60 лѣтъ, когда она въ 955 году, отправилась въ Грецію, въ Царь-городъ, и приняла тамъ христіанство. Патріархъ крестилъ ее и далъ ей имя Елены, а греческій царь былъ крестнымъ отцомъ.

Возвратившись въ Кіевъ, Ольга думала преклонить и сына своего Святослава принять христіанство. „Я познала истиннаго Бога, сынъ мой, говорила она ему, и радуюся; узнай и ты, и будешь радоваться". Святославъ же отвѣчалъ: „Какъ мнѣ одному принять новую вѣру? Дружина станетъ смѣяться надо мной!"

I. Ольга--идеалъ дружины: 1) Лицемѣріе Ольги. 2) Коварная месть посламъ древлянскимъ: а) первымъ, б) вторымъ. 3) Избіеніе древлянъ на тризнѣ. 4) Храбрость маленькаго Святослава (Святославъ—орудіе мести). 5) Осада города и взятіе хитростію.

II. Ольга идеалъ духовенства: принятіе христіанства.

§ 8. Святославъ. (964—972).

Когда Святославъ выросъ и возмужалъ, то началъ собирать много храбрыхъ воиновъ и, ходя легко, какъ барсъ,

только и дѣлалъ, что воевалъ. Въ походахъ не бралъ съ собою ни возовъ, ни котловъ и не варилъ мясо, а, изрѣзавъ тонкими ломтями конину, или какое другое мясо, пекъ его самъ на угляхъ. Шатра у него не было, а спалъ всегда подъ открытымъ небомъ, положивъ сѣдло подъ голову. Такъ же жили всѣ его воины. Когда-же Святославъ хотѣлъ итти на кого-нибудь войною, то посылалъ сказать: „Иду на васъ!“ Святославъ воевалъ безпрестанно; ходилъ на Оку и на Волгу; на Окѣ нашелъ вятичей и спросилъ у нихъ: „Кому вы дань даете?“ Они отвѣчали: „хозарамъ, по шелегу отъ каждой сохи“.

Тогда пошелъ Святославъ на хозаръ и побѣдилъ ихъ, а вятичей обложилъ данью. Потомъ пошелъ на Дунай, на болгаръ, и побѣдилъ ихъ, и взялъ главный городъ ихъ Переяславецъ, куда сходилось много товаровъ изъ Греціи и Россіи, и сталъ тутъ княжить.

Узнавъ, что Святославъ далеко, въ Переяславцѣ, печенѣги (степная орда) подошли къ Кіеву и облегли его со всѣхъ сторонъ, такъ что нельзя было никому выйти изъ города, ни вѣсти послать, и кіевляне изнемогали отъ голода и жажды. Въ Кіевѣ въ это время была Ольга съ внуками своими, дѣтьми Святослава: Ярополкомъ, Олегомъ и Владиміромъ. На другой сторонѣ Днѣпра собралось не много русскаго земскаго войска, но нельзя ему было пройти въ Кіевъ. Сильно опечалились жители Кіева и говорили: „Нѣтъ-ли кого-нибудь кто-бы могъ перейти на ту сторону и сказать имъ: „если къ утру никто насъ не выручитъ, то мы должны будемъ сдаться печенѣгамъ“. Вызвался одинъ мальчикъ; „я перейду“, говоритъ. Взялъ узду, и ходя по печенѣжскому стану, сталъ спрашивать на печенѣжскомъ языкѣ: не видалъ-ли кто моей лошади? Печенѣги приняли его за своего. Когда же мальчикъ подошелъ къ Днѣпру, то скинулъ платье и бросился вплавь. Тутъ печенѣги догадались, ки-

нулись за нимъ и стали пускать въ него стрѣлами, но не могли уже ничего сдѣлать. Люди съ той стороны Днѣпра подъѣхали въ лодкѣ и взяли мальчика. Когда мальчикъ передалъ слова кіевлянъ, тогда воевода Претичъ сказалъ: „поѣдемъ завтра утромъ въ лодкѣ, возьмемъ княгиню и молодыхъ князей и умчимъ ихъ на эту сторону. Если-же этого не сдѣлаемъ, то Святославъ насъ погубитъ“. На другой день, на разсвѣтѣ, Претичъ съ воинами сѣлъ въ лодку, и начали они громко трубить, а кіевляне отвѣчали на это радостными криками. Печенѣги подумали, что пришелъ самъ Святославъ, и побѣжали отъ города, а Ольга съ внуками вышла къ лодкѣ. Князь печенѣжскій воротился одинъ къ воеводѣ Претичу и спросилъ: „Кто это пришелъ?“ „Лодка съ той стороны“, отвѣчалъ Претичъ. „А ты князь-ли?“ спросилъ печенѣгъ. „Нѣтъ, я не князь, отвѣчалъ Претичъ, я воевода его, пришелъ въ передовыхъ, а за мной идетъ войско съ княземъ, народу и не перечесть!“ Испугался печенѣжскій князь и сказалъ Претичу: „будь мнѣ другомъ!“— „Пожалуй“, отвѣчалъ Претичъ. Подали другъ другу руки и помѣнялись оружіемъ: печенѣгъ далъ коня, саблю, стрѣлы, а Претичъ—броню, щитъ и мечъ.

Когда печенѣги отступили отъ Кіева, то кіевляне послали сказать Святославу: „ты, князь, ищешь чужой земли, а о своей не заботишься: чуть было не взяли насъ печенѣги, мать твою и дѣтей твоихъ; а если не воротишься, то придутъ опять и возьмутъ. Развѣ тебѣ не жаль ни родины своей, ни старухи-матери, ни дѣтей?“ Услышавъ это, Святославъ тотчасъ сѣлъ съ дружиною на коней и воротился въ Кіевъ. Пожалѣлъ онъ, что натерпѣлась мать его такого страху; потомъ собралъ войско и прогналъ печенѣговъ далеко въ степь.

Но на другой же годъ соскучился Святославъ въ Кіевѣ и сказалъ матери и боярамъ: „не нравится мнѣ здѣсь жить

и хочу я переселиться въ Переяславецъ на Дунай; тамъ должна быть середина земли моей, потому что тамъ сходится много всякихъ богатствъ: отъ грековъ идетъ золото, ткани драгоцѣнныя, вина, плоды южные; отъ чеховъ и венгровъ—серебро и дорогіе камни, а изъ Руси—мѣха, воскъ, медъ и рыбы". На это сказала ему Ольга: „ты видишь, что я больна, какъ же ты хочешь меня покинуть,—похорони меня прежде, а потомъ иди, куда вздумается". Черезъ три дня Ольга умерла. Сынъ и внуки, и всѣ люди съ плачемъ провожали ее до могилы. Похоронилъ ее христіанскій священникъ, и не дѣлали надъ ней языческой тризны.

По смерти матери, Святославъ посадилъ Ярополка въ Кіевѣ, Олега—въ древлянской землѣ, Владимира далъ новгородцамъ, самъ же отправился опять на Дунай, въ Переяславецъ. Но болгары затворились и не хотѣли пускать Святослава. Святославъ сталъ подъ городомъ, а болгары вышли и напали на него. Началась сѣча и продолжалась цѣлый день; къ вечеру одолѣлъ Святославъ, взялъ городъ и послалъ сказать грекамъ: „хочу на васъ итти, взять вашъ городъ, какъ взялъ Переяславецъ!" Взялъ Святославъ дань, взялъ на живыхъ и на убитыхъ, взялъ, кромѣ того, много даровъ и воротился въ Переяславецъ съ великою славою.

Однако-же дружины осталось у Святослава мало, и сталъ онъ съ ней совѣтоваться: „Насъ осталось мало, сказалъ онъ, земля русская далеко, а печенѣги съ нами въ войнѣ. Если провѣдаютъ греки, что насъ немного, и обступятъ насъ въ городѣ, то неоткуда ждать намъ помощи. Заключимъ же миръ съ царемъ. Онъ взялся платить дань—довольно и этого. Если-же перестанетъ платить, то соберемъ войско въ Руси и пойдемъ на Царь-городъ". Понравилась рѣчь эта дружинѣ, и миръ съ царемъ былъ заключнnъ, записанъ и подтвержденъ клятвами съ обѣихъ сторонъ.

Тогда начали русскіе совѣтоваться, какъ имъ воро-

титься домой. Старый воевода Игоря, Свѣнельдъ, совѣтовалъ итти на коняхъ, потому что на днѣпровскихъ порогахъ стояли печенѣги; но Святославъ не послушался—и поплыли въ лодкахъ. Узнавъ объ этомъ, переяславцы послали сказать печенѣгамъ: „Святославъ возвращается въ Русь со множествомъ богатствъ и небольшой дружиной; стерегите его!“ Печенѣги заступили пороги, и когда Святославъ пришелъ, то нельзя уже было обойти пороги. Русскіе перезимовали въ Бѣлобережьи, много страдая отъ голоду. Весною тронулись было опять въ путь, но печенѣги напали и одолѣли русскихъ, а Святослава убили. Воевода же Свѣнельдъ воротился въ Кіевъ и принесъ вѣсть о гибели князя.

1) Походы Святослава: а) образъ жизни Святослава въ походѣ, б) походы на вятичей, хозаръ и болгаръ.

2) Нападеніе печенѣговъ на Кіевъ: а) осада города, б) кіевскій мальчикъ, в) земское войско подъ начальствомъ Претича.

3) Возвращеніе Святослава и упреки кіевлянъ.

4) Вторичный уходъ Святослава въ Болгарію: а) побѣда надъ болгарами, б) дань съ грековъ.

5) Возвращеніе Святослава въ Россію и смерть его.

1) Святославъ—идеалъ дружины: а) воинственность, б) результаты воинственности.

2) Отсутствіе связи Святослава съ Русскою землею, гибель его вслѣдствіе отсутствія связи съ землей.

3) Идеалы народа: а) кіевскій мальчикъ, б) Претичъ съ земскимъ войскомъ. в) Сопоставленіе съ былиною объ Ильѣ Муромцѣ: освобожденіе Чернигова, борьба съ жидовиномъ.

§ 9. Крещеніе Руси (988).

Когда слухъ разнесся о томъ, что Владимиръ очень любитъ разсуждать о различіи вѣръ, чья лучше, то стали къ нему приходить люди разныхъ вѣръ и каждый угова-

ривалъ принять свою вѣру. Пришли Болгары съ Волги и разсказали Владиміру, въ чемъ состоитъ ихъ магометанская вѣра. Но не понравились Владиміру магометанскіе обряды и запрещеніе пить вино. „Русь любитъ выпить, сказалъ Владиміръ,—не можетъ быть безъ этого“. Пришли потомъ нѣмцы отъ папы.—Выслушалъ и ихъ Владиміръ, но, видно, не понравились ему нѣмцы, и сказалъ онъ имъ: „никто изъ отцовъ нашихъ не принималъ вашей вѣры, идите себѣ“! Прислали потомъ пословъ жиды хозарскіе, и разсказали эти послы Владиміру, въ чемъ состоитъ еврейская вѣра. Выслушалъ Владиміръ евреевъ и спросилъ ихъ: „а гдѣ земля ваша?“ Они отвѣчали: „Въ Іерусалимѣ“. „Такъ-ли, полно?“ спросилъ Владиміръ. Тогда евреи отвѣчали: „разгнѣвался Богъ на отцовъ нашихъ и расточилъ насъ по разнымъ странамъ, а землю нашу отдалъ христіанамъ“.—„Чего-же вы хотите? сказалъ Владиміръ: не того-ли, чтобы и съ нами случилось тоже?“

Послѣ всѣхъ греки прислали къ Владиміру своего мудреца. И разсказалъ онъ князю, въ чемъ состоитъ истинная христіанская вѣра. Выслушалъ Владиміръ внимательно греческаго мудреца и отпустилъ его съ большою честью.

Созвалъ потомъ Владиміръ бояръ, городскихъ старцевъ и разсказалъ имъ, какъ приходили послы отъ болгаръ, жидовъ, грековъ и нѣмцевъ, и какъ уговаривали его принять каждый свою вѣру. „Всякій хвалитъ свою вѣру, сказали бояре и старцы: если же хочешь узнать правду, то выбери лучшихъ людей и пошли ихъ къ разнымъ народамъ посмотрѣть, какъ они служатъ своему Богу? Владиміръ такъ и сдѣлалъ.

Когда послы воротились назадъ, то князь собралъ опять бояръ и старѣйшинъ и приказалъ посламъ передъ всей дружиной разсказать, что они гдѣ видѣли. Разсказали послы какъ были они у болгаръ и у нѣмцевъ, но что ни то, ни

другое богослуженіе имъ не нравилось. „Когда же мы пришли къ грекамъ, продолжали послы, и ввели они насъ въ то мѣсто, гдѣ служатъ Богу своему, то мы не знали на небѣ ли мы, или на землѣ, и не можемъ позабыть этой красоты. Знаемъ только одно что тамъ, поистинѣ пребывалъ Богъ, и что мы здѣсь не останемся: всякій человѣкъ, попробовавъ сладкаго. отворачивается отъ горькаго“.

Выслушали бояре и сказали князю: „Еслибы былъ дуренъ законъ греческій, то и бабка твоя, мудрѣйшая изъ людей, не приняла-бы его.

Владиміръ рѣшился принять православную христіанскую вѣру; но ему казалось стыдно просить вѣры у грековъ; не хотѣлъ онъ, чтобы коварные греки надъ нимъ возгордились. И рѣшился онъ сначала показать грекамъ свою силу, а потомъ уже креститься.

Владиміръ взялъ греческій городъ Корсунь на Таврическомъ полуостровѣ, женился на греческой царевнѣ, которая по требованію Владиміра пріѣхала въ Корсунь со священниками-болгарами. Священники принесли съ собою церковныя книги, переведенныя Кирилломъ и Меѳодіемъ на славянскій языкъ.

Возвратившись въ Кіевъ, Владиміръ велѣлъ повалить кумировъ: однихъ изрубить, а другихъ бросить въ огонь, Перуна-же привязать къ лошадиному хвосту и стащить въ рѣку. Потомъ Владиміръ приказалъ оповѣстить народу: „кто не придетъ къ рѣкѣ креститься, богатый-ли, бѣдный-ли будетъ—мнѣ врагомъ“. И люди шли съ радостію, говоря: „еслибъ эта вѣра была не хороша, то князь и бояре не приняли-бы ее“. На другой день Владиміръ вышелъ съ священниками на Днѣпръ, и сошлось людей многое множество. Всѣ вошли въ воду и кто стоялъ въ ней по шею, кто по грудь: малолѣтніе у берега, взрослые подальше, иные держали младенцевъ на рукахъ; а священникъ на берегу

совершалъ обряды крещенія. И была въ этотъ день великая радость и на землѣ, и на небѣ.

§ 10. Владимиръ христіанинъ (988–1014)

Принявъ крещеніе, Владимиръ сдѣлался ревностнымъ христіаниномъ, строилъ церкви, ставилъ ихъ по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ недавно стояли кумиры языческіе и приносились кровавыя жертвы; разсылалъ священниковъ по городамъ и селамъ крестить людей; устраивалъ школы и бралъ въ нихъ дѣтей лучшихъ гражданъ—при чемъ матери плакали по своимъ дѣтямъ, какъ по мертвецамъ, не понимая еще пользы ученія.

Владимиръ любилъ свою дружину, разсуждалъ съ нею обо всѣхъ дѣлахъ, награждалъ щедро Онъ любилъ жить весело, и на дворѣ княжескомъ безпрестанно давались пиры, при князѣ и безъ князя. На пирахъ этихъ было большое обиліе всего, и гости требовали, чего хотѣли. Такъ однажды, подгулявши, стали они роптать на князя, говоря: „худо намъ жить у него: даетъ намъ ѣсть деревянными ложками, а не серебряными“. Услыхавъ это, Владимиръ велѣлъ сдѣлать серебряныя ложки. „Серебромъ и золотомъ, говорилъ онъ, я не найду дружины, а съ дружиной добуду и серебра, и золота“.

Помня слова евангельскія: „Блаженни милостивіи, яко тіи помилованы будутъ“, Владимиръ не забывалъ нищихъ и убогихъ, приказывалъ имъ приходить на княжескій дворъ одѣлялъ ихъ пищею, питьемъ и деньгами. „Но, подумалъ Владимиръ, больные и калѣки не могутъ сами дойти до двора моего“, и приказалъ устроить большіе возы, нагрузить ихъ мясомъ, овощами, рыбой, боченками съ медомъ и квасомъ и развозить по городу, спрашивая: „гдѣ больные и нищіе, что не могутъ ходить?“ и раздавать кому что нужно.

На пиры княжескіе, къ свѣтлому солнышку—князю Владиміру, какъ прозвалъ его русскій народъ, съѣзжались со всѣхъ концовъ Россіи. Бывало тутъ много умныхъ, старыхъ людей, умныя рѣчи которыхъ любилъ слушать Владиміръ; бывало и много сильныхъ могучихъ богатырей, сослужившихъ не одну службу ласковому князю. Народъ нашъ не сложилъ ни про кого столько пѣсенъ, какъ про князя Владиміра и его могучихъ богатырей.

Разъ напали на Русь печенѣги, и Владиміръ встрѣтилъ ихъ на рѣкѣ Трубежѣ; и стоялъ Владиміръ по сю сторону рѣки, а печенѣги—по другую, и не смѣли перейти рѣку ни печенѣги, ни наши. Тогда князь печенѣжскій подъѣхалъ къ рѣкѣ, вызвалъ Владиміра и сказалъ ему: „Вышли ты своего богатыря, а я своего,—и пусть поборются. Если твой одолѣетъ, мы не будемъ воевать три года;—если же нашъ,—то три года будемъ опустошать твою землю“.

Воротившись къ себѣ въ станъ, Владиміръ велѣлъ кличъ кликать по палаткамъ: „Нѣтъ-ли такого богатыря, чтобы поборолся съ печенѣгомъ?“ И не нашлось никого.

На другой день пріѣхали печенѣги и привели своего богатыря, а у насъ никого не было. Сильно опечалился Владиміръ и не зналъ, что дѣлать. Приходитъ къ нему одинъ старикъ и говоритъ: „Княже, вышелъ я на войну съ четырьмя сыновьями, а пятый, младшій, остался дома. Съ самаго дѣтства никто не могъ побороть этого младшаго моего сына; а разъ, когда я бранилъ его, а онъ сидѣлъ и мялъ руками воловью кожу, то разсердился на меня и разорвалъ руками кожу“.

Обрадовался князь и послалъ за младшимъ сыномъ старика. Когда молодой богатырь пришелъ, то князь разсказалъ ему, въ чемъ дѣло. „Не знаю, князь, отвѣчалъ юноша, могу-ли я бороться съ печенѣгомъ. Пусть прежде испытаютъ меня. Нѣтъ-ли здѣсь быка большого и сильна-

го?" Нашли такого быка, раздражили его каленымъ желѣзомъ и пустили. Когда быкъ бѣжалъ мимо, то богатырь схватилъ его рукою за бокъ и вырвалъ у него кожу, и съ мясомъ, сколько рука захватила. Сказалъ тогда Владиміръ: „можешь бороться съ печенѣгомъ".

На другое утро пришли опять печенѣги со своимъ богатыремъ; пришелъ и нашъ. Печенѣжскій богатырь былъ очень великъ ростомъ и страшенъ видомъ, а нашъ гораздо поменьше. И сталъ печенѣгъ надъ нимъ издѣваться.

Размѣрили мѣсто между обоими войсками и пустили борцовъ. Схватились борцы и начали давить другъ друга руками. Нашъ сдавилъ печенѣга до смерти и ударилъ о землю. Увидя это, печенѣги кинулись бѣжать, а русскіе погнались за ними: многихъ порубили, а другихъ прогнали въ степь. Радъ былъ Владимиръ, и заложилъ на этомъ мѣстѣ городъ Переяславль, а молодого богатыря и старика отца его сдѣлалъ большими людьми.

1) Владимиръ—идеалъ духовенства: а) испытаніе вѣръ, б) крещеніе самого Владимира и кіевлянъ, в) заботы о распространеньи христіанства и грамотности, г) забота о бѣдныхъ.

2) Владимиръ—идеалъ дружины: ласковое отношеніе къ дружинѣ.

3) Владимиръ—идеалъ народа: пиры Владимира.

4) Идеалъ народа—Никита Кожемяка.

§ 11. Борисъ и Глѣбъ.

Въ 1015 году Владимиръ святой заболѣлъ. Въ это время печенѣги опять напали на Русь. Владимиръ послалъ противъ нихъ своего любимаго сына, Бориса; но самъ еще больше разболѣлся и померъ въ селѣ Берестовѣ, недалеко отъ Кіева.

Приближенные скрыли его смерть, а ночью обернули тѣло князя въ коверъ и, проломавъ въ теремѣ полъ, спустили на землю; положивши въ сани, тайно ночью провезли въ Кіевъ и поставили въ церковь Святой Богородицы; но старшій сынъ Владимировъ, Святополкъ, котораго кіевляне не любили, все же узналъ о смерти отца ранѣе другихъ и поспѣшилъ въ Кіевъ, чтобъ занять великокняжескій престолъ: боялся Святополкъ, что кіевляне, любя Бориса больше всѣхъ другихъ князей, выберутъ его кіевскимъ княземъ.

Не найдя печенѣговъ, Борисъ возвращался съ войскомъ назадъ,—когда пришла къ нему вѣсть о смерти отца. Горько плакалъ Борисъ по отцѣ, а дружина отцовская говорила ему: „У тебя и дружина отцовская, и войско; пойди въ Кіевъ и сядь на мѣстѣ твоего отца!“—„Нѣтъ, отвѣчалъ Борисъ, не подыму я руки на брата старѣйшаго. Пусть онъ будетъ мнѣ вмѣсто отца“. Тогда воины ушли отъ Бориса, и онъ остался одинъ на рѣкѣ Альтѣ съ немногими отроками своими. Святополкъ же, задумавъ погубить Бориса, послалъ къ нему сказать: „хочу жить съ тобою въ любви и прибавлю еще къ тому, что далъ тебѣ отецъ“. А между тѣмъ, самъ отправился въ Вышгородъ, призвалъ къ себѣ какого-то злодѣя, Путшу, и вышегородскихъ старшинъ и спросилъ: „преданы-ли вы мнѣ всѣмъ сердцемъ?“—„Головы свои за тебя сложимъ“, отвѣчали Путша и вышегородцы. Тогда Святополкъ сказалъ имъ: „ступайте же тайно и убейте брата моего Бориса“. Они обѣщали сдѣлать все, что онъ хотѣлъ.

Ночью пришли убійцы къ рѣкѣ Альтѣ, гдѣ стоялъ станъ Бориса, и когда стали подходить къ его палаткѣ, то услыхали, что Борисъ поетъ заутреню; къ нему уже пришла вѣсть, что хотятъ погубить его.

Помолившись, легъ Борисъ на постель, а убійцы, какъ дикіе звѣри, бросились на шатеръ и закололи копьями Бо-

риса и любимаго его отрока Георгія, который собою хотѣлъ закрыть князя. Убійцы завернули Бориса, который еще дышалъ, въ шатерное полотно, положили на возъ и повезли. Узнавъ, что Борисъ еще дышетъ, Святополкъ послалъ двухъ варяговъ, и тѣ покончили князя.

Убивъ Бориса, окаянный Святополкъ сталъ думать, какъ бы ему убить и Глѣба, и послалъ сказать въ Муромъ къ Глѣбу, который еще не зналъ о смерти отца: „Отецъ заболѣлъ и зоветъ тебя; пріѣзжай поскорѣе". Глѣбъ немедленно выѣхалъ къ Кіеву съ малой дружиной. Но еще на дорогѣ пришла ему вѣсть изъ Новгорода, отъ Ярослава, объ отцовской смерти. „Не ходи въ Кіевъ, извѣщалъ Ярославъ, отецъ померъ, а братъ твой Борисъ убитъ Святополкомъ". Услыхавъ о смерти отца и брата, Глѣбъ сталъ плакать и молиться; а въ это самое время пришли убійцы, подосланные Святополкомъ, и по ихъ приказанію поваръ Глѣбовъ зарѣзалъ князя.

§ 12. Тема: Идеалы народа, дружины и духовенства по лѣтописи и былинамъ.

Планъ.

I. Существенные интересы народа, дружины и духовенства (интересы вытекаютъ изъ условій жизни каждаго сословія).

II. 1. Идеалы народа: Илья Муромецъ, Микула Селяниновичъ, Св. Ольга, Св. Владиміръ, кіевскій мальчикъ, Никита Кожемяка.

2. Идеалы дружины: Святославъ, Олегъ, Ольга, Владиміръ, Добрыня Никитичъ.

3. Идеалы духовенства: Святые Ольга, Владиміръ, Борисъ и Глѣбъ.

III. Взглядъ народа и отношеніе его къ идеальнымъ личностямъ дружины и духовенства.

§ 13. Лѣтопись — *повѣствовательное сочиненіе*,

потому что разсказывается о событіяхъ въ порядкѣ по времени.

У каждаго народа прежде лѣтописи, до письменности, появляются повѣтствовательныя сочиненія—былины: онѣ, какъ и лѣтопись, есть начало исторіи народа. Въ былинахъ только смутно *отражаются* нѣкоторыя событія исторической жизни народа; съ большею ясностію изображены событія въ позднѣйшихъ былинахъ, въ *„историческихъ пѣсняхъ"*.

Съ появленіемъ письменности являются лѣтописи, въ которыхъ записываются всѣ событія, интересующія лѣтописца Въ лѣтописи свѣдѣнія достовѣрнѣе, чѣмъ въ устныхъ народныхъ разсказахъ; но вымыслы встрѣчаются и въ нихъ: 1) былинныя преданія народа входятъ въ лѣтопись; 2) многія свѣдѣнія помѣщаются въ томъ видѣ, въ какомъ они переданы невѣжественными, суевѣрными разсказчиками. Въ Полоцкѣ, напр., появилась какая-то эпидемическая болѣзнь: народъ объяснилъ, что это бѣсы уязвляютъ людей—такъ лѣтописецъ и передаетъ, онъ совершенно вѣритъ разсказанному. Лѣтописецъ относится ко всему *безъ критики*.

§ 14 Позднѣе появляется исторія. Историкъ, пользуясь свѣдѣніями изъ лѣтописи, дѣлаетъ выборъ: 1) беретъ только то, что относится къ политической жизни народа; 2) разсматриваетъ свѣдѣнія съ точки зрѣнія достовѣрности. *Историкъ относится критически*. Въ исторіи, кромѣ того, все располагается въ связи: предыдущія событія служатъ причиной послѣдующихъ. Связное изложеніе исторіи называется *прагматизмомъ*.

§ 15. Есть исторія всего человѣчества—всеобщая исторія; можетъ быть исторія отдѣльнаго народа, отдѣльнаго государства, напр.—русская исторія. Исторія жизни отдѣльнаго человѣка называется *біографіей*; нами дана біографія Кирилла и Меѳодія. Если кто-нибудь напишетъ свою біографію, это называется *автобіографіей*.

Можно написать исторію города, села, полка, учебнаго заведенія и проч.

Примѣчаніе. Къ повѣтствовательнымъ сочиненіямъ, какъ уже сказано, относятся и сказки—миѳическія, о животныхъ и бытовыя.

§ 16. **Поученіе Владимира Мономаха** (въ сокращенномъ пересказѣ). „Сидя на саняхъ", я задумался и похвалилъ Бога, который сохранилъ меня до этихъ дней. Пусть дѣти мои или кто другой, прочитавъ эту грамоту, не посмѣются, а примутъ къ сердцу: не будутъ лѣниться, а начнутъ трудиться. Главное: имѣйте страхъ Божій и творите милостыню неоскудную.

Встрѣтили меня на Волгѣ послы отъ братьевъ и сказали: „Примкни къ намъ—выгонимъ Ростиславичей (Володаря и Василька), отнимемъ ихъ волость. Если же не пойдешь съ нами, то мы будемъ сами по себѣ и ты—самъ по себѣ". Я же сказалъ: „Если вы и разгнѣваетесь, не могу итти съ вами и „крестъ переступить". Отправивъ пословъ, въ печали я раскрылъ псалтырь—попались слѣдующія слова: „Вскую печалуеши, душе? вскуе смущаеши мя?" и прочая. Я собралъ понравившееся мнѣ и изложилъ въ порядкѣ.

Мы грѣшны и смертны, а между тѣмъ если кто-нибудь насъ обидитъ, готовы пролить кровь обидчика; Господь же, владѣющій нашею жизнью, терпитъ грѣхи выше головы нашей; накажетъ, какъ отецъ, и опять къ себѣ привлечетъ. Онъ показалъ намъ, какъ одержать побѣду надъ врагами и избавиться отъ грѣховъ немногими добрыми дѣлами: покаяніемъ, слезами и милостынею. Заповѣдь не тяжела: ни одиночествомъ, ни черничествомъ, ни голодомъ, какъ другіе добрые терпятъ, а малымъ дѣломъ можно получить царство Божіе.

Если Богъ смягчитъ ваше сердце, обращайтесь къ Нему со слезами: „Какъ помиловалъ ты блудницу, мытаря и

разбойника, такъ помилуй и насъ". Это дѣлайте и въ церкви и ложась спать. Каждую ночь поклонитесь до земли; чувствуя же свою слабость, безпомощность, поклонитесь трижды. Ночнымъ поклономъ человѣкъ избавляется отъ многихъ грѣховъ и побѣждаетъ діавола. Даже сидя на конѣ, молитесь; не имѣя молитвенника („орудія") и не зная молитвъ, произносите втайнѣ: „Господи, помилуй!" Лучше молиться, нежели мыслить „безлѣпицу". Лучше же всего убогихъ не забывайте; но, насколько возможно, кормите сиротъ, вдовъ оправдывайте, не позволяйте сильнымъ обижать слабыхъ. Не позволяйте казнить не только невиннаго, но даже виновнаго. Епископовъ, поповъ, игуменовъ принимайте съ любовію. Старыхъ почитайте какъ отцовъ, молодыхъ какъ братьевъ.

Въ своемъ домѣ не лѣнитесь, но за всѣмъ смотрите; не полагайтесь на тивуна или на отрока, чтобы приходящіе къ вамъ не посмѣялись вашему обѣду. Вышедши на войну, не полагайтесь на воеводъ; не предавайтесь питью, яденью, спанью, сами разставляйте сторожей; все устроивши на ночь, ложитесь, но предварительно разсмотрите хорошенько, не лѣнитесь: отъ лѣни человѣкъ погибаетъ. Разъѣзжая по своей землѣ, не позволяйте своимъ отрокамъ „пакости" дѣлать ни въ селахъ, ни въ поляхъ, чтобы васъ не проклинали. Куда же придете, накормите лучшихъ людей („унеинъ"—лучшій, отъ сравнительной степени: „уне"—лучше). Чтите гостей, кто бы къ вамъ ни пришелъ: гости разносятъ и добрую и хорошую славу. Больныхъ посѣщайте, ходите къ мертвецамъ—мы сами смертны. Не пропускайте встрѣчнаго безъ привѣтствія. Жену свою любите, но власти надъ собою не давайте.

Всему же конецъ: имѣйте страхъ Божій; а также не лѣнитесь: что умѣете, не забывайте; чего не знаете, тому учитесь: отецъ мой, сидя дома, изучилъ пять языковъ. Пусть

солнце не застанетъ васъ въ постели; увидѣвши солнце, молитесь: „Просвѣти очи мои, Христе!“ Совершивши заутреню, садитесь совѣтоваться съ дружиной, или судить народъ. А вотъ я вамъ разскажу о своихъ дѣлахъ. Я своими руками ловилъ дикихъ коней; связывалъ коней по 10—20-ти Два тура метали меня своими рогами вмѣстѣ съ конемъ, олень меня бодалъ; одинъ лось топталъ ногами, а другой бодалъ; кабанъ мечъ оторвалъ у меня; медвѣдь прокусилъ сѣдло; лютый звѣрь вскочилъ ко мнѣ на колѣни и повалилъ коня—и Богъ вездѣ сохранилъ меня невредимымъ. „Божіе блюденіе лѣплѣе есть человѣческаго“.

§ 17. Въ „Поученіи“ нѣтъ строгаго порядка, слѣдуетъ изложить содержаніе по плану:

I. Обстоятельства, побудившія написать Поученіе и повліявшія на характеръ его.

II. Борьба съ врагами—съ діаволомъ, міромъ и плотію.

1) Постоянная молитва: когда нужно молиться и какъ?

2) Отношеніе къ міру: отношеніе къ женѣ, къ духовнымъ лицамъ, къ старымъ, къ молодымъ, къ „унеину“ (хорошему человѣку), къ гостю; дѣла милосердія: отношеніе къ нищимъ, къ вдовамъ и сиротамъ, къ преступникамъ.

3) Борьба съ плотію: постъ и трудъ. Какой именно трудъ а) въ мирное время, б) на войнѣ?

4) Примѣры изъ жизни самого Владимира.

III. 1) Идеалъ князя:

а) Старыя черты князя воина.

б) Вліяніе народнаго идеала: *оберегатель* Русской земли (а не завоеватель).

в) Вліяніе идеала духовенства.

2) Примѣненіе къ условіямъ нашей собственной жизни личныя соображенія пишущаго).

§ 18. „Поученіе Владимира Монамаха“—произведеніе, *разсужденіе*: Мономахъ разсуждаетъ, какъ спасти ду-

шу, не уходя въ монастырь, а оставаясь княземъ. На занимающій его вопросъ можно дать краткій отвѣтъ: для спасенія души нужны постоянная молитва, любовь ко всѣмъ людямъ и усиленный трудъ. Этотъ краткій отвѣтъ называется—„*положеніе*“, или „*тезисъ*“.

1) Чтобы получить сочиненіе, и именно—разсужденіе, нужно данное положеніе *развить*: а) сказать подробно, какъ и когда нужно молиться; б) перечислить способы проявленія любви къ людямъ; в) показать, какіе труды обязательны для князя. Такимъ образомъ развиваются три понятія: постоянная молитва, любовь къ людямъ, усиленный трудъ.

2) Умъ нашъ, *по „закону достаточнаго основанія“*, требуетъ доказательства, почему это должно быть такъ, а не иначе: Почему нужно постоянно молиться? Человѣкъ постоянно грѣшитъ, значитъ—нужно постоянно просить о прощеніи. Почему человѣкъ долженъ быть милостивъ? Потому что Богъ къ нему милостивъ. Почему князь долженъ самъ заботиться о хозяйствѣ? Гость можетъ посмѣяться надъ обѣдомъ, разнести дурную славу. Почему въ походѣ нужно самому разставлять стражу? Потому что „отъ небреженія вмалѣ человѣкъ погибаетъ“. Почему не нужно лѣниться? Потому что „лѣнь, что знаетъ, забываетъ“. Не нужно бояться смерти, потому что жизнь учитъ: „Божіе береженіе лучше человѣческаго“.

Въ разсужденіи *развивается и доказывается* какая-нибудь мысль; эта мысль называется положеніемъ, или тезисомъ.

Разсужденіе, въ которомъ учатъ, какъ нужно человѣку жить, называется *поученіемъ*. Поученіе, которое говорится въ церкви духовнымъ лицомъ, называется обыкновенно проповѣдью.

А. Барсовъ.

Какой способъ обученія правописанію надо признать наиболѣе раціональнымъ?

Вопросъ о правильной постановкѣ обученія правописанію въ нашей средней школѣ является едва-ли не самымъ труднымъ и наименѣе разрѣшеннымъ. Кажется, нашу учебную литературу нельзя упрекнуть въ невниманіи къ данному вопросу. Въ педагогическихъ журналахъ напечатаны десятки статей, записокъ, замѣтокъ и объемистыхъ трактатовъ. Изданы всевозможные сборники диктантовъ, орѳографическіе задачники, справочные словари, стѣнныя таблицы. Напечатаны цѣлыя руководства, какъ, напримѣръ, руководства Ушинскаго, Тихомирова, Солонины, Ольшамовскаго, Шереметевскаго, Дьяченка, Зимницкаго, Зелинскаго, Куницкаго, Воскресенскаго, Тростникова, Ельницкаго и т. д...

Въ трудахъ методистовъ приведены разнообразные виды упражненій. Одинъ, Дьяченко, напримѣръ, въ своей методикѣ насчитываетъ цѣлыя 20 видовъ орѳографическихъ упражненій. Однако, обратившись къ основнымъ точкамъ зрѣній методистовъ, мы тщетно будемъ искать чего-либо опредѣленнаго и установившагося не только во взглядахъ на самые методы обученія, но даже и на отдѣльные виды письменныхъ работъ.

Одни методисты придаютъ значеніе зрительнымъ впечатлѣніямъ при обученіи правописанію и сообразно съ этимъ указываютъ извѣстные методическіе пріемы, другіе придаютъ значеніе слуху и предлагаютъ новые виды упражненій, третьи—моторнымъ движеніямъ, иногда тѣмъ и другимъ вмѣстѣ. Напримѣръ, Зелинскій въ основаніе своей системы обученія кладетъ зрительныя

впечатлѣнія и наиболѣе вѣрнымъ способомъ къ достиженію правильнаго письма считаетъ зрительный диктантъ; Соломоновскій является сторонникомъ моторныхъ элементовъ въ обученіи письму и списываніе считаетъ однимъ изъ главныхъ видовъ упражненій. Эту же точку зрѣнія раздѣляютъ Шереметевскій, Анненскій и Балталонъ. Тихомировъ большое значеніе придаетъ слуховымъ впечатлѣніямъ и, какъ пріемъ обученія, рекомендуетъ диктовку. Зимницкій лучшимъ способомъ обученія признаетъ совмѣстный, состоящій изъ диктовки и списыванія. Есть у насъ защитники корнесловной системы, устной диктовки, какографіи, а нѣкоторые отрицаютъ какое-бы-то ни было значеніе орѳографіи вообще. Такъ, въ «Педагогическомъ сборникѣ» за 1898 г. (октябрь) нѣкто Житомирскій говоритъ: «Мы думаемъ, что къ правописанію нужно относиться съ снисходительнымъ презрѣніемъ, какъ не имѣющему никакой внутренней цѣнности. Всѣ наши великіе писатели писали не вполнѣ грамматически правильно, а ровно ничего ихъ дѣло отъ этого не пострадало».

Какъ смотрятъ методисты на отдѣльные виды письменныхъ работъ?

Возьмемъ, напримѣръ диктовку, какъ одинъ изъ наиболѣе распространенныхъ способовъ обученія письму.

Д. И. Тихомировъ о диктовкѣ говоритъ:

«Диктовка имѣетъ значеніе упражненія, служащаго для провѣрки и для окончательнаго закрѣпленія орѳографическихъ знаній и умѣній».

Дьяченко: «Диктовка сама по себѣ не имѣетъ почти никакого значенія и не даетъ почти никакихъ свѣдѣній грамматическихъ; она есть лишь средство, переводящее знаніе орѳографіи и грамматики въ умѣніе, притомъ средство не единственное».

Балталовъ: «Диктантъ, по самому существу дѣла, есть такое искусственное упражненіе, которое ставитъ пишущаго въ крайне трудное и невыгодное положеніе для обученія письму; онъ не даетъ никакой твердой опоры ни для утвержденія автоматическихъ элементовъ письма, ни для контроля написаннаго».

Тростниковъ, въ статьѣ: «Правда о диктантѣ» (Р Шк. 1903 г, № 3): «...диктовка совмѣстима съ истинными задачами преподаванія отечественнаго языка».

Нечаевъ («Современная экспериментальная психологія въ ея отношеніи къ вопросамъ школьнаго обученія», стр. 204): «У насъ нѣтъ не только основанія отрицать за диктовкой значенія средства запоминанія, но какъ разъ напротивъ есть данныя подтверждающія это значеніе».

Сопоставимъ отзывы о списываніи. Балталовъ, основываясь на наблюденіяхъ Лапа, списываніе считаетъ однимъ изъ лучшихъ способовъ для укрѣпленія автоматической стороны письма. Аполлосъ Соболевъ («Критическій обзоръ способовъ обученія правописанію» Р. Шк. 1900 г. № 4, 5, 6): «Механическое списываніе можно давать только въ ограниченныхъ размѣрахъ, особенно въ началѣ обученія, и притомъ не часто. Въ противномъ случаѣ оно можетъ сильно надоѣсть ученику и притупляющимъ образомъ отзовется на его способностяхъ».

Чѣмъ объясняется неустойчивость взглядовъ методистовъ на вопросъ обученія учащихся правильному письму?

Главнымъ образомъ, какъ намъ кажется, недостаточною обоснованностью его съ точки зрѣнія психологической.

Дѣйствительно, одни изъ психологовъ держатся того

мнѣнія, что главными факторами въ обученіи письму служатъ: слухъ, движеніе голоса, зрѣніе и движеніе руки. Такъ, Вахтеровъ въ статьѣ: «Замѣтки о преподаваніи русскаго языка на первой ступени обученія». (Р. Ш. 1899 г., № 5—6, стр. 239), говоритъ: «Что собственно вспоминаютъ ученики, когда имъ приходится писать какое-нибудь слово? Они могутъ вспоминать, какъ это слово произнесъ учитель, другими словами, какъ оно было воспринято ихъ слухомъ. Это будетъ слуховая память, память уха. Во-вторыхъ, они могутъ вспомнить, какъ они сами выговаривали это слово. Это будетъ память произношенія, память, какъ сказать, устная, память голоса, память рта. Затѣмъ они могутъ вспомнить, какъ печатается это слово въ книгахъ или пишется въ письмахъ, гдѣ они его видѣли,—это будетъ память зрительная, память глаза. Наконецъ, они могутъ вспомнить, какъ они когда то писали это слово. Это будетъ память графическая, память нервно-мускульныхъ движеній, память пальцевъ и руки, моторная память».

Другіе психологи нѣсколько видоизмѣняютъ указанную точку зрѣнія на процессъ обученія письму.

Аполлосъ Соболевъ, въ статьѣ «Критическій обзоръ способовъ обученія правописанію», (Р. Шк. 1900 г., № 5—6, стр. 281), говоритъ: «Какіе психическія и физическія силы участвуютъ въ образованіи орѳографическаго навыка? Главнѣйшіе дѣятели въ образованіи орѳографическаго навыка слѣдующіе: слухъ, уясняющій отношеніе начертанія слова къ его произношенію; зрѣніе, запоминающее начертаніе: мускульное движеніе руки, посредствомъ котораго производится писаніе, сначала сознательно, потомъ по мѣрѣ упражненій, рефлективно, и знаніе орѳографическаго пра-

вила (всякая орѳограмма подведена подъ то или иное правило, хотя бы иногда и въ видѣ исключенія изъ правила)».

Балталонъ, основываясь на экспериментальныхъ наблюденіяхъ нѣмецкаго педагога и психолога Лапа, дѣлаетъ такое заключеніе: «Данныя его не только выдвинули значеніе моторныхъ элементовъ въ процессѣ обученія письму, но и привели къ заключенію, что диктантъ безъ движенія рѣчи есть наихудшій способъ обученія письму, списываніе наилучшій». («Труды перваго съѣзда преподавателей русскаго яз. въ военно-учебныхъ заведеніяхъ» С. Пет. 1904 г. стр. 329).

Но особенно интересными для насъ являются заключенія проф. Нечаева, какъ одного изъ главныхъ представителей экспериментальной психологіи въ Россіи. Проф Нечаевъ по поводу доклада, прочитаннаго на съѣздѣ препод. рус. яз. въ военно-уч. завед. (см. «Труды съѣзда» стр. 121) сказалъ: «Вполнѣ соглашаясь, что вопросъ о правильной постановкѣ обученія орѳографіи можетъ быть рѣшенъ только на основаніи тщательнаго изученія процессовъ ассоціацій, нельзя согласиться съ тѣми практическими выводами, къ которымъ приходитъ уважаемый докладчикъ. А. П. Флеровъ выставляетъ, какъ необходимое условіе правильной постановки обученія орѳографіи, требованіе, чтобы при этомъ обученіи были использованы всевозможныя формы ассоціацій, связанныя съ образомъ слова. Но если бы такое требованіе было необходимымъ условіемъ обученія орѳографіи, то, напримѣръ, глухонѣмые, у которыхъ отсутствуютъ нѣкоторые виды ассоціацій, связанныхъ съ образомъ слова, никогда бы не могли научиться правильно писать, между тѣмъ жизнь показываетъ обратное. Кромѣ того, опытъ показываетъ, что и нор-

мальные люди далеко не въ одинаковой степени пользуются разными видами ассоціацій: у однихъ преобладаютъ ассоціаціи зрительныя, у другихъ двигательныя, у третьихъ слуховыя. Поэтому естественно, что однимъ людямъ легче бываетъ усвоить правильную форму написанія слова при помощи ассоціаціи одного вида, а другимъ другого. Иначе говоря, въ области обученія орѳографіи индивидуализація преподаванія имѣетъ очень важное значеніе, и едва-ли возможно настаивать на необходимости постоянно примѣнять при обученіи орѳографіи всѣ ассоціаціи, связанныя съ образомъ слова. Особенно страннымъ представляется требованіе чтобы при обученіи правописанію постоянно примѣнялись говородвигательныя и слуховыя ассоціаціи. Вспомнимъ, насколько сильно отличается во многихъ случаяхъ произношеніе слова отъ его начертанія, и намъ станетъ ясно, что указанныя ассоціаціи говородвигательныя и слуховыя, часто могутъ только мѣшать ученику усвоить правописаніе даннаго слова».

Приведенныя выписки показываютъ намъ, на какой ступени развитія стоитъ вопросъ о правильной постановкѣ обученія письму съ точки зрѣнія психологической науки. Онъ ясно говорятъ намъ, что современная психологія въ достаточной степени выяснила значеніе отдѣльныхъ факторовъ въ процессѣ обученія письму, но въ общемъ данный вопросъ есть еще искомая истина и остается пока открытымъ. Отсюда понятны тѣ противорѣчія во взглядахъ методистовъ, которыя мы указали выше. Каждый изъ методистовъ основываетъ свой методъ на тѣхъ выводахъ психологіи, какіе ему кажутся наиболѣе убѣдительными, и слѣдовательно идетъ впередъ, не чувствуя твердой почвы подъ ногами, идетъ ощупью и какъ-бы съ закрытыми глазами.

Можетъ-ли въ результатѣ этихъ неясностей, неопредѣленностей и колебаній получиться у учащихся грамотное письмо?

Но кромѣ указаннаго есть еще и другія причины, содѣйствующія малограмотности учащихся

Очень важнымъ являются не только методы обученія, но и самое содержаніе, матеріалъ урока. Составители задачниковъ, сборниковъ упражненій обыкновенно прибѣгаютъ къ подбору отрывочныхъ не связанныхъ другъ съ другомъ по смыслу предложеній, которыя и предлагаются учащимся для диктовокъ, списыванія и т. д... Отдѣльныя предложенія нерѣдко берутся изъ сочиненій нашихъ образцовыхъ писателей, но чаще всего придумываются самими составителями. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ отрывочныя фразы представляютъ собою такую пеструю смѣсь, которая не оставляетъ никакого слѣда въ дѣтской головѣ и убиваетъ въ ней всякое вниманіе къ написанному. Вотъ, напримѣръ, Красногорскій въ своихъ «Задачахъ по русскому правописанію» на 6 стр. помѣщаетъ такое упражненіе:

«Летитъ рой пчелъ Воинъ вооруженъ богато. Войско выступило въ походъ. Урожай далъ хлѣба каравай. Мой обычай простъ. Казначей хранитъ деньги. Летитъ стая галокъ. Ученикъ достоинъ награды. Я спокоенъ душою. Шея быка толста. Собака носитъ ошейникъ. Мошенникъ лазитъ по карманамъ». Это примѣры самого составителя руководства. Или на стр. 82 (беремъ отдѣльныя предложенія):

«Еще бы ты болѣе навострился, когда бы у него немножко поучился». «Вотъ друга я люблю, зато ужъ чванныхъ не терплю».«Вздумала кота она просить, чтобъ взялъ съ собой ее онъ на охоту». При дѣлежѣ добычи зайцу данъ клочокъ медвѣжьяго ушка, и вотъ онъ взду-

малъ въ городъ показаться, чтобъ силой тамъ повеличаться. Брожу-ли я вдоль улицъ шумныхъ, вхожу ль во многолюдный храмъ, сижу ль межъ юношей безумныхъ— я предаюсь моимъ мечтамъ» здѣсь уже отдѣльныя предложенія изъ нашихъ образцовыхъ писателей, которыя, будучи выхвачены безжалостною рукою изъ связнаго текста, въ своей совокупности производятъ что-то отталкивающее и возмущающее душу всякаго здравомыслящаго человѣка. Такой же, какъ и у Красногорскаго, хаотическій наборъ безсвязныхъ предложеній встрѣчаемъ мы въ грамматикѣ Петрова, въ диктантахъ Смирновскаго, Покровскаго и другихъ послѣдователей притупляющей живую мысль системы обученія.

Въ послѣднее время большое значеніе стали придавать объяснительному чтенію, которое ставятъ въ центрѣ занятій по русскому языку въ младшихъ классахъ и стараются какъ обученіе грамматики, такъ и всѣ виды письменныхъ работъ пріурочить къ изучаемымъ и разбираемымъ статьямъ и стихотвореніямъ. Защитники этого метода обученія считаютъ его наиболѣе раціональнымъ и признаютъ за нимъ право давности, ссылаясь на труды извѣстныхъ русскихъ педагоговъ—Шереметевскаго и Ушинскаго, какъ главныхъ родоначальниковъ его. Безспорно, этотъ способъ обученія имѣетъ много преимуществъ передъ системою Красногорскихъ, Покровскихъ и т. п. И, какъ на одно изъ каждыхъ преимуществъ, можно указать на то, что матеріаломъ для укрѣпленія орѳографическихъ навыковъ здѣсь всегда служитъ цѣльная статья, надъ которой производятся различные эксперименты для изученія извѣстнаго закона языка. Но, къ сожалѣнію, этотъ методъ, имѣющій за собою много разумныхъ основаній, сопряженъ съ большими трудностями въ его практическомъ примѣненіи.

И эти трудности проистекаютъ отъ того, что преподаватель часто бываетъ поставленъ въ необходимость или пожертвовать систематическимъ прохожденіемъ грамматики, или отказаться отъ той или иной идейной группировки статей, такъ какъ при существующемъ подборѣ матеріала въ хрестоматіяхъ по русскому языку не всегда бываетъ возможно согласовать систему въ объяснительномъ чтеніи и въ изученіи граматики такъ, чтобы одно не шло въ ущербъ другому. Самъ Ушинскій, на котораго обыкновенно ссылаются защитники этого метода, примѣняетъ его далеко неодносторонне: онъ пользуется статьями, но въ одинаковой мѣрѣ пользуется и картинами, своими примѣрами, примѣрами дѣтей, пословицами, наблюденіями надъ извѣстными предметами учениковъ, словообразованіемъ и даже сухими грамматическими упражненіями, какъ, напримѣръ, склоненіями и спряженіями образцовъ или работами въ родѣ слѣдующей: «Напишите количественными именами числительными слѣдующія числа: 1, 2, 3 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 14, 14, 15, 16. 17, 18, 19, 20, 30, 35, 40, 50, 60, 75 90 102, 500, 625. При этомъ соблюдайте слѣдующее правило: «въ числѣ 11, 12, 20, 30 и другихъ такого же рода удерживается букви «д»; въ числахъ отъ 15 до 19, сложныхъ изъ трехъ словъ (пять (sic) на дцать), мягкій знакъ въ серединѣ не ставится; въ числахъ же отъ 50 до 80 мягкій знакъ въ серединѣ слова удерживается; онъ удерживается также въ числахъ, сложенныхъ изъ сотен : 500, 600» ..... («Родное слово», годъ III, стр. 21).

Сдѣлавъ общій обзоръ наиболѣе распространенныхъ пріемовъ обученія, приведемъ и съ своей стороны нѣсколько соображеній по данному вопросу.

Для правильной постановки обученія правописанію

необходимо имѣть два пособія: хрестоматію и практическую грамматику.

Хрестоматія

Главная особенность этого пособія должна состоять въ томъ, чтобъ его статьи, погрупированныя по извѣстнымъ отдѣламъ, были расположены также и въ такомъ порядкѣ, который необходимъ для систематическаго прохожденія грамматики. Въ хрестоматіи должны быть картины методическаго характера, а также снимки съ картинъ лучшихъ художниковъ; такіе снимки, помимо своего эстетическаго значенія, будутъ имѣть также значеніе для выработки устной и письменной рѣчи учащихся, такъ какъ могутъ дать прекрасный матеріалъ для устныхъ и письменныхъ работъ. Въ хрестоматіи желательно имѣть краткія біографіи писателей и ихъ портреты, словарь непонятныхъ словъ съ ихъ толкованіями.

Практическая грамматика.

Это пособіе содержитъ въ себѣ курсъ грамматики, расположенной концентрически, причемъ въ каждый концентръ одновременно входятъ свѣдѣнія изъ этимологіи и синтаксиса. Въ этомъ курсѣ помѣщается матеріалъ для вывода правилъ, формулировка правилъ и матеріалъ для ихъ закрѣпленія (устно и письменно).

Для вывода правилъ составитель курса долженъ воспользоваться такимъ матеріаломъ, который ближе всего ведетъ къ цѣли; онъ можетъ пользоваться статьею, картиною, пословицами, отдѣльными словами и т. д, при чемъ тутъ же и указываетъ, какую картину, какую статью въ имѣющейся на рукахъ у дѣтей хресто-

матіи надо привлечь къ дѣлу. Для закрѣпленія правилъ предлагаются разнаго рода задачи. Эти задачи точно также должны соотвѣтствовать свойствамъ даннаго орѳографическаго случая. Иногда необходимо брать для упражненія отдѣльныя предложенія, иногда нѣсколько словъ, иногда удобнѣе производить операцію надъ отдѣльными словами или надъ цѣлою статьею. Приведемъ примѣры. Мы изучаемъ окончанія существительныхъ или другихъ какихъ-либо частей рѣчи. Если данное окончаніе имѣетъ для себя опредѣленный звукъ и не представляетъ возможности смѣшенія съ другимъ звукомъ или другимъ окончаніемъ, то для орѳографическихъ упражненій достаточно пользоваться отдѣльными словами—выписывать ихъ изъ статьи, группировать и ставить въ желательномъ падежѣ или въ желательной глагольной формѣ. При изученіи правилъ, основанныхъ на согласованіи словъ, можно пользоваться только двумя словами. При изученіи правилъ о слитномъ или раздѣльномъ употребленіи въ письмѣ отрицанія «не» надо воспользоваться связнымъ текстомъ. Здѣсь могутъ услугу оказать отдѣльныя предложенія (лучше всего составленныя дѣтьми), пословицы и небольшія статейки. Разстановка знаковъ препинанія необходимо нуждается въ цѣльной статьѣ Словомъ характеръ каждой задачи опредѣляется свойствами изучаемой орѳограммы. Составитель практической грамматики найдетъ много полезныхъ указаній въ «Методикѣ обученія правописанію» Дьяченка, въ цитированой выше статьѣ Ап. Соболева и въ III части «Родного слова» Ушинскаго.

Въ курсѣ практической граммитики должно быть дано большое мѣсто корнесловію и словобразованію. Изучая разныя грамматическія формы, ученикъ долженъ отчетливо выдѣлять корни, приставки, суффиксы, флек-

сіи, основы. Корнесловіе, введенное въ практическую грамматику, обогащаетъ ее разнаго рода задачами, напримѣръ:

а) подборъ словъ къ данному корню,

б) разложеніе словъ на составныя части,

в) подборъ словъ на данную приставку и суффиксы,

г) образованіе различныхъ частей рѣчи отъ одного и тогоже корня,

д) краткая исторія слова, напримѣръ: рас-точ-итель-н-ый-было сначала глаголомъ, затѣмъ стало существительнымъ съ суффиксомъ—тель, затѣмъ уже прилагательнымъ,

е) фонетическое измѣненіе корня: бѣг-бѣж, рук-руч....,

ж) отысканіе подходящаго суффикса по цѣлому выраженію (очень маленькій дѣтенышъ кошки—котенокъ. ...),

З) упражненіе обратное предыдущему, т. е. устное объясненіе оттѣнковъ выраженія при данныхъ суффиксахъ (напримѣръ—простенькій, простоватый.....),

и) повторительныя упражненія, напримѣръ: составленіе справочныхъ табличекъ для окончаній извѣстной части рѣчи, суффиксовъ той же части рѣчи.. .(подобное обысновавіе корнесловнаго метода находимъ въ сочиненіи Шереметевскаго «Опытъ программы первой ступени обученія элемантарной грамматикѣ», у Ушинскаго—III ч. «Родного слова», у Куницкаго—«Какъ, учить родному языку»?, въ методической замѣткѣ Купнирова—«Трудъ перваго съѣзда препод. воен. уч. заведеній» стр. 347).

Практическая грамматика должна обнимать собою первые три года обученія (приготовительный, первый и

второй классы). Всѣ исключенія изучаются послѣ прохожденія всего курса грамматики. Къ грамматикѣ прилагается справочный орѳографическій словарь, въ которомъ помѣщаются всѣ слова—исключенія, слова, такъ или иначе пишущіяся по традиціи.

Письменныя работы, способствующія усвоенію орфографіи.

Для выработки орѳографическихъ навыковъ мы придаемъ значеніе слѣдующимъ тремъ фактамъ--зрительнымъ впечатлѣніямъ мускульнымъ движеніямъ и сознательному отношенію къ орѳографическимъ правиламъ. Указанныя задачи въ практической грамматикѣ болѣе всего удовлетворяютъ стремленіямъ выработать грамотное письмо: здѣсь дано широкое мѣсто впечатлѣніямъ зрительнымъ и мускульнымъ движеніямъ, такъ какъ при исполненіи каждой задачи ученикъ имѣетъ передъ собою книгу, всматривается въ начертанія словъ и переводитъ ихъ при посредствѣ письма на бумагу, но это дѣлаетъ онъ не механически, а сознательно: онъ долженъ предлагаемый матеріалъ измѣнить согласно съ изучаемымъ правиломъ.

Многіе методисты рекомендуютъ въ качествѣ упражненія списываніе разученныхъ произведеній. Этотъ родъ работъ, отличаясь крайне механическимъ характеромъ при частомъ примѣненіи, вноситъ въ обученіе скуку, монотонность и однообразіе. Для избѣжанія этого желательно списываніе соединять съ какою-либо умственною задачею, какъ это предлагаетъ Анненскій въ своемъ «Педагогическомъ письмѣ» къ Гуревичу (см. Р. Ш. 1895 г. № 2, стр. 92):

«Списываніе съ книги можно разнообразить: вѣдь

рядомъ со списываніемъ идетъ выписываніе, выборки, выдѣленіе главнаго, отдѣленіе разсказа отъ описанія, діалога отъ монолога и т. д. Имѣя передъ глазами книгу, ребенокъ можетъ дѣлать маленькія самостоятельныя работы. Я дамъ ему нѣсколько басенъ и заставлю выписать имена всѣхъ говорящихъ, подраздѣливъ ихъ на людей, животныхъ и вещи; я предложу ему изъ нѣсколькихъ басенъ выписать слова лисы, дѣйствія волка, признаки обезьяны. Для болѣе взрослыхъ могутъ предлагаться темы въ родѣ слѣдующей; «Отношеніе Пушкина къ Москвѣ (Петербургу, деревнѣ) по его стихотвореніямъ»......

Очень полезно писать на память выученное наизусть. Но здѣсь необходимо слѣдить затѣмъ, чтобы матеріалъ, предлагаемый дѣтямъ, предварительно былъ разобранъ со стороны орѳографической и заключалъ именно тѣ правила, которыя изучаются въ данное время. Такъ, напримѣръ, на первой ступени обученія ученики могутъ писать пословицы или небольшіе отрывки изъ разученныхъ произведеній. Под бныя работы, по мѣрѣ прохожденія грамматики, становятся сложнѣе и сложнѣе и только къ концу третьяго года обученія ученикамъ можно предложить писать наизусть произведеніе сложнаго характера въ орѳограѳическомъ отношеніи.

Орѳографическія задачи, списываніе и письмо выученнаго наизусть основаны на одномъ изъ важныхъ дидактическихъ принциповъ—на строгомъ предупрежденіи ошибокъ. Вахтеровъ въ статьѣ «Замѣтки о преподаваніи русскаго языка на первой ступени обученія» (Р. Ш. 1899 г.) возможно лучшее предупрежденіе ошибокъ считаетъ очень важнымъ условіемъ для правильнаго обученія письму.

До сихъ поръ мы разсматривали виды работъ

исключительно орѳографическаго характера. Цѣлямъ орѳографіи могутъ служить также и работы, направленныя къ выработкѣ навыковъ стилистическихъ. Таковы, напримѣръ:

а) извлеченіе плана изъ статьи,

б) перезсказъ статьи по вопросамъ и безъ вопросовъ, безъ измѣненія плана статьи и по измѣненному плану,

в) нахожденіе главной мысли статьи и ея изложеніе,

г) указаніе свойствъ даннаго лица, животнаго (простѣйшій видъ характеристики),

д) сравненіе статей по главной мысли и по дѣйствующимъ лицамъ,

е) описаніе картинъ,

ж) описаніе предметовъ, находящихся въ классѣ и дома,

з) сравненіе предметовъ,

и) разсказъ на данную тему,

і) составленіе разсказовъ на темы прочитанныхъ разсказовъ,

к) составленіе разсказовъ по картинамъ,

л) составленіе разсказовъ на пословицы и т. д...

При назначеніи стилистическихъ работъ точно также необходимо соблюдать строгую постепенность перехода отъ легкаго къ трудному. Въ виду этого лучше всего подобныя работѣ въ первое время вырабатывать въ классѣ устно и записывать ихъ на классной доскѣ, чтобы дѣти, не дѣлая ошибокъ, могли переписывать ихъ въ свои тетради. Въ результатѣ въ тетрадяхъ, конечно, долженъ получиться однообразный текстъ. Но постепенно дѣти больше и больше предоставляются самимъ себѣ и переходятъ уже къ самостоятельному исполненію подобныхъ работъ. Чтобы не страдали существенныя

задачи обученія—самодѣятельность, развитіе учениковъ, полезно вести одновременно съ указанными работами устныя бесѣды, которыя пріучатъ дѣтей самостоятельно давать отвѣтъ на разные вопросы, а также окажутъ благотворное вліяніе на развитіе ихъ рѣчи. Горячими защитниками устныхъ бесѣдъ являются Шереметевскій въ своей статьѣ «Слово въ защиту живого слова» и Анастасіевъ въ статьѣ «Живое слово, какъ предметъ обученія въ семьѣ и школѣ» (Р. Шк. 1896 г., № 1—2).

Объяснительная диктовка, по нашему мнѣнію, должна быть исключена изъ педагогической практики; провѣрочная диктовка можетъ быть примѣнима, но и то лишь въ рѣдкихъ случаяхъ.

Но излагая вышеизложенныя требованія, мы не должны забывать еще одного и очень важнаго условія. Преподаваніе есть великое и трудное дѣло, и многое зависитъ отъ личности самого преподавателя. Живость, энергія, тактичность, находчивость, отсутствіе всякаго шаблона и догматики—вотъ непремѣнныя спутники каждаго урока. Не говоримъ, конечно, о знаніи педагогомъ своего предмета, такъ какъ это само собою подразумѣвается. Образецъ педагога мы видимъ въ лицѣ нашего знаменитаго Ушинскаго. Въ «Родномъ словѣ», годъ III, онъ показалъ, каковъ долженъ быть каждый урокъ; коснемся ли мы распредѣленія матеріала, вывода и примѣненія правилъ, разныхъ видовъ устныхъ и письменныхъ упражненій—здѣсь все носитъ на себѣ печать необыкновенной оригинальности: опытъ и наблюденіе, синтезъ и анализъ, поспѣшность и необыкновенная послѣдовательность работъ, смѣна одного вида работъ другими ведется прямо-таки съ необыкновеннымъ художественнымъ чутьемъ. Въ рукахъ Ушинскаго дитя живетъ, самостоятельно доходитъ до извѣстныхъ выводовъ

и обобщеній, и языкъ его съ каждымъ урокомъ обогащается все новыми и новыми словами. «Родное слово», годъ III, показало, что и грамматика, такой, повидимому, сухой предметъ, можетъ быть изучаемъ съ большимъ интересомъ и не наводить тоску на учащихся.

Въ такомъ видѣ представляется намъ вопросъ о постановкѣ обученія письму. Однако, приводя указанныя соображенія, мы не должны забывать, что время его радикальнаго разрѣшенія еще не наступила. Его разрѣшитъ психологія, но это дѣло будущаго.

М. Харламовъ

Образованіе главнѣйшихъ суффиксовъ именъ существительныхъ и прилагательныхъ.

Ученіе о словообразованіи представляетъ собою одинъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ, но не разработанныхъ отдѣловъ русской филологіи.

Безчисленное множество словъ русскаго языка, какъ и другихъ языковъ, образовалось изъ небольшого числа коренныхъ словъ, имѣющихъ звукоподражательный характеръ. Напр., слова: горѣть и производныя отъ него—грѣть, зрѣть, можно полагать, произошли отъ звука, который слышится при горѣніи дерева, особенно—хвороста; слова: звенѣть, звонъ—происходятъ отъ звука дзи, исходящаго отъ колокольчика; слова: звучать, звякать—отъ звуковъ, издаваемыхъ цѣпями и, вообще, отъ удара о какой-либо металлическій предметъ.

При словопроизводствѣ играютъ важную роль два основныхъ закона, изъ коихъ первый опредѣляется правилами перехода однихъ звуковъ въ другіе соотвѣтственные. Второй законъ, имѣющій не менѣе важное значеніе, касается образованія суффиксовъ.

Гласныя буквы, при извѣстныхъ условіяхъ, почти всѣ могутъ переходить другъ въ друга и потому не имѣютъ существеннаго значенія въ корневомъ составѣ словъ. Такъ, буква «о» часто переходитъ въ «а», а въ обычномъ великороссійскомъ говорѣ онѣ смѣшиваются между собой. «О» переходитъ въ «е», которое есть ничто иное, какъ смягченное «о», такъ, напр.— солоно-соленый. «О» сверхъ того переходитъ въ «и» и «у», напр.,—бой, бить, буйный. Самое же «и» въ про-

изношеніи иной разъ смѣшивается съ «ы», напр., въ окончаніи слова—«комары» пишется ы, а слышится «и»; да и вообще въ малороссійскомъ говорѣ «ы» смѣшивается съ «и».

Что же касается мягкихъ гласныхъ—«я» и «ю», то онѣ ничто иное, какъ смягченіе гласныхъ «а» и, но часто смѣшиваются съ ними и переходятъ другъ въ друга.

Что касается согласныхъ буквъ, то онѣ являются болѣе устойчивыми и переходъ ихъ болѣе ограниченъ и подчиняется опредѣленнымъ (общимъ) правиламъ.

Обыкновенно въ грамматикахъ указывается, что гортанныя буквы: «г», «к», «х» переходятъ въ шипящія: «ж», «ч», «ш», а эти послѣднія—въ свистящія: «з», «ц», «с». Но въ чемъ состоитъ процессъ перехода однѣхъ буквъ въ другія, ни въ одной грамматикѣ не объясняется.

Нужно думать, что гортанные звуки непроизвольно (безъ участія воли человѣка) могутъ образоваться во время крѣпкаго сна, когда, кромѣ груди и гортани, никакіе другіе органы не принимаютъ участія въ образованіи звуковъ, когда струя воздуха, выдѣляемаго полною грудью человѣка, свободно колеблетъ гортанныя связки, не встрѣчая препятствія на своемъ пути.

Гортанные звуки могутъ переходить въ шипящіе, когда струя выдыхаемаго воздуха, проходя чрезъ узкую щель, образуемую зубами, приводитъ въ колебаніе приподнятыя губы.

Что же касается губныхъ звуковъ: б, в, п, то они образуются тогда, когда ротъ, закрытый губами, быстро открывается.

Шипящіе звуки отчасти смѣшиваются со свистящими. Дѣти въ особенности часто смѣшиваютъ «ш» съ «с», «ч» съ «ц», «ж» съ «з».

Въ образованіи свистящихъ звуковъ играютъ важную роль зубы, почему они также часто называются зубными У стариковъ, съ выпаденіемъ зубовъ, зубные звуки естественно переходятъ въ шипящіе, напр.: «сама», говорятъ—«шама», «цапля»—чапля.

Если принять во вниманіе, что звуки «г», «к», «х», а также «ж», «ч», «ш» между собою смѣшиваются, то отсюда видно, что случаи перехода и согласныхъ буквъ довольно часты. Къ вышеуказанному можно прибавить, что кромѣ того «д» и «т» могутъ переходить въ «с»; напр., веду—вести, мету—мести, плету—плести.

Этотъ переходъ можно объяснить только на основаніи знакомства съ бѣлорусскимъ говоромъ, въ которомъ «т» смягчается въ «ц»; напр., тѣло—цѣло, тихо—цихо. Такъ какъ «ц» смѣшивается съ «с», то отсюда видимъ переходъ «т» въ «с».

Переходъ «д» въ «с» отчасти объясняется смѣшеніемъ «д» съ «т».

Сверхъ того, бѣлорусскій говоръ можетъ намъ объяснить переходъ «д» въ «ж»; напр., видѣть, по бѣлорусски—видзѣць, отсюда «вижу» по бѣлорусски «виджу».

Если коренныя слова оканчиваются гортанными звуками, то, при образованіи производныхъ словъ, гортанные переходятъ въ соотвѣтственные шипящіе, въ особенности, когда они стоятъ передъ губными и плавными или носовыми; напр.: другъ—дружба, духъ—душно, врагъ—вражда, ликъ—лицо, личный.

Съ физіологической точки зрѣнія такой переходъ гортанныхъ въ шипящіе можетъ быть объясненъ тѣмъ, что струя воздуха, имѣвшая образовать гортанные звуки, встрѣчаетъ препятствіе въ извѣстномъ положеніи губъ и языка принимающихъ участіе въ образованіи губныхъ и небныхъ звуковъ.

То же значеніе при словопроизводствѣ играютъ и мягкіе гласные, которые также содѣйствуютъ обращенію гортанныхъ звуковъ въ шипящіе; напр., ученикъ—ученическій, Богъ—Божескій, другъ—дружескій, духъ—душевный, ворохъ—ворошить, другъ—дружить.

Правила перехода звуковъ подчиняются особеннымъ требованіямъ гармоніи, уясненіе которыхъ составляетъ немаловажную задачу физіологіи и акустики. Филологъ же можетъ пользоваться этими правилами для многихъ соображеній и выводовъ.

Извѣстно, что, вслѣдствіе родства европейскихъ языковъ, въ нихъ замѣчается много сходныхъ словъ. Группа сходныхъ словъ значительно расширяется, если принять во вниманіе переходы буквъ. Напримѣръ, вслѣдствіе перехода буквы «г» въ «з», можно сблизить латинское hiems и русское—«зима»; нѣмецкое saal—съ русскимъ «залъ».

Вслѣдствіе перехода «г» въ «ж» можно сблизить нѣмецкое «vagen» съ русскимъ «важный».

Переходъ «т» въ «с» не только объяснитъ намъ сходство славянскаго «сѣнь» съ русскимъ «тѣнь», но также дастъ возможность сблизить греческое pus съ русскимъ словомъ «футъ».

Смѣшеніемъ въ произношеніи буквъ «п» и «ф» легко можно объяснить сходство латинскаго «pater» съ нѣмецкимъ «fater»; точно также—переходъ греческаго pus въ «футъ».

Буква «б» смѣшивается въ произношеніи съ «п», чѣмъ можно объяснить сходство въ произношеніи русскаго «братъ» съ нѣмецкимъ Bruder.

Переходъ «т» въ «ц» въ бѣлорусскомъ говорѣ и въ польскомъ языкѣ даетъ намъ нѣкоторое основаніе сближать слова: «тѣло» (по бѣлорусски—цѣло) съ при-

лагательнымъ «цѣлый», тѣмъ болѣе потому, что подъ тѣломъ человѣческимъ разумѣется нѣчто строго законченное, правильно организованное и не подлежащее дѣленію (individium). Съ такимъ взглядомъ вполнѣ согласуется значеніе латинскаго слова «corpus», употребляемаго для названія извѣстныхъ военныхъ учебныхъ заведеній, а также извѣстныхъ, строго организованныхъ частей арміи, вмѣщающихъ въ себя опредѣленное число солдатъ всѣхъ трехъ оружій.

Съ этой точки зрѣнія можно объяснить значеніе глагола «цѣловаться» въ смыслѣ духовнаго объединенія, привѣтствующихъ другъ друга лицъ.

Чтобы свободно оріентироваться въ производствѣ словъ, не слѣдуетъ упускать изъ виду того, что въ западно-русскихъ говорахъ часто употребляются слова съ придыханіемъ. Въ качествѣ придыханія чаще всего служитъ буква «г», а иногда «в». Отсюда происходятъ малороссійскія слова: Ганна, (Анна), гарбузъ (арбузъ), горихъ (орѣхъ), Гелена (Елена), Ганка (Агафія), гострый (острый).

Бѣлоруссы также говорятъ: гетотъ, вмѣсто этотъ.

«В» играетъ роль придыханія въ слѣдующихъ словахъ: вострый (острый), Вольга (Ольга) Воляна (Ульяна), вусъ (усъ), вокно (окно), винъ (онъ), вона (она), Вустинъ (Устинъ) и т п.

Теорія о придыханіяхъ даетъ возможность объяснить происхожденіе нѣкоторыхъ замѣчательныхъ словъ, напр., слова—«годъ». Это слово можно сближать съ греческимъ словомъ odos, потому что этимъ именемъ называется періодъ времени въ теченіе котораго совершается полный оборотъ земли вокругъ солнца. Съ этой же точки зрѣнія можно сближать глаголы: идти,

ходить, годить, гдѣ «х» и «г» можно считать придыханіями.

При такомъ взглядѣ легко объяснить и образованіе слова весна, сближая его съ словомъ ясна и принимая букву «в» за придыханіе. Эти соображенія согласуются съ эпитетами, обыкновенно прилагаемыми къ слову весна, тогда какъ подъ именемъ осени разумѣется время, когда небо заволакивается тучами и воздухъ пропитывается туманами. Что же касается лѣта, то въ названіи его не видно какихъ-либо признаковъ, характерныхъ для этого времени года, а сближаемое съ глаголомъ «летѣть», оно характеризуется общимъ признакомъ, которымъ вообще отличается время, какъ нѣчто быстро проходящее, какъ бы канувшее въ нѣкую бездонную «лету».

Но такъ какъ «лѣто» употребляется не только въ смыслѣ опредѣленнаго времени, но и въ смыслѣ года, и у славянъ имѣло даже преимущественно это послѣднее значеніе, что даетъ намъ основаніе сближать слово «лѣто» съ греческимъ словомъ etos—годъ. Въ такомъ случаѣ букву л мы можемъ разсматривать, какъ вставленную для благозвучія тѣмъ болѣе потому, что эта буква, дѣйствительно обладая свойствами плавности произношенія, нерѣдко вставляется для благозвучія. Напримѣръ: люблю, скорблю, долблю и проч. Этимъ свойствомъ буква «л» сближается съ упомянутыми «г» и «в», которыя не только ставятся въ началѣ словъ, но вставляются и въ середину, напр.: Иванъ, вмѣсто Іоаннъ, такимъ же образомъ объясняется нѣмецкое «Johan», вмѣсто Іоаннъ.

Употребленіе «л» въ качествѣ придыханія не должно казаться страннымъ въ виду близости этой буквы къ буквѣ «в», съ которой она часто смѣшивается и въ

различныхъ говорахъ переходятъ одна въ другую, напр., читалъ (по бѣлорусски—«читавъ»), сталъ (ставъ), билъ (бивъ).

Теперь является вопросъ, могутъ ли другія буквы служить вмѣсто придыханія? Естественно прежде всего предположить это относительно буквы «х», которая при произношеніи смѣшивается съ буквой «г». Дѣйствительно, въ словѣ «ходить» букву «х» можно разсматривать, какъ придыханіе, а корень этого глагола сближать съ корнемъ глагола «идти».

Можно думать, что въ качествѣ придыханія можетъ служить и буква ж, которую можно разсматривать, какъ преобразованную изъ «г». «Ж» можетъ выступать въ качествѣ придыханія въ тѣхъ словахъ, которыя начинаются буквою і, напр., «юлить», а отсюда производное—«жуликъ». Самое названіе і (иже) указываетъ на возможность перехода этой буквы въ ж. Переходъ же гласной буквы въ согласную можно допустить только посредствомъ прибавленія придыхательнаго звука, который, по условіямъ благозвучія, обращается или, вѣрнѣе, смягчается въ ж.

Съ этой точки зрѣнія легко объясняется образованіе французскихъ именъ: Жанъ отъ Іоаннъ, Жакъ отъ Іаковъ, Жулія отъ Іюлія.

Здѣсь славянское «иже» обратилось во французское «ж», а такъ какъ «же» переходитъ въ «жд», то становится понятнымъ, почему русское «Иванъ» по итальянски обратилось въ «Джевони»; итальянское «Джульета», вмѣсто французскаго «Жулія», или русскаго «Іюлья». Послѣдними соображеніями, такимъ образомъ, объясняется сходство и различіе именъ людей въ различныхъ европейскихъ языкахъ, которые болѣе или менѣе родственны между собою.

Такъ какъ звукъ «г» служитъ часто придыханіемъ и то усиливается, то ослабѣваетъ, то въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ можетъ совершенно выпадать, напр.: Осударь, вмѣсто Государь, енералъ (генералъ).

Буква «в» также иногда выпадаетъ, напр., Полина—«Павлина», а въ малороссійскомъ говорѣ иногда она замѣняется буквою «г»; напр.,—горобецъ, вмѣсто воробей.

Буква «в», которая отличается своею подвижностью, а также неустойчивостью (въ бѣлорусскомъ говорѣ она произносится, какъ у; напр., у саду, вмѣсто въ саду) должна играть видную роль въ словообразованіи.

Думаемъ, что множество именъ существительныхъ образовалось по примѣру слова «человѣкъ» по (малороссійски— «чоловикъ»).

Слово «человѣкъ» можно производить двоякимъ образомъ: отъ слова «чело» и «вѣкъ», а также отъ «цѣлый» и «вѣкъ».

Въ томъ и другомъ случаѣ существенную роль играетъ вторая часть слова— «вѣкъ» (по малороссійски— «викъ»), происходящая отъ слова вѣщать—говорить. Собствено—«вѣкъ» (викъ) означаетъ столѣтіе, или продолжительность жизни человѣка.

По примѣру слова «человѣкъ» образовались нѣкоторыя западно-русскія фамилій, напр., Боровикъ, Юновикъ и др.

Реченіе «викъ» служитъ суффиксомъ и для нѣкоторыхъ именъ, напр., трудовикъ, ломовикъ, лѣсовикъ, пудовикъ, крестовикъ.

Съ переходомъ буквы «к» въ «ч», образуется суффиксъ «вич», играющій такую существенную роль въ названіяхъ отчествъ и западно-руссвихъ фамилій.

Есть западно-русскія фамиліи съ окончаніемъ—«вецъ», напр.: Раковецъ, Боровецъ, Жуковецъ.

Здѣсь «вецъ» можно считать измѣненнымъ «вѣкъ».

Означенныя фамиліи, думаемъ, образовались подобно нѣмецкимъ, оканчивающимся на «man», «son», какъ-то: Фридманъ, Германъ, Фогельсонъ, Петерсонъ, Вольфсонъ и др.

Подобно тому, какъ «Петерсонъ» и «Михельсонъ» сначала означают сыновей Петра и Михеля а потомъ—всѣхъ ихъ потомковъ, такъ точно и западно-русскія фамиліи: Стефановичъ, Ярмоловичъ и др означаютъ сыновей, а потомъ всѣхъ ихъ потомковъ. Такимъ образомъ названія отчествъ обращаются въ фамиліи.

Реченіе «вец» послужило суффиксомъ для образованія нѣкоторыхъ им. существительныхъ, показывающихъ происхожденіе отъ нѣкоторыхъ мѣстностей, а также обозначающихъ характеристику лицъ, напр.: Орловецъ—Орловцы, Владимировцы, подлиповцы, а также—мерзавецъ и подхолимовцы, торговецъ и т. п.

Упомянутыя реченія: «вик», «вич», «вецъ замѣчательны въ томъ отношеніи, что, послѣ выпаденія буквы «в», они обращаются въ суффиксы: «икъ», «ичъ», «ецъ». Преобразованіе и выпаденіе буквы «в» можетъ наблюдаться въ великорусскихъ названіяхъ отчествъ, какъ-то: Степанычъ, Иванычъ, вмѣсто—Степановичъ, Ивановичъ; Исаичъ, Ильичъ, вмѣсто Исаевичъ, Ильевичъ; Ѳомичъ, вмѣсто Ѳомовичъ.

Суффиксъ ичъ» означаетъ, между прочимъ, происхожденіе человѣка изъ извѣстной мѣстности, напр.: Москвичъ, Ярославичъ, подобно тому, какъ фамиліи, на «вичъ», означаютъ происхожденіе человѣка отъ извѣстнаго родоначальника

Суффиксъ «ецъ» указываетъ на извѣстный родъ

занятій человѣка, какъ, напр: купецъ, кузнецъ, а также на особенныя качества человѣка, напр: удалецъ, молодецъ, сорванецъ, проходимецъ и на происхожденіе, напр., курляндецъ, германецъ, норвежецъ. Ясно, что «ецъ» употребляется здѣсь вмѣсто «вецъ», а послѣднее — вмѣсто человѣкъ.

Суффиксъ «икъ» употребляется какъ для обозначенія нѣкоторыхъ фамилій, напр., Новикъ, Захарикъ, такъ и для названія извѣстнаго рода людей, напр., старикъ, мужикъ, комикъ, трагикъ, а также для обозначенія именъ уменьшительныхъ, напр., столикъ, шкафикъ и др.

Отъ «икъ» образуется суффиксъ женскаго рода «ица», напр., царица, дѣвица, молодица и др.

Суффиксъ — «икъ» съ прибавленіемъ буквы «н» обращается въ суффиксъ «никъ», означающій лицъ, «занимающихся опредѣленнымъ промысломъ, какъ то — огородникъ, садовникъ, сапожникъ, мельникъ, а также лицъ, занимающихъ извѣстное положеніе или пользующихся какимъ-нибудь званіемъ, какъ то: чиновникъ, сановникъ, священникъ, полковникъ, помощникъ, исправникъ, стражникъ, дворникъ и проч.

Буква «н», входящая въ составъ суффикса «никъ», указываетъ собственно на состояніе, званіе или занятіе какого-либо человѣка, обозначаемаго реченіемъ — «икъ». Слѣдовательно, словами — садовникъ, огородникъ выражается понятіе о человѣкѣ, занимающимся обработкой сада, огорода.

Одинъ суффиксъ «икъ» былъ бы недостаточенъ для выраженія этого понятія, потому что словами: «садикъ», «огородикъ», мы обозначаемъ садъ и огородъ небольшихъ размѣровъ.

Такъ какъ суффиксъ «никъ» употребляется для обозначенія опредѣленнаго званія или состоянія людей

(лицъ), то, по всей вѣроятности, буква «н» есть коренная личнаго мѣстоимѣнія третьяго лица — «онъ», которое вообще играетъ немаловажную роль въ словообразованіи.

Хотя могутъ возразить, что вышеозначенныя слова можно производить отъ им. прилагательныхъ, оканчивающихся на «ный», прибавленіемъ суффикса «икъ», напр.: огородный—огородникъ, священный—священникъ, но эти соображенія нельзя приложить ко всѣмъ словамъ, напр., садовникъ, узникъ, мельникъ и др., въ которыхъ ясно обнаруживается существованіе суффикса «никъ».

Такое же замѣчаніе можно сдѣлать и относительно вышеупомянутыхъ словъ, имѣющихъ суффиксъ «викъ», напр.,— «трудовикъ» и «ломовикъ» можно производить отъ соотвѣтственныхъ прилагательныхъ, а для слова «лѣсовикъ» соотвѣтственныхъ прилагательныхъ не находится.

Вслѣдствіе перехода въ западно-русскихъ говорахъ буквы «в» въ «у», суффиксъ «викъ» переходитъ въ «укъ» и «юкъ», при посредствѣ которыхъ образовались западно-русскія фамиліи съ этими окончаніями, напр.: Степукъ, Бадюкъ, Маслюкъ, Иванюкъ и др.

Съ переходомъ «в» въ «у» суффиксъ «викъ» обращается въ «уикъ», который смягчается въ «юкъ»; напр., Рубанюкъ.

Эти суффиксы могутъ служить также и для указанія происхожденія изъ извѣстной мѣстности, напр.: Минчукъ, Пинчукъ, Полѣшукъ,

«Укъ» переходитъ въ «чукъ» какъ для образованія фамилій, напр., Савчукъ, Семенчукъ, такъ и для образованія уменьшительныхъ, напр., барчукъ, поварчукъ

Отъ «укъ», съ переходомъ «к» въ «х» образуется суффиксъ «ух», напр., пѣтухъ, а отсюда образуется женскаго рода—«уха», напр., стряпуха, а отъ суффикса «юкъ», образуется—«юхъ», напр, конюхъ.

Такъ какъ звуки «у» и «ю» въ польскомъ языкѣ произносятся, какъ «ом» и «ен», то суффиксы: «ук» и «юк» могутъ переходить въ «енокъ». Отсюда образуются западно-русскія фамиліи, напр., Глушонокъ, Нѣмчонокъ, Сильчонокъ, Бороденокъ, а также суффиксъ «енокъ» служитъ для названія животныхъ, какъ-то: ягненокъ, цыпленокъ, волченокъ, медвѣжонокъ.

Суффиксъ «енокъ» посредствомъ простой перестановки буквы «о» переходитъ въ суффиксъ «енко», служащій для названій обширной группы малороссійскихъ фамилій съ этимъ окончаніемъ; напр., Дорошенко, Лукашенко, Петриченко, Бондаренко.

Отсюда же образуется ласкательный суффиксъ «енька», какъ-то: маменька, папенька, дяденька, душенька и друг.

Для названія уменьшительныхъ именъ употребляется суффиксъ «чикъ», который можно разсматривать, какъ сокращеніе слова «чоловикъ», напр., мальчикъ, пальчикъ, стульчикъ, колокольчикъ. Суффиксъ «чикъ», такъ относится къ суффиксу «икъ», какъ «чукъ» относится къ суффиксу «укъ».

Подобно этому образовались нѣкоторыя западнорусскія фамиліи, напр. Адамчикъ, Авраамчикъ, Мулярчикъ, Силиванчикъ. Съ прибавленіемъ звука «с» образуется суффиксъ «щикъ», означающій родъ занятій, какъ напр.. стекольщикъ, обойщикъ, часовщикъ, гробовщикъ и т. п.

Отъ реченія «вѣк», съ переходомъ «ѣ» въ «я» образовался суффиксъ «як», который употребляется какъ

для названій фамилій, такъ и названій происхожденія и состоянія лицъ, напр., познякъ, морякъ, чернякъ, вишнякъ, тулякъ, холостякъ, полякъ, мерзлякъ и т. п.

Отъ реченія «вѣкъ» можно производить суффиксы «ек» и «ок», но на нихъ не будемъ останавливаться, хотя они также употребляются для названія уменьшительныхъ именъ, напр.: другъ (дружокъ), кругъ (кружокъ), горохъ (горошекъ), орѣхъ (орѣшекъ) и т. п.

Хотя при разсмотрѣніи вышеозначенныхъ суффиксовъ можетъ явиться возраженіе, что, въ то время, когда составилось слово «человѣкъ», въ русскомъ языкѣ уже существовалъ большой запасъ словъ, а слѣдовательно, могли существовать уже и суффиксы для ихъ образованія. Конечно, въ тотъ періодъ русской рѣчи, когда составилось слово человѣкъ, русская рѣчь могла обогатиться разными категоріями словъ, касающихся какъ названія предметовъ неодушевленныхъ, такъ и разнаго рода животныхъ и ихъ образа жизни.

Что же касается словъ, относящихся къ образу жизни человѣка, его происхожденія, а также занятій, то таковыя могли образоваться въ то время, когда окончательно сформировалось слово человѣкъ.

Эти то соображенія и служатъ намъ опорою для вышеизложенной теоріи происхожденія суффиксовъ, представляющихъ собой измѣненія и упрощенія «вѣкъ» и «викъ».

Другимъ мотивомъ, утверждающимъ насъ въ правильности этого взгляда, можетъ служить соображеніе, что русскій народъ въ своей творческой работѣ по созданію языка пользовался готовыми реченіями, которыя, по мѣрѣ необходимости, видоизмѣнялъ, упрощалъ и приспособлялъ для новыхъ понятій, развивавшихся вмѣстѣ съ дальнѣйшимъ совершенствованіемъ культуры.

Общепризнаннымъ считается происхожденіе суффикса именъ существительныхъ, означающихъ званіе, а также извѣстнаго рода національность существительныхъ, оканчивающихся на «ин», «янин», отъ мѣстоименнаго реченія «ин», которое разсматривается, какъ измѣненное— «одинъ».

Сюда относятся слѣдующія существительныя: бояринъ, баринъ, дворянинъ, гражданинъ, англичанинъ, датчанинъ и т. п.

Мѣстоимѣнія играютъ, вообще, весьма важную роль въ образованіи глагольныхъ формъ. Это отчасти и понятно, что языкъ могъ сформироваться въ то время, когда народъ достигъ извѣстной степени умственнаго развитія, которое ясно выражается сознаніемъ своего мыслящаго «я» и противоположеніемъ другимъ мыслящимъ существамъ, т. е. лицамъ.

Спряженіе глаголовъ собственно характеризуется измѣненіемъ ихъ по лицамъ. Во всѣхъ европейскихъ языкахъ-славянскомъ, греческомъ, латинскомъ въ окончаніи перваго лица глаголовъ множественнаго числа ясно видно присутствіе личнаго мѣстоимѣнія перваго лица, множественнаго числа—мы (по латински—«nus»). Во второмъ лицѣ единственнаго числа глаголовъ чувствуемъ присутствіе мѣстоимѣнія втораго лица—ты (по гречески (σv). Въ особенности это рѣзко замѣчается въ бѣлорусскомъ говорѣ, напр: «дамъ», «даси».

Въ третьемъ лицѣ глаголовъ единственнаго числа чувствуется присутствіе реченія: «ет», измѣненнаго этотъ.

Думаемъ, что мѣстоимѣнія относительныя и указательныя должны играть видную роль въ образованіи именъ прилагательныхъ. Уже одинъ тотъ фактъ, что относительныя мѣстоимѣнія суть тѣ же вопросительныя,

наводитъ на мысль, что въ процессѣ образованія языка дѣйствуетъ тотъ же законъ, который наблюдается въ механикѣ, по которому работа силы производится по линіи наименьшаго сопротивленія. Въ этомъ наблюдается экономія творческаго труда, въ силу котораго русскій народъ, при созданіи суффиксовъ именъ прилагательныхъ, могъ воспользоваться уже изобрѣтенными имъ мѣстоименными реченіями.

Такимъ образомъ мѣстоимѣніе «кій» *) послужило для образованія именъ прилагательныхъ качественныхъ, какъ то: громкій, гладкій, узкій, сладкій, горькій, ломкій и т. д.

Съ прибавленіемъ реченія «ень», изъ кій образовался суффиксъ уменьшительныхъ и ласкательныхъ прилагательныхъ, какъ-то: миленькій, маленькій, добренькій, слабенькій, бѣленькій и др.

Съ прибавленіемъ буквы «с», получается суффиксъ именъ относительныхъ прилагательныхъ, какъ то: божескій, человѣческій и др., а также западно-русскихъ фамилій—Романовскій, Ивановскій и проч.

Мѣстоимѣніе иной (иный) могло послужить суффиксомъ для именъ прилагательныхъ относительныхъ съ этимъ и подобными окончаніями, какъ-то: гостиный, голубиный, ослиный.

Съ выпаденіемъ гласной, могъ образоваться суффиксъ «ный», играющій видную роль въ образованіи разнаго рода прилагательныхъ, напр., статный, видный, сильный, грозный, мѣдный, желѣзный.

Усѣченная форма мѣстоимѣнія иной—«ин» упот-

---

*) Отъ этого мѣстоим. образовались также—какой, такой, сякой, этакій, бѣлорусское—«якій» и въ краткой формѣ мѣстоимѣнія—таковъ, каковъ и др.

ребляется для образованія именъ прилагательныхъ притяжательныхъ, напр., сестринъ, мужнинъ, женинъ ...

Старославянское мѣстоимѣніе «овый» могло послужить саффиксомъ для образованія именъ прилагательныхъ, какъ качественныхъ, такъ и относительныхъ, напр., здоровый, суровый, дворовый, свинцовый и т. п.

Съ переходомъ гласной «о» въ «и» могъ образоваться суффиксъ именъ прилагательныхъ качественныхъ, напр , красивый, лѣнивый, плѣшивый и др.

Усѣченная форма мѣстоимѣнія овый—овъ—послужила для образованія именъ прилагательныхъ притяжательныхъ, напр., отцевъ, дѣдовъ и др.

Этотъ же суффиксъ послужилъ и для образованія велико-россійскихъ фамилій, напр., Кольцовъ, Петровъ, Ивановъ, Смирновъ и др.

Существуетъ предположеніе, что форма именъ прилагательныхъ притяжательныхъ, оканчивающихся на овъ, могла образоваться изъ дательнаго падежа единственнаго числа, оканчивающагося, какъ въ славянскомъ языкѣ, такъ и въ западно-русскомъ говорѣ на «ови», напр., Петрови, Иванови и т. п.

Это мнѣніе весьма правдоподобно, но оно не можетъ служить къ опроверженію вышесказанныхъ соображеній, а только можетъ доказывать, что формы именъ прилагательныхъ могутъ совпадать съ формами именъ существительныхъ, сохраняя при этомъ сходственное значеніе.

Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія сходство означенныхъ именъ прилагательныхъ притяжательныхъ съ родительнымъ падежомъ множественнаго числа именъ существительныхъ мужескаго рода, напр.. дѣдовъ, отцовъ и др.

Старинное мѣстоимѣніе, сохранившееся въ запад

но-русскихъ говорахъ, чій (чей) послужило суффиксомъ для образованія прилагательныхъ съ этимъ окончаніемъ, напр., могучій, сыпучій, пахучій, горючій и др.

Съ переходомъ ч въ щ и ш образовались причастныя формы настоящаго и прошедшаго времени дѣйствительнаго залога.

Причастіе глаголовъ настоящаго времени, оканчивающееся на «щій», можно производить отъ третьяго лица множественнаго числа посредствомъ прибавленія «чій» и перехода «т» въ «с», причемъ буквы «сч» обращаются въ щ.

Форма причастія прошедшаго времени дѣйствительнаго залога, оканчивающаяся на шій, могла также образоваться въ зависимости отъ мѣстоимѣнія чій въ виду того, что ч въ произношеніи смѣшивается съ ш, напр., прачечная (прачешная), что (што).

Западно-русское мѣстоимѣніе «тый» (той) послужило формою для образованія причастія прошедшаго времени страдательнаго залога, а также и производныхъ именъ прилагательныхъ, напр., битый, испитый, развитой. Отсюда же образуются суффиксы «атый» и «истый», напр., горбатый, богатый, рѣчистый, вѣтвистый, голосистый и т. п.

Причастная форма страдательнаго залога настоящаго времени, оканчивающаяся на «мый», могла образоваться отъ глагола перваго лица множественнаго числа настоящаго времени дѣйствительнаго залога, въ окончаніи коего заключается суффиксъ личнаго мѣстоимѣнія перваго лица, напр., любимый, хвалимый, а отсюда образуются и имена прилагательныя съ этимъ окончаніемъ, напр., лакомый, знакомый.

Мѣстоимѣніе личное третьяго лица «онъ» послужило суффиксомъ для многихъ именъ людей съ этимъ

окончаніемъ, какъ-то: Симеонъ, Агафонъ, Галактіонъ, а также для извѣстнаго рода занятій, напр., почталіонъ и др.

«Онъ» могло измѣниться въ «унъ» и послужить суффиксомъ для именъ существительныхъ, означающихъ характерныя черты извѣстныхъ людей, какъ-то: шалунъ, крикунъ. лгунъ и др

Женскій родъ мѣстоимѣнія личнаго третьяго лица съ малороссійскимъ произношеніемъ «вона» (она) могъ послужить для образованія именъ существительныхъ, означающихъ происхожденіе лицъ женскаго пола, какъ-то: царевна, королевна, поповна и др., а также и для обозначенія отчествъ лицъ женскаго пола, какъ то: Ивановна, Стефановна, Васильевна, Григорьевна.

Въ виду того, что нѣкоторыя слова, по преимуществу иностраннаго происхожденія, имѣютъ латинскія окончанія на «or», какъ-то: лекторъ, авторъ, ораторъ и на «усъ», какъ то: радіусъ, сиріусъ, архиваріусъ и др., можно полагать, что латинское личное мѣстоимѣніе третьяго лица ille—онъ, въ французскомъ произношеніи il, послужило суффиксомъ для именъ существительныхъ, оканчивающихся на «иль» и ель, какъ то: стиль, фитиль, шмель, хмель, стебель, карусель и др.

Весьма обширное значеніе, между прочимъ, имѣетъ суффиксъ «тель», означающій разнаго рода дѣйствующихъ лицъ, какъ-то: дѣятель, писатель, сочинитель, житель, любитель и др.

Этотъ же суффиксъ служитъ для названія извѣстнаго рода чиселъ, имѣющихъ опредѣленное назначеніе при дѣйствіяхъ умноженія, дѣленія, а также въ названіяхъ членовъ дробныхъ чиселъ, какъ-то: множитель, дѣлитель, числитель, знаменатель и производитель

Означеннымъ числовымъ членамъ предписывается

какъ-будто-бы роль дѣйствующихъ лицъ, почему они склоняются, какъ имена предметовъ одушевленныхъ.

Суффиксъ «тель» могъ образоваться отъ неопредѣленнаго наклоненія глагола—«яти», или «дѣяти» съ прибавленіемъ окончанія «ель» и значитъ собственно «дѣятель».

Можно сказать, что всѣ имена существительныя, съ окончаніемъ «тель», образуются отъ неопредѣленнаго наклоненія соотвѣтственныхъ глаголовъ съ прибавленіемъ окончанія «ель», и отъ всякаго почти глагола можно произвести соотвѣтственное существительное: въ коемъ «тель» будетъ обозначать дѣйствующее лицо (дѣятель), а первая часть слова будетъ служить наименованіемъ самого дѣйствія, напримѣръ: читать—читатель, т. е. читающее лицо, писать—писатель, пишущее лицо, мечтать—мечтатель, любить—любитель и т. д.

Заслуживаетъ также вниманія суффиксъ «ист», служащій для обозначенія лицъ, исповѣдывающихъ извѣстный образъ мыслей или принадлежащихъ къ извѣстному общественному направленію, такъ: соціалистъ анархистъ, фаталистъ, оптимистъ, юристъ, спеціалистъ, формалистъ и т. п.

Самое же направленіе, которому причастны эти лица, выражается суффиксомъ «изм», какъ-то: соціализмъ, формализмъ, позитивизмъ и др.

Перечисленные примѣры указываютъ на иностранное происхожденіе разсматриваемыхъ словъ въ виду того, что общественныя и умственныя движенія, выражаемыя этими словами, имѣютъ обще-европейскій характеръ. Поэтому и самый суффиксъ «ист» мы склонны считать произведеннымъ отъ вспомогательнаго глагола третьяго лица, единственнаго числа, настоящаго времени латинскаго или нѣмецкаго происхожденія, хотя нѣкоторыя слова, напр., истина, истинный, неисто-

вый, даютъ поводъ предполагать что означенный суффиксъ «ист» не чуждъ и русскому языку.

Что же касается суффикса «ость» въ именахъ существительныхъ, означающихъ душевное состояніе и качество человѣка, то таковой, думаемъ, есть ничто иное, какъ измѣненный вспомогательный глаголъ третьяго лица, единственнаго числа, настоящаго времени (есть), напр.: благо—есть—(благость), мило—есть (милость), твердо—есть (твердость), весело—есть (веселость).

Близко къ суффиксу «ость» стоитъ по своему значенію, по всей вѣроятности, и суффиксъ «ство», означающій свойство и качество предметовъ, какъ-то: естество, единство, равенство, рабство, господство, блаженство, священство и др.

Отъ вспомогательнаго глагола третьяго лица, множественнаго числа настоящаго времени образуется безъ всякаго измѣненія существительное «суть», которое употребляется, впрочемъ, только въ нѣкоторыхъ падежахъ, что видно изъ выраженія: «доискиваться до настоящей сути».

Слово «благодать» образовалось непосредственно отъ неопредѣленнаго наклоненія соотвѣтственнаго глагола. Такъ какъ неопредѣленное наклоненіе глаголовъ означаетъ названіе дѣйствія или состоянія, то естественно, что и отглагольныя существительныя, которыя также означаютъ дѣйствіе или состояніе, должны близко стоять другъ къ другу и по своей формѣ. Вслѣдствіе чего многія отглагольныя существительныя образуются отъ неопредѣленнаго наклоненія глаголовъ простымъ прибавленіемъ окончанія средняго рода —«е», съ переходомъ мягкаго знака въ «і», напр.: быть—бытіе, жить—житіе, понять—понятіе, прикрыть—прикрытіе, открыть—открытіе и др.

Но въ большинствѣ случаевъ отглагольныя существительныя оканчиваются на «ніе», которое или непосредственно прилагается къ основѣ глагола послѣ отбрасыванія «ть», или сопровождается небольшимъ измѣненіемъ нѣкоторыхъ буквъ, напр.: имѣть—имѣніе, внимать—вниманіе, стоять—стояніе, опьянѣть—опьянѣніе, умножать—умноженіе, ходить—хожденіе и т. д.

Такимъ образомъ существуетъ два суффикса для образованія глагольныхъ существительныхъ: «тіе» и «ніе», которые невольно напоминаютъ двойственность формъ для образованія причастій страдательнаго залога, оканчивающихся на «тый» и «нный».

Такой параллелизмъ наводитъ насъ на мысль, что въ образованіи суффиксовъ отглагольныхъ существительныхъ могли принимать участіе тѣ мѣстоименныя реченія, которыя послужили формою для образованія причастій страдательнаго залога.

Самый суффиксъ «ніе» образовался по примѣру «тіе» съ замѣною т—н, которая является является характерною буквою для мѣстоимѣнія «иной» «иный».

Такое соотвѣтсвіе между причастными залогами и отглагольными именами существительными наблюдается не только по формѣ, но и частью по ихъ значенію.

Отглагольныя существительныя, произведенныя отъ глаголовъ несовершеннаго вида, выражаютъ названіе, а отчасти и процессъ дѣйствія, какъ-то: дѣланіе, писаніе, вниманіе, страданіе, глумленіе, стремленіе, а существительныя, цроизведенныя отъ глаголовъ совершеннаго вида, выражаютъ то состояніе, въ которое приходитъ предметъ, подвергнутый извѣстному дѣйствію, или указываютъ признакъ, развившійся подъ вліяніемъ этого дѣйствія.

Такой же смыслъ отчасти имѣютъ и причастія

страдательнаго залога, выражающія какъ состояніе, такъ и признаки, произведенныя какимъ—нибудь дѣйствіемъ; напр.. исписанный, избитый, испитый, использованный, загнанный, заморенный, убитый и т. п.

Послѣ такого сравненія отглагольныхъ существительныхъ и причастныхъ формъ страдательнаго залога, мы убѣждаемся въ ихъ значительной близости между собою, не упуская изъ виду того различія, которое характеризуется чисто грамматическими формами, отличающими имена прилагательныя отъ существительныхъ.

Изложенная теорія есть попытка подойти къ разрѣшенію одного изъ весьма интересныхъ, но трудныхъ вопросовъ образованія словъ русскаго языка.

Въ основаніи изложенныхъ соображеній лежитъ предположеніе, что русскій языкъ, отличающійся мѣткостью и изобразительностью, долженъ былъ развиться изъ нѣсколькихъ словъ съ конкретнымъ содержаніемъ и что суффиксами именъ существительныхъ послужили нѣкоторыя простѣйшія имена существительныя, а суффиксами им. прилагательныхъ—нѣкоторыя мѣстоименныя реченія.

При изложеніи этихъ соображеній, мы руководствовались сближеніемъ западно-русскихъ словъ съ великорусскими. Западный край, обильный разнообразными нарѣчіями, которыя представляютъ послѣдовательныя ступени въ развитіи обще-русскаго языка и которыя, подъ защитою окружающихъ болотъ и лѣсовъ, сохранились въ первобытной чистотѣ, представляетъ обширное поприще для разнообразныхъ филологическихъ изысканій. Здѣсь таится ключъ къ рѣшенію самыхъ важныхъ вопросовъ, касающихся образованія словъ русскаго языка.

Яковъ Тарановскій.

Нижнедѣвицкая „частушка“.

Приводимыя здѣсь „частушки“ записаны въ трехъ пунктахъ Нижнедѣвицкаго уѣзда Ворон. губ.: въ сс. Истобномъ (№№ 1—91), Березовѣ (№№ 92—105) и Солдатскомъ на Котлѣ (№№ 106—120)—лѣтомъ 1908 года.

Въ первомъ изъ этихъ селъ (юго-востокъ уѣзда) живутъ „щекуны́“ („що“ вм. что), во второмъ (центръ западной половины уѣзда)—„цуканы́“ (когда то „цокали“: произносили „цо“ вм. что) и въ послѣднемъ (юго-западъ)—„га́лманы“ („га́лманъ“,—множ. презрит.: „галманьѐ“,—въ мѣстномъ просторѣчіи употребляется въ значеніи—грубый, неотесаный, шумливый) или „закатѐльшина“ (—за рѣкой Котломъ).

Истобенскіе „щекуны“ стали употреблять частушку только въ самое послѣднее время: здѣсь частушка входить въ общее употребленіе стала съ весны 1908 г. До этого времени въ Истобномъ употреблялись №№ 1—8; ихъ пѣли речитативомъ на разные мотивы, а чаще просто „читали“.

Проникаетъ частушка въ Истобное разными путями: „щеку́хи“ (поютъ главн. обр. молодыя „бабы“ и „дѣвки“) заносятъ ее съ „линіи“—обл. войска Донск. и Кубан.—куда ходятъ на заработки, или перенимаютъ частушку отъ рабочихъ (изъ Ельца Орл. г.), ремонтировавшихъ въ 1908 г. въ Истобномъ церковь и т. п.

У Березовскихъ „цукановъ“ и Солдатскихъ „галмановъ„ частушка появилась 4—5 лѣтъ назадъ.

Въ Солдатское на Котелъ частушка заносится здѣшними дѣвушками изъ помѣщичьихъ экономій, гдѣ онѣ работаютъ, изъ прихода Щегловка (или Шидловка), состоя-

щаго изъ деревень разныхъ уѣздовъ Ворон. и Курск. губ. и изъ этой послѣдней губерніи (вмѣстѣ съ частушками отсюда же заимствуетъ „закатёльшина“ и протяжныя пѣсни).

Слѣды заимствованія слишкомъ ясны: въ частушкѣ упоминается, напр., „сарахванъ“ (№ 91), котораго въ Истобномъ не носятъ, разныя цвѣтныя юбки №№ 10—14; 64—68), — „щекухи“ носятъ гл. обр. красныя юбки или черныя „панёвы“. Въ Солдатскомъ на Котлѣ въ одной частушкѣ встрѣчается слово „як“ вм. какъ (№ 105)—эту частушку сюда занесли отъ „хохловъ“, какъ мнѣ пояснили пѣсенницы. Сюда же относится слово „каханачька“ въ Истобенской част. № 28.

На заимствованіе со стороны указываютъ также частушки, въ которыхъ рисуется отношеніе „ребятъ“ къ браку. Здѣсь отъ имени послѣднихъ говорится:

„На што мнѣ жанитца,
На што мнѣ жана?“
„Я не жанилси—был казаком,
Теперя жанилси—стал дураком“. (№№ 108, 107),

а между тѣмъ въ Нижнедѣвицкой деревнѣ не встрѣтишь холостыхъ „мужиковъ“,—къ нимъ народъ до сего времени питалъ презрѣніе, присвоивъ имъ кличку „забулдыги“.

Поется частушка или на мотивъ „Бѣдной“ или по образцу обычныхъ „страданій“.

Сообразно съ этимъ различается и припѣвъ. Для частушекъ первой категоріи—припѣвъ:

„Бѣ́дная, бѣ́дная, бѣ́дная я́,
Го́рькяя, нещáсная до́ля мая́“.
(Солдатское на Котлѣ)

или „Бѣ́дная, бѣ́дная, бѣ́дная я́,
Го́рькея, нещáсная у́честь и до́ля мая́“.
(Истобное).

а также:

„Тирара́й, тирара́й, тирара́-ра́-ра́й“.
(Тамъ же).

Для второго вида припѣвъ:

„Ох, лю́да, людада́, лю́да-ай-ли́да, алида́да“—
дважды.
(Истобное; припѣваютъ здѣсь и такъ:
„Ли́да, ли́да, лидада́, ли́да, а-лида́да“),
или: „Чуда́ра, чуда́ра, гоп-тира́, тирара́“—дважды.
(Солдатское на К.).

По этимъ припѣвамъ въ Истобномъ различаютъ частушки: „Бѣдная“ (А ну, сыграй-кя „Бѣдную“). „Людада́“ („Машка, завади-кась „Людада“: ты, чей, горазда“) и просто „ча́стаи“.

Поются частушки и безъ всякихъ припѣвовъ (№№ 10—28).

Когда затѣваются подъ частушки пляски, женщины въ Истобномъ приглашаютъ молодыхъ крестьянъ, которые аккампонируютъ имъ на камышевыхъ „жалѣйкяхъ“ (или „пишшака́хъ“).

Въ Истобномъ поютъ, какъ сказано, главнымъ образомъ женщины, но, случается, поютъ частушки и смѣшаннымъ хоромъ.

Поющіе разбиваются на двѣ группы: „висо́кихъ“ и „то́лстыхъ“ голосовъ, при чемъ каждая ведетъ свою партію, по временамъ другъ къ другу „падлаживаясь“ и кончая „на падгало́ски“ (рѣзко выкрикиваютъ конецъ послѣдней ноты, что особенно нравится).

Легкая, игривая частушка сразу же завоевала общія симпатіи: даже „старики“, по новизнѣ, весьма охотно ее слушаютъ, тѣмъ более, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ она съ успѣхомъ замѣняетъ прежнюю тяжелую пѣсню

Истобенскіе крестьяне, „зашибающіе денешки“ тайною продажею „вина“ (водки),—распивочно и на выносъ,—если соберется большая пьющая компанія, приглашаютъ иногда „бабъ“, „дѣвокъ“ и „ребятъ“ и тѣ увеселяютъ кутилъ пѣніемъ частушекъ и игрою на „пишшакахъ“, за что послѣдніе „угашша́ютъ“ ихъ водкою.

Въ такихъ и подобныхъ случаяхъ—лучшая почва для самостоятельнаго творчества: перепѣвъ все, что знали, молодежь варьируетъ на всѣ лады старые куплеты и „приплетаетъ“ новые—собственнаго сочиненія. Понравившись, послѣдніе входятъ въ употребленіе.

Занесенныя со стороны и сочиненныя на мѣстѣ, короткія частушки—двустишія и четверостишія—складываются иногда въ болѣе „долгую“ пѣсню (№№ 27, 28, 41 и 120), при чемъ это „складываніе“ отдѣльныхъ частушекъ, по новизнѣ не всегда удачно,—являясь чисто внѣшнимъ соединеніемъ, лишеннымъ порою всякаго смысла (№ 28).

Съ внѣшней стороны Нижнедѣвицкая частушка представляетъ въ большинствѣ случаевъ четверостишіе; съ нимъ чередуется двустишіе; и только въ видѣ исключенія попадается частушка изъ 3 строфъ (49—50): недостающую строфу здѣсь замѣняетъ припѣвъ; такимъ же исключеніемъ являются попытки указаннаго „складыванія“.

Склонность народной поэзіи къ сравненіямъ и параллелизмамъ въ частушкѣ проявляется очень сильно (22—23, 73, 87, 93, 98 и др.).

Понятно само собою, что не смотря на слѣды заимствованія („як“ въ част. 115), частушка даетъ хорошій матеріалъ для изученія особенностей мѣстныхъ говоровъ: сравненіе частушекъ подъ №№ 6 (отриц. „ня“) и 92 („ни“), 27 („яго“) и 94 („ево“), 56 („що“) и 103 („што“) даетъ

намъ понятіе о главныхъ различіяхъ „щекунскаго“ и „цуканскаго“ говоровъ въ Нижнедѣв. уѣздѣ.

Какъ ни скуденъ имѣющійся въ нашемъ распоряженіи матеріалъ (о причинахъ этой скудости см., напр., кореспю изъ С.-П-бурга „Сказочники“ въ „Русск. Сл.“ отъ 4 янв. с. г.), онъ представляетъ нѣсколько интересныхъ данныхъ для изслѣдователя народнаго быта.

Правда, многія изъ приводимыхъ ниже частушекъ „сложены“, повидимому, просто для краснаго словца—любителями рифмованной рѣчи—и не имѣютъ помимо этого другого смысла (ср. №№ 10—14, 20—26, 32—33 и др.),—большая же часть ихъ такъ или иначе касается разныхъ сторонъ народной жизни.

На первомъ планѣ, конечно,—„любóфь“.

„Ох, милай, милай,
На щó ш серца вынул?“ (33)

спрашиваетъ милая, „страдая“ (103) отъ любви.

Любовь не шутка: ее не „выкинишь за акошка“ (120), какъ бы иногда хотѣлось; она сушитъ сердце (80) и доставляетъ влюбленнымъ большія страданья (93, 113).

Однако радости любви сильнѣе ея страданій и милая задаетъ себѣ вопросъ—почему бы и не любить, если это дѣлаетъ человѣка такимъ счастливымъ (87)? Одинъ поцѣлуй милаго чего стоитъ (64, 67)?

„Мене милай цалавал—
Слипалися гупки“.

Характеристикѣ „милой“ и „мйлага“ и отношеній между ними посвященъ цѣлый рядъ частушекъ.

„Милай, харошенькей
Слажа каши малошненькей“ (45).

„Буду милага любить да самага гроба“ (79), хотя бы и внѣ брака (106). Вдали отъ милаго — тоска (47) и милая ищетъ къ нему дорогу (48), а когда онъ близко—бродитъ, съ цѣлью взглянуть на него (55).

А встрѣтилась и—„замодничѣла“ (76).

Сердце вынетъ милый, надаетъ клятвъ, а потомъ и броситъ (103); милой остается только утѣшаться тѣмъ, что она еще молода—есть надежда, что кто-нибудь ее полюбитъ (104).

Милому нравится „сусѣдушка“ съ русой косой ниже пояса (35); на милую также охота посмотрѣть милому „хоть нямношка“ (39); охота показаться ей въ приличномъ видѣ (96), а не „абы какъ“, такъ какъ милая далеко не равнодушна къ богатству (81—82). Для милой ничего не жаль, лишь бы ей угодить (102); милый всегда выручитъ „милку“ изъ бѣды (92).

Милка тоже измѣняетъ своему милому (93); для нея лучше всѣхъ послѣдній возлюбленный (41, 118).

Однако, хороша милая, но хороша, пока еще молода (105).

Если, какъ указано выше, для „забулдыги“—мужчины бракъ не привлекателенъ, то дѣвушка къ нему стремится (53—54).

Впрочемъ, она скоро разочаровывается въ мужѣ и, испытавъ на своей спинѣ и бокахъ его „любовь“, направляетъ по его адресу далеко не лестныя пожеланія (42—43):

„Хоть бы Бох дал утоп,
Паставила п свѣчькю“.

Нѣсколько частушекъ посвящены отношеніямъ матери къ своимъ дочерямъ (15—19, 69—70), гдѣ рисуется система крестьянскаго воспитанія:

„Била мене мать пад лавкою
Пинкомъ, кулакомъ ишшо палкаю“ (19).

Мать въ частушкѣ № 62 какъ бы оправдываетъ себя и говоритъ о дочери—„разорительницѣ“.

Женская доля хорошо характеризуется самымъ припѣвомъ:

„Горькея, нещасная учесть и доля мая“.

Частушка оказывается весьма пригодной для выраженія присущаго русскому крестьянину юмора; весьма часты частушки съ комическимъ содержаніемъ (1—5, 7, 65—66 и др.).

Частушка подсмѣивается надъ некрасивыми дѣвушками, прибѣгающими къ косметикамъ (65—66), надъ бѣдными невѣстами—„кусо́шницами“ (99), надъ нерастаропнымъ парнемъ (71), застѣнчивымъ увальнемъ, не знающимъ, какъ вести ему себя съ милкой (72), надъ бѣдностью и разореньемъ черезъ пропойцу-хозяина (9, 49, 73):

„Шапку на бак, вы кабак—
Дома разаренья“.

„Дѣфки“ и „ребята“ взаимно вышучиваютъ другъ друга и высмѣиваютъ разные недостатки (56—59, 71, 83—86).

Частушка много останавливается на подборѣ шутливыхъ рифмъ къ разнымъ мужскимъ именамъ (10—12, 83—91).

Выше было замѣчено, что частушку поютъ преимущественно женщины: онѣ же являются, конечно, ея безвѣстными составительницами.

Да и вообще въ Нижнедѣвицкой деревнѣ поютъ больше женщины, чѣмъ мужчины.

Въ Истобномъ мужчину—пѣвца можно услышать очень рѣдко,—больше ночью, когда онъ „налижитца казѐнки“,

языкъ его развяжется и „душа йшша прастóру“: тогда онъ горланитъ, бродя по селу. Вообще жо „щекунъ“ хмуръ и не любитъ пѣть.

Ѳедоръ Поликарповъ.

Воронежъ.
12 янв. 1909 г.

Истобное (Стебёнки).

I.

Прежнія частушки („Прибаутки“).

1. Устюшкина мать
Усхадилась памирать
Стали доски тясать—
Ана вскочить, ды плясать.
Умереть не умярла,
Толькя деньги первела.
2. Ох, штош ты мене,
Ды за що ш ты мене?
Наварила вареникав—
Не даешь ты мене?
3. Не магу, ды немагу:
Ступил камарь на нагу́.
4. Тпрунды́ бапка, тпрунды́ дѣт—
Хватили́ся хлѣба нѣт.
5. Госпади памилуй.
Дѣт бапку пакинул.
Саломкаю притрусил,
Штоп камарик не 'кусил.
6. Ой, мамаша, купи чаю,
А ня купишь—асярчаю.
7. Рыжай краснага спрасил:
„Чѣм ты бо́раду краси́л?“
—„Я ни краскай, ни замаскай,—
Я на солнушки ляжал,
Кверху бораду дяржал“.
8. Сам пиша, мулюя—

Аглянитца—пацалуя.
9. Шуба рвана, бес кармана,
Бес падмётак сапаги.

II.

Частушки безъ припѣвовъ („Частаи").

10. Мая юпка с кавылю́шками—
Пайду плясать с Илюшками.
11. Мая юпка с бахмарами—
Пайду плясать с дахтарами,
12. Мая юпка с аборкаю—
Пайду плясать с Ягоркаю.
13. Ох, юпка мая шолкавая—
Патшол нягадяй пашшо́лкавая.
14. Ох, юпка мая с тре́ми ленками—
Пайду плясать с тре́ми дѣфками.
15. Била мене мать пад лавкаю,
Называла мене мать шарманкаю.
16. Била мене мать пат коникам,
Называла мене мать палковникам.
17. Била мене мать пад печькяю,
Называла мене мать худаплечькяю.
18. Била мене мать пад люлькею,
Называла мене мать падлю́чькею.
19. Била мене мать падъ лавкаю,
Пинком, кулаком ишшо́ палкаю.
20. Паг шубаю, пад бѣлаю
Пайду плясать—раздѣлаю.
21. Мамаша, купи мнѣ кукушку
На твятах на махрах,—
Пасоть на макушку.
Ана будя кукавать,

А я буду грахатать.
22. На гароди шавка бреша,
А мой милай кудри чеша
23. На гароди шавка воя,
А мой милай кудри моя.
24. У Растови на вѣтачьки
Растуть жамки—канхветачьки.
25. На вѣтачьки, на калинавай
Висить гаманъ малинавай.
26. Сидѣла у калидо́ря,
Вышивала кисет Дуня.
Сидѣла на прикра́си
Вышивала кисет Васи.
27. Черес сат—винаграт
По́ ваду хадила
Да не дал жа мнѣ Бох
Каго я любила.
Палюбила каваля—
Видна доля мая.
Палюбила Ванюшку
За памады баначькю.
За баначькю заплачу,
Любить яго не хачу.
28. Салавей, зелёная пташка
Раскажи мнѣ, салавей,
Идѣ мой милашка?
„Я на вѣтачьки сижу,
Баюсь упаду,
На милачькю гляжу—
Баюсь прападу“.
—Дош идя,
Марос рубя.
Идѣ мая каханачькя

Начавать будя?
„Пат бутками,
Пат чаркесками,
С маладыми с казаками,
С сталавѣрскими“.

III.

„Бѣдная“ (или „тирара̀й)“.

Послѣ каждой частушки мужчины припѣваютъ:
„Бѣ́дная, бѣ́дная, бѣ́дная я́,
Го́рькея, неща́сная у́честь и до́ля мая́“;
женщины предпочитаютъ другой припѣвъ:
„Тирара́й, тирара́й, тирара́-ра́-ра́й“.

Частушки этой категоріи поются на мотивъ всероссійской „Бѣдной“.

29. Синея моря,
Бѣлай парахот.
Сяду я, паѣду
На Дальней Васток.

30. Синея моря,
Бѣлай парахот.
Куды ни паѣду —
Фсё чужой нарот.

31. Сяду на машину,
Рукою махну.
Прашшай, мая милка,—
Ѣду на вайну.

32. Сяду я на лодачькю,
Ударю па вадѣ.
Плыветь мая лодачькя
Да самай жанѣ.

33. Сяду я на лодачькю,
Ударю па канцу.
Плыветь мая лодачькя
К матери, к атцу.

34. Зелёная вѣтачькя
По марю плыветь
Харошая дѣвачькя
С горя прападеть.

35. Милая сусѣдушка,
Русая каса,
Галубая леначькя
Нижа пояса.

36. Дайтя мнѣ карету,
Сѣрага каня--
Сяду я, паѣду
Идѣ милая мая.

37. Брошу я карты,
Брошу биліярды,
Брошу ш я
Харошихъ ребят любить.

38. Ох, милай, милай,
На що ш серца вынул?

39. Милашка мая,
Глянь в акошка
Хоть нямношка
Пакажи своё лицо.

40. Кру́титца, верти́тца
Шар галубой
Над маей
Буйнай галавой.

41. Вы капайтя мнѣ магилу
Ва зелёнам маём саду,
Пастафьтя два хряста дубовых

Над магилай надъ маей.
„Тирара́й“... и т. д.
Ох, над магилай над маей.
Кладитя в гроп мене живую
Тада не скажу - каго я люблю
„Тирара́й“...
каго ш я люблю.
Вазрѣвайтя груть маю бальную,
Узнавайтя каго я люблю
„Тирара́й“...
каго ш я люблю.
Рѣштя вы тѣла, пейтя вы крофь
Тада вы узнаитя, што эта за любофь
„Тирара́й“...
Тада вы узнаитя... и т. д.
Раскройтя груть маю бальнуя
Тада вы узнаитя, каго я люблю
Тирара́й“..
Многих я любила, фсѣх пазабыла—
Адного ш я забыть ни магу.
„Тирара́й“...

IV.

„Людада́“.

Припѣвъ:
„Ох, лю́да, людада́, лю́да-ай-ли́да, алида́да“.

Поется на мотивъ „страданій“ (не совсѣмъ, впрочемъ, выдержанный).

42. Мой муш вадавос
Паѣхал на рѣчькю.
Хоть бы Бох дал утопъ,
Паставила п свѣчькю.

43. Мой муш вадавос
Паѣхал на моря.
Хоть бы Бох дал утоп,
Свалилася п горя.
44. Мой муш камагор,
А я камагорка,
На што ш мене брал,
Када я варовка?
45. Миленькей, харошенькей—
Слажа каши малошенькей.
46. И ты тутъ и я тут,
Хто ш у на: дома?
Кирпишная печь,
На пячѣ салома.
47. Синя моря глубако—
Ня видать пяску.
Жыветь милай далеко
Придалась ф таску.
48. Ой, раскажитя ради Бога—
Куды к миламу дарога?
49. Присушила, призвела,
Сбоку себе пасадила,
Разгаворы завяла.
50. Листья маји, берёзаваи.
Люди пьянаји гуляють,
Мы терёзаваи.
51. Я на улицы была.
Пришла с улицы дамой—
Нашы спя и храпя.
Я на юлицу апять.
52. Ой, чорнай тус—
Патерял картус,
А я сѣнцы мяла—

Картус нашла.
53. Ох, мамаша Макавея,
Аддай дочерь паскарѣя.
54. Не гарюйтя, дѣфки, дюжа—
Придя осень, дадуть мужа.
55. Пайду кверху, пайду книзу:
Можа милага увижу.
56. Ох, ребята-чертенята,
За що любють вас дѣвчата?
57. Ох, дѣвчата-галубята,
За що любють вас ребята?
58. У стебёнских грясь и тина,
А ребята как картина.
59. У Стебёнках—грясь и во́лать,
А дѣвчата проста—сволачь.
60. Вышла я за варата́—
Черёмушка пахня,
Палюбила Миколушку—
Па теперь пахня.
61. На мельницы на крупчатки
Патерял Петя перчатки.
62. Я мамка тваја
Спасительница,
А ты дочькя маја
Разорительница.
63. Усѣ пажанилися,
А я не успѣл.
Глянулъ у зеркала—
Ужой пасядѣл.
64 Я стаяла на гарѣ
У плисавай юпки.
Патшол ка мнѣ милай...
Слипалися гупки.

65. Я стаяла на гарѣ
У рябой юпки.
Шшикатур на лицѣ,
Румёнаи гупки.
66. Што ш ты стаишь
У валинькей юпки?
Шшикатур на лицѣ,
Румёнаи гупки.
67. Я стаяла на таку
У зелёнай юпки.
Мене милай цалавал,
Слипалися гупки.
68. Што ш ты стаишь
У сучинай юпки?
Падбитаjи глаза,
Толстаjи гупки.
69. Вот била мене мать
И приказавала,
Штобы с улицы хадила,
Не запаздавала.
70. Ва саду ли, ва гародя
Катилася бочькя.
Менѣ мати приказала:
Гуляй, мая дочькя.
71. Ох, що ш ты стаишь,
Пасвиставаишь,
Картус патерял,
Не разыскаваишь?
72. Ох, що ш ты стаишь,
Улыбаjисси?
Падайди ка мнѣ—
Павидаимси.
73. Стаить дуп на гарѣ,

Распустил каренья.
Шапку на бак вы кабак—
Дома разаренья.
74. Как у вас, так у нас—
Адно палаженья:
Мужики за цапы,
Бабы за гребенья.
75. Хадила на юлицу,
Курагодничѣла.
Патшол ка мнѣ милай—
Я замодничѣла.
76. Ня бряшитя вы, сабаки,
У нас дома кабяли:
Нашу Танечькю забрили,
У салдаты павяли.
77. Ах, милашка, дай бумашки—
Живаписец буду я:
Я срисую тваjи гласки,
Расхарошая мая.
78. Гармонья мая,
Разарватаjи мяхи,
Выйду замуш за манаха,
Атмалю сваjи гряхи.
79. Калечькя мая,
Залатая проба.
Буду милага любить
Да самага гроба.
80. Калечькя мая
Палужоная,
А сердечькя мая
Засушоная.
81. Любила б я милага—
Рубаха зелёная,

А теперь не хачу:
Хата развалёная.

82. Любила я милага—
Рубаха на сборках,
А теперь не хачу:
Хата на патпорках

83. У нашага Куськи
Шаравары уски,
А ты, Кузя, не рабей:
Пади новаји надѣнь.

84. Ах, ты, Хветькя,
Бесталковай:
Купил прянцав
На цалковай.

85. Ах, ты, Хветькя
Безабразнай:
Зачѣм пришол
Такой грязнай?

86. Поставили самавар,
Залатой чайник.
Сидить Ваня при чесах —
Он будя начальник.

87. А що ш не хадить
У новаю баню?
А що ш не любить
Румёнага Ваню?

88. Я на улицы была,
Видѣла Ягорку.
Он так, он сяк,
А я на аборку.

89 Я на улицы была,
Видѣла Васятку.
Он так, он сяк,

А я на десятку.
90. Была я на улицы,
Видѣла Сёмку.
Он так, он сяк,
А я на петёрку.
91. Вот, Коля—Микалай
Коля, маху не давай.
Коля маху пад рубаху,
Пад зелёнай сарахван.

Березово.

92. В Варонижи на вакзали
Сорак дѣвак замирзали.
С чаво ж ани замирзали?
Капиталу ни дыстали.
„Ох, да капиталу мы п раздастали—
Мы п за милиньким паслали".
93. Ох, ды ѣду, ѣду, слѣду нѣту
И пріѣду—милки нѣту.
94. Стражданьица страждануда—
Ево скорчила, сагнула.
95. Рѣзыли, мучили, выпущали крофь,
Ох, ды узнавали вѣрнаю любофь.
96. Када вы уврѣжитя груть маю бальную,
Тада вы узнаитя каво я люблю.
97. Сяду я на лотачькю
Вдарю па вадѣ.
Плыви, мая лотачькя,
Да самай тюрьмѣ.
98. Трафка, мурафка паткошаная.
Хараша дифчёнка заброшаная.
99. Ох, мая милка цвѣтошница,

Ох, да пабирушка кусошница.
100. Ох, мая милка ф срок нанялася
Ох, галовушка с плеч свалилася.
101. Фсѣ маи балота, фсѣ маи луга,
Фсѣ маи таваришши, фсѣ маи друзья.
102. Продал чашки, продал лошки—
Купил милки палсапошки.
103. На што ш ты бажылси,
На што ш ты паклялси
На што давал клятьбу
Любить аднаё?
104. Пусть он мине ни любить,
Пусть он мине ни хочить—
Я плакать ни буду:
Ишшо малада.
105. Зилёная трафка,
Пад нею—вада.
Хараша дифчёнка—
Ишшó малада.

Солдатское на Котлѣ.

I.

„Бѣдная".

Припѣвъ:

„Бѣдная, бѣдная, бѣдная я,
Горькяя, нещасная доля мая".
106. Што ты занёсси,
Растовскай басяк?
Не хочишь жанитца—
Люби мене так.
107 Я не жанилси—

Был казаком.
Теперя жанилси—
Стал дураком.
108. На што мнѣ жанитца,
На што мнѣ жана?
Палбутылки водки
Закуска свая.
109. У нашага барина—
Усякая варева:
Чечевица и гарох,
Сметана и тварох.
100. Пайду плисать—
Доски гнутца.
Сарахван караток—
Ребята смяютца.
111. Вышал на крылечькя,
Глянул на сяло,—
Гуляить мой миленькей
Очень весело́.
112. Дайтя калечькя
На мае сердечькя.
С этага калечькя
Прапала любофь.

II.

„Страданья“.

Припѣвъ:
„Чуда́ра, чуда́ра, гоп-тира́, тирара́“.
113. Мая милка стражданула,
Ее скорчила, сагнула.
114. Я на улицы шла,

Каза мене 'стрѣла.
Як бы ни палачькя—
Ана б мене съѣла.

115. Я па улицы шла
Самавар нашла.
Люби, люби панамарь,
Падарю самавар.

116. У папа ва саду
Стаяли вилки:
Хто пападью пацалуя—
Таму палбутылки.

117. У барина ва саду
Стаяла ребина:
Барин дѣвушку цалуя—
Думая—картина.

118. Сколькя я лѣсу ни рубила.
Крѣпше дуба не нашла.
Сколькя я милых не любила,
Луччи Вани друшка не нашла.

119. Над рѣчькяй, над рякою
Монастырь сабѣ пастроил.
Черес рѣчькю, черес песочик
Падай, милай, галасочик.

120. Дунул вѣтир, сламил вѣтку
На праклятаю сасѣтку.
Вы, сусѣдья. праклятаи—
На што милку прасватали?
Вы прасватали прапили
Пра любофь маю забыли.
Любофь наша не картошка—
Ее не выкинишь за акошка.
А хоть выкинишь—падымишь
Пацалуишь, ды абымишь.

Примѣчанія. №№ 101 и 105 (Березово) поютъ и въ Солдатскомъ № 110 (Солдатское)—въ Истобномъ.

Отриц. **не** произносится въ Истобномъ больш. част. какъ среднее между **не** и **ня**, рѣдко какъ **не** (81), еще рѣже какъ среднее между **не** и **ни** (41), чаще какъ **ня** въ Березовѣ и Солдатскомъ оно выговаривается какъ среднее между **не** и **ни** и часто какъ послѣднее, рѣже какъ **не** (118).

Буква **г** вездѣ=h.

Ш—же (за що ш—за что же).

П—бъ, бы (42, 43).

Грахатать (21)—смѣяться.

Гаман (25)—кожаный четырехугольный мѣшечекъ съ украшеніями изъ металлическихъ пуговицъ и бляхъ для денегъ, носимый „щекунами" (въ восточн. полов. уѣзда) на поясѣ вмѣстѣ съ ножемъ, гребешкомъ и кисетомъ,—спереди.

На прикраси (26)—на красивомъ мѣстѣ, на привольѣ, на травѣ, на солнцѣ.

Сталавѣрскай (28), **сталавѣр**—раскольничій, староверъ.

Л. Лопатинскій. Краткая латинская грамматика. Изданіе десятое. Тифлисъ. 1909. 166 стр.

Передъ нами довольно распространенная въ кавказкихъ гимназіяхъ книжка, составленная окружнымъ инспекторомъ кавказскаго учебнаго округа и выходящая уже десятымъ изданіемъ. Въ трехъ своихъ предисловіяхъ составитель указываетъ особенности своего учебника. Къ этимъ особенностямъ относятся: указаніе на всѣхъ латинскихъ словахъ долготы слоговъ, помѣщеніе примѣровъ впереди правилъ, размѣщеніе синтаксическаго матеріала «по членамъ предложенія», обзоръ склоненій «по основамъ», внесеніе въ учебникъ архаическихъ формъ и разныя перестановки въ распредѣленіи грамматическаго матеріала. Разсмотримъ поочередно эти особенности. Въ книгѣ, дѣйствительно, пестрѣютъ знаки долготы, поставленные на словахъ односложныхъ и двусложныхъ, на послѣднихъ слогахъ, на третьемъ и четвертомъ отъ конца, и т. д. «Конечно, не всѣ преподаватели найдутъ возможность примѣнить обозначеніе долготы въ школьномъ преподаваніи», меланхолически замѣчаетъ составитель. Смѣемъ думать, что ни одинъ учитель не станетъ добиваться, чтобы ученики всегда и вездѣ, въ теченіе всего курса, долгую гласную тянули, а краткую произносили скороговоркой, и не станетъ тратить дорогого времени на такое пустое дѣло, какъ заучиванье всѣхъ этихъ долготъ, ненужныхъ для правильной постановки ударенія. Вѣдь всѣ эти знанія нужны развѣ тому, кто задумаетъ писать латинскіе стихи; а для чтенія стиховъ вовсе не нужно этой предварительной сизифовой работы. Примѣры въ учебникѣ вездѣ стоятъ впереди правилъ, и соста-

витель полагаетъ, что эта перетасовка даетъ возможность примѣнять «генетическій» методъ. Но не говоря уже о томъ, что такую нехитрую перестановку способенъ сдѣлать всякій преподаватель при пользованіи любымъ учебникомъ; эта система, доведенная до крайности, вноситъ въ изложеніе удивительную путанницу. Примѣры, правила и исключенія напечатаны однимъ и тѣмъ же шрифтомъ; правила расчленяются на части; между концомъ и началомъ правила вставляются для каждой его части серіи примѣровъ. На многихъ страницахъ безъ карандаша и помѣтокъ трудно вчитаться въ текстъ: встрѣтивъ полуфразу, трудно найти начало ея.

Послѣ примѣровъ: cupidus gloriae и т. д., находимъ тире и слова: «дополняетъ понятіе прилагательныхъ съ значеніемъ: жадный», и т. д. Ищемъ, что́ же «дополняетъ». Впереди находимъ рядъ фразъ, правилъ, примѣчаній и только черезъ страницу отыскиваемъ впереди начало фразы («дополненіе въ род. падежѣ»), если только можно начало фразы отдѣлять отъ конца точкою, многими новыми фразами, новыми правилами и примѣчаніями. Синтаксическій матеріалъ размѣщенъ въ учебникѣ «по членамъ предложенія», т. е здѣсь постепенно исчисляется, чѣмъ выражается дополненіе, опредѣленіе и т. д. Но эта система, пригодная для того, чтобы научиться переводить съ русскаго языка на латинскій, совершенно не соотвѣтствуетъ тому логическому процессу, который совершается при переводѣ съ латинскаго. Для этой послѣдней цѣли, когда исходной точкой размышленія и грамматическаго анализа служитъ форма латинскаго слова, ученику придется умственно передѣлать всю систему на новый ладъ, на ту систему, которую мы находимъ во всѣхъ остальныхъ учебникахъ латинской грамматики. Сомнительна также

польза отъ введенія въ учебникъ «нѣкоторыхъ положеній научной грамматики». Подъ этими «положеніями» составитель разумѣетъ различныя архаическія формы склоненій и ученіе объ основахъ склоненій. Въ отдѣльныхъ параграфахъ указывается, что род. ед. ч. въ первомъ склоненіи «первоначально» оканчивался на ais, твор. на d, им. мн. на i и т. д.; на страницахъ краткаго учебника фигурируютъ формы: praedad, terrans, terrai и т. д. Но что значитъ это «первоначально»? гдѣ и когда все это было? Вся подобная ученость не имѣетъ, конечно, никакого ни значенія, ни оправданія при преподаваніи. Нельзя думать, что она «объясняетъ» происхожденіе формъ; какое же скрывается объясненіе въ этой необъяснимой замѣнѣ одного звука другимъ? Благодаря «ученію объ основахъ», изученіе парадигмъ склоненій превратилось въ такую головоломную и хитрую работу, что ученику положительно невозможно разобраться въ этихъ опущеніяхъ, вставкахъ, замѣнахъ, сокращеніяхъ и т. д. Доселѣ ученикъ заучивалъ: pulvis, pulveris пыль, opus operis дѣло, lac, lactis молоко, obses заложникъ и т. д. Теперь онъ долженъ заучивать: pulves—pulvis, opes—opus, lact—lac, obsid—obses и т. д., и потомъ знать правило, какъ изъ pulves, opes и т. д. получаются подлинныя латинскія слова. Чтобы справиться съ pulves, онъ долженъ знать, что «въ основахъ, оканчивающихся на проторный звукъ s, послѣдній переходитъ между двумя гласными въ r; предшествующій этому звуку гл. e переходитъ въ им. ед. ч. въ i (въ именахъ мужскаго р.), а гл. e и o въ u (въ именахъ средняго р.). Чтобы справиться съ virgon, онъ долженъ знать, что «основы на носовой n отбрасываютъ примѣту и многія изъ нихъ» (но какія?) «ослабляютъ въ косвенныхъ падежахъ гласный o въ i».

Относительно слова «liber книга» ученикъ узнаетъ, что 1) это «склоненіе на о» (т. е. libro?), 2) что это слово имѣло окончаніе us (было librus), 3) что тутъ «вставляется е послѣ отпаденія окончанія им. и зв. п.»; и наконецъ онъ самъ увидитъ, что 4) это слово оканчивается на er и что 5) въ парадигмѣ стоитъ основа libr. Пусть онъ попробуетъ разобраться въ этихъ хитросплетеніяхъ и рѣшить, какже «первоначально» называлась по—латыни книга: libro, librus, librous, liberous или по-просту liber. Къ довершенію затрудненій, падежи въ парадигмѣ составитель размѣщаетъ «по ихъ роли (?) въ составѣ предложенія: сначала вин., затѣмъ дат. и только послѣ нихъ род. падежъ». Такимъ образомъ ученику пришлось бы заучивать, что «дѣло» по—латыни будетъ: opes—opus—opus—operi, что «молоко» по-латыни: lact—lac—lac—lacti. Кромѣ того, для учениковъ, изучающихъ латынь по грамматикѣ Лопатинскаго, пришлось бы передѣлать всѣ латинскіе словари и всѣ комментаріи къ классикамъ, потому что въ нихъ рядомъ съ словомъ ошибочно ставится вездѣ не тотъ падежъ, который нуженъ для уразумѣнія склоненій. Къ счастью, самъ составитель, приведши парадигмы, тотчасъ же забываетъ свою систему и съ покойной совѣстью вездѣ при словѣ прибавляетъ не вин.., а род. п.

Въ изложеніи правилъ мы напрасно искали бы ясности и точности. Составитель на каждомъ шагу допускаетъ неправильный, нетерпимый въ учебникѣ школьный жаргонъ («дополненіе лица ставится», «дополненіе вещи можетъ стоять», «при лицахъ ставится», «при refert—лицо выражается: mea», «вин. лица, испытывающаго чувство», «прилагательное согласуется съ предметомъ», и т. д.; составитель на всемъ протяженіи учебника предметовъ въ своемъ стилѣ не отличаетъ отъ

именъ предметовъ). Вмѣсто точныхъ критеріевъ, которые могли бы руководить ученикомъ, берутся неопредѣленныя выраженія, безполезныя для ученика (ceteri и пр. «не имѣютъ нѣсколькихъ падежей», но какихъ? «немногія сущ. на l—мужескаго р.»; но какія? только ли sol и sal или и другія? «вин. п. средняго р. также употребляется какъ нарѣчіе», но гдѣ и когда? ium имѣютъ «cohors—cohortium, cliens—clientium—многосложныя на rs и ns», но сколько же такихъ словъ, два только или много? и т. д.). Правила очень часто такъ излагаются, что изъ нихъ нельзя извлечь правильной русской фразы («inopi отъ inops бѣдный, memori—«имѣютъ въ твор. ед. ч. i», но кто же имѣетъ? «arbor frugifera плодородное дерево—женскаго рода», но что же здѣсь женскаго рода? «a sapiente мудрецомъ (отъ мудреца), florente rosa когда роза цвѣтетъ (творительный самостоятельный), но in florente rosa въ цвѣтущей розѣ,—какъ существительныя и причастія они имѣютъ въ твор. ед. ч. е.»,—послѣ большихъ усилій мы догадываемся, что въ этой непонятной тирадѣ вмѣсто тире нужно вставить слова изъ предыдущаго правила, которое гласитъ: «причастія на ans и ens идутъ, какъ прилагательныя, по гласному (—i) склоненію»; вставляемъ, и все-таки ничего не получается; «при порядковыхъ также употребляется unus до 100»,—совершенно непонятно, и т. д.). Чтобы судить о ясности и точности изложенія, просмотримъ для примѣра одну главу изъ этимологіи, трактующую о мѣстоимѣніи. Возвратное мѣстоимѣніе ставится, когда дѣйствіе обращается (возвращается) на подлежащее», но что же означаетъ самое мѣстоимѣніе и какъ дѣйствіе можетъ возвращаться? «Nostrum, vestrum употребляют-

ся въ смыслѣ раздѣлительномъ», но что значитъ «раздѣлительный смыслъ» для ученика, изучающаго пока лишь парадигму? «Frater me amat мой братъ меня любитъ. Притяжательныя мѣстоимѣнія ставятся только въ случаѣ особенной выразительности или при противоположеніяхъ», но почему же въ латинской фразѣ нѣтъ выразительности, а въ русской она есть? для чего прибавлено «мой»? въ чемъ разница между однимъ языкомъ и другимъ? Ipse ставится, «когда хотимъ одинъ предметъ выдвинуть въ противоположность другому,—отличить отъ другихъ предметовъ»; но нельзя ли тоже сказать и о многихъ другихъ мѣстоимѣніяхъ и даже о всѣхъ именахъ, которыя для того только и существуютъ, чтобы одинъ предметъ отличить отъ другихъ? Соотносительныя мѣстоимѣнія»—такія-то; «сюда принадлежатъ также и слѣд. прилагательныя мѣстоимѣнія: unus, и т. д., но куда же «сюда»? Мы взяли самую простую главу; можно послѣ этого судить о трудныхъ мѣстахъ синтаксиса. Nom. c. inf. объясняется такъ: «Сказуемое, выраженное страд. формами глаголовъ въ значеніи говорить и думать и глаголомъ videri казаться, согласуется съ подлежащимъ въ лицѣ и числѣ, при чемъ въ его составъ входитъ и неопредѣленное наклоненіе. Такъ какъ неопредѣленное накл. представляется стоящимъ въ имен. падежѣ, то и имя сказуемаго стоитъ въ имен. падежѣ (трехсоставное сказуемое). Romani fortissimi fuisse etc.,—выходитъ, что fuisse стоитъ въ имен. п., а fortissimi согласовано съ fuisse въ падежѣ; но почему же оно стоитъ, кромѣ того, въ мн. ч. и въ муж. р.? что дѣлать съ такими неопр., которыя сами должны быть съ чѣмъ-то согласованы? какую роль играетъ тутъ неопредѣленное? всегда ли въ этомъ оборотѣ оказывается

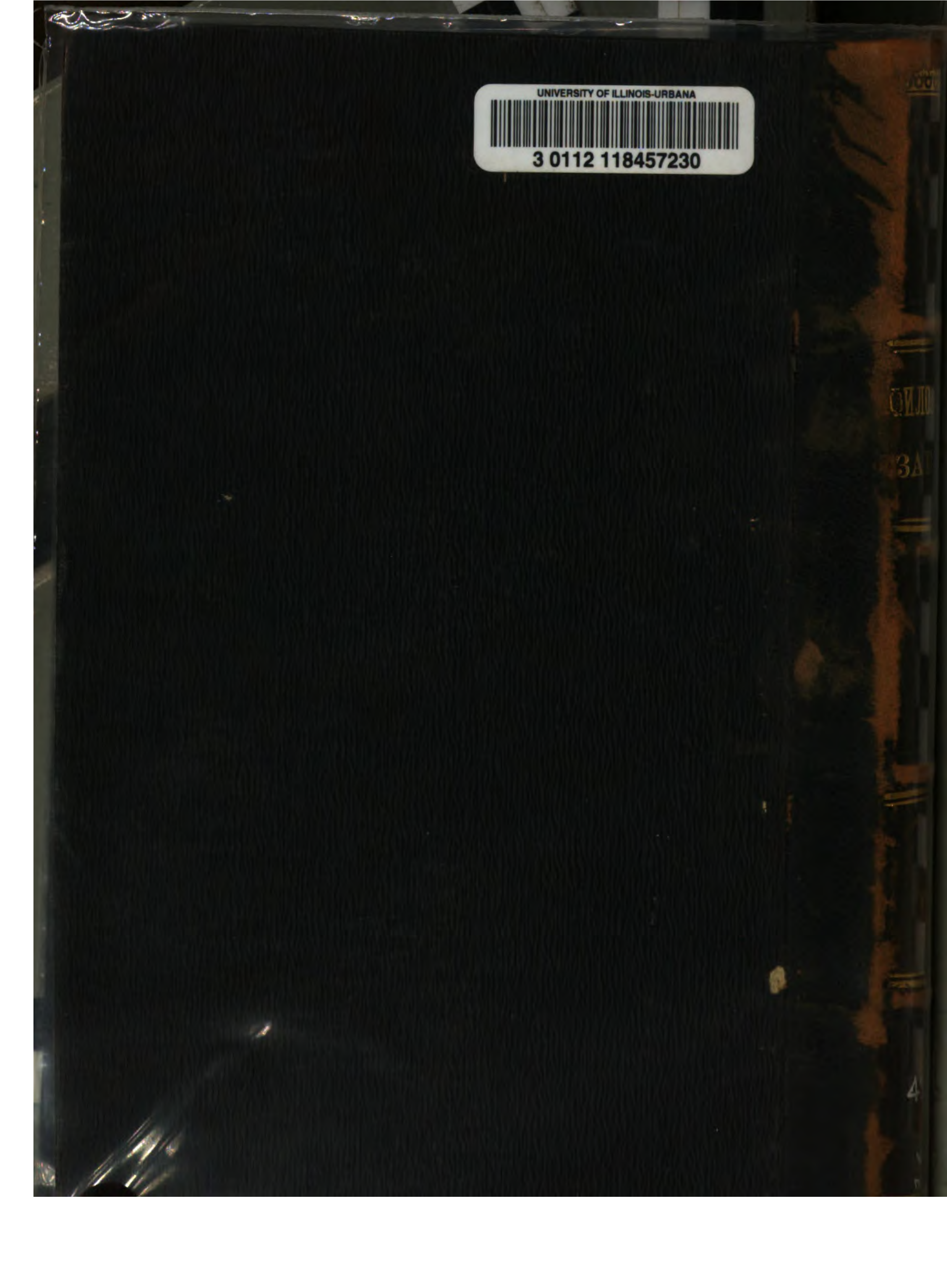
трехсоставное сказуемое? и т. д. Любознательный ученикъ предложитъ, быть-можетъ, и еще десятка два такихъ вопросовъ; но и послѣ длиннаго комментарія къ этому правилу, оно все-таки останется непонятнымъ. «Къ латинскимъ глаголамъ присоединяется (?) вин. мѣстоименія для выраженія внутренняго содержанія (?) дѣйствія, выраженнаго глаголомъ. Если глаголъ (?) имѣетъ при себѣ прямое дополненіе въ вин, п. (вин. лица), то рядомъ (?) можетъ стоять и вин. внутренняго содержанія (вещи) Эти (?) глаголы слѣдующіе: oro, rogo aliquem (обыкн. одинъ (?) изъ двухъ вин.), ut... прошу кого сдѣлать что-нибудь, posco, flagito (обыкн aliquid ab aliquo) требую чего отъ кого». Ученику предоставляется уразумѣть смыслъ этой абракадабры и отыскать тутъ вин. внутренняго содержанія и вин. лица. Ученіе о герундивѣ начинается такъ: «Consilium scribendi epistolam, но лучше сказать: consilium scribendae epistulae, собств. по русски: намѣреніе долженствующаго быть написаннымъ письма»... Во-истину, порусски; дѣйствительно, это куда лучше... И все это перепечатывается уже въ десятый разъ!

Пав. Первовъ.

1-21.—
CoLibri
COVER SYSTEM
Made in Italy
05-14 STD

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 118457230